ПАНТЕОНЪ

№ 8. — Августъ.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМОЙ КНИЖКИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А.) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

БУРЯ ВЪ СТАКАНѢ ВОДЫ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ.*

В.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛѢСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ. Романъ *Габріэля Ферри.* Часть вторая.

II. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

1. **ГОФМАНЪ И ЕГО ЖИЗНЬ.**

2. **О БАЛЕТНОМЪ ИСКУССТВѢ ВЪ РОССІИ.** (Продолженіе воспоминаній о Дидло.) Статья *А. П. Глушковскаго.*

III. МЕМУАРЫ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ БЕЗЪ ВЫМЫСЛА. Автобіографическій очеркъ Г. Х. Андерсена. *А. Грежа.*

IV. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція (*Письмо изъ Парижа.*)

Французскій Театръ. — **Капризы Маріанны**, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Альфреда де Мюссе.* — **Плывущія палки**, комедія г. *Ліадьера.* — Возобновленіе старинной пьесы **«L'Avocat Patelin»**. — Театръ Комической Оперы. — **Au fidèle berger**, опера, либретто гг. *Скриба* и *Сенъ-Жоржа*, музыка *Адольфа Адана.* — Дебютанты и дебютантки. — Испанскіе танцоры

Большой Оперы. — Новости Театра Драматической Гимназіи. — **Судьба!** Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. *Баяра* и *Бьевиля* — **Дама о трехъ цвѣтахъ**, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. *Шарля Денойе*. — **Жена обманывающая мужа**, комедія, соч. гг. *Моро* и *Делакура*. — Театръ Разнообразія. — **Три возраста Разнообразія**, продогъ, соч. *Гастона де Монто*. — **Примрозская мыза**, водевиль гг. *Кормона* и *Дютертра*. — **Съ мебелью и безъ мебели**, водевиль гг. *Дюпети* и *Гранже*, — **За занавѣсомъ**, водевиль гг. *Леонса* и *Эжена Ню*. — Театръ Монтансье. — **English exhibition**, водевиль гг. *Курселя*, *Барьера и Гранже* — **Два Корнюше**, водевиль гг. *Поль-де-Кока* и *Бойе*. — **Дуэль на поцѣлуѣ**, водевиль гг. *Клервиля* и *Кордье*. — **Искатель безкорыстной любви**, водевиль гг. *Сиродена* и *Премаре*. — Театръ Сентъ-Мартенскихъ Воротъ. — **Дача продается**, водевиль гг. *Сове* и *Вестива*. — Театръ **Folies Dramatiques**. — **Продажа дачи для сбыта невѣсты**, водевиль гг. *Нуазеля* и *Рошфора*. — **Клари**, драма-водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г. *Сентъ-Илера*. — **Блондетта**, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. *Маркъ-Лепрово* и *Шарля Делорма* — Театръ **Délassemens Comiques** — **Разнощикъ**, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. *Ваннуа*, *Вара* и *Жалле*. — **Старикъ Жозефъ**, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. *Марешаля* и *Гомбо* — **Пробужденіе Орфея**, фарсъ гг. *Лери* и *Куальяка* — Театръ Амбигю. — **Чудовище и колдунъ**, драма гг. *Мерля* и *Бе-* — **Мстители**, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г. *Плувье*.

Статья Апполинарія Бонавентуры.

V. СМѢСЬ.

1. **Отрывки изъ записокъ композитора Гретри.**
2. **Леди Эстеръ Стенгопъ.** Статья *Филарета Шаля*.
3. **Товарищъ Калифорнскихъ переселенцевъ.** (Промываніе золота. — Отдѣленіе и проба его. — Погонныя мѣры. — Образъ путешествія. — Климатъ. — Нѣкоторыя свѣдѣнія о Центральной Америкѣ.) *А. Алымова*.
4. **Торжество генія.**
5. **Новое художественное произведеніе Сазикова.**

VI. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изрѣченія, острыя слова, шутки и проч.

VII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ДАЙТЕ МНѢ СТАРУХУ!! — Фарсъ-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *В. И. Савинова*.

ПАНТЕОНЪ

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

ТОМЪ IV.

АВГУСТЪ — КНИЖКА ОСЬМАЯ.

1851.

ОП
/0764
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
БИБЛИОТЕКА СССР
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30 августа 1851 года.

Цензоръ: *Н. Пейкеръ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. К. КРАЙЯ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

БУРЯ ВЪ СТАКАНѢ ВОДЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. Ѳедоровымъ.

—

Представлена въ первый разъ Императорскими придворными актерами, въ С. Петербургѣ, іюля 27-го 1851, въ пользу г-жи Сандуновой.

—

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ гостинницѣ Серапина.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
Иванъ Петровичъ Дубко.	*Г. Максимовъ.*
Софія Николаевна, его жена.	*Г-жа Орлова.*
Лакей.	*Г. Волковъ 2.*

—

(Небольшая, чисто меблированная комната. На-лѣво, окно; на-право, каминъ; въ глубинѣ, въ срединѣ дверь. На-лѣво, впереди сцены, столъ, покрытый скатертью; на немъ въ кучкѣ ножи, вилки и ложки, лоточекъ съ хлѣбомъ, нѣсколько тарелокъ, двѣ бутылки вина, графинъ съ водкой, графинъ съ водою; нѣсколько стакановъ и рюмокъ; посреди стола нѣсколько блюдъ: съ окорокомъ, дичью, паштетомъ, сыромъ, икрою, раками и проч. На стулѣ, съ правой стороны стола, дорожный несессеръ. У окна, на полу запертый сундукъ; возлѣ, на стулѣ, шляпка и шаль Софіи; немного подалѣе, дамскій шляпный картонъ. На-лѣво, у дверей, сонетка, а немного впереди, на стулѣ, чемоданъ съ вещами Софіи. Съ правой стороны, на столѣ, почти противъ этого чемодана, другой чемоданъ Ивана Петровича; въ глубинѣ, у стѣны, маленькій чемоданъ, въ видѣ сундука. На каминѣ, въ безпорядкѣ, бумаги и книги; а близъ его, на полу, мужской шляпный футляръ и въ углу зонтикъ. На-право, у стѣны, большой картонъ съ *перчатками*, *манижками*, и пр.; ближе къ дверямъ, небольшой столикъ, на которомъ разбросаны *двѣ вуали*, *бурнусъ*, *мантилья*, кусочекъ начатаго вышиванья и большая книга; возлѣ, на стулѣ, восемь небольшихъ книжекъ и на нихъ три пары дамскихъ башмаковъ. Вездѣ видѣнъ безпорядокъ, обличающій сборы въ дорогу.)

I.

СОФІЯ (у полу-растворенной двери, говоритъ за кулисы).

Будьте покойны, дядюшка.... если мы получимъ письмо на ваше имя, такъ отправимъ его къ вамъ съ человѣкомъ.... Антонъ, послушай... сказалъ-ли ты на почтовомъ дворѣ, чтобъ лошади были ровно въ двѣнадцать часовъ? .. Сказалъ! ну, и прекрасно! Мы поѣдемъ послѣ завтрака.... Прощайте же, дядюшка!... Смотрите, не замѣшкайтесь.... Какъ только получите ваше интересное письмо, тотчасъ-же садитесь въ коляску и летите къ намъ въ Гельсингфорсъ!... Прощайте, прощайте, добрый, милый дядюшка!... (*Идетъ на авансъ-сцену.*) Рѣдкая душа! Какъ жаль, что онъ не можетъ ѣхать съ нами.... а все это письмо.... вотъ ужъ три мѣсяца, какъ мы пріѣхали изъ Москвы въ Петербургъ и онъ все ждетъ какого-то важнаго для себя извѣстія, безъ котораго никакъ не рѣшается уѣхать отсюда.... Я не спрашивала, отчего такъ интересуетъ его это извѣстіе, но увѣрена вполнѣ, что тутъ все дѣло въ деньгахъ.... Онѣ теперь и ему и намъ очень нужны.... Ахъ! эти деньги, деньги!... особенно, какъ заѣдешь въ чужую сторону, такъ и не видишь, какъ онѣ исчезаютъ!... Однако-жъ, я еще не совсѣмъ уложилась, а время приближается къ отъѣзду.... Какъ на смѣхъ, и Василью нашему и Агаѳьѣ пришла необходимость идти,

въ послѣдній день отъѣзда, на рынокъ.... вотъ и жди ихъ теперь.... (*Идя на-право.*) Куда я положу мои башмаки?... Сундукъ мой наполненъ до верху.... да если туда положишь, такъ пожалуй они изотрутъ мои шелковыя платья.... Ахъ, вотъ сюда.... въ чемоданъ Жана.... Пусть покоятся съ его галстуками и жилетами.... они же тутъ и не изомнутся... (*Идя на право.*) А мой несессеръ?... Боже мой! сколько хлопотъ съ этими переѣздами.... Ну, куда мы положимъ въ колескѣ всѣ эти ящички да картонки?... Того и глядп, растеряются.... а между-тѣмъ, все необходимыя вещи.... Особенно, мой несессеръ.... Онъ таки довольно тяжеленекъ.... Развѣ положить его тоже въ чемоданъ къ Жану?... Тамъ еще есть мѣстечко.... Ну, хоть онъ и поизомнетъ немножко его жилеты.... да не бѣда.... они не то, что наши уборы.... портной разгладитъ.... да и Жанъ, вѣрно, не разсердится.... Онъ такой добрый!... вотъ ужъ пятый годъ, какъ я за нимъ замужемъ и еще ни разу мы съ нимъ не побранились.... (*Подходя на-право, къ столику.*) Боже мой! вотъ еще тутъ вуали, мантильи и книги.... (*Смотря въ чемоданъ Ивана Петровича, куда она только что положила несессеръ.*) А! есть еще маленькое мѣстечко между жилетами и бѣльемъ.... Прекрасно! (*Укладываетъ все туда.*) Наконецъ, кажется, все уложено!... Уфъ! какъ я устала!... (*Запираетъ чемоданъ и подходя къ столу, смотритъ на блюда.*) Не забылали я чего-нибудь приготовить для него къ завтраку? Тутъ, кажется, все, что онъ любитъ.... провѣсная ветчина, жареные рябчики, раки.... стразбургскій паштетъ.... ему надо сегодня хорошенько позавтракать... вѣдь еще Богъ знаетъ, придется-ли намъ гдѣ-нибудь покушать до Гельсингфорса!... (*Подходя къ аванъ-сценѣ.*) Ахъ, Гельсингфорсъ! Гельсингфорсъ!... въ тебѣ всѣ наши надежды!... Если мнѣ помогутъ твои воды, какая будетъ радость для Жана и дядюшки!... Вотъ пріѣхали сюда.... созвали цѣлый факультетъ докторовъ.... Судили, судили.... перебрали всю медицину и рѣшили тѣмъ, что надо ѣхать за границу на воды.... Признаюсь, одна мысль ѣхать за границу, подкрѣпляла уже мои силы.... но, къ несчастью, тутъ явился самый прозаическій вопросъ: а гдѣ средства? гдѣ деньги?... Надо занимать и разстроить на нѣсколько лѣтъ дѣла!... Думали, думали и рѣшились прежде испытать Гельсингфоргскія воды.... дядюшка въ нихъ очень вѣритъ и утверждаетъ, что чрезъ два, три мѣсяца послѣ моего леченья....

—

II.

СОФІЯ, ДУБКО. (Дубко входитъ при послѣднихъ словахъ Софіи; въ одной рукѣ у него два ящика сигаръ и подъ-мышкою нѣсколько связанныхъ картузовъ табаку; въ другой коротенькій гнутый чубукъ съ трубкою, а подъ-мышкою ящикъ съ бритвеннымъ приборомъ.)

Дубко (*остановясь у дверей и впадая въ рѣчь Софіи*). Ты оправдаешь вполнѣ наши надежды....

Софія. Ахъ, Жанъ, это ты!...

Дубко (*цѣлуя ее*). Собственной своей персоной!...

Софія. Боже мой! какая у тебя ноша....

Дубко. Все вещи необходимыя!... (*Идетъ на-право и кладетъ на маленькій столикъ все, что было у него въ рукахъ.*) Во-первыхъ табакъ и сигары, безъ которыхъ мнѣ трудно обойтись....

Софія (*немножко нахмурясь*). И дорожная трубка....

Дубко. Ты боишься, что я тебя закурю дорогой?...

Софія. Конечно—въ эти пять лѣтъ я обкурилась порядочно по твоей милости и даже пріучилась сама курить папиросы.... но, воля твоя, не люблю, когда ты куришь трубку.... у тебя какой-то препепріятный табакъ....

Дубко. Помилуй, самый высокій кнастеръ!

Софія. Ну, такъ не трать его до пріѣзда въ Гельсингфорсъ.... Тамъ эту рѣдкость оцѣнитъ какой-нибудь нѣмецъ.... а дорогой, кури лучше сигары....

Дубко. Ну, будь по твоему.... Для тебя готовъ я на всякое пожертвованіе.... А вотъ еще обновка.... Посмотри, ящикъ съ бритвеннымъ приборомъ.... вещь тоже необходимая!... Ну, а ты здѣсь безъ меня что дѣлала?...

Софія. Что дѣлала?... укладывалась.... мечтала..... все на умѣ одно и тоже.... Худо что-то вѣрится, мой дружокъ, чтобъ принесли мнѣ пользу эти воды.... Кажется, лучше было бы, еслибъ мы провели лѣто въ нашей подмосковной....

Дубко. По крайней-мѣрѣ, мы исполнимъ желаніе дядюшки.... Онъ вышелъ изъ терпѣнія, ожидая внучка....

Софія. Что дѣлать.... такъ, видно, судьбѣ угодно....

Дубко. А онъ вотъ толкуетъ: надо лечиться!... надо ѣхать на воды!... Ну, вотъ и пляши по его дудкѣ.... Хорошо еще, что тутъ страдаетъ не нашъ, а его кошелекъ....

Софія. Какъ и во всѣхъ нашихъ прихотяхъ....

Дубко. Правда твоя, мой дружочекъ.... такіе дяди нынче въ рѣдкость.... Да гдѣ-же онъ кстати?...

Софія. Какія то опять дѣла въ Палатѣ...

Дубко. За всѣхъ хлопочетъ.... одни наши деревенскіе сосѣди сколько надавали порученій!.. и онъ хоть-бы слово.... еще очень доволенъ, что навязали ему такую груду дѣлъ!...

Софія. Однако-жъ, сядемъ завтракать... того и гляди, приведутъ лошадей.... (*Садится къ столу и завтракаетъ.*)

Дубко. Сію-минуту.... (*Взявъ ящики съ сигарами и табакъ, подходитъ къ своему чемодану, но увидя, что онъ полонъ, идетъ къ чемодану Софіи.*) Надо прежде уложить покупки....

Софія (*вскакивая въ испугѣ и подбѣгая къ Дубко*). Жанъ! что ты дѣлаешь?

Дубко. Развѣ ты не слышишь: хочу уложить табакъ и сигары....

Софія. На мои платья?... Чтобъ онѣ измялись и пахли табакомъ....

Дубко. Да вѣдь ты положила-же свои башмаки на мои галстуки и жилеты.... (*При послѣднихъ словахъ, онъ идетъ взять ящикъ съ бритвеннымъ приборомъ и чубукъ.*) А ужъ какъ хочешь, запахъ отъ моихъ сигаръ все-таки пріятнѣе, чѣмъ отъ твоихъ башмаковъ.... вѣдь это настоящія регаліи!

Софія (*исправляя безпорядокъ, сдѣланный въ чемоданѣ мужемъ*). Боже мой! какъ ты все тутъ изрылъ!... (*Въ это время Дубко, взявъ со столика ящикъ и трубку, кладетъ ихъ также въ ея чемоданъ.*) А! что ты еще дѣлаешь?

Дубко. Кладу бритвенный ящикъ и трубку....

Софія. Ты испортишь всѣ мои платья.... да перестань же ихъ мять....

Дубко. Не безпокойся.... я очищу себѣ маленькое мѣстечко....

Софія. Помилуй, да гдѣ-же тутъ уложить такой ящикъ?...

Дубко. Да вѣдь ты втиснула же свой несессеръ въ мой чемоданъ?... Ну, полно-же, не сердись, моя душка.... всѣ эти вещи, право, не сдѣлаютъ никакого вреда твоимъ нарядамъ.... (*Софія отходитъ на-лѣво.*) Ну, вотъ, и все въ порядкѣ.... Знаешь-ли, о чемъ я думалъ сейчасъ, когда ѣхалъ домой.... еслибъ только согласился дядюшка, право, хорошо бы было намъ переѣхать на житье въ Петербургъ.... Чудный городъ!...

Софія. Хорошъ, но все не Москва!... Не знаю, принесло-ли бы мнѣ это удовольствіе....

Дубко. Неужели ты такая закоренѣлая москвитянка?

Софія. Я скажу тебѣ одно: я родилась въ Москвѣ, ты въ Петербургѣ, всякому дорогъ воздухъ родины.... но я готова всюду за тобой!...

Дубко. Я пошутилъ!... Я такъ тебя люблю, моя Софія, что готовъ на все, чего ты не пожелаешь.... И сердце и разсудокъ мой вполнѣ подчинены твоей волѣ, потому что ты у меня и душка и умница.... (*Цѣлуетъ ее.*)

Софія. И будто ты все такъ-же меня любишь, какъ любилъ до брака?...

Дубко. Тогда я былъ влюбленъ въ тебя безъ ума и ревновалъ къ толпѣ соперниковъ.... но съ тѣхъ поръ, какъ я отбилъ тебя у нихъ, пылкая страсть превратилась въ нѣжную, разсудительную любовь, которая нетолько не ослабѣваетъ, но усиливается съ каждымъ днемъ....

Лакей (*входя*). Къ вамъ, сударь, письмо....

Дубко. Отъ кого?

Лакей. Почтальонъ принесъ съ почты....

Дубко. Дай сюда.... (*Лакей отдаетъ письмо и уходитъ.*)

Софія. Откуда это?

Дубко (*разсматривая адресъ*). Странный адресъ!... Ни имени, ни отчества.... просто, одна фамилія Дубко съ буквою Г.... даже не поймешь господину или госпожѣ Дубко....

Софія. Постой.... покажи штемпель.... (*Смотря на штемпель.*) Москва.... Это письмо изъ Москвы....

Дубко. Странно.... Кто-бы это могъ мнѣ писать изъ Москвы, не зная моего имени и отчества.... и почеркъ, вовсе незнакомый....

Софія (*взявъ у него письмо*). Дай.... это письмо ко мнѣ.... (*Подходитъ къ столу, на-лѣво.*)

Дубко (*идя за ней*). Почему ты такъ думаешь?

Софія. Ты знаешь, что тамъ у меня много пансіонныхъ подругъ, которыя обѣщали вести со мной переписку.... а кому-жъ и сдѣлать такой странный адресъ, если не женщинѣ?... да взгляни, и рука женская.... стало быть, письмо ко мнѣ.... (*Кладетъ письмо въ карманъ платья.*)

Дубко. Такъ прочти, по-крайней-мѣрѣ....

Софія (*устанавливая приборы*). Успѣю и послѣ завтрака.... Я увѣрена, что нѣтъ ничего интереснаго.... Мы женщины, обыкновенно повѣряемъ въ письмахъ другъ другу секреты, которые въ дѣйствительности вовсе не составляютъ никакой тайны.... по этому, я люблю всегда прежде помечтать надъ запечатаннымъ письмомъ и потомъ увѣриться, точно-ли то написано въ немъ, что я думала.... Меня всегда очень тѣшитъ, если выходитъ по

моему.... Сядемъ-же завтракать.... ужъ пора!... (*садится за столъ.*)

Дубко (*подходя къ ней*). Да, пора, въ самомъ дѣлѣ!... Признаюсь тебѣ.... я смѣюсь надъ идеями дядюшки, а меня и самого занимаютъ тѣже мысли.... иногда я думаю.... вотъ уже мы возвратились изъ Гельсингфорса.... вотъ ужъ у насъ и крошка сынъ, который двѣ капли воды похожъ на тебя....

Софія. Нѣтъ, нѣтъ.... я хочу, чтобъ онъ похожъ былъ на тебя....

Дубко. Извините.... ужъ гораздо лучше, если у него будутъ твои черные глаза....

Софія. Нѣтъ, пускай лучше будутъ у него твои голубые....

Дубко. Ну, такъ, одинъ глазъ голубой....

Софія. Полно! садись за столъ!

Дубко. Сажусь!.... у меня же сегодня удивительный аппетитъ!... (*Смотря на блюда.*) Какія все соблазнительныя блюда!...

Софія. Очень рада!... Это я сама заботилась обо всемъ, чтобъ тебѣ угодить....

Дубко. Узнаю вполнѣ твое снисхожденіе къ моимъ слабостямъ.... (*Кладя руку на плечо Софіи.*) Послушай, Софи.... ужъ, не потому-ли ты не хочешь читать письма, что я здѣсь.... чуть ли я не мѣшаю тебѣ?...

Софія. Боже мой! развѣ у меня были отъ тебя какія-нибудь тайны?...

Дубко. Если не были, такъ могутъ быть....

Софія. Жанъ! я не вѣрю, чтобъ ты говорилъ это серьезно!

Дубко (*садясь за столъ*). Не думай однакожъ, чтобъ я былъ любопытенъ.... Мнѣ только удивительно, какъ ты скоро замѣтила, откуда получено это письмо!.... Чудесные раки.... возьми мой дружокъ.... (*кладетъ нѣсколько раковъ на тарелку Софіи.*)

Софія. Ты самъ могъ видѣть по штемпелю, что оно изъ Москвы....

Дубко. Но ты прежде меня догадалась.... и указала на этотъ штемпель.... или ужъ мои глаза не такъ хорошо видятъ, какъ твои.... ты даже тотчасъ узнала, что письмо это писано къ тебѣ пансіонной подругой....

Софія. Мнѣ кажется, очень не трудно узнать почеркъ подруги....

Дубко. Можетъ быть.... только вѣдь этихъ подругъ бываетъ обыкновенно въ пансіонѣ тридцать, сорокъ, и даже больше.... какую надобно имѣть необыкновенную память, чтобъ различить

почерки всѣхъ этихъ друзей.... и сказать рѣшительно, что письмо получено отъ той или другой....

Софія (*наливая ему вина*). Жанъ!... мнѣ, право, смѣшно... ты какъ-будто начинаешь говорить серьезно....

Дубко (*взявъ изъ ея рукъ бутылку и поставя на столъ*). Не серьезно, а разсудительно.... По моему мнѣнію, женщина не должна имѣть другихъ друзей, кромѣ мужа.... потому-что довѣренность между супругами составляетъ истинное счастіе на землѣ.... я говорю это, впрочемъ, не для того, чтобъ заставить тебя теперь-же прочесть письмо.... читай его, пожалуй, послѣ завтрака, какъ ты хотѣла.... мнѣ все равно....

Софія (*немного обидясь*). Такъ вы думаете, что это письмо заключаетъ въ себѣ какую-нибудь тайну?

Дубко (*съ досадой*). Вы!... Гмъ!... но почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?

Софія. Потому что вы сомнѣваетесь во мнѣ.... и какъ будто считаете меня способною на какія-то тайныя сношенія даже съ тѣми людьми, которые, быть можетъ, не имѣютъ вовсе права на мою дружбу....

Дубко. Нельзя отвѣчать за себя!... Бываютъ такіе случаи въ жизни, что человѣкъ, съ первой-же встрѣчи, пріобрѣтаетъ права на нашу довѣренность и молчаніе....

Софія (*отходя отъ него*). Я не знаю никого, кто бы могъ имѣть надо мною такія права....

Дубко (*играя вилкой*). Я говорю не о васъ, Софи.... по видимому, однакожъ, васъ легко можетъ оскорбить случайно сказанное слово....

Софія. Есть люди, которые такимъ случайнымъ словомъ даютъ вамъ какъ-будто намеки....

Дубко. Такъ вы думаете, что я сказалъ съ намѣреньемъ?...

Софія (*садясь за столъ*). Да.... думаю.... и, кажется, не ошибаюсь....

Дубко. Если такъ.... я вамъ скажу, что мнѣ пришло въ голову.... только боюсь назвать одну особу....

Софія (*съ удивленіемъ*). Боитесь назвать?

Дубко (*вставъ и подойдя къ Софіи*). Тебя это удивляетъ.... но во всякомъ случаѣ, ты сдѣлала-бы гораздо лучше, еслибъ вывела сама меня изъ заблужденія....

Софія. Вамъ хочется увѣрить меня, что это письмо прислано ко мнѣ мужчиной?

Дубко. Очень хочется?... этого я не скажу.... (*Помолчавъ ми-*

нуту.) Но будемъ лучше завтракать.... вѣдь ужъ ты рѣшила, что это письмо мы прочтемъ послѣ завтрака....

Софія. Будемъ завтракать.... (*Садятся оба за столъ.*)

Дубко (*взявъ у Софіи ножикъ въ то время, какъ она хотѣла разрѣзать жаркое, начинаетъ, разговаривая, разрѣзывать самъ*). Скажи пожалуйста, помнишь-ли ты этого молодаго человѣка, который нѣкогда бывалъ такъ часто въ домѣ у твоего дяди?... блондинъ.... съ блѣдно-голубыми глазами.... такой еще мечтатель.... кажется, даже поэтъ....

Софія. Ты, вѣрно, говоришь о Косинскомъ?...

Дубко. Именно, Косинскій....

Софія. Но ты знаешь, что онъ ужъ года два какъ уѣхалъ изъ Москвы....

Дубко. Знаю, что онъ уѣзжалъ... но вѣдь могъ-же, однакожъ, опять возвратиться....

Софія. Съ чего ты это взялъ?...

Дубко. Да вѣдь письмо изъ Москвы, а Косинскій такъ долго былъ въ отсутствіи.

Софія. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ?

Дубко. А изъ этого слѣдуетъ то, что г. Косинскій, возвратясь въ Москву, и не найдя тебя тамъ.... вспомнилъ былое время и отправилъ къ тебѣ письмецо, чтобъ извѣстить о своемъ пріѣздѣ.... Какъ ты скажешь, угадалъ-ли я?

Софія (*лукаво*). Я готова даже сказать: да, чтобъ только васъ наказать....

Дубко. Меня наказать?... (*Наливъ себѣ вина.*) Ты думаешь, я ревную тебя къ Косинскому?... вспомни, однакожъ, прошлое. Когда пять лѣтъ тому назадъ, я сватался за тебя, твоей руки просили также Косинскій и Витманъ.... твой дядя далъ тебѣ полную волю выбирать изъ насъ тропхъ....

Софія (*взявъ его за руку*). Никто не знаетъ лучше тебя, чѣмъ кончился этотъ выборъ!...

Дубко. Тебя!... наконецъ не вы!...

Софія. И Косинскій и Витманъ остались за штатомъ....

Дубко. Такъ вотъ я что́ хочу тебѣ напомнить, Софи.... если ужъ ты дѣйствительно думаешь, что этотъ Косинскій могъ возбудить во мнѣ ревность....

Софія (*отнимая у него руку*). И ты увѣренъ, что я такъ думаю?

Дубко. Три года тому назадъ.... по капризу, или по чему-нибудь другому.... ты могла предпочесть отставнаго ротмистра, гру-

баго Дубко нѣжному Косинскому.... но временная вспышка прошла и вниманіе твое легко могло увлечься бѣлокурой фигуркой нѣжнаго Косинскаго....

Софія (*съ оскорбленіемъ*). Такъ вы утвердительно говорите, что это письмо отъ Косинскаго?... годъ назадъ вы не такъ думали, Жанъ!...

Дубко. Годъ назадъ ты и сама смѣялась надъ его любовью.... но въ годъ много воды утечетъ!

Софія. Такъ вы тверды въ своемъ убѣжденіи и непремѣнно хотите обвинить меня?...

Дубко. Этого я хотѣлъ бы меньше всего!

Софія (*раздражаясь*). Вы, однако жъ, увѣрены, что въ меня влюбленъ еще Косинскій?

Дубко. Это бы еще не бѣда!

Софія (*такъ же*). Такъ стало быть и я люблю его?

Дубко. Не знаю.... я не судья твой!

Софія. Не судья, а обвинитель!... (*Выходитъ изъ за стола и бросаетъ на стулъ салфетку.*)

Дубко (*вставъ такъ же и заходя за столъ*). Если ты нуждаешься въ оправданіи, скажи, что я могу для тебя сдѣлать?

Софія (*отходя на лѣвую сторону*). Оправданіе мое не трудно.... Если я и испытывала когда-нибудь вниманіе къ Косинскому, то единственно по воспоминанію о моей юности и о дружбѣ, которая связывала его отца съ моимъ отцомъ.... Мы росли почти вмѣстѣ....

Дубко (*прохаживаясь по правой сторонѣ*). Впечатлѣнія юныхъ лѣтъ также довольно опасны....

Софія. Почти въ одноже время, лишились мы и своихъ родителей.... Одинакое горе еще болѣе сблизило меня съ Косинскимъ... мы вмѣстѣ плакали и утѣшали другъ друга.... я уважала этого человѣка за его чувства и благородную душу.... а все-таки предпочла ему васъ, и никто не можетъ упрекнуть меня, чтобъ подъ видомъ дружескихъ чувствъ къ Косинскому, я скрывала какой-нибудь предосудительный поступокъ.... (*Дубко садится къ столику.*) Я знала, что онъ любилъ меня.... знала, что онъ очень страдалъ, когда я назвала васъ своимъ женихомъ, но такъ была жестока, такъ увлечена привязанностью къ вамъ, что не только не жалѣла о немъ, но даже, подъ часъ, съ вами-же смѣялась надъ его несчастной страстью.... Но въ это время, другой человѣкъ, который былъ его соперникомъ по любви ко мнѣ, сдѣлался его утѣшителемъ и другомъ.

Дубко. Разумѣется ужъ не я....

Софія. Я говорю о Витманѣ.... онъ увезъ бѣднаго Косинскаго изъ Москвы въ имѣніе своего отца.... и тамъ-то дружба Витмана и нѣжное вниманіе сестеръ его, Адели и Лунзы, лучшихъ подругъ моихъ по пансіону, постепенно излечали его душевныя страданія все, что только могло изобрѣсть воображеніе, все употреблено было къ его исцѣленію.... Косинскій утопалъ въ удовольствіяхъ и чрезъ мѣсяцъ былъ уже не тотъ.... да, въ этомъ случаѣ Витманъ поступилъ, какъ истинно благородный человѣкъ.... онъ самъ былъ опечаленъ предпочтеніемъ, которое я отдала вамъ, а между тѣмъ утѣшалъ другаго.... какъ другъ, какъ братъ!... Рѣдкій, благородный человѣкъ!... Такихъ людей не много отыщешь въ свѣтѣ!

Дубко (*вставъ и ударивъ по столу*). Это письмо отъ Витмана!

Софія (*отступая отъ него, съ удивленіемъ*). Что?

Дубко. Да, сударыня, это письмо прислано къ вамъ отъ Витмана!... (*Садится снова.*)

Софія (*подходя къ нему*). Къ вамъ!... Вотъ ужъ и у тебя дружеское ты замѣнилось холоднымъ мѣстоименіемъ!... Твоя ревность, просто, кажется, не имѣетъ предѣла....

Дубко (*вставъ и прохаживаясь*). Вы ошибаетесь.... Если я и заговорилъ сначала о Косинскомъ, котораго вы, быть можетъ, тоже любили.... такъ это былъ только предлогъ къ тому, чтобъ заставить васъ невольно выказать свои чувства къ этому длинному нѣмцу!... Я былъ увѣренъ, что заговоря о Витманѣ, явится къ вамъ и это увлеченіе, и этотъ жаръ, съ которыми вы высказывали сейчасъ мысли свои о его необыкновенныхъ достоинствахъ.... (*Съ жаромъ.*) Я не забылъ еще прошлаго года, какъ онъ вдругъ явился зимою въ Москву.

Софія (*поспѣшно*). Развѣ я скрывала что-нибудь отъ васъ?

Дубко. А говорили-ли вы мнѣ что-нибудь о немъ?

Софія (*такъ же*). Но ты развѣ спрашивалъ?

Дубко (*такъ же*). А развѣ нужно всегда спрашивать?

Софія. А развѣ непремѣнно нужно все разсказывать?... (*Дубко прохаживается.*) Странно, однако-жъ, что я ему ничего объ этомъ не говорила?..

Дубко (*подходя къ ней*). Слушайте-же, что вы отъ меня скрыли.... Витманъ явился къ вамъ съ визитомъ и два раза посѣщалъ васъ вечеромъ.... и это было въ то время, когда я уѣзжалъ по дѣламъ въ Петербургъ.... правда-ли это?

Софія. Да!

Дубко. Потомъ.... два раза онъ былъ въ театрѣ, въ вашей ложѣ.

Софія. Да!

Дубко. Наконецъ, на двухъ пикникахъ, во время масляницы, онъ былъ постояннымъ вашимъ кавалеромъ и даже ѣздилъ съ вами въ саняхъ.... слышите-ли.... на двухъ пикникахъ.

Софія. Да, да, на двухъ пикникахъ!... (*Отходитъ отъ него.*)

Дубко. И вотъ эта пансіонная подруга, отъ которой вы получили письмо!... (*Софія подходитъ къ столу; Дубко приближается къ ней.*) Теперь мнѣ не нужно знать содержаніе этого письма.... я его ужъ хорошо знаю.... (*Садится на льво на стулъ Софіи.*) Хотите я вамъ скажу, что въ немъ написано?

Софія. Сдѣлайте одолженіе, если это доставитъ вамъ удовольствіе....

Дубко. А! вотъ ужъ явилась и пронія!...

Софія. Не пронія, а чувство достоинства!... (*Садятся оба къ столу. Входитъ лакей.*)

Дубко (*грубо*). Что тебѣ нужно?

Софія. Вѣрно привели лошадей!...

Лакей. Точно такъ-съ!

Софія. Попроси подождать ямщика.... мы поѣдемъ не ранѣе какъ черезъ часъ.... пусть покуда запрягаетъ....

Лакей. Слушаю-съ.... (*Уходитъ.*)

Софія. Такъ что вы начали говорить?...

Дубко. Я говорю, что знаю слово въ слово, что содержитъ въ себѣ это письмо....

Софія. Разсказывайте.... я слушаю.

Дубко (*грустно, не смотря на Софію*). Каждая строка этого письма заключаетъ сожалѣніе о вашей участи и осуждаетъ поступки вашего мужа, который съ тѣхъ поръ какъ женился на васъ, три раза уже разлучался съ вами.... По словамъ этого письма — онъ во всѣ эти три поѣздки, наслаждался въ Петербургѣ полнымъ удовольствіемъ, тогда какъ вы, оставаясь съ старикомъ дядей въ Москвѣ, умирали со скуки.... (*Оборотясь къ Софіи.*) Но вы знаете, что не капризъ заставлялъ меня разлучаться съ вами, а необходимыя дѣла, отъ которыхъ зависѣло наше благосостояніе.

Софія (*оборотясь къ нему*). Развѣ я думала когда-нибудь другое?

Дубко. Я знаю, какъ вамъ описывали меня ваши друзья.... васъ сожалѣли, говорили, что вы достойны были лучшей участи... что вамъ необходимо пламенное сердце, безпредѣльная привязан-

ность и нѣжная, предупредительная дружба.... (*Софія встаетъ и медленно подходитъ къ мужу.*) Да.... васъ могъ-бы страстно, безумно любить другой мужъ.... хоть бы, напримѣръ, этотъ нѣмецъ!... но вы, къ несчастію, выбрали не его.... вы предпочли ему человѣка вѣтренаго, подозрительнаго, ревнивца, человѣка, вовсе недостойнаго того счастья, которымъ вы его надѣлили!...

Софія (*облокотясь на его плечо*). Согласись, мой дружокъ, что въ эту минуту ты отчасти справедливо обвиняешь себя въ такихъ порокахъ?...

Дубко. Согласитесь и вы также, что этой шуткой вы какъ будто хотите прикрыть свое смущеніе!....

Софія. Я смущена!... Скажи лучше, спокоенъ-ли ты?

Дубко. Такъ спокоенъ, что могу сказать вамъ точно такъ-же окончаніе письма, какъ сказалъ начало....

Софія. Говорите.... (*всторону.*) Странная однако-жъ увѣренность....

Дубко (*вставая*). Витманъ, какъ вамъ и мнѣ извѣстно, ѣдетъ нынѣшнимъ лѣтомъ съ своими прекрасными сестрицами, а вашими лучшими подругами, за-границу, на Киссингенскія воды.... поэтому онъ совѣтуетъ вамъ настаивать, чтобъ и васъ я везъ въ Киссингенъ.... предлогъ, разумѣется, ваша болѣзнь.

Софія. Это все написано въ письмѣ?...

Дубко (*дотрогиваясь до руки Софіи*). Но дѣйствительная причина — любовь!

Софія (*съ удивленіемъ*). Любовь!... еслибъ я дала тебѣ прочесть это письмо, — ты убѣдился бы вполнѣ въ несправедливости своихъ подозрѣній.... но это была бы съ моей стороны слабость, отъ которой бы я впослѣдствіи краснѣла за тебя.... и потому, я не дамъ тебѣ письма....

Дубко (*повелительно*). А еслибъ я потребовалъ его отъ васъ?

Софія (*съ достоинствомъ*). Вотъ оно! (*Подаетъ ему письмо. Дубко дѣлаетъ движеніе, чтобъ взять его.*) Но не забудьте, что съ той минуты, какъ вы его прочтете, между нами все будетъ кончено!

Дубко (*всторону, послѣ долгой нерѣшительности*). Умныя женщины очень часто прибѣгаютъ къ подобнымъ хитростямъ, когда не видятъ другаго средства выйти изъ бѣды!... (*Вслухъ.*) Вы находитесь почти на краю пропасти и думаете, кажется, что я не рѣшусь удержать васъ отъ паденія....

Софія. Я васъ прошу прочесть это письмо!

Дубко. Извольте, я исполню то, чего вы желаете, или лучше,

чего вы въ душѣ не желаете.... (*Повелительно.*) Дайте мнѣ письмо!...

Софія (*съ досадою, бросая письмо на столъ и потомъ отходя въ глубину театра*). Я ѣду одна!...

Дубко. Прекрасно!...

Софія. Дядюшка меня договитъ.... (*Звонитъ, въ то время, какъ Дубко садится къ столику на право, держа въ рукахъ письмо. Входитъ лакей.*) Антонъ! скажи, чтобъ подавали коляску.... (*Лакей уходитъ.*) Я ѣду въ Москву!...

Дубко (*поспѣшно оборотясь и роняя письмо на столъ*). Въ Москву!...

Софія (*надѣвая шляпку и бурнусъ*). Да!

Дубко. Безъ меня?

Софія. Безъ васъ!

Дубко. Какъ вамъ угодно.... а я поѣду въ Гельсингфорсъ!

Софія. Поѣзжайте!

Дубко. Поѣду, не смотря на то, что главная цѣль, для которой мы сбирались на воды....

Софія. Да, я думаю, для васъ не слишкомъ пріятно, что эта цѣль не осуществится.... (*Софія старается запереть чемоданъ Дубко, куда она положила мантилью, башмаки и проч.*)

Дубко (*взявъ ее за руку и переводя на лѣвую сторону*). Извините, это мой чемоданъ!... (*Выбрасывая съ досадой изъ своего чемодана вещи Софіи.*) Вотъ ваши башмаки.... вашъ несессеръ....

Софія (*выбрасывая такъ же изъ своего чемодана вещи Дубко*). А вотъ ваша гадкая трубка....

Дубко. Вотъ ваши вуали, мантилья....

Софія. Вашъ табакъ и сигары.... (*бросаетъ ящикъ съ сигарами на воздухъ.*)

Дубко. Ваши глупѣйшіе романы.... (*разбрасываетъ книги по полу.*)

Софія (*выбрасывая на сторону Дубко бритвенный ящикъ*). А вотъ и обновка ваша.... чудесный бритвенный приборъ....

Дубко. Зачѣмъ вы бросаете!... знаете-ли, что это настоящія англійскія бритвы....

Софія (*заперши свой чемоданъ и отходя въ глубину сцены*). Прощайте, Иванъ Петровичъ!...

Дубко (*переходя на лѣво*). Прощайте, Софья Николавна!

Софія (*у порога, всторону, смотря съ разстройствомъ на мужа*). Однако-жъ, онъ не рѣшается еще прочесть....

Дубко (*всторону*). Я увѣренъ, что въ душѣ у ней вовсе не

то, что кажется по виду....

Софія (*взявъ на столъ письмо, печально*). Чтожъ вы не берете письма?

Дубко (*подбѣгая къ ней, съ смущеніемъ*). Что это? слезы на глазахъ....

Софія. А кто причиной?... (*развязываетъ шляпку, которая падаетъ на полъ.*) Возьмите же, читайте.... что вамъ съ моихъ слезъ!...

Дубко. Не обличаютъ-ли ужъ эти слезы вины и раскаянія?...

Софія. Да, я виновата и раскаяваюсь въ томъ, что слишкомъ васъ любила.... (*бросаетъ бурнусъ на столикъ.*)

Дубко. Софи!... (*всторону.*) А что если она играетъ со мной комедію?... женскія слезы это вѣрное оружіе противъ нашего гнѣва.... нѣтъ, если я теперь отступлю.... тогда бѣда!... (*вслухъ.*) Я чувствую, быть можетъ, больше, чѣмъ вы, жестокость моего поступка.... но что я сказалъ, то долженъ исполнить.... дайте мнѣ письмо.... (*Софія подаетъ ему письмо, но когда онъ хочетъ взять, поспѣшно отдергиваетъ и потомъ разсмотрѣвъ внимательно штемпель, начинаетъ хохотать.*) Къ чему этотъ смѣхъ? Что васъ такъ скоро развеселило?

Софія (*продолжая хохотать*). Постой, сей-часъ скажу....

Дубко. Говорите же скорѣй!...

Софія (*опираясь на спинку стула*). Погоди.... я не могу удержаться.... (*хохочетъ.*)

Дубко. Я понимаю васъ.... вамъ нужно время, чтобъ найти новое средство обмануть меня и избавиться отъ жестокаго открытія....

Софія (*все еще смѣясь*). Да, необыкновенное, ужасное открытіе!... Знаете ли вы, что это письмо вовсе не изъ Москвы!...

Дубко (*съ удивленіемъ*). Не изъ Москвы?

Софія Смотрите тутъ еще есть штемпель въ уголку.... котораго мы и не замѣтили.... читайте: «Тифлисъ 30 мая», а подъ штемпелемъ «Москва» напечатано: «получено 12 іюня»....

Дубко (*разсматривая штемпель*). Да!... чтожъ это значитъ?...

Софія. А это значитъ, что письмо было прислано въ Москву... изъ Тифлиса и, вѣроятно, принесено къ намъ въ домъ.... а какъ насъ ужъ въ это время тамъ не было, то Иванъ разсудилъ очень умно — переслать его къ намъ въ Петербургъ.... да, да.... вотъ на другой сторонѣ и каракули его.... въ Петербургъ, въ гостинницу Серапина....

Дубко (*хочетъ взять письмо*). Правда.... это рука нашего Ивана....

Софія. Такъ ты теперь самъ соглашаешься, что письмо изъ Тифлиса?

Дубко (*со вздохомъ*). Да, изъ Тифлиса....

Софія. Стало быть, меня теперь подозрѣвать не въ чемъ.... я никогда тамъ не бывала, никого не знаю, никогда оттуда не получала писемъ.... да и не отъ кого ихъ получать.... а вотъ вы.... дѣло другое.... вы тамъ жили два года, когда служили въ гусарахъ.... у васъ тамъ тьма знакомыхъ.... и по этому я думаю, что письмо къ вамъ.... возьмите же, вотъ оно.... Отдаю его вамъ и не хочу даже знать его содержанія!

Дубко (*схвативъ поспѣшно письмо, кладетъ его въ боковой карманъ пальто, но такъ, что одинъ уголокъ конверта остается видѣнъ*). Да, письмо ко мнѣ.... (*Стараясь засмѣяться.*) Странный оборотъ!...

Софія (*смотря на него пристально*). Очень странный!...

Дубко. Однако-жъ, сядемъ завтракать....

Софія (*сухо*). Не хочу.... я ужъ позавтракала.... (*Садится на стулъ, на право, къ маленькому столику и отбрасываетъ ногою трубку, которая лежала возлѣ на полу.*)

Дубко (*всторону, приближаясь къ Софіи*). Проклятое письмо!... (*Вслухъ.*) Ну, перестань, мой дружокъ.... не сердись.... забудь все, что я тебѣ говорилъ.... всѣ эти упреки, дерзости.... ну, я былъ глупъ.... подозрѣвалъ тебя безъ всякихъ основаній.... (*Поднимаетъ шляпку Софіи и осторожно кладетъ ее на столикъ.*) Прости же меня.... впередъ я буду умнѣе.... съ этихъ поръ, даю тебѣ клятву, ты не увидишь и тѣни подозрѣнія.... (*Поднимаетъ съ полу башмаки Софіи, вытираетъ ихъ платкомъ и кладетъ въ свой чемоданъ; потомъ такимъ же образомъ кладетъ туда же и другія вещи Софіи, разбросанныя по полу.*) Премиленькіе башмачки.... да что и за ножки у тебя?... прелесть!

Софія. По-крайней-мѣрѣ, вы не можете меня упрекнуть, чтобъ я не была съ вами откровенна....

Дубко. О, я и не думаю тебя упрекать....

Софія (*вставъ и подходя къ столу, гдѣ завтракъ*). Вы видѣли, какъ я была внимательна и послушна вашимъ наставленіямъ.... (*Облокотясь на спинку стула.*) Вы сказали, что для полнаго счастія необходима довѣрчивость между мужемъ и женою.... чтобъ доказать вамъ, какъ для меня свято это правило—я сама просила васъ прочесть это письмо....

Дубко (*укладывая въ свой чемоданъ вуаль и мантилью Софіи*). Посмотри, какъ я все это хорошо уложилъ....

Софія. Вы сами говорили, что жена не должна имѣть другихъ друзей, кромѣ мужа.... по моему, точно также и у мужа долженъ быть одинъ только другъ — его жена....

Дубко (*смотря на часы*). Мы вѣдь согласились съ тобою ѣхать ровно въ двѣнадцать часовъ....

Софія. Справедлива ли моя мысль?

Дубко (*смотря опять на часы*). А ужъ теперь скоро часъ.... пора-бы ужъ намъ и въ путь....

Софія. Вы говорили еще....

Дубко. Но зачѣмъ напоминать то, что я говорилъ....

Софія. Ну, хорошо, я не буду напоминать.... но я видѣла, какъ васъ мучило любопытство....

Дубко. Неужели тебѣ хочется знать, что мнѣ пишутъ изъ Тифлиса?...

Софія. Можетъ быть!

Дубко. Не вѣрю....

Софія. Нѣтъ, вѣрьте!... примите хоть, по-крайней-мѣрѣ, это желаніе за мщеніе!...

Дубко. Ты шутишь!... я знаю, что ты незлопамятна!

Софія (*посматривая на него и на карманъ, гдѣ спрятано письмо*). Вы еще этого не испытали.... но скажите, пожалуйста, хорошій городъ этотъ Тифлисъ?

Дубко. О, да! прекрасный городъ.... мѣстоположеніе живописное....

Софія. Ну, и вѣрно есть прекрасные жители.... тамъ, кажется, живетъ много грузинъ?

Дубко. Да....

Софія. Вѣдь вы ужъ вѣрно были съ кѣмъ нибудь изъ нихъ знакомы?...

Дубко (*всторону*). Странные вопросы!...

Софія. Говорятъ, что молоденькія грузинки очень хороши собой.... есть даже красавицы.... а что за чувства у нихъ.... говорятъ, совершенный пламень.... (*Приближаясь къ Дубко съ той стороны, гдѣ спрятано письмо.*)

Дубко. Да, говорятъ....

Софія. Говорятъ, напримѣръ, тамъ была какая-то красавица Марія.... (*Хочетъ выхватить изъ кармана письмо. Дубко замѣчая это, перекладываетъ его между пуговицами своего пальто.*)

Дубко. А!... ты слышала о красотѣ Маріи?

Софія. Очень много!... говорятъ, глаза какъ уголь.... волоса какъ смоль....

Дубко. Знаешь ли, о чемъ я думаю, мой дружокъ?... я думаю, какое бы имя дать первому нашему сыну?...

Софія (*съ досадой*). Лицо — бѣлѣе снѣга....

Дубко. Напримѣръ.... не назвать-ли намъ его Владиміромъ?...

Софія. Такое — просто чудо!...

Дубко. Или Аполлономъ!...

Софія. А сердце!...

Дубко. Нѣтъ, мнѣ кажется, лучше Валеріаномъ....

Софія (*раздражаясь*). Сердце — настоящее восточное!... готовое на все для любви!...

Дубко. А если хочешь, такъ назовемъ въ честь дядюшки, Ѳедоромъ?...

Софія. Много было въ нее влюбленныхъ.... но одинъ молодой человѣкъ.... котораго вы очень хорошо знаете.... любилъ.... или, по-крайней-мѣрѣ, показывалъ, что любитъ больше всѣхъ эту красавицу.... и Марія....

Дубко. Да ты мнѣ разсказываешь романъ!...

Софія. Нѣтъ, исторію.... и Марія предпочла его всѣмъ.... она горѣла къ нему страстью.... (*Схвативъ письмо и показывая мужу надпись.*) Какъ вы думаете, не женскій-ли это почеркъ?...

Дубко (*взявъ у нея письмо и пряча въ карманъ панталонъ*). Нынѣче трудно различать почерки.... и мужчины и женщины пишутъ почти одинаково....

Софія. И такъ.... красавица Марія....

Дубко (*отходя отъ нея*). Какъ она тебя долго занимаетъ!...

Софія. Вамъ ужъ наскучилъ разсказъ о ней.... а я только что начала....

Дубко (*подходя къ ней*). Софія!...

Софія (*смотря на него*). Быть можетъ, вамъ пріятнѣе будетъ слышать о Вѣрочкѣ Скальской, за которую вы чуть не вышли съ кѣмъ-то на дуэль?

Дубко (*ходя по сценѣ*). Боже мой! кто-же въ жизнь свою не дѣлалъ глупостей!

Софія (*раздражаясь и слѣдуя за нимъ*). Или о прекрасной вдовушкѣ Темирской, съ которой вы когда-то распѣвали дуэты?...

Дубко. Но какъ ты ихъ всѣхъ знаешь?... и почему ты думаешь....

Софія (*болѣе и болѣе раздражаясь*). Позвольте.... я вамъ раз

скажу, пожалуй, еще и о мамзель Голубковой, и о мадамъ Векшиной, и о знаменитой танцоркѣ...

Дубко (*обратясь къ ней*). Довольно, довольно!

Софія. Ну, такъ позвольте мнѣ говорить о грузинкѣ Маріи, которая прислала вамъ это письмо.... Бѣдная Марія!... она увлечена была клятвами вѣтренника.... любила его и вѣрила его любви.... а онъ.... бросилъ ее, уѣхалъ въ Москву и женился на другой!... а знаете-ли вы конецъ ея исторіи?... Марія едва не сошла съ ума!...

Дубко (*всторону*). Боже мой.... какъ она все это знаетъ?

Софія. Но къ чему продолжать... вамъ лучше меня извѣстно, кто былъ причиною ея несчастія!... я только спрошу васъ: правду ли вы говорили мнѣ, когда клялись, что я была первая женщина, которая зажигала любовь въ вашемъ сердцѣ?... Вы лгали!.. жестоко лгали!... я была, по-крайней мѣрѣ, ваша десятая-первая любовь.... Прошлое время оставило на вашей совѣсти много черныхъ пятенъ.... я знала все, но не говорила вамъ ничего до-сихъ поръ.... и если говорю теперь, то вините въ томъ сами себя.... ваши подозрѣнія вызвали меня на откровенность.... и заставили вы сказать то, что могло остаться навсегда затаеннымъ въ моей душѣ.... вы замолчали!... отвѣчайте-же, что я должна дѣлать: презирать васъ.... или....

Дубко (*нѣжно*). Софи! милая Софи! прости лучше меня.... дай мнѣ твою руку.... вспомнимъ первые дни нашего брака и какъ согласные, любящіе другъ друга супруги, какъ искренніе друзья, прочтемъ вмѣстѣ письмо Маріи!

Софія (*съ тріумфомъ*). А! вы наконецъ сознаетесь!...

Дубко (*покорно*). Твое убѣжденіе такъ сильно....

Софія. Прочтемъ-же....

Дубко (*умоляющимъ голосомъ*). Но прежде скажи: прощаешь-ли ты меня?...

Софія. Нѣтъ, прежде прочтемъ!

Дубко. Но....

Софія. Прочтемъ-же!...

Дубко (*распечатываетъ письмо; сбрасываетъ конвертъ и видитъ подъ нимъ другой*). Что это? тутъ еще другой конвертъ!

Софія (*поспѣшно*). Распечатай и этотъ!

Дубко (*садясь и хохоча*). Прочти прежде адресъ!

Софія (*читая*). Его Высокоблагородію Оедору Григорьевичу Овсову.... Что это? письмо къ дядюшкѣ!

Дубко. Стало быть, ни къ тебѣ....

Софія. И ни къ тебѣ.... (*Оба начинаютъ хохотать.*)

Дубко (*всторону, вставая*). Я ужъ черезъ-чуръ былъ съ нею откровененъ.... если бъ знать да вѣдать....

Софія. Странное происшествіе! Изъ чего же мы съ тобою ссорились?

Дубко. Да я думаю изъ того же, изъ чего большею частію происходятъ ссоры между мужемъ и женою....

Софія. Если бъ, по-крайней-мѣрѣ, былъ еще живъ Косинскій....

Дубко (*поспѣшно*). А развѣ онъ умеръ?

Софія. Да, уже больше года, здѣсь, въ Петербургѣ... и ужъ не отъ любви ко мнѣ, а просто отъ воспаленія въ груди.... видишь-ли, ты ревновалъ меня къ мертвецу.... тогда какъ твоя грузинка Марія....

Дубко. Не безпокойся, она уже меня разлюбила...

Софія. Да, вѣдь говорили, что она сошла съ ума?

Дубко. Сходила съ ума двѣ недѣли, а потомъ, какъ и всѣ женщины, пришла въ себя, утѣшилась, влюбилась опять въ какого-то офицерчика и вышла за него за мужъ!

Софія (*дружески*). Но если ты хочешь знать о Витманѣ....

Дубко. Довольно, мой ангелъ!... Скажу тебѣ въ заключеніе только одно: ты рѣдкая женщина, удивительная, прелестнѣйшая жена... и я еще никогда тебя такъ не любилъ, какъ теперь!... Ну, конецъ! Это письмо отдастъ дядюшкѣ Антонъ, а намъ уже пора въ путь!

Софія (*отдавая ему письмо*). Жанъ! обѣщай мнѣ, съ нынѣшняго дня, отдавать всѣ твои письма....

Дубко. Обѣщай прежде ты!

Софія (*бросаясь къ нему въ объятія*). О, съ этихъ поръ, я не скрою отъ тебя ни одного!

Дубко. И готова поклясться?

Софія. Готова!

Дубко. Чѣмъ?

Софія. Первымъ нашимъ дитятемъ!

Дубко (*посмотрѣвъ на нее и поцѣловавъ съ любовью*). Ѣдемъ же скорѣе въ Гельсингфорсъ! (*подаетъ ей шляпку.*)

Софія (*поднимая трубку и отдавая ее мужу*). Возьми.... я позволяю тебѣ курить во всю дорогу!... Ѣдемъ же, ѣдемъ!...

=

II.

ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

=

ЛѢСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ.

=

РОМАНЪ ГАБРІЭЛЯ ФЕРРИ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

ТРАГАДУРЪ ВЪ САМОМЪ ДѢЛѢ ПРИХОДИТЪ ВЪ ВОСТОРГЪ.

Торжественность рѣчи и внезапный переходъ дона Эстевана, отъ шутливаго тона къ серьезному, произвели сильное впечатлѣніе на Трагадура. Въ эти минуты, онъ забывалъ обольстительный милльонъ и сожалѣлъ отъ чистаго сердца о томъ, что шагнулъ такъ далеко. — Тому назадъ двадцать лѣтъ, — началъ испанецъ, — я еще не могъ угадать своего собственнаго призванія, воображая себя созданнымъ для семейнаго очага, для идиллій, которыми бредитъ юность и молодость.... Но скоро встрѣтившійся случай доказалъ мнѣ, какъ были ложны мои понятія о самомъ себѣ.... я разгадалъ въ себѣ зародышъ самолюбія, и бросился на стезю почестей.... Онѣ встрѣтили меня благосклонно.

«Я пріобрѣлъ право испанскихъ грандовъ, сдѣлался кавалеромъ ордена Св. Іакова, являлся на придворныя церемоніи въ бѣломъ плащѣ, и сдержалъ клятву безбрачія. Кавалеръ ордена Карла III, я, наравнѣ съ принцами королевской крови, ношу большой крестъ, орденъ Св. Фердинанда, орденъ Св. Герменстильды, орденъ Золотаго Руна и Калатравы.... Всему этому завистниковъ было много.»

Это исчисленіе знаковъ отличія, сдѣланное безъ всякихъ замашекъ хвастливости, ослѣпило Трагадура; онъ бросилъ на своего собесѣдника взглядъ, исполненный почтительнаго удивленія. Донъ Эстеванъ продолжалъ: — Почести привели съ собою и богатство. Къ отцовскому наслѣдію приросло много имѣній и я далеко ушелъ отъ того времени, когда у меня, младшаго въ семействѣ, были одни только желанія. Но сказать-ли вамъ правду? — Все это казалось мнѣ недостаточнымъ. А между тѣмъ, дворянинъ изъ темнаго рода, я сталъ графомъ Вилламарскимъ, маркизомъ Казарсальскимъ, герцогомъ Армадскимъ.

— Герцогъ.... ваша свѣтлость! — почтительно произнесъ Трагадуръ, — позвольте.... позвольте мнѣ....

— Позвольте мнѣ кончить, — спокойно возразилъ испанскій вельможа. — У васъ не останется никакихъ сомнѣній, когда вы выслушаете все то, что я намѣренъ сказать вамъ.... Я не долженъ болѣе оставаться въ вашихъ глазахъ простымъ дворяниномъ, дономъ Эстеваномъ де-Арехиза и только. — Нѣтъ, нужно сдѣлать такъ, чтобъ ваша недовѣрчивость ко мнѣ, которую уже вы нѣсколько выказали, не возвращалась къ вамъ болѣе. Вы узнаете отъ меня и цѣль, которой я добивался и даже самыя сокровенныя мои мысли....

«Вы слышали отъ меня, что я, двадцать лѣтъ сряду, предавался честолюбію только для честолюбія. Но я солгалъ... нѣтъ!.... Поглощаясь этимъ чувствомъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, двадцать лѣтъ старался заглушить въ себѣ одно воспоминаніе.... Тяжелое и ужасное было время, когда я надѣялся, что оно наконецъ погаснетъ среди разнообразныхъ впечатлѣній жизни, исполненной тревогъ.

«Любимецъ принца, осыпанный славой, богатствомъ и почестями, нажившій тысячи враговъ и не боясь ни одного изъ нихъ, я думалъ одно время, что достигъ желанной цѣли, что между мной и тѣмъ, что было когда-то, стоитъ неизмѣримая пропасть.... Не тутъ-то было! Не смотря на отдаленіе, въ памяти моей, какъ въ прозрачной атмосферѣ

южныхъ странъ, самыя отдаленныя точки прошедшаго обозначались со всей ужасающей отчетливостью.

«Ничто не въ силахъ подавить угрызеній совѣсти!—продолжалъ мрачнымъ голосомъ испанскій вельможа:—да! кровавый мечъ не былъ въ рукахъ моихъ однимъ пустымъ символомъ! Упрекъ совѣсти, когда онъ не поражаетъ насъ окончательно, сообщаетъ разительную дѣятельность честолюбію; онъ то и дѣло гонитъ его впередъ....

Донъ Эстеванъ смолкъ на нѣсколько минутъ; мрачный видъ его начиналъ уже наводить нѣкоторую робость на Трагадура.

— Но куда оставалось мнѣ броситься!—продолжалъ испанецъ;—зачѣмъ погнаться?... Куда обратить весь потокъ тѣснившейся во мнѣ дѣятельности?

«Наконецъ, еще одинъ случай представилъ мнѣ возможность борьбы; я стряхнулъ съ себя впечатлѣніе, приводившее въ разстройство мои силы; я снова сталъ надѣяться. Одна только борьба могла доставить мнѣ желанное забвеніе.

«Въ числѣ утѣшеній и плановъ, на мысль пришелъ мнѣ однажды проэктъ колоссальный. Я видѣлъ въ немъ длинную перспективу опасностей и борьбы. Это заставило меня приняться за его осуществленіе.

«Я задумалъ покорить своему государю королевство, которое не уступало бы утраченному ни красотой, ни обширностью. Мнѣ пришло въ голову возвратить ему одно изъ лучшихъ заатлантическихъ украшеній, сіявшихъ такъ славно въ коронѣ его предковъ.... ничего болѣе, какъ завоевать престолъ. И лѣтъ двадцать тому назадъ, я, темный дворянинъ, надѣялся успѣть въ этомъ, и завоевать королевство испанскому принцу.

«Теперь вы въ состояніи повѣрить мнѣ, — съ гордою улыбкою добавилъ Эстеванъ Арехиза, — что я могу уступить безъ сожалѣнія и сокровища и красоту дочери мексиканскаго гаціендеро.

Трагадуръ, какъ человѣкъ весьма ограниченныхъ понятій и эгоистъ во всѣхъ отношеніяхъ, былъ уничтоженъ, подавленъ смѣлостью и гигантскимъ проэктомъ непоколебимаго европейца; онъ почти вскрикнулъ отъ изумленія и почтительно пожалъ руку, протянутую ему испанцемъ.

— Донъ Эстеванъ!... вы позволите мнѣ называть васъ, по прежнему,

этимъ скромнымъ именемъ....—сказалъ онъ,—я краснѣю, когда вспомню о своихъ сомнѣніяхъ.... О! за счастье, за блестящую перспективу, которую вы мнѣ открываете, я готовъ отдать вамъ жизнь свою, сердце.... но....

— Еще сомнѣніе?—сказалъ, улыбаясь, донъ Эстеванъ.

— Не сомнѣніе, а опасеніе.... Замѣтили-ли вы молодаго человѣка, котораго мы встрѣтили? Тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что донья Розаріо влюблена въ него; онъ молодъ, хорошъ, и, кажется, они съ давнихъ поръ знакомы.

— Какъ! Васъ пугаетъ соперничество этого нищаго?

— Признаюсь, я замѣтилъ, какъ на немъ останавливались иногда довольно страннымъ образомъ глаза доньи Розаріо.

— Успокойтесь, я знаю отъ самого дона Августина, что сердце его дочери совершенно свободно и что, изъ тщеславія, она готова сдѣлаться женой одного изъ сильнѣйшихъ членовъ Аріспскаго правленія. Что же касается до молодаго чудака, въ которомъ соединились всѣ гордыя замашки испанскаго нищаго, мы станемъ за нимъ наблюдать, и еслибы онъ дѣйствительно вздумалъ закидывать такъ далеко свои думы, намъ не трудно будетъ оттолкнуть его въ сторону.

При этихъ словахъ, забота мелькнула на лицѣ дона Эстевана.

— Странное сходство этого молодаго человѣка съ знакомымъ мнѣ существомъ, пробудило въ душѣ моей много мученій!—продолжалъ онъ;—но оставимъ всѣ эти химерическія боязни. Позвольте мнѣ лучше, объяснить вамъ, какія у меня цѣли, какія у насъ средства, и что вы можете ожидать на пути, который избираете, и какія награды готовитъ вамъ будущее. Вы, вѣрно, не догадались еще, какую область я собираюсь завоевать и на чью помощь надѣюсь? Провинція, которую я хочу превратить въ королевство моего повелителя и будущаго вашего государя, — Сонора.

— Какъ! Вы хотите превратить въ монархію наше республиканское государство?—вскричалъ Трагадуръ: — позволить себѣ такую попытку значитъ играть своей жизнью.

— Знаю. Но вѣдь вы только что отдали мнѣ и жизнь свою, и сердце. Въ замѣнъ этого, вы получите дочь дона Августина и ея богатства. Когда я говорилъ вамъ, что есть возможность снова зажечь потухшую звѣзду вашу, думали-ли вы, что для этого стоитъ только

поискать руки молодой и хорошенькой женщины, съ такимъ огромнымъ приданымъ, съ такимъ безчисленнымъ множествомъ условій?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ съ разстановкой Трагадуръ ,—но....

— Я вамъ сказалъ уже, что мнѣ нуженъ человѣкъ твердый, такой, который бы лучше согласился отважить свою жизнь для блестящей и славной будущности, чѣмъ замирать мало-по-малу среди бѣдности и неизвѣстности. Я сдѣлаю изъ васъ самого богатаго владѣльца новой области; но напередъ вы должны показать мнѣ свое мужество, должны употребить всѣ усилія къ достиженію предположенной нами цѣли. Если я ошибся въ васъ, и вы не тотъ, кого я ищу, или вамъ страшна гибель, то мнѣ, можетъ быть, и безъ васъ удастся встрѣтить такого человѣка, который пренебрежетъ опасностями, ведущими къ несмѣтному богатству.

— Но чего-же вы отъ меня хотите и на какія средства надѣетесь? — возразилъ Трагадуръ, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, чтобъ разогнать смущеніе.

— Десять лѣтъ тому назадъ, я сражался здѣсь за безопасность этой страны. Мнѣ были извѣстны ея средства, ея богатства, и когда я покидалъ ее, непостижимое предчувствіе говорило мнѣ, что я увижу ее снова.

«Случай свелъ меня съ дономъ Августиномъ. Онъ занятъ былъ тогда созданіемъ богатствъ, которыми теперь обладаетъ. Я оказалъ ему большую услугу, спасши домъ его отъ ограбленія и жизнь отъ опасности, въ которую вовлекла его худо скрытая симпатія къ испанцамъ. У меня были съ нимъ разнаго рода тайныя отношенія. Я зналъ, что недовольная Сонора готова была стряхнуть съ себя иго федеральной республики. Я далъ почувствовать принцу смѣлость моего проэкта, отправился сюда, и прежде всѣхъ открылся дону Августину. Честолюбіе его было живо затронуто обѣщаніями, сдѣланными ему мною отъ лица принца, и онъ совершенно отдалъ себя въ мое распоряженіе.

«Не смотря на то, что денежныя средства мои были обширны, я старался увеличить ихъ. Самъ случай помогъ мнѣ въ этомъ. Во время войны въ здѣшнемъ краѣ, я узналъ одного молодаго человѣка, который, то приставалъ къ испанцамъ, то измѣнялъ имъ, его зовутъ теперь Кухилло. Отношенія мои къ нему были другаго рода....

«Мнѣ случилось замѣтить, что онъ хотѣлъ ввести въ засаду,

устроенную непріятелемъ, полкъ, которымъ я командовалъ. Я велѣлъ повѣсить его на первый встрѣчный сукъ. Къ счастью для него, приказаніе мое принято было слишкомъ буквально, а на всей обширной саваннѣ, чрезъ которую мы проходили, не было ни одного деревца. Это продолжалось во всю нашу дорогу. Приказаніе мое не могло быть исполнено, и Кухилло спасся отъ смерти. Впрочемъ онъ не поминалъ этого случая.

«Вы были свидѣтелемъ тому, какъ я возобновилъ съ нимъ знакомство въ деревнѣ Гуэрфано. За порядочное количество наличныхъ денегъ, онъ открылъ мнѣ богатую руду, къ которой я направлю экспедицію, находящуюся подъ моимъ предводительствомъ.

«Только Кухилло, мнѣ, да вамъ теперь, донъ Вицентій (испанецъ не упомянулъ о Тибурціо), извѣстна скрытая цѣль этой попытки, которая, на видъ, кажется однородной съ прежними. Что касается до васъ, Деспильфаро, вамъ предстоитъ здѣсь очень пріятная задача излить чувства свои передъ прелестной Розаритой; я-же отправляюсь въ дальнія страны, бороться съ безчисленными опасностями. — Кухилло, если только онъ измѣнитъ мнѣ, я объщаю такое-жъ справедливое наказаніе, какъ и въ тотъ разъ, но болѣе скорое. Не знаю почему, мнѣ кажется, что негодяй не перемѣнился.

«Самая значительная часть добычи отъ этого предпріятія придется на долю мнѣ, какъ вождю, и присоединится къ средствамъ, находящимся въ моемъ распоряженіи. Въ случаѣ нужды, команда моя можетъ прибѣгнуть и къ схваткамъ; у нея будетъ порядочная подмога изъ Испаніи. Въ Европѣ народонаселеніе дошло теперь до излишка, который стремится найдти куда-бы-то ни было исходъ. Со всѣхъ сторонъ подъ знамена наши стекутся искатели приключеній, и мы отправимся завоевывать новое королевство, которое Европа отдастъ одному изъ своихъ сыновъ.»

Испанецъ, въ энтузіазмѣ расхаживалъ большими шагами по комнатѣ, какъ-будто ему уже удалось овладѣть новою областію и гордо передать ее своему повелителю. Въ глазахъ его блисталъ воинственный жаръ; онъ, казалось, забылъ о своемъ собесѣдникѣ. Только спустя нѣсколько минутъ, ему пришло въ голову, что въ предпріятіяхъ такого рода на первомъ планѣ должна стоять интрига, на которую могли-бы опереться и смѣлость и сила. Не безъ скрытаго презрѣнія обратился онъ къ человѣку, который долженъ былъ управ-

лять пружинами этой интриги: такіе люди, какъ Эстеванъ, за это дѣло не берутся.

— Но ваша обязанность будетъ нѣсколько поспокойнѣй. Мы станемъ драться посреди бѣлаго дня, а вамъ нужно дѣйствовать только въ сумерки. Богатая женитьба устроитъ ваши денежныя дѣла и возвратитъ вамъ утраченное вліяніе. Изъ двухъ сотъ тысячъ піастровъ, которые вы возьмете за женой, сто тысячъ можно будетъ употребить на то, чтобы собрать себѣ преданную партію. Деньги-же будутъ вамъ возвращены съ излишкомъ; еслибъ даже вы потеряли ихъ, и тутъ еще нѣтъ проигрыша. Но онѣ не пропадутъ даромъ....

«Наружныя дѣйствія ваши должны быть облечены въ стремленіе исторгнуть Сонору изъ федеральнаго союза; побудительныхъ причинъ къ этому найдете много.... явятся испанскіе офицеры и солдаты, возстановятъ порядокъ; въ распоряженіи моемъ будетъ довольно золота и Сонора сдѣлается мирнымъ государствомъ. Это первый, самый рѣшительный шагъ.... За нимъ начнется преобразованіе; правленіе вручится тому изъ европейскихъ принцевъ, который говоритъ на вашемъ языкѣ и вѣруетъ вашей вѣрѣ.

«Теперь послушайте, донъ Вицентій. До прибытія моего въ эту провинцію, здѣсь проживалъ человѣкъ, когда-то очень богатый, но пришедшій въ большую бѣдность. Будущность у него была самая незавидная; недостатокъ удобствъ и печаль по утраченнымъ наслажденіямъ и богатствамъ остались ему на долю. И вдругъ этотъ сеньоръ Деспильфаро превратится въ испанскаго гранда, получитъ очень выгодное мѣсто, которое поставитъ его на самую завидную и блестящую степень.»

Сказавъ это, испанецъ замолкъ. Трагадуръ, покоряясь соблазну почестей и богатствъ, пожалъ руку смѣлаго приверженца Карлоса и съ жаромъ вскричалъ:

«Да здравствуетъ Король Карлъ!»

Испанецъ поговорилъ съ нимъ еще о нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣрахъ, доказывалъ ему легкость исполненія задуманнаго имъ предпріятія, исчислялъ всѣ выгоды и заключилъ, улыбаясь:

— Вотъ видите, у короля Дона-Карлоса уже одинъ приверженецъ на этой почвѣ есть! Но наступаетъ поздній вечеръ, донъ Вицентій, а я долженъ еще сегодня передумать о многомъ, чего не слѣдуетъ

отлагать до завтра. Извините меня, что я долженъ разстаться съ вами.

Трагадуръ отправился въ свою комнату, съ головой исполненной бреда о золотыхъ дняхъ и о будущемъ величіи.

II.

Комната, въ которой донъ Августинъ пріютилъ четырехъ искателей приключеній, Педро Діаза, Ороха, Кухилло и Бораджу находилась въ самомъ концѣ пріемныхъ покоевъ. За столомъ, они тотчасъ завели между собой знакомство, и завязался общій разговоръ.

Подлѣ стола, на дубовой скамьѣ, сидѣли Кухилло и Бораджа; при блѣдномъ свѣтѣ длинной и тонкой свѣчи, они стали продолжать вчерашнюю игру, не смотря на всѣ клятвы никогда за нее не приниматься.

Педро Діазъ, казалось, глядѣлъ на нихъ совершенно машинально. Орохъ сложилъ одну ногу на другую и, опершись локтемъ на колѣно (обыкновенная поза играющихъ на вигуэлѣ), напѣвалъ подъ звуки своего инструмента болеро и фанданго, наиболѣе любимыя прибрежнымъ народонаселеніемъ.

Именно эти звуки услышалъ Тибурціо. Орохъ, завернувшись по врежнему въ свой прозрачный плащъ, какъ истинный артистъ звуками пѣсенъ своихъ возносился надъ всѣми предразсудками туалета и приличій.

До половины выпитая бутылка *мескаля** довершала для игроковъ наслажденіе ужина, за который они принялись съ большой охотой. Не смотря на разговорчивость, Кухилло что-то волновало; нахмуренныя брови дѣлали лицо его мрачнѣе обыкновеннаго. Онъ ставилъ карту съ особеннымъ тщаніемъ. Игра ему не везла; часть золота, полученнаго имъ отъ дона Эстевана, перешла уже въ руки его противника, и онъ старался по-крайней-мѣрѣ осторожностью поправить несчастье. Увидя карту, уносившую всѣ выставленныя имъ деньги, Кухилло швырнулъ игру свою на столъ.

— Прахъ побери и музыку вашу и меня, вистую съ ней! Нужноже мнѣ было садиться съ человѣкомъ, играющимъ на слово, а самому проигрывать чистаганъ!

* Крѣпкій вываръ изъ какого-то корня и алоэ.

— Вы оскорбляете меня, — съ достоинствомъ возразилъ Бораджа, — слово мое всегда стоило чистагана.

— Особенно, когда вы не проигрывали.

— Вы нарушаете всякое приличіе, — отвѣчалъ, собирая карты, Бораджа. — И васъ сердитъ такая бездѣлица, Кухилло! У меня такъ одну половину гаціенды украли, а другую выиграли, и я не сказалъ ни слова.

— Такъ что-жъ! Я вѣдь говорю то, что думаю, сеньоръ Бораджа, говорю громко. — При этихъ словахъ Кухилло хватился за ножъ.

— Вы говорите такія вещи, отъ которыхъ не легко приходится вашимъ друзьямъ. Впрочемъ эти слова не падаютъ на далекомъ разстояніи. Я готовъ заговорить съ вами другимъ языкомъ, болѣе мѣткимъ.

И онъ вынулъ изъ-за пояса свой ножъ.

Орохъ снова взялъ въ руки инструментъ, и, какъ бардъ старыхъ временъ, хотѣлъ было уже воспѣвать бой, очевидцемъ котораго готовился быть, какъ вдругъ Діазъ бросился между бойцами.

— Помилуйте, господа кавалеры! — сказалъ онъ, — люди, которые должны-бы уважать другъ-друга, готовы рѣзаться изъ-за нѣсколькихъ квадруплей И когда-жъ? Наканунѣ экспедиціи, которая принесетъ имъ въ десять разъ болѣе. Вы согласились быть путеводителемъ въ этомъ походѣ, Кухилло, и слѣдовательно не имѣете права въ спорѣ, лишенномъ всякаго основанія, подвергать опасности свою жизнь. А вы, сеньоръ Бораджа, тоже не должны лишать насъ проводника. Вложите на мѣсто оружіе, и перестаньте ссориться.

Прійдя въ себя, Кухилло вспомнилъ, что онъ всѣхъ болѣе долженъ былъ интересоваться экспедиціей. Драться на ножахъ, то-есть, идти почти на вѣрную смерть, значило рисковать слишкомъ многимъ.

Съ своей стороны, Бораджа тоже подумалъ, что гораздо лучше употребить выигранные имъ квадрупли на что-нибудь другое, чѣмъ на собственныя похороны.

— Ножалуй, я готовъ пожертвовать своимъ смиреніемъ для общей пользы, — сказалъ Кухилло.

— Что касается до меня, — подхватилъ Бораджа, — то я готовъ послѣдовать вашему примѣру; но не стану ужъ больше играть.

Противники протянули другъ другу руки. Чтобъ разсѣять всякіе

остатки потушенныхъ непріятностей, Діазъ завелъ разговоръ о постороннемъ.

— Съ какимъ это молодымъ человѣкомъ вы нынѣче ѣхали на одной лошади, сеньоръ Кухилло? — спросилъ онъ. — Если я не ошибаюсь, не смотря на дружеское обращеніе ваше, мнѣ удалось замѣтить въ вашихъ взглядахъ что-то враждебное, недовѣрчивое.

Кухилло разсказалъ, какъ онъ нашелъ Тибурціо полумертвымъ на серединѣ дороги, онъ назвалъ его имя и сообщилъ все то, о чемъ читатель уже знаетъ. Но этотъ вопросъ еще болѣе омрачилъ лицо бандита: онъ напомнилъ ему, какъ всѣ хитрости его разрушены были осторожностью молодаго человѣка, и какъ онъ самъ трепеталъ одно время отъ взгляда этого молодаго человѣка. Возвратясь къ мысли объ убійствѣ своего побѣдителя, онъ рѣшился найти себѣ сообщниковъ въ мщеніи.

— Случалось-ли вамъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Діазу и Ороху, — принести, для общаго блага, такую жертву, какъ я тотчасъ принесъ?

— Конечно, — отвѣчалъ Діазъ.

— А вотъ мнѣ, — вскричалъ длинноволосый гамбузино, съ откровенностью, которая всего болѣе дѣлала честь его характеру, — меня дурная звѣзда моя вѣчно заставляла дѣлать совершенно противное.

— По моему, — продолжалъ ораторъ, — ужъ если посвятилъ себя душой и тѣломъ какой-нибудь дѣятельности, такъ нужно, чтобъ замолкли въ тебѣ всѣ другія наклонности, всѣ другіе интересы.

— Такъ и всѣ думаютъ, — сказалъ Бораджа.

— На бѣду, совѣсть моя бываетъ иногда черезъ-чуръ деликатна, и даже въ эту минуту я очень нуждаюсь въ вашей подпорѣ.

Собесѣдники слушали Кухилло съ невозмутимой серьезностью.

— Что, еслибъ на свѣтѣ, — продолжалъ бандитъ, — существовалъ такой человѣкъ, котораго-бы вы очень любили, но который-бы могъ помѣшать успѣху нашей экспедиціи. Чтобы вы съ нимъ сдѣлали?

— Клянусь, — вскричалъ Орохъ, — я былъ-бы очень радъ пожертвовать частнымъ своимъ интересомъ общему благу!

— Но кто-жъ можетъ помѣшать намъ? — спросилъ Діазъ.

— Это длинная исторія, важная только для одного меня; но я могу увѣрить васъ, что такой человѣкъ дѣйствительно существуетъ.

— Карамба! — вскричалъ Орохъ, — онъ не долженъ существовать.

— Всѣ-ли вы такъ думаете? — спросилъ Кухилло.

— Разумѣется! — отвѣчали въ одинъ голосъ Орохъ и Бораджа.

Діазъ молчалъ, онъ не принялъ никакого участія въ этомъ разговорѣ и воспользовался предлогомъ выйти на свѣжій воздухъ.

— Такъ я вамъ скажу, господа, — продолжалъ Кухилло, оставшись наединѣ съ своими аколитами, — что человѣкъ этотъ — мой другъ Тибурціо.

— Тибурціо! — вскричали сообщники Кухилло.

— Къ сожалѣнію, онъ; и не смотря на то, что сердце во мнѣ при этихъ словахъ обливается кровью, я долженъ открыть вамъ, что жизнь его можетъ въ самомъ началѣ уничтожить всѣ наши планы.

— Но вѣдь на завтрашней охотѣ, — сказалъ Бораджа, — представится тысяча случаевъ отдѣлаться отъ него самымъ легкимъ образомъ.

— Правда, — произнесъ мрачнымъ голосомъ Кухилло. — Нужно устроить такъ, чтобы онъ съ этой охоты не возвращался. Такъ можно на васъ надѣяться?

— Вполнѣ! — отвѣчали бандиты.

Гроза собиралась надъ головой Тибурціо, но это была только прелюдія. Кто-то постучался въ дверь и прервалъ зловѣщій разговоръ.

Въ комнату вошелъ одинъ изъ людей донъ Эстевана. Онъ сказалъ, что господинъ его ожидаетъ Кухилло въ саду. Этотъ случай заставилъ отложить до удобной минуты разсужденіе о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять для уничтоженія вреднаго человѣка. Посолъ донъ Эстевана провелъ Кухилло въ гранатную аллею, гдѣ они встрѣтили человѣка, окутаннаго въ плащъ.

Луна, пробиваясь сквозь чащу вѣтвей, освѣтила неподвижное лицо испанца (маска, которую надѣвалъ обыкновенно донъ-Эстеванъ, чтобъ скрыть порывы задушевныхъ думъ). Услышавъ шаги Кухилло, приближавшагося съ лицомъ пылавшимъ отъ пробудившейся въ немъ мести, Эстеванъ прервалъ свои размышленія.

Если-бы Кухилло не былъ поглощенъ кровавыми стремленіями, онъ замѣтилъ-бы выраженіе насмѣшки въ лицѣ испанца.

— Вы меня звали? — спросилъ онъ.

— Я думаю, вы не въ силахъ даже надивиться моей довѣрчивости, — сказалъ Эстеванъ. — Я далъ вамъ, кажется, достаточно времени для того, чтобъ разузнать этого молодаго человѣка... сына Марка вы знаете, о комъ я говорю. Конечно, вы успѣли разглядѣть его на-сквозь, извѣдать самые сокровенные закоулки его сердца. Нельзя сказать, чтобы у васъ проницательности было такъ-же мало, какъ совѣсти.

Ѣдкія слова испанца подѣйствовали не слишкомъ пріятно на Кухилло; они растравляли раны его самолюбія. Читатель уже видѣлъ, какъ онъ старался внушить ему опасеніе, что, можетъ быть, наречённая мать молодаго человѣка открыла что-нибудь, на смертномъ одрѣ, своему пріемышу. Тогда онъ могъ надѣяться только на свои силы; у него не было еще союзника. Но теперь надежда отмстить упрочивалась обѣщаніемъ двухъ бандитовъ, такихъ-же, какъ и самъ онъ; теперь, по его мнѣнію, слѣдовало убѣждать въ совершенно противномъ, и Кухилло старался увѣрить Эстевана, что отдавать молодаго человѣка подъ это наблюденіе было совершенно излишне.

— Что-жъ вы узнали? — спросилъ Эстеванъ.

— Ничего, — отвѣчалъ Кухилло.

— Какъ, ничего?

— Я не могъ ничего вывѣдать отъ молодаго человѣка, потому-что и самъ онъ ничего не знаетъ. Для меня у него нѣтъ никакихъ тайнъ.

— Какъ! онъ и не подозрѣваетъ существованія золотой долины?

— Онъ о ней ничего не знаетъ, — съ безстыдствомъ отвѣчалъ Кухилло.

— Что-жъ ему нужно въ гаціэндѣ? Вѣдь онъ ужъ былъ на пути къ ней, и вѣроятно, не безъ цѣли.

— Онъ просто пришелъ просить должности у дона Августина, хоть самой маленькой, хоть мѣсто пастуха.

— Изъ этого я вижу, что вы совершенно попали въ его довѣренность.

— Но для меня очень лестно. Моя проницательность...

— Въ уровень съ вашей совѣстью,—съ важностью сказалъ испанецъ.

Кухилло поклонился, не вникая въ смыслъ этихъ словъ.

— Вы такъ внезапно внушили къ себѣ довѣріе этому молодому человѣку.... Во время долгаго пути, который вы сдѣлали вмѣстѣ, вы говорили съ нимъ, вѣроятно, о множествѣ самыхъ разнородныхъ предметовъ, и пустыхъ и серьезныхъ.... Напримѣръ, хоть о такъ-называемыхъ сердечныхъ дѣлахъ.... Не повѣрилъ-ли онъ вамъ какихъ-нибудь плановъ, какой-нибудь страстишки?

— Въ кого-жъ прикажете влюбиться въ этой пустынѣ! Бѣдный Тибурцio предпочтетъ, я думаю, самую посредственную лошадь первой красавицѣ.

— Ого! — сказалъ испанецъ, не удерживая болѣе насмѣшливаго выраженія, отъ котораго Кухилло обдало холодомъ: — ваша молодость, другъ Кухилло, обѣщала гораздо болѣе.

— Какъ! будто я теперь менѣе обѣщаю? — спросилъ бандитъ, котораго этотъ упрекъ привелъ въ замѣшательство.

— Мнѣ за васъ что-то страшно.... И если совѣсть у васъ, также тупа, какъ проницательность, то вы и во снѣ не смутитесь отъ дневныхъ грѣховъ.

— Что вы разумѣете подъ этимъ? — спросилъ Кухилло, хотя очень понималъ неловкость своего положенія.

— Я хочу сказать, что вамъ не посчастливилось даже въ единственномъ добромъ дѣлѣ.

— Доброе дѣло!—подумалъ Кухилло, перебирая въ памяти своей, когда именно онъ могъ сдѣлать доброе дѣло.

— Вы спасли этого молодаго человѣка отъ смерти.

— Но вѣдь не я, а вы сдѣлали это доброе дѣло; что касается до меня, я считалъ его излишнимъ.

— Ну, такъ и быть: мнѣ хотѣлось только дать вамъ въ займы этотъ подвигъ, не смотря на пословицу, которая велитъ вѣрить только богатымъ. А вотъ я, и безъ претензіи на проницательность, узналъ, что въ карманѣ у этого молодаго человѣка спрятанъ путеводитель къ золотой долинѣ; что онъ страстно влюбленъ въ донью Розаріо и за нея готовъ отдать и золотую долину, и лучшихъ лошадей ея отца; онъ пріѣхалъ въ эту гаціэнду съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться со временемъ ея владѣльцемъ!

— Не можетъ быть! — вскричалъ Кухилло, — чтобъ меня такимъ образомъ надуло дитя!

— Это дитя — великанъ въ сравненіи съ вами, — холодно сказалъ Арехиза.

— Не можетъ быть! — продолжалъ Кухилло въ отчаяніи.

— Хотите доказательствъ?

— Разумѣется, — отвѣчалъ Кухилло, скрывая свое бѣшенство.

— Такъ вы хотите доказательствъ, Кухилло? — торжественно продолжалъ испанецъ. — Скажу вамъ одно: отъ нихъ у васъ пробѣжитъ морозъ отъ ногъ до головы.

— Мнѣ нужно доказательствъ, какія-бъ они ни были!—сказалъ, задыхаясь, Кухилло.

Донъ Эстеванъ остановился; онъ радовался случаю подавить своимъ превосходствомъ человѣка, вѣрность котораго, по тысячѣ причинъ, казалась ему сомнительной.

— Тибурціо изъ такого рода.... по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется ... въ которомъ существуетъ обычай не щадить жизни враговъ. Родъ этотъ хитеръ и силенъ.... Не забудьте, что вы смертельный врагъ Тибурціо.... Теперь понимаете въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ!

— Такъ вамъ нетрудно будетъ понять меня послѣ нѣсколькихъ самыхъ простыхъ вопросовъ. Во время общей экспедиціи вашей съ Арелланосомъ не было-ли у васъ лошади, спотыкавшейся на лѣвую ногу?

Кухилло поблѣднѣлъ.

— Скажите, товарища вашего зарѣзали индѣйцы?

— Можетъ быть, и не индѣйцы, — отвѣчалъ бандитъ съ улыбкой, которая изуродовала его лицо.

— Въ смертельной схваткѣ, не были-ли вы ранены въ ногу? кажется, вы несли на плечахъ своихъ трупъ Арелланоса?

— Да, мнѣ не хотѣлось оставить его на посмѣяніе индѣйцамъ.

— И вѣроятно, именно съ этой цѣлью вы бросили въ сосѣднюю рѣку тѣло, которое, можетъ быть, не было еще трупомъ?

Луна, сквозь листья гранатныхъ деревъ, бросала синеватый блескъ на физіономію бандита; онъ глядѣлъ во всѣ глаза, не постигая, ка-

кимъ образомъ могла быть кому-нибудь извѣстна тайна, похороненная имъ въ пустынѣ.

Легко понять, что продавая чудный секретъ свой Эстевану, Кухилло не преминулъ въ порывѣ хвастливости, разсказать, какимъ образомъ секретъ этотъ ему достался. Онъ коснулся слегка первой экспедиціи своей въ золотую долину, разсказывалъ о товарищѣ своемъ и старался не пропустить ни одной подробности, которая могла содѣйствовать къ убѣжденію испанца въ важности сдѣланнаго имъ открытія. Каково-же было его удивленіе, когда онъ услышалъ вдругъ то, что могла видѣть одна пустыня.

— А Тибурціо знаетъ объ этомъ? — спросилъ Кухилло, съ дурно-скрытой заботливостію.

— Нѣтъ; но ему извѣстно, что у убійцы отца его была точно такая лошадь, какъ у васъ; что человѣкъ этотъ раненъ былъ въ ногу и забросилъ трупъ въ рѣку. Тибурціо не знаетъ только имени убійцы. Если я замѣчу малѣйшую недружелюбность съ вашей стороны, я тотчасъ все открою молодому человѣку, и онъ раздавитъ васъ, какъ скорпіона. Помните, что я сдержу свое обѣщаніе, и малѣйшая измѣна будетъ вамъ стоить жизни.

— До тѣхъ поръ, пока ты будешь самъ жить! — подумалъ Кухилло: — что-же касается до Тибурціо, то завтра въ это время можно будетъ говорить ему все, что угодно, и онъ не услышитъ.

Кухилло былъ изъ числа людей, которымъ не трудно оправиться отъ пораженія.

— Какъ-бы то ни было, — сказалъ онъ съ безстыдствомъ, — а все-таки вы не доказали мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ дѣйствительно влюбленъ въ донью Розаріо, и я буду вѣрить своей проницательности до-тѣхъ-поръ, пока....

— Тсъ! — шепнулъ испанецъ: — мнѣ послышались вблизи голоса.

Они, молча, пробрались къ бесѣдкѣ, которую занимала дочь Гаціэндеро. Среди ночной тиши, можно было на далекомъ разстояніи, если не разслышать слова, то по-крайней-мѣрѣ узнать голоса.

III.

ЛЮБОВЬ ЗА РѢШЕТКОЙ.

Ни малѣйшій шорохъ не могъ ускользнуть отъ слуха въ ту минуту. Дневной шумъ совершенно стихъ съ наступленіемъ ночи. На

всемъ пространствѣ обширнаго сада гаціэнды изрѣдка только свѣжій, ароматическій вѣтерокъ слегка шевелилъ листьями деревъ.

Въ воздухѣ царствовала такая тишина, что до Армады и Кухилло, доносилась изъ лѣса, прилегавшаго къ усадьбѣ дона Августина, звучная пѣсня дикаго куитлакоха, щебетавшаго на вѣтвяхъ ліанъ, повисшихъ надъ каскадами.

— Вѣдь это голоса Тибурціо и доньи Розаріо! — шепнулъ бандитъ.

— Видишь, Кухилло, — сказалъ Эстеванъ, — вотъ тебѣ и доказательство.

Испанца поразила мысль, что въ случаѣ, если донья Розаріо дѣйствительно любитъ молодаго человѣка, ему не удастся устроить бракъ, который онъ думалъ положить въ основу будущихъ своихъ дѣйствій.

Изъ всѣхъ онъ одинъ зналъ о происхожденіи Тибурціо; послѣдній изъ Медіанъ не могъ не казаться ему достойнымъ дочери гаціэндеро. Не смотря на это, Эстевану ни разу не приходило въ голову, чтобъ донья Розаріо могла отвѣчать на любовь человѣка, который въ кружкѣ ея слылъ за мальчика безъ всякаго фамильнаго значенія.

И какъ, въ эту минуту могла не прійти ему въ голову мысль, что дочь дона Августина не совсѣмъ не внимательна къ дерзкой страсти *голыша?* (Такъ называлъ онъ обыкновенно Тибурціо.) Они говорили другъ съ другомъ въ такую пору, наединѣ, безъ всякихъ свидѣтелей, кромѣ звѣздъ небесныхъ! Такое свиданіе не было-ли уже знакомъ особеннаго расположенія.

Сердце бѣшено вздрогнуло въ испанцѣ; честолюбіе его было поражено мыслью о возможности неудачи. И онъ не предвидѣлъ этого препятствія!

Чело герцога Армады подернулось заботой. Въ распоряженіи у него была рука, готовая поразить любую жертву; по двадцать лѣтъ раскаянія тяготѣли надъ его головой, не смывши съ совѣсти давняго убійства. Можно-ли было, пройдя уже половину труднаго пути, снова пролить отраву на весь остатокъ жизни?

Во всемъ существѣ дона Эстевана происходила страшная борьба совѣсти съ честолюбіемъ. Исполненіе многолѣтнихъ предначертаній казалось уже такъ близко, и вдругъ настала нежданная минута труднаго выбора — идти-ли впередъ, или остановиться? Честолюбцамъ очень часто приходится ворочать скалу Сизифа.

— Судьба, — думалъ онъ — и горькая улыбка скользнула по его ус-

тамъ, — судьба доставляла мнѣ случай возвратить этому молодому человѣку имя, знатность, богатство. Доброе дѣло зрѣлаго возраста загладило-бы, можетъ быть, преступленіе молодости ... Я рѣшился отказаться отъ этого случая.... Неужели тутъ мало жертвы дѣлу, на которое я себя обрекъ?...

Кухилло внимательно слѣдилъ за испанцемъ, лицо котораго ускользало отъ его глазъ въ тѣни гранатныхъ деревъ.

— Теперь, кажется, — сказалъ Эстеванъ, — настала минута, которая разрѣшитъ всѣ наши сомнѣнія. Но если я унижаюсь до того, что прислушиваюсь къ разговору человѣка въ минуту, когда нѣтъ у него никакихъ тайнъ, — такъ это вслѣдствіе высшей необходимости, и для того, чтобъ убѣдить тебя въ фактѣ, дѣйствительности котораго ты не въ силахъ отвергнуть. Не забывай также, что мщеніе твое должно подчиняться моей волѣ.

Въ этихъ словахъ не было уже той насмѣшки, отъ которой Кухилло приходилъ въ отчаяніе

Читатель помнитъ, что донъ Августинъ разсказалъ Эстевану все, что слышалъ отъ Фра-Хозе-Маріи о Тибурціо Арелланосѣ.

Сообразивъ обстоятельства убійства Марка съ тѣмъ, что открылъ ему бывшій сподвижникъ гамбузина, онъ тотчасъ заключилъ, что убійца никто иной, какъ Кухилло. Это открытіе ставило бандита въ большую зависимость отъ него; но оно не отстраняло того, что могло сдѣлаться главнымъ препятствіемъ любви Тибурціо и доньи Розариты.

Вотъ какая гроза собиралась надъ молодымъ Арелланосомъ Очевидно, что она должна была разразиться на другой-же день: къ оскорбленному самолюбію и къ жадности Кухилло присоединялись честолюбивые виды герцога Армады.

Не смотря на то, что ночь была свѣтлѣе, чѣмъ того желали Кухилло и донъ Эстеванъ, они могли пробираться незамѣтно; но подъ стѣной нужно было достигнуть рощицы изъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, отъ которыхъ воздухъ ночи наполнялся свѣжестью и благовоніемъ. Случилось такъ, что тѣни ихъ ложились на стѣну, и они достигли бесѣдки, не бывъ замѣчены. По мѣрѣ приближенія, явственнѣй становился шопотъ вопросовъ и отвѣтовъ; и наконецъ, въ густомъ кустарникѣ, въ которомъ они притаились, можно было, благодаря глубокой тиши, разобрать малѣйшій звукъ.

— Не шевелись, чтобъ ты ни услышалъ, — шепнулъ Эстеванъ на ухо Кухилло.

— Гмъ!.. — подумалъ этотъ послѣдній, —кажется мнѣ не совсѣмъ нелюбопытно убѣдиться въ томъ дѣйствительно ли я до такой степени не догадливъ.

Оба они приловчились такъ, чтобъ можно было все видѣть и слышать. Только самое незначительное пространство отдѣляло ихъ отъ предмета наблюденій, которому и въ голову не могла прійти опасность, грозившая ему.

Если въ Испаніи нравы, существовавшіе тамъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, нѣсколько попзмѣнились, то въ Мексикѣ ихъ можно встрѣтить во всей чистотѣ.

Иностранцу, попавшемуся въ какой-нибудь изъ большихъ центровъ мексиканскаго народонаселенія, кажется, что онъ занесся въ одинъ изъ средневѣковыхъ городовъ. Онъ долго не можетъ постигнуть какимъ образомъ ему случилось отрыть уголокъ, на который не имѣли никакого вліянія цѣлыя три столѣтія.

Нельзя не замѣтить въ Мексикѣ слабаго отблеска европейской цивилизаціи; но она не коснулась національныхъ особенностей. Въ мѣстахъ, гдѣ совершились событія нашего романа, въ этихъ крайнихъ провинціяхъ, по границамъ которыхъ встрѣчаемъ дикій бытъ индѣйцевъ, не существуетъ почти ничего напоминающаго современную Европу; и очерки тамошнихъ нравовъ перенесутъ читателя во времена Гузмана д'Альфароке, допъ-Жуана де-Марана и героевъ испанскаго преданія.

Нѣсколько времени, – а время это показалось имъ очень долгимъ, — Эстеванъ и Кухилло слышали одни общія мѣста разговора влюбленныхъ, тутъ были упреки, нѣжныя жалобы. Какъ водится, онъ старался подкрѣпить мысли свои доводами; она-же отражала доводы съ ловкостью, быстротой и отчетливостью, которыя даютъ женщинамъ такое рѣшительное превосходство надъ нелюбимымъ мужчиной. Дѣйствительно-ли положеніе Тибурціо было такъ невыгодно, читатель увидитъ впослѣдствіи; теперь-же мы постараемся очертить то, что происходило на глазахъ дона-Эстевана и Кухилло.

Блѣдный отсвѣтъ ложился отъ освѣщеннаго окна на песчаную площадку. Среди яркаго свѣта, наполнявшаго бесѣдку, виднѣлась донья

Розаріо, одѣтая въ бѣлое платье. Вся эта обстановка придавала молодой дѣвушкѣ какую-то чудную таинственность.

Окруженная чарами благовонной ночи, она была въ эту минуту прелестнѣй, чѣмъ въ гостинной своей гаціэнды; никогда испанка не бываетъ такъ хороша, какъ за рѣшеткой балкона.

Она была покрыта шелковымъ робозо, мягкія складки котораго опускались ей на плечи и измѣнялись при всякомъ движеніи. Въ рѣшетчатое окно можно было разглядѣть не только изящную талію дѣвушки, но даже и ножку.

Тибурціо, прислонясь головой къ рѣшеткѣ, былъ, казалось, подъ вліяніемъ безнадежности.

— Розарита, — говорилъ онъ, — я не забылъ того дня, когда мы встрѣтились впервые, въ лѣсу. Сумерки были въ ту минуту такъ глубоки, что я могъ разглядѣть одинъ призракъ вашъ.... Но этотъ призракъ былъ очарователенъ.... вы казались мнѣ геніемъ лѣса. Я услышалъ тогда голосъ вашъ, и ничто въ мірѣ не сравнится съ этимъ голосомъ....

— И я не забыла того, что вы для насъ сдѣлали; но зачѣмъ вспоминать о томъ, что прошло?

— О томъ, что прошло! и вы называете прошедшимъ то время, съ котораго я началъ жить! Нѣтъ, для меня оно не прошедшее; оно такъ живо въ моей памяти, какъ вчерашній день. Потомъ, — продолжалъ онъ задумчиво, припоминая малѣйшее впечатлѣніе, — потомъ мы вошли въ домъ, и при свѣтѣ разгоравшагося камина, передо мной мало-по-малу разоблачилась та чудная красота, предчувствіе которой заронилъ въ душу мою вашъ голосъ.

Еслибъ Тибурціо, глаза котораго были опущены, поднялъ ихъ въ эту минуту на донью Розаріо, то замѣтилъ-бы на челѣ молодой дѣвушки отпечатокъ сотрясенія, которое, можетъ-быть, и не проникаетъ въ сердце женщины, но возбуждается всегда страстью хвалебнаго гимна.

Тибурціо, предавшись вполнѣ сладкимъ и горькимъ воспоминаніямъ, продолжалъ еще болѣе мягкимъ и тронутымъ голосомъ:

— Я не забылъ и цвѣтовъ, сорванныхъ мною для васъ. Они становились свѣжей и благовонней, коснувшись вашихъ волосъ. И неужели это благовоніе, какъ ядъ, вливало въ жилы мои неисцѣлимую любовь? О, какъ я былъ тогда безуменъ! Я вѣрилъ голосу коло-

кольчиковъ, когда они говорили мнѣ: «Упивайся этимъ запахомъ и надѣйся!» И я надѣялся, и упивался!... Неужели, Розарита, вы позабыли все то, что составляетъ жизнь мою?

Въ прошедшемъ женщины бываютъ такія минуты, которыя не всегда ей напоминались, не смотря на живость и точность напоминаній. Донья Розаріо нѣсколько времени молчала, какъ-будто непослушная память скрывала отъ нея подробности, о которыхъ говорилъ Тибурціо.

— Нѣтъ, — сказала она наконецъ тихо, какъ-бы желая скрыть легкое смущеніе, — и я не забыла. Но тогда мы были дѣти.... а теперь....

— А теперь объ этомъ и вспоминать не нужно, потому что явился какой-то господинъ и хочетъ вовлечь васъ въ свои честолюбивые планы.

Мелодическій голосъ Розариты зазвучалъ среди почной тишины, какъ горный кристаллъ. Розовыя ноздри ея раздулись отъ негодованія. Тибурціо затронулъ ея гордость.

— Хочетъ вовлечь меня въ свои честолюбивые планы! — сказала она. — А почему вы знаете, что не можетъ случиться на-оборотъ?

— Вы говорите, — продолжалъ Тибурціо, — что этотъ иностранецъ, этотъ донъ Эстеванъ, котораго я ненавижу еще болѣе, чѣмъ Трагадура, описывалъ вамъ удовольствія Мадрита и сказочныя чудеса заморскихъ странъ.... Ну, и вамъ хочется поглядѣть на все это!

— Признаюсь, — сказала Розарита, — не смотря на то, что я здѣсь родилась, мнѣ кажется, что жизнь моя со временемъ будетъ не совсѣмъ весела въ этой пустынѣ. Какой-то голосъ говоритъ мнѣ, что я не умру, не вкусивъ наслажденій здѣшняго міра, которыя мнѣ раскрыли. Ахъ, отчего вы не можете предложить моему отцу....

— Понимаю, Розарита; кто бѣденъ и сиръ, тотъ не слишкомъ интересуетъ женщинъ своей любовью.

— Вы несправедливы, Тибурціо. Напротивъ, именно къ этимъ людямъ и есть особенное расположеніе у женщинъ. Но отцы не всегда соглашаются съ мыслями дѣтей.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ звучало что-то въ родѣ признанія. Но Тибурціо не понялъ ихъ. Онъ продолжалъ свои упреки, отъ которыхъ легкій вздохъ вырвался у молодой женщины; она жалѣла, что ее не поняли на полусловѣ. Бываютъ случаи, когда женщинамъ

досадно, что ихъ не угадали; онѣ такъ привыкли ловить чужія мысли, что недогадливость мужчины удивляетъ ихъ.

Наступила минута молчанія.

— И вы, конечно, любите этого Трагадура?—продолжалъ Тибурціо съ невозмутимой тупостью новичка. — Пожалуйста только не говорите мнѣ, что васъ выдаютъ замужъ поневолѣ....

— Кто вамъ говоритъ о неволѣ? — сказала молодая дѣвушка, смѣясь надъ скорымъ предположеніемъ о человѣкѣ, котораго она видѣла въ первый разъ.—Я разсказывала вамъ только о постоянной волѣ моего отца, которому всѣ ваши предположенія покажутся пустыми бреднями.

— И одна эта воля въ силахъ толкнуть васъ въ объятія разорившагося мота, который ищетъ овладѣть вами только для того, чтобъ поправить состояніе и удовлетворить своимъ честолюбивымъ видамъ? Скажите, Розарита, вѣдь сердце ваше не соглашается съ этой волей? О, еслибъ было одно принужденіе, одно насиліе! Какъ-бы я старался тогда пересмѣять этого противника! Но вы мнѣ ничего не отвѣчаете.... вы его любите, Розарита! О зачѣмъ я не умеръ отъ лихорадки и жажды, нѣсколько часовъ тому назадъ!

Вдругъ въ кустахъ послышался едва внятный шорохъ.

— Тсъ!—вскричала молодая дѣвушка; — мнѣ послышался шумъ.

Тибурціо съ живостью обернулся. Лицо его пылало. Онъ радовался случаю излить на комъ-нибудь свою досаду. Но все было спокойно, луна освѣщала только листы апельсинныхъ деревъ. Бѣшенство промелькнуло въ душѣ его, какъ молнія; вслѣдъ за нимъ опять явилось страданіе.

— Можетъ-быть, вамъ послышался изъ этихъ деревьевъ вздохъ какого-нибудь несчастнаго любовника, умершаго отъ отчаянія! — сказалъ онъ задумчиво.

— Вы меня пугаете! — вскричала молодая дѣвушка, освобождая руку свою изъ-подъ робозо, чтобъ осѣниться крестомъ.—Неужели вы думаете, что можно умереть отъ любви? — продолжала она наивно.

Грустная улыбка показалась на устахъ Тибурціо.

— Можетъ-быть, и да! — отвѣчалъ онъ. — Послушайте, Розарита: вы говорите, что вы честолюбивы. А еслибъ я могъ доставить вамъ все то, что вамъ обѣщано? До-сихъ-поръ вы слышали отъ меня только о сиротѣ и бѣднякѣ Тибурціо; теперь я загово-

рю о Тибурціо Арелланосѣ, который будетъ вскорѣ богатъ и могучъ.

Говоря это, Тибурціо довѣрчиво поднялъ глаза къ небу; въ нихъ ожила гордость потомка древняго рода.

Это были съ его стороны первыя дѣйствительныя слова въ этотъ вечеръ; Розарита стала слушать его съ большимъ вниманіемъ.

IV.

Что значитъ не понять другъ друга!

Кухилло и Эстеванъ не проронили ни одного звука, ни одного движенія молодыхъ людей.

При послѣднихъ словахъ Тибурціо, они переглянулись другъ съ другомъ. Лицо бандита выражало злость и замѣшательство; Кухилло бѣсило то, что онъ попалъ совершенно неожиданно въ просакъ, и на бѣду еще такъ безсовѣстно прихвастнулъ успѣхомъ своимъ передъ Эстеваномъ.

Испанецъ глядѣлъ на него, — можетъ быть не безъ цѣли, — съ самой неумолимой ироніей.

— Да, ты не ошибся, — сказалъ онъ; — этотъ молодой человѣкъ, дѣйствительно, готовъ предпочесть самую посредственную лошадь первой изъ здѣшнихъ красавицъ.

Бандитъ кусалъ себѣ губы отъ досады.

— А вотъ посмотримъ знаетъ-ли онъ о золотой долинѣ хоть на столько, какъ о земномъ раѣ.

Эти слова напомнили Кухилло его промахъ, и онъ вздрогнулъ, какъ быкъ, проколотый бандерильей.

По до-сихъ-поръ, въ сущности, они не видѣли еще ничего особеннаго; Эстевану всего болѣе хотѣлось убѣдиться въ томъ, отвѣчала-ли донья Розаріо на любовь Тибурціо. Въ звукахъ ея голоса замѣтно было что-то похожее на нѣжное состраданіе къ пріемышу Арелланоса; но что собственно крылось подъ этимъ чувствомъ Арехиза могъ понять только изъ послѣдующаго разговора.

А между тѣмъ, онъ радовался случаю поразить бандита въ самую живую сторону его страстей; нужно было только удерживать вспышку до первой надобности. Преступленіе, совершенное на его

глазахъ, но безъ всякаго приказанія съ его стороны, не падало на его совѣсть и доставляло ему еще большее вліяніе на Кухилло; тогда какъ соучастіе съ бандитомъ могло уронить его въ глазахъ этого послѣдняго.

— Помни, — сказалъ онъ, крѣпко сжимая руку Кухилло: — жизнь этого молодаго человѣка священна.

Улыбка, предвѣщавшая что-то недоброе, еще разъ омрачила лицо бандита; онъ хотѣлъ говорить, но былъ остановленъ Арехизой.

— Тсъ! Слушай, слушай!

Послѣ минутнаго молчанія, Тибурціо заговорилъ снова.

— Зачѣмъ-же мнѣ скрываться передъ вами? Я могу повергнуть у ногъ вашихъ все, — и богатство, и почести, и могущество, — и этимъ чудомъ вы будете обязаны сами себѣ!

Не смотря на врожденную недовѣрчивость, женщины готовы вѣрить чудесамъ, которыя имъ приписываются. Розарита устремила вопросительный взглядъ на Тибурціо.

— Мнѣ нужно было сказать вамъ, какъ только я пришелъ сюда, — продолжалъ онъ, опуская глаза отъ упрека, который ему дѣлала совѣсть, — что пареченная мать моя недолго оставалась на свѣтѣ послѣ того, кто замѣнялъ мнѣ мѣсто отца.... Но могъ-ли я думать здѣсь о комъ-нибудь, кромѣ васъ....

— Знаю, — сказала дѣвушка; — батюшка говорилъ мнѣ сегодня, что вы теперь круглый сирота.

При этихъ словахъ, голосъ Розариты былъ сладокъ, какъ вечерній вѣтерокъ, колебавшій слегка листья апельсинныхъ деревъ; рука ея опустилась на руку Тибурціо и осталась въ этомъ положеніи.

Эстеванъ выпустилъ руку Кухилло.

— Мать моя умерла въ бѣдности, — продолжалъ Тибурціо, — но она оставила мнѣ богатое наслѣдство и, вмѣстѣ съ нимъ, завѣщала месть.... Она сообщила мнѣ тайну, правда опасную для того, кто ее знаетъ; но съ ея помощью я достигну той степени богатства, которой вамъ нужно.... потомъ отыщу убійцу Аррелланоса.

Кухилло поблѣднѣлъ и заскрежеталъ зубами. Донъ Эстеванъ не удерживалъ его болѣе, потому что рука Розариты покоилась въ рукѣ Тибурціо.... Испанецъ самъ былъ сильно взволнованъ.

— Въ 60 миляхъ отсюда, — продолжалъ Тибурціо, — Маркъ Аррелланосъ видѣлъ несмѣтно-богатую руду. Я знаю, гдѣ она находится,

и могу овладѣть ею, если только вы готовы полюбить меня.... Къ чему мнѣ всѣ эти богатства безъ вашей любви? Скажите слово, и я найду себѣ удалыхъ товарищей, завоюю и раздѣлю съ ними это сокровище; на долю мою прійдется достаточно золота! ... Скажите одно слово, и всѣ эти богатства будутъ у вашихъ ногъ, если только я останусь на свѣтѣ.

Тибурціо ожидалъ отвѣта Розариты, и былъ имъ пораженъ, какъ нежданной погребальной пѣснью надъ любимымъ существомъ.

— Мнѣ кажется, что все это только хитрость,— сказала съ прелестной улыбкой дѣвушка; — съ моей стороны было бы неблагородно думать, что вы захотѣли воспользоваться чужой тайной, которую вамъ довѣрили

— Чужой тайной! — вскричалъ молодой человѣкъ, отступая на нѣсколько шаговъ, отъ удивленія.

— Да, одинъ донъ Эстеванъ знаетъ объ этомъ.

Тибурціо упалъ съ высоты своихъ словъ. Вмѣстѣ съ тайной, онъ терялъ любимую женщину, терялъ лучшія свои надежды. Тайна была ему такъ драгоцѣнна только потому, что могла доставить ему любимую руку, — а его-жъ подозрѣваютъ въ хитрости, въ вѣроломствѣ!

— По мнѣ сказали, что секретъ одному мнѣ извѣстенъ! А! такъ дону Эстевану то же извѣстно. Такъ онъ знаетъ и того, кто убилъ моего отца!... Какъ я его ненавидѣлъ.... О когда-бъ этотъ убійца былъ онъ!

— Пожелай лучше, чтобъ Богъ отпустилъ тебѣ грѣхи твои! — вскричалъ кто-то, и донья Розарію испустила крикъ ужаса. Черная тѣнь ринулась на Тибурціо.

Молодой человѣкъ получилъ неожиданно такой толчокъ, что упалъ, не успѣвши собраться съ силами къ оборонѣ; непріятель бросился на него.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, противники валялись по песку, не произнося ни слова. Слышалось одно дыханіе ихъ. Ножъ, выроненный Кухилло, сіялъ зловѣщимъ блескомъ, и ни одинъ изъ враговъ не могъ схватить его.

— А вотъ теперь мы съ тобой разочтемся, Кухилло! — вскричалъ Тибурціо. При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ послѣднее напряженіе,

приподнялся, сталъ колѣномъ на грудь бандита, и силился обнажить свой кинжалъ.

Такъ бы и кончилась жизнь наступателя, еслибъ не явилось третье лицо, донъ Эстеванъ.

Съ минуту, онъ колебался на чью сторону пристать.

— Остановитесь! — отчаянно кричала Розарита; — ради Бога и всѣхъ Святыхъ, остановитесь! Этотъ молодой человѣкъ гость моего отца, жизнь этого молодаго человѣка должна быть священна подъ нашей кровлей!

Донъ Эстеванъ остановилъ руку, готовую нанести смертельный ударъ, и пока Тибурціо оборотился, чтобъ увидѣть, кто пришелъ мѣшать его мщенію, Кухилло высвободился изъ-подъ него и всталъ. Съ своей стороны, Тибурціо отступилъ на нѣсколько шаговъ, свернулъ свой плащъ, выставилъ его щитомъ, согнулся, вытянулъ одну ногу назадъ, а руку впередъ, на высоту равную съ глазомъ, и въ этой позѣ древняго бойца, выбиралъ, казалось, на кого наступать.

— Такъ это-то по твоему поквитаться! — вскричалъ Кухилло, задыхаясь еще отъ тяготѣвшаго на немъ колѣна. — Жизнь твоя принадлежитъ мнѣ, я тебѣ далъ ее покамѣстъ взаймы, но когда-нибудь возьму-таки назадъ.

— Выступай! — сказалъ Тибурціо, пришедшій еще въ большее раздраженіе, видя передъ собой двухъ противниковъ. — Выступайте и вы, донъ Эстеванъ, низкій убійца, платящій за нападенія въ расплохъ!

Отъ такой кровавой обиды, холодная блѣдность разлилась по чертамъ испанца; онъ, въ свою очередь, обнажилъ кинжалъ.

— Остановись, Кухилло, остановись! — кричалъ онъ съ бѣшенствомъ и бросился на молодаго человѣка.

Можетъ быть, Тибурціо пришлось-бы погибнуть отъ напора двухъ враговъ, какъ вдругъ яркій свѣтъ показался за рѣшеткой окна Розариты, и потомъ освѣтилъ красноватымъ блескомъ мѣсто дѣйствія борьбы.

Читатель видѣлъ, что Тибурціо исчерпалъ напрасно передъ молодой дѣвушкой жалобы, упреки, обѣщанія; краснорѣчивѣй должна была подѣйствовать въ его пользу эта неожиданная развязка. Есть самыя пустыя общія мѣста, пропахшія романтизмомъ, и не смотря на это, самая умная женщина всегда готова увлечься ими.

При видѣ Тибурціо, стоявшаго безстрашно въ оборонительномъ положеніи, не смотря на то, что кровь текла изъ руки, въ которой онъ держалъ ножъ, сердце доньи Розаріо исполнилось симпатичнаго удивленія. Первымъ порывомъ ея было броситься въ объятія безстрашнаго красавца, жизнь котораго была въ опасности, изъ руки котораго струилась кровь. Но Розарита принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ заглушать крикъ сердца, она всего менѣе, казалось, думала о Тибурціо.

— Боже! — вскричала она: — вы ранены, донъ Эстеванъ? Сеньоръ Кухилло, сеньоръ Арехиза, уйдите отсюда, уйдите! Пусть никто не знаетъ, что въ нашемъ домѣ могло совершиться преступленіе!

Вмѣшательство молодой дѣвушки, грудь которой приподымалась подъ тонкой сорочкой, кудри которой были распущены, и гордая, дикая красота ея, подѣйствовали самымъ могучимъ образомъ: всѣ ножи тотчасъ исчезли. Кухилло ворчалъ, какъ бульдогъ, которому мѣшаетъ намордникъ; донъ Эстеванъ хранилъ мрачное молчаніе. Оба они удалились въ темноту и скрылись.

Одинъ Тибурціо, съ поднятымъ челомъ, съ лицомъ, освѣщеннымъ яркимъ пламенемъ свѣтильника, остался на полѣ сраженія.

Но при видѣ Розариты, это выраженіе гордости, пробуждающееся въ человѣкѣ, когда онъ чувствуетъ опасность, перешло мало-по-малу въ меланхолію.

Дѣвушка, тронутая новымъ чувствомъ, которое начинало пробуждаться въ ней, старалась складками робозо прикрыть обнаженныя плечи.

— Розарита, — произнесъ тихимъ голосомъ Тибурціо, — я сталъ бы, можетъ быть, сомнѣваться въ истинѣ вашихъ словъ, — нельзя-же отказаться такъ скоро отъ всѣхъ своихъ надеждъ.... Но ваши дѣйствія все мнѣ уяснили.... Вы тотчасъ стали заботиться о врагахъ моихъ, а между тѣмъ изъ руки у меня текла кровь! Взгляните, она и теперь еще каплетъ.

— Богъ видитъ, заслужила-ли я этотъ упрекъ, — сказала дѣвушка, съ ужасомъ увидя кровавыя пятна на землѣ и подошла, чтобъ разсмотрѣть рану.

Тибурціо отступилъ назадъ.

— Теперь ужъ поздно, — сказалъ онъ съ горькой улыбкой: — зло уже совершено! Прощайте! Я слишкомъ долго былъ вашимъ гостемъ;

гостепріимство ваше послужило мнѣ не къ добру, жизнь моя даже въ опасности; всѣ лучшія надежды мои распались.

Говоря это, онъ направился къ отверстію, продѣланному во внутренней стѣнѣ.

Въ ста шагахъ отъ этого мѣста, мрачно подымались первыя деревья лѣса.

— Что вы хотите дѣлать, Тибурціо? — сказала дѣвушка, складывая руки; — кровля отца моего защититъ васъ. Изъ глазъ у нея текли невольныя слезы.

Тибурціо покачалъ отрицательно головой.

— Но тамъ вы будете одни и безъ защиты, тамъ вамъ угрожаетъ смерть, — продолжала Розарита, указывая на лѣсъ.

— Богъ пошлетъ мнѣ друзей, — сказалъ онъ, всматриваясь въ свѣтлую точку, блиставшую въ отдаленіи; — страннику дадутъ мѣстечко у очага, а въ пустынѣ я буду въ безопасности!

И Тибурціо медленнымъ по рѣшительнымъ шагомъ направлялся къ отверстію.

— Ради самого Неба, не подвергайтесь опасностямъ; онѣ станутъ вамъ грозить, когда меня ужъ не будетъ, чтобъ защитить васъ, какъ теперь; васъ тамъ ожидаетъ смерть.

Потомъ, придавая голосу своему самую убѣдительную сладость, противъ которой не могла бы устоять ни чья рѣшимость, — она добавила:

— Гдѣ-жъ вамъ будетъ лучше, какъ не возлѣ меня?

Энергія поколебалась въ Тибурціо отъ звуковъ любимаго голоса. Онъ остановился.

— Скажите, Розарита, что вы ненавидите моего соперника, какъ я его ненавижу, и я останусь.

Сильная борьба происходила, казалось, въ душѣ Розариты; грудь ея быстро приподнялась; она взглянула на Тибурціо долгимъ и нѣжнымъ взглядомъ упрека, — и молчала.

Въ возрастѣ Тибурціо, сердце женщины для насъ закрытая книга. Человѣкъ только тогда начинаетъ мало-по-малу разбирать тайны этого сердца, когда утратитъ могущественный магнетизмъ молодости: печальная замѣна прежнихъ силъ!

Еслибъ Тибурціо было 30 лѣтъ, а не 24, онъ бы остался. И эти

24 года онъ провелъ въ пустынѣ и теперь любилъ только въ первый разъ.

— Прощайте! прощайте! — вскричалъ онъ: — теперь, ужъ я не гость вашъ!

И онъ перелѣзъ черезъ стѣну, прежде чѣмъ молодая дѣвушка могла воспротивиться этому.

Въ замѣшательствѣ отъ такой неожиданной развязки, она взошла на груду камней, сброшенныхъ у стѣны и кричала, перегибаясь черезъ стѣну:

— Тибурціо! Тибурціо! неужели вы оставите такимъ образомъ своего хозяина? неужели вы хотите вызвать на его домъ небесный гнѣвъ?

Но голосъ ея безотвѣтно терялся во мракѣ. Тибурціо удалялся скорыми шагами

Она слышала еще нѣсколько минутъ шумъ его походки; но и онъ затихъ. Дѣвушка пала на колѣна и молилась.

— Боже! — вскричала она, — не попусти, чтобъ этотъ молодой безумецъ, привлекъ кару на нашъ домъ. Защити его, Боже, отъ всѣхъ опасностей, которыя ему угрожаютъ! Сохрани его; увы, онъ уноситъ съ собой мое сердце!

Потомъ, забывая въ горѣ своемъ великолѣпные планы, волю отца, данное слово и все что заставило ее подавить въ себѣ голосъ любви, котораго она тогда еще не слышала, Розарита снова взошла на кучу обломковъ и закричала растерзаннымъ голосомъ:

— Тибурціо! вернись, тебя одного я люблю! Но даже эхо не отвѣтило на этотъ призывъ. Дѣвушка завернулась въ робозо и заплакала.

Передъ входомъ въ свою комнату, она бросила послѣдній взглядъ, по тому направленію, куда отправился Тибурціо; она надѣялась еще, что онъ возвратится, старалась увидѣть его въ темнотѣ, но все вокругъ было безмолвно и мрачно.

Къ долинѣ, по которой тамъ и сямъ, при звѣздномъ свѣтѣ, рисовались кустарники, — примыкалъ густой лѣсъ. Онъ растягивался чорнымъ поясомъ, посреди тумана и глубокой тьмы. Свѣтъ все еще блисталъ изъ за вѣтвей. И вдругъ дѣвушкѣ показалось, что онъ разширился, и сталъ ярче, чтобъ дать пріютъ возлѣ себя тому, у кого ужъ не было пріюта.

V.

НОЧНОЙ ОТЪѢЗДЪ.

Удаляясь вмѣстѣ съ Кухилло, отъ бесѣдки доньи Розаріо, донъ Эстеванъ молчалъ, какъ-бы совершенно забывши о существованіи своего спутника. Вотъ они ужъ достигли гранатной аллеи, а молчаніе все тоже. Это вовсе не согласовалось съ характеромъ испанца, и если онъ не говорилъ, такъ, значитъ, былъ погруженъ въ глубокое раздумье.

Постигая болѣе, чѣмъ Кухилло, тайны женскаго сердца, Эстеванъ заключилъ изъ конца слышаннаго имъ разговора, что въ душѣ доньи Розаріо, совершенно безсознательно зарождалась искра любви къ молодому человѣку. Голосъ, движенія дѣвушки, все служило въ глазахъ его, болѣе зоркихъ, чѣмъ глаза Тибурціо, выраженіемъ этого чувства.

Тибурціо знаетъ теперь, что тайна принадлежитъ не ему одному. Но это не казалось Эстевану обстоятельствомъ первостепенной важности; для честолюбивыхъ видовъ его могло быть сильнымъ препятствіемъ то, что Розарита любила Тибурціо. Это уничтожало разомъ и возможность брака Трагадура съ дочерью дона Августина и будущее содѣйствіе Трагадура. Нужно было устранить Тибурціо, овладѣть имъ живымъ или мертвымъ. Есть такого рода требованія, въ удовлетвореніи которыхъ честолюбецъ не можетъ отказать своей преобладающей страсти.

Какъ только эта мысль установилась въ головѣ дона Эстевана, онъ сталъ разговорчивѣй

— Какая глупость и неловкость! — сказалъ онъ про-себя, но такъ, что Кухилло могъ услышать.

— Вы изволите обо мнѣ такъ отзываться? — спросилъ бандитъ, съ робостью пристыженнаго нахала.

— О комъ-же мнѣ и говорить такимъ образомъ, какъ не о человѣкѣ, который не въ силахъ ни побѣдить своего врага хитростью, ни отдѣлаться отъ него силой? Ты не могъ сдѣлать того, что сдѣлала бы женщина. Не правду-ли я говорилъ, что этотъ ребенокъ — великанъ въ сравненіи съ тобою? Еслибъ не я....

— Я не отвергаю, что меня спасла ваша помощь; но.... еслибъ

не ваше вмѣшательство на дорогѣ въ Поцу, Тибурціо не былъ бы для насъ теперь препятствіемъ.

— Какъ?

— Вчера вечеромъ, когда я везъ этого господина въ бивакъ вашъ, онъ насказалъ мнѣ тьму угрозъ и оскорбленій.... Я ужъ хотѣлъ, было, покончить нашу ссору мѣткимъ выстрѣломъ изъ карабина, какъ вдругъ является отъ васъ Бенито, съ лошадью и водой.... Ну, тутъ, по неволѣ, я долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Вотъ, что значитъ ваша доброта души; иногда сдѣлаешь добро самъ себѣ на бѣду, особенно когда чувствительность не въ нашихъ правилахъ....

— Нечего примѣшивать къ себѣ другихъ! — сказалъ испанецъ, гордость котораго была затронута выходкой бандита. — Чѣмъ же оскорбилъ тебя Тибурціо?

— Такъ.... Онъ сталъ подтрунивать надъ моей лошадью....

— Не надъ той-ли, которая спотыкалась на-лѣвую ногу? Онъ, вѣрно, какъ-нибудь коснулся убійства Арелланоса

— Я его не убивалъ! — вскричалъ бандитъ. — Правда, онъ мнѣ сдѣлалъ кой-какія непріятности, но я давно простилъ ему отъ всего сердца.

— Ахъ, какъ ты великодушенъ! Но шутки въ сторону ... Намъ нужно какъ-нибудь отстранить этого молодаго человѣка, онъ намъ не попутчикъ.... Самъ не понимаю, почему я принималъ въ немъ такое участіе.... Впрочемъ, тогда я нисколько не боялся этой несчастной мысли: извѣстна-ли ему наша тайна или нѣтъ.... Теперь я думаю объ этомъ иначе. Я далъ тебѣ полъ-унціи за спасеніе его жизни.... за смерть, пожалуй, дамъ и двадцать.

— Ну, я вижу, мы опять становимся тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ. Не гнѣвайтесь, пожалуйста, я обѣщаю вамъ, что завтра ему не возвратиться съ охоты. Правда, что безъ Бораджи и Ороха будетъ нѣсколько трудновато; но все-таки я буду дѣйствовать сильно....

— Завтра! — сказалъ нетерпѣливымъ голосомъ Эстеванъ, — и откуда ты взялъ, что завтрашній день твой? Развѣ ночь коротка, или въ этомъ саду мало простора? Какъ-будто втроемъ трудно справиться съ однимъ! Почему ты знаешь, что завтра я буду думать тоже, что сегодня!

Эти слова всполошили Кухилло.

— Карамба! — вскричалъ онъ, — вы не любите откладывать на другой день того, что можно сдѣлать сегодня! Ну, такъ рады стараться. Кругомъ тутъ такая тишина, какъ-будто ничего и не случилось. Мнѣ странно, какъ эта дѣвчонка не подняла всѣхъ на ноги своимъ крикомъ

И въ самомъ дѣлѣ, благодаря позднему часу, никто не былъ свидѣтелемъ сраженія молодаго человѣка съ его врагами, кромѣ доньи Розаріо. Во всей гаціэндѣ не спали одни только гости, которыхъ собственная выгода заставила бы молчать о случившемся.

Кухилло отправился въ пріемные покои, а донъ Эстеванъ въ свою комнату.

Луна спокойно сіяла на небѣ, усѣянномъ блестящими звѣздами. Воздухъ былъ полонъ благоуханіемъ апельсиновъ. Казалось, въ эту чудную ночь, и въ голову не могла прійдти мысль о преступленіи.

Донъ Эстеванъ долго ходилъ по комнатѣ. Трагадуръ спалъ съ спокойствіемъ человѣка, отложившаго попеченіе о трудныхъ дѣлахъ; сладкіе сны порхали надъ его изголовьемъ.

Въ свою очередь, и донъ Августинъ наслаждался не менѣе счастливымъ спокойствіемъ. Обоимъ имъ и въ голову не приходило, что одного нѣжнаго взгляда доньи Розариты, одной слезинки на ея прелестныхъ очахъ, одного перваго вскрика любви достаточно было для того, чтобъ разрушить всѣ ими задуманные планы.

Одинъ донъ Эстеванъ расхаживалъ по комнатѣ, какъ честолюбецъ, не смыкающій глазъ во время общаго отдохновенія. Кухилло постучался два раза въ его дверь. Бросивъ взглядъ на искаженное лицо бандита, испанецъ вздрогнулъ: ему и хотѣлось, и было страшно получить вѣсть объ исполненіи данныхъ имъ приказаній.

— Вотъ тебѣ и двадцать унцій! — сказалъ Кухилло; — онъ пропалъ изъ гаціэнды.

— Какъ! его здѣсь нѣтъ? и ты его выпустилъ?

— Куда-жъ тутъ было держать! Это животное Бораджа самъ едва держался на ногахъ отъ мескаля, Орохъ тоже, а Діазъ и знать не хочетъ о нашемъ предпріятіи. Пока я могъ растолковать этимъ пьяницамъ, въ чемъ дѣло, онъ успѣлъ перелѣзть черезъ ограду и скрыться въ чистомъ полѣ. По-крайней-мѣрѣ, мы такъ полагаемъ.

— Почему-же? — спросилъ испанецъ, ударяя ногой объ полъ.

— Когда мы подкрались къ стѣнѣ, донья Розарита смотрѣла

*

черезъ нее въ лѣсъ, и сслибъ молодчикъ могъ только услышать ея призывъ, то навѣрно бы воротился.

— А! такъ она его любитъ! — вскричалъ донъ Эстеванъ.

— И очень страстно любитъ, клянусь вамъ, если только голосъ и слова ея не до такой степени лживы.

И Кухилло сталъ описывать Эстевану, съ какой страстью и какъ напрасно Розарита умоляла Тибурціо возвратиться.

— Тотчасъ на лошадей и догнать его! — вскричалъ донъ Эстеванъ; — успѣхъ нашего предпріятія зависитъ отъ жизни этого молодаго человѣка. Ступай, приготовься съ своими друзьями, вели сѣдлать лошадей; возьми съ собой и Бенито. Черезъ часъ, по-крайней-мѣрѣ, мы ужъ должны быть въ дорогѣ. Я тотчасъ пойду, разскажу обо всемъ дону Августину и Трагадуру.

— Такимъ я его знаю лѣтъ двадцать ужъ сряду, — сказалъ про-себя Кухилло, когда Арехиза ушелъ: — горячъ, ставитъ ни во что всѣ опасности Удивительно, что ему съ такимъ характеромъ не посчастливилось на родинѣ.

Размышляя такимъ образомъ, Кухилло побѣжалъ исполнять приказанія своего господина. Эстеванъ, одѣвшись по дорожному, отправился въ комнату Трагадура. По обычаю этой страны, гдѣ человѣкъ проводитъ всю жизнь на чистомъ воздухѣ, дверь была отворена. Луна, наполняя лучами своими окна покоя, давала возможность различать предметы.

— Что угодно вамъ, сеньоръ Арехиза! — вскричалъ Трагадуръ, которому въ эту минуту снились, можетъ быть, золотыя горы, осыпанныя алмазами. При этихъ словахъ, онъ привскочилъ съ постели.

— Я пришелъ проститься съ вами, сеньоръ донъ Винсентій, и дать вамъ послѣднюю инструкцію.

— Какъ, проститься? Который-же теперь часъ? Неужели я спалъ безъ просыпа цѣлыхъ три дня?

— Нѣтъ, но предпріятіямъ нашимъ грозитъ очень важная опасность. Этому молодому голышу извѣстно точно также, какъ и мнѣ, о существованіи золотой долины, и, что еще хуже, онъ влюбленъ въ донью Розариту, а она въ него.

Вмѣсто того, чтобъ выйдти изъ себя при такой новости, какъ донъ Эстеванъ, — Трагадуръ въ отчаяньи бросился головой въ подушки.

— Пришлось мнѣ распроститься съ моимъ милльономъ! — стоналъ онъ: — вотъ тебѣ и поля, и стада, и деревни! А я ужъ былъ увѣренъ, что все это мое! Вотъ вамъ и почетъ!

— Но все это еще не потеряно, — возразилъ Эстеванъ; — есть возможность загладить зло, но торопитесь. Этотъ молодой человѣкъ скрылся сегодня изъ гаціэнды. Нужно перегнать его, узнать, куда онъ хочетъ отправиться, и стать на дорогѣ. Тѣмъ хуже для него, что дурная звѣзда толкнула его на васъ.

И ни слова болѣе о Тибурціо. Что касается до Трагадура, то ему не было ни какого дѣла до того, какимъ образомъ отъ тяжелаго сундука дона-Августина будетъ отстраненъ такой опасный соискатель. Онъ тотчасъ пободрѣлъ.

— Какъ-бы то ни было молодой человѣкъ не долженъ являться въ эту гаціэнду, — продолжалъ донъ Эстеванъ: — я тотчасъ предупрежу на этотъ счетъ сеньора Пепу. Вы останетесь одни на поприщѣ побѣдъ, и дальнѣйшій успѣхъ зависитъ отъ васъ. Вамъ легко будетъ устроить дѣло такъ, чтобъ васъ полюбили.... соперника здѣсь не будетъ, не будетъ даже, можетъ быть, и на этомъ свѣтѣ! Здѣшнія пустыни такъ опасны, а вамъ извѣстно, долго-ли мертваго помнятъ.

— О, противъ меня не будетъ ни какой возможности устоять! — вскричалъ Трагадуръ: — со вчерашняго дня я воспламенился тысячью огней къ этой прелестной дѣвушкѣ! Кажется, еслибъ мнѣ сказали: возьми приданое, только ее не бери, то я взялъ бы.... то-есть нѣтъ, не взялъ бы приданаго.

— Никогда у человѣка не было желанія возвышеннѣй, чѣмъ у васъ; — замѣтилъ донъ Эстеванъ. — Такое страшное приданое, и при немъ лучшій цвѣтокъ пустыни. Добивайтесь всѣми мѣрами своей цѣли!

— Я готовъ даже прясть для нея, какъ Геркулесъ прялъ у ногъ Омфалы.

— Если Геркулесъ выигралъ чрезъ это въ глазахъ Омфалы, такъ это потому, что онъ Геркулесъ; вы же, сколько мнѣ извѣстно, не обладаете его качествами. Ступайте своимъ путемъ: на завтрашней охотѣ отличитесь какимъ-нибудь смѣлымъ подвигомъ; въ честь прелестныхъ глазокъ, сядьте на бѣшеннаго коня и выѣздите его такъ, чтобъ онъ, возвратясь, упалъ къ ножкамъ Розариты.

— Конечно, и такъ можно ... отчего-жъ! — отвѣчалъ Трагадуръ, остывая нѣсколько отъ своего энтузіазма, въ который привели его воспоминанія о классической молодости.—Но у меня не достаетъ самаго необходимаго для побѣдъ, - продолжалъ онъ, —нѣтъ ключа отъ золотаго ларца, который такъ ловко приходится къ сердцу.

— Мы постараемся пособить вамъ. У васъ будетъ обширный кредитъ у сеньора Пены. Помните только о томъ, что вы должны исполнить въ случаѣ удачи.

— Какже! пять сотъ тысячъ франковъ будутъ непремѣнно брошены на великолѣпные пиры и на всякаго рода гастрономическія необходимости. О, когда бы такъ легко было завоевать приданое доньи Розариты, какъ прожить его.

Трагадуръ вздохнулъ. Донъ Эстеванъ, давши ему еще нѣсколько совѣтовъ и наставленій, возбудя въ немъ честолюбіе, любовь и жадность къ благородному металлу, пожалъ ему руку и отправился къ гаціэндеро.

Стукъ шпоръ испанскаго вельможи заставилъ дона Августина раскрыть глаза Увидя гостя своего въ дорожномъ платьѣ, гаціэндеро вскричалъ:

— Развѣ ужъ пора ѣхать на охоту?

— Нѣтъ, но для меня пробилъ часъ болѣе серьезной охоты, —отвѣчалъ испанецъ.—Нужно настичь врага, нанесшаго оскорбленіе вашему дому, человѣка, который употреблялъ во зло ваше гостепріимство, и думалъ изъ подтишка опутать сѣтями и ваши планы, и мои, и Трагадура!

Легко замѣтить, что Эстеванъ выставлялъ гаціэндеро только что случившееся происшествіе въ болѣе мрачномъ видѣ, чѣмъ Трагадуру. И въ самомъ дѣлѣ, этого послѣдняго легко было возстановить на Тибурціо, съ которымъ онъ соперничалъ, тогда-какъ богатому владѣльцу случай этотъ могъ представиться въ менѣе неблагопріятномъ видѣ, судя въ какой степени простиралась его отцовская нѣжность.

— Какъ! мнѣ платятъ зломъ за гостепріимство, ставятъ ни во что честь моего дома! —вскричалъ изумленный гаціэндеро, хватаясь за Толедскую рапиру, висѣвшую на стѣнѣ, у кровати.—Кто-же этотъ дерзкій?

— Успокойтесь, - сказалъ Эстеванъ, смѣясь въ душѣ надъ стран-

ной противоположностью, существовавшей между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ не совсѣмъ уже молодой, провелъ всю жизнь въ опасностяхъ, а другой предавался негъ.—Придите въ себя.... преступникъ скрылся отъ наказанія.

— Но кто-жъ этотъ преступникъ?

— Тибурціо Арелланосъ.

— Какъ! онъ мнѣ врагъ? быть не можетъ! на лицѣ его написаны благородство и отвага, а тотъ, про кого вы говорите, мошенникъ Фементидо!

— Онъ знаетъ золотую долину и влюбленъ въ вашу дочь!

— И только? Я самъ говорилъ вамъ объ этомъ!

— Да, но вы еще не знаете, что и дочь ваша его любитъ.

И онъ, ничего не скрывая, разсказалъ гаціэндеро происшествіе этого вечера.

— Тѣмъ хуже для Трагадура,—отвѣчалъ Пена.

— Не забудьте, что вы дали слово не только мнѣ, но и Трагадуру.... Не ужели изъ пустаго каприза молоденькой дѣвочки мы должны лишиться успѣха! Вспомните, что отечеству вашему необходимо возрожденіе; вспомните, какую славу, какое могущество произведетъ выполненіе вашего слова!

— Къ чему примѣшивать все это къ моему слову? Я далъ вамъ его, и не возьму назадъ; но далъ его одному герцогу Армадѣ, и онъ одинъ можетъ освободить меня отъ него. Вамъ этого достаточно?

— О, конечно!—вскричалъ испанецъ, протягивая руку гаціендеро.— Я удерживаю ваше слово и ручаюсь за все остальное. Но этотъ молодой человѣкъ можетъ набрать себѣ товарищей и овладѣть прежде насъ золотой долиной. Мы должны тотчасъ-же отправиться въ Тубако, предупредить его. Вотъ почему я принужденъ оставить васъ такъ неожиданно.

— Чтобы ни случилось, Розарита будетъ женой Трагадура. Прощайте! пріѣзжайте скорѣе назадъ!

Испанецъ болѣе скрывалъ отъ дона Августина, чѣмъ отъ отъ Трагадура, тайныя свои намѣренія относительно Тибурціо, и вѣря вполнѣ слову гаціэндеро, онъ простился съ нимъ, не забывъ между прочимъ доставить Трагадуру сильный кредитъ у Пены. Этотъ послѣдній хотѣлъ проводить его до воротъ гаціэнды, но Эстеванъ упросилъ его не безпокоиться.

Когда испанецъ, устроивъ дѣла, какъ слѣдовало, вышелъ на дворъ, тамъ все ужъ было готово къ отъѣзду. Кухилло, Бораджа, Орохъ и Діазъ сидѣли на лошадяхъ; Діазъ рисовался на бѣшенномъ ворономъ конѣ, подаренномъ ему гаціэндеро.

Мулы были уже навьючены; двое слугъ, въ томъ числѣ и Бенито, стоя, ожидали выхода Эстевана, не было только заготовлено смѣны лошадей, какъ въ Гуэрфано. Испанецъ зналъ, что во всякомъ случаѣ пріѣдетъ въ Тубакъ прежде Тибурціо.

VI.

Бораджа насчитываетъ лишняго спутника.

За исключеніемъ слугъ, каждому изъ всадниковъ была извѣстна цѣль внезапнаго отъѣзда. Не смотря на это, Орохъ и Бораджа не имѣли яснаго понятія о подробностяхъ будущихъ бѣдствій.

Еще отуманенные парами мескаля, они едва держались на сѣдлѣ.

— Что? вѣдь я сижу прямо, какъ слѣдуетъ?—Тихонько спросилъ у Бораджи Орохъ.

— Да, такъ прямо, какъ бамбуковый стволъ.... Мнѣ странно только, какимъ это образомъ на свѣтѣ двое такихъ плащей, какъ у васъ.... клянусь Богомъ, васъ двое на одной лошади.

— Но оба мы плотно держимся на сѣдлѣ?

— Какъ двѣ скалы,—отвѣчалъ Бораджа, желая польстить другу.

Благодаря усиліямъ ихъ выказаться въ совершенно приличномъ видѣ, Эстеванъ, обозрѣвая кавалькаду, не замѣтилъ ничего предосудительнаго въ посадкѣ обоихъ бандитовъ. Одинъ Кухилло поглядывалъ на нихъ съ какимъ-то сомнѣніемъ, но и онъ наконецъ успокоился.

Когда Эстеванъ поставилъ одну ногу въ стремя, Кухилло подъѣхалъ къ нему и спросилъ, показывая тихонько на Ороха и Бораджу:

— Не угодно-ли будетъ вамъ приказать мнѣ ѣхать проводникомъ?

— Отправляйся,—сказалъ Эстеванъ, садясь на лошадь.

— Ну, такъ пусть слуги ѣдутъ впередъ, — сказалъ Кухилло,— и ждутъ насъ у моста Сальто-де-Агуа, по ту сторону рѣки.

Слуги, молча, повиновались. Кухилло ѣхалъ рядомъ съ домомъ Эстеваномъ.

— Мы отыскали слѣдъ молодца, — сказалъ бандитъ: — онъ отправился вонъ въ тотъ лѣсъ.

Потомъ, когда они проѣзжали мимо отверстія, въ которое Тибурціо вышелъ, Кухилло продолжалъ:

— Видите-ли вы огонекъ, вдали между деревъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ отправился туда.

Таинственный огонекъ блисталъ точно также, какъ и въ ту минуту, когда Тибурціо замѣтилъ его въ первый разъ.

— Намъ придется поохотиться за дикимъ жеребенкомъ. Это не хуже охоты дона Августина; каковы наши молодцы?

При этихъ словахъ, Кухилло указалъ хлыстомъ своимъ сперва на себя, потомъ на Ороха и Бораджу.

— Ихъ сильно задѣла за сердце наша ссора.....— продолжалъ онъ.

— Хоть они ничего о ней и не знаютъ,—отвѣчалъ Эстеванъ.

— Вѣдь борзыя гонятся за оленемъ по одному инстинкту. У насъ же зубы будутъ нѣсколько получше.

Луна освѣщала карабины, блестѣвшіе за спиной обоихъ рыцарей.

— Они пьяны!—вскричалъ Эстеванъ, замѣтя, что всадники пошатнулись на сѣдлѣ.—Такъ вотъ, какихъ вы нашли себѣ помощниковъ!

И Эстеванъ бросилъ на Кухилло взглядъ, исполненный бѣшенства.

— Мы сами вызвались!—пробормоталъ Бораджа.

Орохъ, болѣе осторожный, гордо выпрямился на сѣдлѣ и не сказалъ ни слова.

— Само собой разумѣется, эти господа нѣсколько подпили,—сказалъ Кухилло;—но я знаю средство разогнать винные пары. Въ лѣсу, черезъ который мы будемъ проѣзжать, много растетъ одной цѣлебной травы. Вотъ посмотрите, какими молодцами будутъ красоваться Бораджа и Орохъ.... будьте спокойны!

Донъ-Эстеванъ былъ взбѣшенъ, но молча удерживалъ гнѣвъ свой. ему было теперь не до выговоровъ. Прежде всего, слѣдовало увѣриться, по какому именно направленію пошелъ Тибурціо.

Всадники въ нѣсколько минутъ поровнялись съ отверстіемъ въ стѣнѣ. Тогда Кухилло слѣзъ съ лошади и высѣкая огонь, далъ возможность замѣтить на мелкомъ щебнѣ слѣды Тибурціо, возлѣ которыхъ, мѣстами, виднѣлась кровь.

При этомъ онъ сказалъ своимъ бодрымъ сообщникамъ, что за жизнь того, чья эта кровь, обѣщаны порядочныя деньги.

— Куда-жъ ему было пойдти,—сказалъ онъ громко,—какъ не по тому направленію, гдѣ виднѣется огонекъ.

По глинистому пространству, отдѣлявшему садъ дона Августина отъ опушки лѣса, можно было при помощи луны и огня узнать, еще на нѣкоторыхъ мѣстахъ, кровавые слѣды Тибурціо.

— Вамъ, сеньоръ, — сказалъ Кухилло, обращаясь къ дону Эстеванy,—нужно отправиться, вмѣстѣ съ Діазомъ, вдоль ручья, протекающаго на лѣво отсюда, до моста, и остановиться тамъ, пока мы не кончимъ своего дѣла и не соединимся съ вами. У моста будутъ васъ ожидать наши слуги, которыхъ я послалъ впередъ нарочно для того, чтобъ скрыть отъ нихъ дѣйствія кавалькады.

Едва успѣвъ очертить планъ будущаго сраженія, Кухилло отправился съ двумя изъ всадниковъ, къ дальнему огоньку, а Эстеванъ и Педро Діазъ повернули на лѣво, къ ручью.

— Вѣроятно, у этого огня, – сказалъ Педро Діазъ, когда Кухилло отъѣхалъ всторону,—расположились на ночлегъ путешественники. Одного только не понимаю, — продолжалъ онъ, — откуда они могли взяться.

— Какъ будто ихъ мало!—отвѣчалъ разсѣянно донъ Эстеванъ.

— Мнѣ вотъ что странно: дона Августина Пену, на десять миль вокругъ, знаютъ за самаго гостепріимнаго человѣка. Не можетъ-же быть, чтобъ эти люди, находясь такъ близко отъ гаціэнды, ни отъ кого не услышали о его существованіи. По всей вѣроятности они или нездѣшніе, или такіе, которымъ необходимо скрывать свои дурныя намѣренія.

Тоже самое казалось и Тибурціо, когда онъ завидѣлъ этотъ огонекъ.

Кухилло не счелъ нужнымъ выговаривать своимъ товарищамъ за неумѣренность.

— Подождите меня здѣсь,—сказалъ онъ, когда они приблизились къ опушкѣ лѣса,—я тотчасъ найду средство разогнать ваше опьяненіе.

При этихъ словахъ, онъ слѣзъ съ лошади и вскорѣ возвратясь съ горстью продолговатыхъ плодовъ, желтыхъ какъ бананы, роздалъ ихъ всадникамъ и приказалъ высасывать.

И въ самомъ дѣлѣ, винные пары разсѣялись словно по волшебному мановенію.

— Теперь къ дѣлу!—сказалъ Кухилло, не слушая извиненій.

— Здѣсь слѣзайте съ лошадей, — продолжалъ онъ, подъѣхавши къ первымъ деревьямъ, — и ведите ихъ тихонько за узду, до-тѣхъ-поръ, пока не разглядите, что это за люди. Когда я выстрѣлю изъ карабина, бросайтесь впередъ.

Сказавши это, онъ привязалъ коня своего къ кожевенному дереву и поползъ, какъ ягуаръ, къ тому мѣсту, гдѣ былъ расположенъ огонь.

Когда Кухилло притаился на нѣсколько минутъ въ травѣ, до него доносились съ сосѣдней саванны мычанье скота, пронзительная пѣсня пѣтуха, мрачные крики совы и стоны шакаловъ. Съ этимъ концертомъ сливался отдаленный шумъ Сальто-де-Агуа. Луна сверху освѣщала деревья: а снизу разрастался передъ нимъ свѣтъ отъ костра. Онъ подлѣзъ подъ темные своды корнепуска, прислушался, потомъ взглянулъ на то мѣсто, гдѣ горѣлъ костеръ, и опять сталъ слушать.... Звѣрская улыбка исказила его уста, когда онъ увидѣлъ у огня трехъ человѣкъ.... двое изъ нихъ сидѣли, а третій лежалъ.

VII.

Лѣсной скиталецъ.

Равнина, примыкавшая къ Гаціэндѣ сзади, оставалась еще въ первобытномъ состояніи дикой и невоздѣланной.

Первыя деревья, служившія опушкой дремучему лѣсу, раскидывались отъ забора на ружейный выстрѣлъ. Боръ простирался до самой пустыни, въ концѣ которой расположено было Тубакское президенство.

Только узкая тропинка вела къ городу. По серединѣ, ее перерѣзывалъ глубокій потокъ, шумѣвшій между крутыхъ скалъ и принимавшій въ себя съ разныхъ сторонъ множество ручейковъ. Два древесные ствола, поставленные одинъ возлѣ другаго, замѣняли собой мостъ и давали путешественнику возможность перебраться на другую сторону ручья, не дѣлая обхода.

Близъ этой дороги, на ровномъ разстояніи отъ гаціэнды и моста, сидѣли оба отважные охотника, которыхъ мы уже видѣли въ борьбѣ съ ягуарами.

Въ ту минуту, когда Тибурціо покинулъ гаціэнду, весь лѣсъ былъ

погруженъ въ глубокую тишину, нарушаемую только глухимъ воемъ потока, который ревѣлъ, прыгая по каменному ложу.

Луна ярко освѣщала лѣсъ. Ея лучи набрасывали блестящій покровъ, колеблющійся, какъ морскія волны на безконечной равнинѣ зелени.

Въ лѣсу же этотъ свѣтъ луны, преломляясь тысячу разъ въ сучьяхъ и вѣтвяхъ, таинственно падалъ въ самой непроходимой чащѣ. Зеленый и жолтый мохъ сверкалъ, какъ бархатъ, подъ широкими листьями арума, цвѣты котораго казались серебряными кубками. Красноватый свѣтъ костра придавалъ вьющимся ліанамъ видъ желѣзныхъ нитей, выходящихъ изъ кузницы. За то окружность, не освѣщенная пламенемъ, казалась еще болѣе мрачною и угрожающею. Возлѣ этого-то костра, отдыхали два человѣка послѣ утомительнаго пути.

Въ странѣ, гдѣ на нѣсколько льё вокругъ не было жилищъ, видъ такого бивака не представлялъ-бы ничего особеннаго; но въ близи отъ богатой гаціэнды, владѣтель которой славился своимъ гостепріимствомъ,—это, какъ замѣчалъ Педро-Діазъ, что-нибудь да значило. Въ самомъ дѣлѣ оба охотника, зная гаціэнду, только вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ причинъ могли удалиться отъ нея.

Куча хворосту, лежавшая около охотниковъ, показывала, что они намѣрены были провести здѣсь остатокъ ночи. Пламя, освѣщая ихъ физіогноміи, придавало имъ какой-то фантастическій характеръ.

Теперь мы должны заняться описаніемъ этихъ двухъ лицъ, которое до-сихъ-поръ отлагали.

Одинъ изъ нихъ одѣтъ былъ въ полу-индѣйское, полу-европейское платье. На немъ была шапка изъ лисьей кожи, похожая формою на усѣченный конусъ, и бумажная рубашка съ голубыми полосками; всторонѣ валялся сюртукъ изъ шерстяной матеріи. Ноги странника, по индѣйскому обычаю, были обернуты кожей. Вмѣсто же мокассинъ на немъ были башмаки, подбитые желѣзомъ, которые, казалось, могли выдержать двухъ годовое путешествіе. Чисто обдѣланный рогъ буйвола служилъ пороховницею, а перекинутый черезъ плечо, кожаный мѣшекъ заключалъ въ себѣ запасъ пуль. Наконецъ длинный карабинъ и охотничій ножъ, заткнутый за поясъ, довершали охотничій нарядъ незнакомца, въ которомъ, по высокому росту и богатырской осанкѣ, можно было узнать одного изъ смѣлыхъ охотниковъ,

питомцевъ Канады, которые со дня на день рѣже попадаются на этой границѣ.

Въ его волосахъ сильно проглядывала сѣдина, а на лбу отъ одного виска до другаго шелъ огромный шрамъ. Его загорѣлыя черты, казалось, были вылиты изъ бронзы и выражали много душевной доброты, чудно гармонируя съ геркулесовской силой его членовъ. Вообще предусмотрительная природа даетъ этимъ колоссамъ столькоже кротости, сколько и могущества.

Товарищъ его былъ хотя также довольно высокаго роста, но въ сравненіи съ нимъ казался пигмеемъ, и моложе годами пятью или шестью. При томъ въ близи это лицо не выражало того торжественнаго спокойствія, которое бываетъ только слѣдствіемъ сознанія непобѣдимаго могущества.

Чорные глаза его выражали смѣлость, доходившую до дерзости; а подвижныя черты обозначали бѣшеныя страсти, которыя будучи однажды возбуждены, легко доходили до жестокости. Все въ немъ показывало человѣка другой породы, человѣка, въ жилахъ котораго текла южная кровь. Хотя онъ былъ одѣтъ и вооруженъ почти также какъ и его товарищъ, но нарядъ его скорѣй показывалъ всадника, чѣмъ пѣшехода. Однако-же, не смотря на это, его изорванные башмаки свидѣтельствовали, что они выдержали не одинъ долгій путь. Канадецъ, лежа на травѣ, казалось съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ жарившійся кусокъ баранины, воткнутый на палку желѣзнаго дерева, который шипѣлъ и бросалъ на пламя жирныя брызги....

Канадецъ такъ былъ погруженъ въ это занятіе, что почти не слушалъ своего товарища.

— Я утверждаю,—говорилъ послѣдній, какъ-бы отвѣчая на возраженіе,—что когда нападешь на слѣдъ непріятеля, будь онъ апахъ или христіанинъ, все-таки пріятно...

— Но ты забываешь,—отвѣчалъ канадецъ,—что намъ непремѣнно нѣжно спѣшить въ Аріспу, чтобы получить вознагражденіе за двухлѣтніе труды и охоту въ этихъ страшныхъ степяхъ, и что ты уже заставилъ пожертвовать двумя кожами тигровъ и пумы.

— Я также хорошо помню свои выгоды, какъ и данные обѣты; а теперь позволь тебѣ замѣтить, что я даже справляю канунъ одного изъ моихъ обѣтовъ, даннаго мною пятнадцать лѣтъ назадъ. Правда, я еще надѣюсь пожить довольно для того, чтобы исполнить вся-

кую вещь въ свое время.... но во всякомъ случаѣ имѣю привычку не откладывать дѣла, нетерпящія отлагательствъ. Мы всегда получимъ деньги, которыя намъ должны въ Аріспѣ, всегда успѣемъ продать эти три кожи, которыя такъ тебѣ дороги; но случай, столкнувшій меня въ этой пустынѣ съ человѣкомъ, которому я поклялся въ вѣчной ненависти, можетъ и не представиться въ другой разъ, если я его упущу теперь.

— Такъ.... такъ, Пепе, — произнесъ Канадецъ, — но мщеніе тогда только пріятный плодъ, когда его срываемъ, и горекъ — когда отвѣдаемъ.

— Но, сеньоръ Боа-Розе,—сказалъ Пепе,—кажется вы не всегда при этомъ мнѣніи, особенно если дѣло коснется Апаховъ, Сіу и другихъ вашихъ непріятелей.

— О! это со всѣмъ другое дѣло, Пепе; одни изъ нихъ крали мои кожи, другіе въ половину меня скальпировали, всѣ они заставили меня прожить страшныя минуты. Наконецъ сознайся, что очищать лѣса и долины отъ разбойниковъ, весьма доброе дѣло... Напротивъ я имѣлъ много причинъ быть недовольнымъ англичанами, но никогда мой карабинъ не былъ прицѣленъ ни въ одного изъ нихъ, особенно если, вмѣсто англичанина, я встрѣчалъ соотечественника.

— Гм.... я несогласенъ съ тобою.... никогда и никто такъ много не вызываетъ мщенія, какъ близкій, если его несправедливость вызвала твое нерасположеніе.... Причины-же къ ненависти, какія я имѣю противъ этого человѣка, не такъ скоро забываются, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ я поклялся ему отмстить. По правдѣ сказать насъ раздѣляло такое разстояніе, что я не зналъ, когда буду въ состояніи исполнить мою клятву и я до-сихъ-поръ не могу понять: какимъ образомъ два человѣка, знакомые въ Испаніи, могли встрѣтиться въ этихъ лѣсахъ. Но наконецъ тотъ день насталъ и я тебѣ повторяю, что не хочу упускать благопріятнаго случая.

Пепе, казалось, такъ твердо рѣшился на исполненіе своего намѣренія, что товарищъ его считалъ потерянымъ трудомъ разубѣждать пріятеля и будучи по натурѣ мягкаго характера, любилъ болѣе дѣйствовать, чѣмъ спорить.

— Я долженъ тебѣ сказать,—началъ онъ послѣ минутнаго размышленія,—что я жилъ слишкомъ долго между индѣйцами, чтобы не

одобрять тебя рѣшительно, и можетъ быть, если-бы я зналъ причину твоего обѣта, я-бы совершенно съ тобой согласился....

— А... ты хочешь знать, — отвѣчалъ Пепе, — изволь... слушай: «Двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ я уже тебѣ разсказывалъ, былъ я микелетомъ въ испанской службѣ. Я былъ-бы совершенно доволенъ своимъ жребіемъ, потому-что наша страна прекрасна; но къ несчастію намъ рѣдко платили жалованья. Мы жили только надеждою, что взятіе какой-нибудь контрабанды (такъ какъ мы были въ то-же время и береговыми стражами) не сегодня такъ завтра вознаградитъ насъ, но контрабанда была такая-же рѣдкость: чего могли ожидать контрабандисты, имѣя дѣло съ двумя сотнями молодцовъ, вѣчно готовыми ихъ встрѣтить? Если, какъ говорятъ, голодное брюхо бываетъ глухо, наши наоборотъ имѣли рысьи глаза, и начиная съ капитана до самаго послѣдняго солдата, между нами было страшное соперничество въ бдительности и рвеніи.

Въ это время канадецъ снялъ съ вертела баранину, аппетитный запахъ которой смѣшавшись съ бальзамическимъ воздухомъ ночи, пріятно щекоталъ ноздри собесѣдниковъ.

— Послушай, — произнесъ онъ, прерывая Пепе, — если хочешь, такъ за ужиномъ окончи свою исторію.

— Если хочу! — отвѣчалъ Пепе, — карамба! воспоминаніе о воздержаніи прежнихъ лѣтъ всегда страшно заставляетъ страдать мой желудокъ. Оба собесѣдника усѣлись лицомъ къ лицу и лишь одно щелканье ихъ челюстей нарушало на нѣсколько минутъ молчаніе лѣса.

— И такъ, я тебѣ уже говорилъ, — продолжалъ Пепе, прерывая это молчаніе, — что я постоянно спалъ, кромѣ этого я рѣшительно ничего болѣе не дѣлалъ, и признаюсь не былъ слишкомъ несчастливъ. Однажды вечеромъ капитанъ меня призвалъ. Славно, сказалъ я самъ себѣ, навѣрно что-нибудь да есть, коли собираются довѣрить мнѣ постъ.

«Въ самомъ дѣлѣ меня послали въ довольно отдаленное мѣсто на морскомъ берегу. Разумѣется, я и не думалъ о снѣ. Но я разскажу короче, — произнесъ Пепе, — потому-что не люблю за ужиномъ говорить много. Наконецъ причалила лодка; я заставилъ человѣка, который на ней былъ, мнѣ заплатить, и потомъ отпустилъ его идти по своимъ дѣламъ.

«Позже я узналъ, что здѣсь ничего не было торговаго, и что въ

этомъ дѣлѣ была пролита невинная кровь, которая съ того времени тревожитъ меня немножко.... Получивъ отъ того человѣка деньги за свое молчаніе, я пожелалъ еще болѣе, и мы съ нимъ поссорились; тогда чтобы искупить свой проступокъ я донесъ на него, начался процессъ.... Но, этотъ процессъ кончился для меня совершенно неожиданно: меня сослали въ президу Цейту.

«Тысяча зарядовъ!—продолжалъ Пепе,—такая развязка меня удивила и огорчила, потому-что я терялъ черезъ это превосходное положеніе и вовсе не чувствовалъ влеченія къ рыбной ловлѣ. При первомъ случаѣ я убѣжалъ и послѣ тысячи приключеній, которыя будетъ долго разсказывать, я прибылъ въ Америку. .

— Такъ человѣкъ, на котораго ты нападалъ, былъ вѣрно богатъ и силенъ?—спросилъ Боа-Розе.

— Да, да! онъ былъ знатный вельможа; а я въ этомъ дѣлѣ былъ плохимъ ратоборцемъ. Но въ пустынѣ другое дѣло, и я надѣюсь не позже завтрашняго утра доказать этому человѣку.... Если-бы я еще встрѣтилъ здѣсь нѣкоего алькада дона Романо Кочехо и его друга сеньора Кагатинту я-бы ихъ всѣхъ трехъ втянулъ со мною въ самую непріятную бесѣду....

— Ну, теперь я тебя одобряю! — произнесъ Боа-Розе, глотая баранину,—мы отложимъ до другаго раза свое путешествіе въ Аріспу.

— Какъ видишь,—это старинная исторія,—продолжалъ—Пепе, вотъ уже десять лѣтъ прошло тому назадъ, какъ я связалъ свою судьбу съ твоею, да пять съ послѣдняго дня моего микелетства — до нашей встрѣчи — и того пятнадцать.... Я долженъ напомнить о себѣ этому человѣку, котораго мы встрѣтили — и который отправился въ эту гаціэнду.

И Пепе пальцомъ указалъ по направленію къ гаціэндѣ del Venado.

— Правда, правда,—отвѣчалъ канадецъ со смѣхомъ,—я помню то время, когда ты промахнулся по бизону въ пятнадцати шагахъ, и надѣюсь, что я сдѣлалъ изъ тебя порядочнаго стрѣлка, хотя ты еще и теперь иногда попадаешь вмѣсто глаза въ ухо выдры, что уменьшаетъ цѣну меха. Но все-таки ты не долженъ жаловаться на свою долю, избравъ жизнь въ лѣсахъ. Я тоже не всегда былъ охотникомъ. Ты уже знаешь, что я былъ прежде матросомъ; и чтожъ? Я нахожу, что степь похожа на море, кто въ ней пожилъ не можетъ съ ней разстаться.... право!

Канадецъ задумался, и послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ:

— И моря я никогда-бы не оставилъ, безъ одного печальнаго происшествія.... Но къ чему говорить о томъ, что уже прошло? То ужъ не вернется.

— Я согласенъ, что жизнь въ степяхъ имѣетъ свою прелесть, — отвѣчалъ Пепе; — но я не люблю насильственнаго призванія: впрочемъ не за это я обвиняю моего врага, но за тѣ обстоятельства, которыя предшествовали и рѣшили эту странническую жизнь, которую вотъ уже пятнадцать лѣтъ я влачу.

— Тсъ! — прервалъ канадецъ, поднося палецъ къ губамъ, — мнѣ послышалось, что-то хрустнуло; кромѣ меня, другой кто-нибудь могъ еще слышать твою исповѣдь.

— Впрочемъ этотъ человѣкъ, кажется, не желаетъ скрываться, — прибавилъ онъ, хватаясь за карабинъ, — потому-что луна освѣщаетъ малѣйшую былинку на травѣ и онъ могъ-бы легко замѣтить сучья, на которыя наступилъ.

Пепе также сталъ смотрѣть въ то мѣсто, откуда послышался шумъ.

Глазъ испанскаго охотника скоро открылъ тѣнь, которая падала на зеленый коверъ не болѣе какъ въ тридцати шагахъ отъ него.

Во всякое другое время его-бы ни мало не обезпокоило это явленіе, особенно послѣ объясненія, даннаго канадцомъ, но эта тѣнь приближалась по направленію отъ гаціэнды и по этому она казалась ему подозрительною

— Кто идетъ?— закричалъ онъ голосомъ, звукъ котораго далеко пронесся въ ночной тишинѣ.

— Человѣкъ, который проситъ убѣжища у вашего огня, — отвѣчалъ другой голосъ, уступавшій въ звучности голосу Пепе.

— Пустить-ли его, или попросить продолжать свою дорогу? — Спросилъ послѣдній своего товарища.

— Богу не угодно, чтобъ мы его оттолкнули. Быть можетъ ему тамъ отказали въ гостепріимствѣ, онъ одинъ, и голосъ его какъ будто я слышу не въ первый разъ и этотъ голосъ показываетъ, что незнакомецъ утомленъ, и быть можетъ, боленъ....

— Такъ и быть! милости просимъ къ намъ! — произнесъ Пепе.

Въ эту минуту показалась блѣдная фигура Тибурціо, измученнаго послѣдней сценой и потерей крови.

Лицо молодаго человѣка, хотя и было уже знакомо охотникамъ,

впрочемъ, казалось, поразило Пепе, онъ сдѣлалъ едва замѣтный знакъ удивленія, между тѣмъ физіономія канадца выражала только то добродушіе, съ которымъ старость обыкновенно смотритъ на юность.

— Ты далеко потерялъ всадниковъ, съ которыми ѣхалъ? — спросилъ Пепе у Тибурціо, который не сѣлъ, а скорѣй упалъ на траву, — и вѣрно ты не знаешь, что черезъ четверть часа ходьбы ты нашелъ-бы гостепріимство лучше нашего? Я хотя самъ не знаю хозяина той гаціэнды, но увѣренъ, что онъ не отказалъ-бы тебѣ, а можетъ быть ты идешь теперь изъ этой самой гаціэнды

— Да.... я оттуда, — отвѣчалъ Тибурціо. — Я не обвиняю донъ Августина въ томъ, чтобы онъ отказалъ мнѣ въ гостепріимствѣ; но подъ его кровлею пріютились люди, съ которыми я не могу быть безопасно вмѣстѣ.

— Да?—отвѣчалъ Пепе съ недовѣрчивымъ видомъ, потому-что такое сходство съ его мыслями, казалось ему скрывало скорѣй западню.

— Развѣ тамъ что-нибудь необыкновенное случилось?

Тибурціо откинулъ свой плащъ и показалъ свою правую окровавленную руку. Этотъ видъ совершенно разсѣялъ всѣ подозрѣнія Пепе.

— Я протягиваю тебѣ руку, — произнесъ онъ съ увлеченіемъ, какого вовсе не желалъ обнаружить; — если мои подозрѣнія на счетъ того, какъ съ тобой обращались въ гаціэндѣ, справедливы, я надѣюсь мы скоро сойдемся.

Произнося эти слова, онъ переглянулся съ Боа-Розе, и протянулъ руку Тибурціо, который подалъ ему лѣвую. Канадецъ бросилъ на время свои гастрономическія занятія, чтобы заняться раной вновь прибывшаго, что онъ исполнилъ съ удивительною ловкостью и почти съ нѣжностью, не смотря на наружную его суровость

— Прахъ побери! — говорилъ онъ, — ты имѣлъ дѣло съ ловкимъ молодцомъ! если-бы еще немножко попалъ онъ въ сторону, ты-бы уже не существовалъ; но теперь успокойся, дитя мое, это ничего не значитъ, — прибавилъ онъ, отрывая платье, присохшее къ ранѣ, — мы вспрыснемъ водою, приложимъ травки и ничего не будетъ. Пепе, потрудись достать горсть орегано, столки его и подай мнѣ.

Пепе скоро возвратился съ горстью травы, цѣлебное свойство которой извѣстно въ цѣлой странѣ, и исполнилъ наставленіе Боа-Розе.

Тогда канадецъ приложилъ этотъ пластырь къ ранѣ и завязалъ поясомъ Тибурціо.

— Ты уже долженъ чувствовать облегченіе,—произнесъ онъ,—ни что такъ не уничтожаетъ воспаленіе ранъ, какъ эта трава.... У тебя не будетъ лихорадки. Теперь-же, другъ, если хочешь, у меня есть къ твоимъ услугамъ кусокъ жареной баранины и стаканъ водки, послѣ чего тебѣ необходимо отдохнуть, ты, кажется, очень усталъ.

—Въ самомъ дѣлѣ, – произнесъ Тибурціо, –со мной столько случилось въ продолженіи сорока осьми часовъ, какъ будто я прожилъ цѣлый вѣкъ, и теперь мнѣ кажется, что все кружится въ моей головѣ, ѣсть мнѣ рѣшительно не хочется, но сонъ подкрѣпитъ мои силы, которыя въ теперешнемъ положеніи мнѣ такъ необходимы. Я у васъ буду просить только одной услуги : не давайте мнѣ долго спать.

— Хорошо, хорошо !—отвѣчалъ Пепе,—я у тебя не спрашиваю зачѣмъ ; но если ты хочешь блокировать гаціэнду, я готовъ тебя замѣнить, а у меня, братъ, славное зрѣніе и такъ ты можешь спать спокойно.

Тибурціо растянулся на травѣ, и попросивъ еще разъ разбудить себя на разсвѣтѣ дня, онъ скоро, отъ усталости и перенесенныхъ волненій, погрузился въ глубокій сонъ.

Канадецъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, молча разсматривалъ его, потомъ оборотясь къ Пепе, произнесъ :

— Если наружность не обманываетъ, я думаю, что намъ нечего раскаяваться, что мы приняли этого бѣдняка.

— А я сначала было ему не довѣрялъ ; но его рана доказываетъ, что онъ не нашелъ друзей подъ той кровлей, откуда вышелъ, и теперь только отъ него будетъ зависѣть, чтобъ мы сошлись....

— Какъ ты думаешь, который ему годъ ?— спросилъ Боа-Розе, лицо котораго выражало глубокое участіе ко всему, что относилось до гостя.

— Я увѣренъ, что ему не болѣе двадцати-четырехъ лѣтъ,—отвѣчалъ Пепе.

— Я тоже такъ думалъ,—произнесъ Боа Розе, какъ-бы говоря скорѣй самъ съ собой, чѣмъ отвѣчая своему другу. Между тѣмъ грустное выраженіе смягчило суровую физіономію канадца. — Тотъ также

долженъ быть этихъ-же лѣтъ, если онъ только еще живъ .. — добавилъ онъ въ раздумьи.

И глубокій вздохъ, противъ воли, вырвался изъ его груди.

— Кто это, о комъ ты говоришь? — быстро прервалъ его испанецъ, въ душѣ котораго эти слова, казалось, случайно нашли отголосокъ; — ты зналъ кого-нибудь?...

— Прошедшее всегда останется прошедшимъ,—сказалъ Боа-Розе; — и когда нѣтъ того, чего желалъ, то гораздо лучше все забыть. Но, Богъ съ ними, оставимъ грустныя воспоминанія, а то я потеряю аппетитъ, если начну еще болѣе думать о томъ, чего ужъ нѣтъ и надѣяться на то, чего быть не можетъ. Я одинокъ, прожилъ въ лѣсахъ и долженъ умереть одинокимъ.

Эксъ-микелетъ, для котораго прошедшее также повидимому не улыбалось, хотя по другой причинѣ, не отвѣчалъ ничего, и оба собесѣдника перемѣнили разговоръ, начавъ наслаждаться настоящимъ; а это настоящее было для нихъ въ видѣ баранины, или скорѣе, одной только кости, что было неизбѣжною причиною скораго окончанія трапезы.

— Если-бы я имѣлъ удовольствіе лично знать донъ Августина, которому, кажется, принадлежитъ сосѣдняя гаціэнда, я бы его поздравилъ, съ обладаніемъ прекраснѣйшими баранами, — произнесъ Пепе, вздыхая; — и если у него и лошади такого-же достоинства, то я могу тогда похвастаться, если мнѣ удастся запять у него одну.

— Какъ! да развѣ ты ужъ недоволенъ своей?

— Разумѣется нѣтъ, ты понимаешь, что перемѣнивъ преслѣдованіе на блокаду, я долженъ запастись доброй лошадью способной переносить все, у меня есть сѣдло, и такимъ образомъ, мы будемъ имѣть прекрасно организованную армію: пѣхоту и кавалерію. Одна лошадь ничего не значитъ въ этомъ множествѣ, также, какъ и одинъ баранъ въ этихъ стадахъ; а для меня она будетъ очень полезна.

— Хорошо, — произнесъ канадецъ, — такъ, какъ я не думаю, чтобы ты этимъ причинилъ большой убытокъ владѣльцу, то я желаю тебѣ полнаго успѣха. Что-же касается до меня, я присоединюсь къ этому юношѣ, который спитъ, какъ-будто-бы пятнадцать ночей не спалъ.

— По всѣмъ вѣроятностямъ эту ночь никто не тронется изъ гаціэнды; но все-таки въ мое отсутствіе, ты спи только однимъ гла-

зомъ, и, если что случится, крикни три раза шакаломъ: это будетъ мнѣ знакомъ! — Произнося эти слова, Пепе взялъ лассо, которое было привязано къ его сѣдлу, и направился къ мѣсту, гдѣ надѣялся подстеречь лошадь. Боа-Розе остался одинъ. Онъ снова посмотрѣлъ на юношу, успувшаго у огня, подбросилъ хворосту, который вспыхнулъ яркимъ пламянемъ, потомъ легъ возлѣ него и тоже немедленно заснулъ.

Вечерній вѣтерокъ шумѣлъ листьями надъ головами этихъ двухъ людей, которые такъ чудно встрѣтились и не подозрѣвали, что двадцать лѣтъ тому назадъ, они долго спали рядомъ, убаюкиваемые шумомъ Океана, точно такъ, какъ убаюканные въ этотъ вечеръ шумомъ лѣса.

VIII.

Фабіанъ и Боа-Розе.

Когда наступитъ извѣстный срокъ, предопредѣленный Небеснымъ правосудіемъ, для наказанія виновныхъ, то изъ самыхъ противуположныхъ границъ, изъ странъ самыхъ отдаленныхъ, повинуясь невидимой десницѣ, собираются судьи, свидѣтели, обвинители и виновные и встрѣчаются на одномъ предѣлѣ.

Правосудіе Божіе не знаетъ давности въ преступленіи. Двадцать лѣтъ прошло со времени убійства графини де-Медіана, но время не обезоружило его; только минута еще не пастала, когда приговоръ долженъ былъ исполниться. Эта минута теперь приближалась.

Нити, давно порванныя, теперь связывались; лица, давно разлученныя, теперь встрѣчались.

Фабіанъ де-Медіана и Канадскій матросъ двадцать лѣтъ тому назадъ внезапно оторванные другъ отъ друга за три тысячи льё отсюда, спали теперь возлѣ одного огня. Нечаянно произнесенное слово могло возвратить охотнику дитя, которое онъ оплакивалъ каждый день; Фабіану де-Медіана—человѣка, который подпялъ его у трупа матери и два года заботился о немъ, человѣка, чье имя исчезло у него изъ памяти; но о которомъ жена Арелланосса, въ послѣднемъ своемъ прощаніи, смутно напомнила ему.

Почти въ это-же самое время, мы не должны забывать, донъ

Эстеванъ разбудилъ Трагадура и гаціэндеро, чтобы проститься съ ними. Между тѣмъ, ночь быстро спускалась на землю. Канадецъ, который, какъ просилъ Пепе, спалъ только однимъ глазомъ, нѣсколькоразъ просыпался, чтобы посмотрѣть вокругъ себя, но пламя кромѣ спящаго Тибурніо ничего не освѣщало; Пепе еще не возвращался.

Безпокойство и боязнь не въ природѣ такихъ атлетовъ, какимъ былъ Боа-Розе, поэтому просыпаясь онъ опять спокойно засыпалъ.

Еще прошло два часа, наконецъ легкій шорохъ въ кустарникѣ, затаенный шумъ шаговъ на травѣ и особенно храпъ лошади, разбудили его снова. Пепе не замедлилъ показаться. Онъ велъ лошадь, которая, при видѣ огня и двухъ лежавшихъ людей, дрожала отъ ужаса.

— Я сдѣлалъ свое дѣло, — шепотомъ произнесъ испанецъ, — и привелъ прекраснѣйшее четвероногое, какое когда-либо скакало въ этомъ лѣсѣ. Только боюсь, что будетъ нѣсколько трудно на ней ѣздить; но самое главное было пріобрѣсть, хотя это мнѣ и стоило труда....

Пепе, утирая обрывками платка струившійся съ лица потъ, насильно притащилъ къ огню превосходнаго коня, которому испугъ придавалъ еще болѣе красоты; потому что страхъ обезображивая и унижая человѣка, возвышаетъ, напротивъ, красоту животныхъ. Это животное, упершись на своихъ тонкихъ ногахъ, которыя, казалось, дрожали какъ натянутыя струны, вытянувъ шею, настороживъ уши, съ дикими глазами, дрожащимъ тѣломъ представляло самый полный типъ той мексиканской породы, которая соперничаетъ съ арабской. Это было животное, на которое съ завистью посмотрѣлъ-бы паша.

— Не правда-ли, у меня счастливая рука? — произнесъ Пепе самодовольно, крѣпко привязывая лошадь къ пню желѣзнаго дерева.

— Лишь-бы у тебя была шея крѣпка, все пойдетъ хорошо, — отвѣчалъ Боа-Розе, который не смотря на свое презрѣніе къ лошадямъ вообще, не могъ удержаться отъ удивленія; — но я сомнѣваюсь.... а пока ложись отдохнуть, — я уже выспался и побуду вмѣсто тебя на стражѣ.

— Я её славно пріобрѣлъ, — проговорилъ Пепе, — теперь послѣдую твоему совѣту.

Послѣ этого эксъ-микелетъ растянулся на травѣ, и скоро заснулъ глубокимъ сномъ.

Хотя въ настоящемъ положеніи ничто не давало повода къ этимъ предосторожностямъ, но уже такова сила привычки охотничьей жизни, полной опасностей, что даже въ странѣ дружеской, одинъ бодрствовалъ, а другой спалъ. Канадецъ поднялся съ своего мѣста, расправилъ свои могучіе члены, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы прогнать остатки сна, и опустился около огня, прислонившись спиной къ дереву.

Пламя освѣщало его лицо, на которомъ замѣтны были глубокія морщины, слѣды болѣе тяжелой, чѣмъ долгой жизни.

Посреди глубокаго молчанія природы, въ одну изъ тѣхъ торжественныхъ минутъ, когда человѣкъ, въ мысляхъ, проходитъ всю свою жизнь, легко было прочесть въ грубыхъ чертахъ Канадца, что его прошедшее было безъ пятна и упрека. Неподвижный, какъ статуя, онъ казался лучшимъ олицетвореніемъ старѣющейся силы.

При видѣ спящаго Тибурціо, облако грусти, время отъ времени, пробѣгало на челѣ Канадца; видъ Тибурціо, казалось, открывалъ въ сердцѣ его, едва закрывшуюся рану.

Боа-Розе всталъ, осторожно приблизился къ юношѣ и наклонился, чтобы еще съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣть его черты и послѣ долгаго наблюденія, онъ молча возвращался и садился на свое мѣсто.

— Онъ рѣшительно долженъ быть такихъ-же лѣтъ, если онъ только еще живъ,—говорилъ шопотомъ и со вздохомъ Боа-Розе; — по какимъ образомъ признать въ этомъ лицѣ, въ этихъ чертахъ юноши полнаго силы дитя, которому было едва четыре года, когда насъ насильственно разлучили?

При этомъ улыбка сомнѣнія мелькнула на его устахъ, какъ будто бы онъ вынужденъ былъ наконецъ сознаться въ нелѣпости своихъ предположеній.

— А впрочемъ,—продолжалъ Боа-Розе,—я часто былъ игрушкой обстоятельствъ, жилъ слишкомъ долго лицомъ къ лицу съ природой, чтобы сомнѣваться во всемогуществѣ Провидѣнія. Отчего не можетъ быть чуда? Не случилось-ли оно уже разъ со мной, когда я встрѣтилъ, на берегу океана, дитя, умиравшее съ голоду на груди убитой матери. Отчего не встрѣтить мнѣ теперь *его* во всей силѣ лѣтъ и

просящаго моей же помощи и покровительства? Кто знаетъ?—Пути Божіи неисповѣдимы!

И какъ-будто это размышленіе возвратило увѣренность Боа-Розе; онъ снова подошелъ къ Тибурціо, чтобы сравнить его черты съ образомъ дитяти, которое представлялось въ его памяти съ розовыми щечками, съ бѣлокурыми кудрями; но пламя костра освѣщало предъ его глазами черные волосы, покрывавшіе блѣдное чело юноши.

— Сколько разъ, — произнесъ онъ, признавая свое заблужденіе, — любовался я спящимъ малюткой Фабіаномъ! Но кто-бы ты ни былъ, юный незнакомецъ, ты, пробудившій во мнѣ надежду, спи спокойно; ты не напрасно пришелъ къ моему очагу, ты нашелъ вѣрнаго друга! Да сдѣлаетъ-то Богъ для моего бѣдняжки Фабіана, что я готовъ сдѣлать для тебя!

Канадецъ еще разъ занялъ свое мѣсто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Фабіана. И среди торжественной тишины американскаго лѣса, воспоминанія его, пробужденныя присутствіемъ юноши, далеко переносились и возсоздавали сцены на Бискайскомъ Заливѣ.

Эта ночь напомнила ему ту, когда подъ выстрѣлами того-же Пепе, который былъ теперь его братомъ по оружію, онъ поднялъ дитя въ лодкѣ, гдѣ лежалъ трупъ его матери. Его память прослѣдила, день за днемъ, всѣ малѣйшіе случаи двухъ самыхъ счастливыхъ лѣтъ въ его жизни. Канадецъ до-сихъ-поръ не зналъ, что Пепе Соня былъ тотъ самый микелетъ, неловкость котораго въ стрѣльбѣ онъ вспоминалъ. По этому мы видимъ, что Пепе въ откровенностяхъ своихъ ничего никогда не говорилъ про Эланхови; онъ какъ-будто хотѣлъ вырвать изъ своей жизни ту ночь, въ которую онъ былъ стражемъ на Апзенадѣ.

Если-бы Боа-Розе узналъ въ Пепе того самаго микелета, который, какъ онъ выражался, цѣлилъ въ него такъ-же упрямо какъ и неловко, безъ сомнѣнія, что послѣ такой удивительной встрѣчи онъ гораздо-бы живѣе падѣялся и другой. Но Боа-Розе ничего не зналъ и невольно продолжалъ улыбаться, что воображеніе превратило для него на минуту юнаго мексиканца въ дорогаго Фабіана.

Уже замѣтно свѣжѣло; оставалось не много времени до восхода солнца; туманъ скоплялся на вершинахъ деревъ и падалъ холодною росой на землю. Между-тѣмъ все еще вокругъ канадца было погружено въ прежнюю тишину. Вдругъ, привязанная лошадь зафыр-

кала, порываясь вырваться. Очевидно было, что она чего-то испугалась.

Боа-Розе, такъ внезапно выведенный изъ своей задумчивости, осторожно приблизился, настороживъ глаза и уши. Но не замѣчая ничего, онъ вернулся на прежнее мѣсто, найдя Тибурціо уже проснувшимся.

Хотя юноша лежалъ съ открытыми глазами, но очевидно было, что душа его бродила гдѣ-то въ фантастическомъ мірѣ. Казалось, онъ съ удивленіемъ разсматривалъ и этотъ костеръ, и спящаго возлѣ него человѣка, и колоссальную фигуру Боа-Розе, который, молча, возвращался на свое мѣсто. Впрочемъ это продолжалось нѣсколько минутъ, скоро онъ опомнился, и отвѣчая на привѣтливую улыбку канадца, спросилъ, что это былъ за шумъ, который его разбудилъ.

— Ничего, — шопотомъ отвѣчалъ Боа-Розе, хотя его голосъ противорѣчилъ словамъ,—лошадь испугалась вѣроятно какого-нибудь ягуара, который безъ сомнѣнія бродитъ вокругъ мѣста, гдѣ мы спрятали кожи его товарищей и часть баранины. — А кстати! можетъ-быть ты не откажешься теперь съѣсть кусочекъ, который я спряталъ для тебя!

Канадецъ подалъ Тибурціо кусокъ холодной баранины. На этотъ разъ юноша не отказался, и выпивъ водки, по совѣту своего амфитріона, онъ почувствовалъ себя совершенно перерожденнымъ. Удовольствіе, и пріятная теплота овладѣли его существомъ; горечь прошедшаго смягчилась и будущее представилось болѣе въ розовомъ цвѣтѣ.

При видѣ охотника, который съ такимъ вниманіемъ перевязывалъ его рану, и теперь заботился о его пищѣ, онъ чувствовалъ себя не такъ одинокимъ и покинутымъ, тайное чувство говорило ему, что онъ нашелъ себѣ друга могущественнаго, и страшнаго по своей геркулесовской силѣ, предпріимчивости и ловкости. Съ своей стороны Боа-Розе съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ онъ ѣлъ, и чувствовалъ, что сердце его невольно стремилось къ этому юношѣ.

— Ну! дитя мое,—произнесъ охотникъ,—индѣйцы имѣютъ обыкновеніе не прежде спрашивать имена и званія своихъ гостей, какъ они поѣдятъ подъ ихъ кровлей. Ты теперь здѣсь у меня, ѣлъ мой хлѣбъ, могу-ли я по этому спросить: кто ты такой, и что случилось въ гацэіндѣ, что тебя тамъ такъ дурно приняли?

— Охотно!—отвѣчалъ Тибурціо.—По причинамъ, которыя вамъ не интересно будетъ знать, я оставилъ свою хижину, и пріѣхалъ въ Гаціенду del Venado. Моя лошадь отъ жажды и усталости пала на дорогѣ, и этотъ трупъ привлекъ пуму и двухъ ягуаровъ, которыхъ вы съ своимъ товарищемъ такъ смѣло убили.

— Гм!—произнесъ улыбаясь охотникъ,—это довольно жалкій подвигъ; но продолжай.... Какія причины могутъ заставить ненавидѣть такого молодаго человѣка, какъ ты, я думаю тебѣ не болѣе двадцати лѣтъ...

— Двадцать четыре,—отвѣчалъ Тибурціо;—но я продолжаю свой разсказъ. Я самъ едва не раздѣлилъ участь моей лошади, и когда вы въ двоемъ съ Пепе пришли къ намъ на ночлегъ въ Поцу, тому прошло нѣсколько часовъ, какъ люди, которыхъ вы тамъ видѣли, нашли меня на дорогѣ умирающимъ отъ лихорадки и жажды, и я ни какъ не могу объяснить себѣ, для чего спасали меня эти люди, когда чрезъ нѣсколько часовъ готовы были убить.

— Какое-нибудь соперничество въ любви, — произнесъ канадецъ, улыбаясь, — это обыкновенныя исторіи молодыхъ людей.

— Ваша правда,—отвѣчалъ Тибурціо съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ,—но здѣсь есть еще другая причина, можетъ быть то, чтобы обезпечить себѣ исключительное обладаніе чрезвычайно важной тайной, которой я также владѣю. Одно только достовѣрно, что есть три человѣка, которые хотятъ моей смерти, и между ними одинъ, которому я поклялся отмстить. Пусть будетъ ихъ хотя трое противъ одного, но я исполню клятву, данную мною умирающей особѣ, которая для меня была очень дорога въ этой жизни.

Тибурціо приписывалъ донъ Эстевану убійство Арелланоса.

Канадецъ съ видимымъ участіемъ слѣдилъ за подвижной физіономіей Тибурціо, и молча восхищался этимъ юношескимъ жаромъ, который не боялся опасностей.

— Но ты не сказалъ мнѣ своего имени, — спросилъ Боа-Розе съ съ нѣкоторою нерѣшимостью.

— Меня зовутъ Тибурціо Арелланосъ.

Канадецъ не могъ удержать вздоха, услышавъ это имя, которое разрушало всѣ его мечты и надежды.

— Это имя, можетъ быть, напоминаетъ вамъ что-нибудь?—вскричалъ Тибурціо.—Мой отецъ....—Тибурціо хотѣлъ сказать: усыновив-

шій меня, но остановился и продолжалъ :—Арелланосъ часто пробѣгалъ по этимъ пустынямъ и вы, вѣрно, съ нимъ встрѣчались, это былъ самый знаменитый гамбузинъ въ цѣлой странѣ.

— Нѣтъ, въ первый разъ я слышуэто имя,—отвѣчалъ Боа-Розе ;— твоя наружность только.... напомнила мнѣ.... событія давно минувшія....

Охотникъ не кончилъ и хранилъ молчаніе.

Съ своей стороны Тибурціо, живо вспомнивъ, что произошло въ гаціэндѣ, молча раздумывалъ, о своей счастливой встрѣчѣ съ охотниками и о томъ, что секретъ золотой долины, безполезный въ рукахъ его одного, при такихъ сильныхъ помощникахъ, дѣлался драгоцѣннымъ залогомъ его успѣховъ въ любви, передъ глазами донъ Августина ; и онъ рѣшился, не откладывая болѣе, открыться во всемъ Канадцу.

— Вы, кажется, сказали, что вы охотникъ, если я не ошибаюсь,— произнесъ Тибурціо, прерывая молчаніе ;—я думаю, что это ремесло мало прибыльно и очень опасно.

— Это вовсе не ремесло,—отвѣчалъ канадецъ,—но благородное занятіе для всѣхъ, напримѣръ для Пепе. Для меня же, это призваніе, цѣль моей жизни. Мои отцы охотились прежде меня и я продолжалъ... послѣ короткаго промежутка.... занятіе, которое завѣщали мои предки.... Къ несчастью у меня пѣтъ сына, который могъ-бы мнѣ наслѣдовать, и я могу безъ гордости сказать, что благородное и сильное поколѣніе американскихъ степныхъ охотниковъ угаснетъ со мною.

— А я также, какъ и мой отецъ, золотоискатель,—произнесъ Тибурціо.

«Онъ завѣщалъ мнѣ одно мѣсто, не далеко отсюда, столь богатое золотомъ, что если такіе два охотника, какъ вы съ товарищемъ, захотите соединиться со мной, я обогащу васъ, такъ какъ вы ни когда и не мечтали.

Тибурціо ожидалъ почти съ увѣренностью согласія канадца, не смотря, что онъ слышалъ, какъ послѣдній отвергъ предложенія дона Эстевана.

Честный канадецъ не старался скрыть удовольствія, съ какимъ онъ слушалъ Тибурціо. Послѣдній же приписывалъ алчности улыбку и блескъ глазъ его ; но онъ обманулся. Боа-Розе напротивъ не слы-

халъ въ соблазнительномъ предложеніи Тибурціо ничего, кромѣ звука его симпатичнаго голоса, который раздавался въ глубинѣ его души, какъ давно забытая мелодія, или какъ родная пѣсня, которая такъ сильно поражаетъ слухъ изгнанника.

По этому Тибурціо чрезвычайно удивился, когда канадецъ, покачавъ отрицательно головою, отвѣчалъ ему:

— Твое предложеніе безъ сомнѣнія соблазнило-бы человѣка, который оставилъ свое сердце въ какомъ-нибудь городѣ. У меня-же нѣтъ отечества. Лѣса и степи вотъ теперь моя родина, и я не желаю другой; къ чему же мнѣ послужитъ золото, о которомъ ты говоришь?

«Было время, когда мнѣ хотѣлось его имѣть, чтобы оставить послѣ себя, или даже при жизни отдать другому, теперь же у меня нѣтъ никого, кто-бы могъ воспользоваться этимъ золотомъ. Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, благодарю тебя, но я не хочу золота!—прибавилъ канадецъ, и закрылъ лицо своими широкими руками, какъ-бы защищаясь отъ соблазна.

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія это не послѣднее твое слово,—продолжалъ Тибурціо, прійдя въ себя отъ удивленія,—человѣкъ не отказывается такимъ образомъ отъ сокровищъ, когда ему стоитъ только нагнуться, чтобы поднять ихъ!

— А между тѣмъ мое рѣшеніе непоколебимо; я принадлежу теперь душой и тѣломъ дѣлу, въ которомъ я долженъ помогать своему старому товарищу. Я чувствую, дитя мое, что отказъ огорчаетъ тебя...—прибавилъ канадецъ при видѣ грусти, которая отразилась на лицѣ Тибурціо.

— Слушай, смѣлый охотникъ, — продолжалъ юноша,—я не хочу скрывать, что твой отказъ разрушилъ всѣ мои надежды; но повѣрь мнѣ, что не для себя я желаю эти сокровища, которыми другой овладѣетъ....

— Вѣрю,—отвѣчалъ Боа-Розе,—алчность не помѣщается на такомъ чистомъ челѣ, какъ твое. Впрочемъ я не отказываюсь быть тебѣ полезнымъ. У меня есть причины думать, что Пепе также имѣетъ кой-что, противъ одного изъ этихъ трехъ людей, и что мы можемъ тебѣ вмѣстѣ помочь или въ любви, или въ твоей ненависти.

Въ продолженіе этого разговора, слово сокровище, часто повторяемое, казалось имѣло магическое вліяніе на Пепе, потому-что онъ

безпрестанно повертывался, какъ-бы протестуя противъ рѣшенія своего друга.

— Такъ этотъ донъ Эстеванъ, съ которымъ я говорилъ,—произнесъ канадецъ,—человѣкъ довольно высокаго роста, не правдали?—начальникъ отряда, въ которомъ ты вчера еще находился?

— Онъ самый,—отвѣчалъ Тибурціо.

— Такъ вотъ какое имя, онъ носитъ здѣсь?—прервалъ голосъ Пепе, который приподнялся, чтобы принять участіе въ разговорѣ.

— Вы развѣ его знали прежде какъ-нибудь?—спросилъ юноша.

— Да, да,—отвѣчалъ Пепе,—это старинный знакомецъ, съ которымъ мнѣ нужно покончить старые счеты, и вотъ почему ты меня встрѣтилъ здѣсь. Если ты желаешь узнать что-нибудь болѣе и если какъ-нибудь ему ты обязанъ ударомъ ножа, я тебѣ послѣ разскажу кой-что, и могу славно помочь; но на все свое время, а самое главное теперь нужно выспаться хорошо, чтобы быть готовымъ на всякой случай.

— Подожди, Пепе, подожди!—закричалъ канадецъ съ веселымъ видомъ.—Кажись, что тебѣ непремѣнно хочется оправдать прозваніе Сони. Послушай только минуточку. Этотъ молодецъ предложилъ намъ сопутствовать ему къ золотому плацеру, столь богатому, что стоитъ только нагнуться, чтобы подбирать золото.

— Прахъ возьми!—вскричалъ Пепе,—ты согласился, я надѣюсь?

— Напротивъ, отказался.

— И напрасно, Боа-Розе; это дѣло заслуживаетъ, чтобъ о немъ подумать; но мы поговоримъ объ этомъ въ другое время, а теперь я, по своему обыкновенію, спѣшу дѣлать самое необходимое.

Произнеся эти слова, Пепе снова легъ, и шумъ его дыханія не замедлилъ возвѣстить, что онъ опять заснулъ.

IX.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Тибурціо поздравилъ себя съ тѣмъ, что онъ не обманулся въ той надеждѣ, которую внушила ему необходимая встрѣча съ двумя охотниками. Боа-Розе снова началъ:

— Какъ видите, — сказалъ онъ, — вы найдете въ моемъ другѣ Пепе —

человѣка готоваго соединиться съ вами противъ донъ Эстевана, что вмѣстѣ, кажется, достаточно вамъ говоритъ, что и я отъ васъ не отстану; ибо враги эти мнѣ также враги. И я очень счастливъ, что могу предложить вамъ, при этомъ случаѣ, помощь хорошаго карабина, который не знаетъ промаха. Скажу вамъ, что, по особымъ обстоятельствамъ, я не могъ бы видѣть молодаго человѣка вашихъ лѣтъ въ опасности, и не могу безъ сожалѣнія отказать ему въ товариществѣ въ случаѣ этой опасности. И такъ, вы можете вдвойнѣ положиться на меня, и увидите, что небо послало вамъ человѣка, стоющаго вѣрнаго друга.

Въ продолженіе этого разговора канадскій охотникъ, казалось, со вниманіемъ разсматривалъ ложе своего длиннаго карабина, и Тибурціо въ первый еще разъ замѣтилъ, что на этомъ ложѣ было множество гіероглифическихъ знаковъ, странно вырѣзанныхъ концомъ ножа.

— Ахъ! — продолжалъ Боа-Розе замѣтивъ, что взоръ молодаго человѣка приковался къ этимъ нарѣзкамъ различныхъ формъ: — вы считаете безъ сомнѣнія мои волосы!

— Ваши волосы! — повторилъ съ удивленіемъ Тибурціо, — незнакомый съ нравами страннаго класса людей, къ которому принадлежалъ охотникъ.

— Безъ сомнѣнія, — снова началъ канадецъ, — индѣйцы, считаютъ число своихъ жертвъ числомъ содранныхъ съ головы волосъ: и мы, лѣсные странники, считаемъ трофеи нашихъ побѣдъ. Эти насѣчки обозначаютъ число враговъ, убитыхъ мною на полѣ битвы.

— Но я ихъ вижу по-крайней-мѣрѣ двадцать! — вскричалъ Тибурціо.

— Если вы и удвоите, то все еще ошибетесь нѣсколькими! — продолжалъ усмѣхаясь охотникъ.

Тибурціо съ такимъ же удивленіемъ слушалъ разсказъ о трофеяхъ честнаго канадца, съ какимъ и авторъ этихъ строкъ, когда однажды, одинъ изъ этихъ ужасныхъ бичей индѣйцевъ заставилъ его счесть на древкѣ своего карабина 52 памятныхъ нарѣзка, которые онъ имѣлъ случай сдѣлать въ продолженіе своихъ путешествій и битвъ съ индѣйцами отъ границъ Сѣверной-Америки до границъ Мексиканскихъ.

— Ну что же! — продолжалъ канадецъ: — правъ-ли я, говоря вамъ, что вы можете положиться на человѣка, который стоитъ вѣр-

наго друга? — И дополняя эти слова жестомъ, онъ протянулъ свою широкую руку Тибурціо съ такимъ прямодушіемъ и съ такою откровенностью, которыя краснорѣчивѣе говорили, чѣмъ его языкъ. Тибурціо, находясь въ отчаянномъ положеніи, съ восторгомъ благодарилъ его.

— Тайное предчувствіе, — прибавилъ онъ, — говорило мнѣ, что это мерцаніе, которое я видѣлъ въ лѣсу изъ гаціэнды, должно быть для меня дружественнымъ свѣтомъ.

— И вы не обманулись, — съ жаромъ прибавилъ Боа-Розе; — но простите старику за нескромные, быть можетъ, вопросы; неужели при вашей молодости, у васъ нѣтъ уже отца, подлѣ котораго вы могли бы найти убѣжище?

При этомъ вопросѣ, щеки Тибурціо покрылись яркою краскою. Помолчавъ немного, онъ снова началъ:

— Зачѣмъ отъ васъ скрывать, что я окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, отвергнутъ съ презрѣніемъ женщиной, которую я любилъ и люблю еще теперь и остаюсь одинокимъ въ мірѣ, и что у меня нѣтъ ни отца, ни матери!

— Они умерли? — спросилъ Боа-Розе съ видомъ глубочайшаго любопытства.

— Я ихъ никогда не зналъ! — отвѣчалъ въ полголоса молодой человѣкъ.

— Вы ихъ никогда не знали говорите вы! — вскричалъ канадецъ и быстро вскочивъ на ноги, онъ схватилъ горѣвшій кусокъ дерева и поднесъ его къ лицу Тибурціо.

Не смотря на то, что головня была легка, въ рукѣ великана она казалась тяжестью во сто фунтовъ: такъ эта рука дрожала. Въ продолженіе этого времени, канадецъ постепенно освѣщалъ пламенемъ всѣ части лица Тибурціо и продолжалъ свои вопросы:

— Но я думаю, что вы знаете по-крайней-мѣрѣ страну, гдѣ вы родились?

— Я ее не знаю, — отвѣчалъ Тибурціо. — Но къ чему эти распросы? — Какой можетъ быть для васъ интересъ въ событіяхъ, также вамъ чуждыхъ, какъ и та страна, гдѣ я родился?

— Фабіанъ! Фабіанъ! — сказалъ Боа-Розе, смягчая противъ воли выраженіе своего грубаго голоса: ему казалось, что онъ обращался къ ребенку; — что съ тобой сдѣлалось!

— Фабіанъ! — Я не знаю этого имени.... Фабіанъ! — повторилъ Тибурціо, котораго удивленіе удвоилось при этомъ возваніи. Во все это время канадецъ жадно всматривался въ Тибурціо, и, казалось, хотѣлъ разогнать рукою туманъ, потемнявшій его взоръ.

— О Господи! Господи! — грустно говорилъ самъ себѣ Боа-Розе; — если это имя ничего ему не напоминаетъ, значитъ это не онъ. Зачѣмъ было мнѣ питать себя безумной надеждой? А между тѣмъ черты эти именно его, измѣненныя только лѣтами. Простите меня, мой молодой другъ: я сумасшедшій, безумный!

И канадецъ, отбросивъ головню въ пылавшій костеръ, снова сѣлъ возлѣ оставленнаго имъ дерева, оборотившись спиной къ свѣту такимъ образомъ, что онъ совершенно исчезъ въ непроницаемой тѣни густыхъ деревъ.

Уже засинѣли верхушки лѣса, въ сосѣдней фермѣ раздавалось пѣніе пѣтуха, все предвѣщало скорое появленіе дня; но въ чащѣ лѣса все былъ еще тотъ же мракъ.

Тибурціо невольно вспомнилъ разсказъ усыновившей его матери и погрузился въ свое прошедшее; онъ молчалъ, какъ бы для того, чтобы прочесть внутри самого себя и снова соединить цѣпь воспоминаній, разорванную промежуткомъ 19 лѣтъ. — Не смотря на то, что Тибурціо не успѣлъ еще отдать себѣ отчета въ своихъ воспоминаніяхъ, старый охотникъ, сидѣвшій передъ нимъ, напоминалъ ему нѣсколько великана, о которомъ разсказывала ему жена Арелланоса. — Но какъ подумать, чтобы матросъ, бывшій когда-то его воспитателемъ, могъ преобразиться въ охотника выдръ? Кромѣ того, въ распросахъ канадца онъ видѣлъ только добродушное, но все же чуждое любопытство. Въ самомъ дѣлѣ, лѣсной скиталецъ ничего ему еще не говорилъ о томъ, что онъ отыскивалъ сына. Одно это слово объяснило бы все, но Боа-Розе не произнесъ его.

— Можетъ-быть, — сказалъ Тибурціо: — можетъ быть, между моими отдаленными воспоминаніями есть такія, которыя можно оживить; но увы! одинъ Богъ можетъ это сдѣлать! Какой человѣкъ дастъ опредѣленную, ясную форму этимъ смутнымъ, почти изгладившимся воспоминаніямъ? Отчетливо же я не могу ничего вспомнить.

Канадецъ, съ видомъ глубочайшаго унынія, опустилъ свою голову.

— А между тѣмъ, — продолжалъ Тибурціо, — въ тишинѣ ночи, подобной нынѣшней, въ продолженіе которой я бодрствовалъ надъ тру-

помъ той, которую считалъ моей матерью, сомнительный свѣтъ сверкнулъ предо мною, и, кажется, я припоминаю какія-то мрачныя сцены; но, безъ сомнѣнія, это однѣ мечты, хотя мечты ужасныя.

По-мѣрѣ того какъ Тибурціо высказывался, канадецъ, оживляясь надеждою, медленно приподнималъ голову, выпрямляясь, какъ дубъ согнутый порывомъ вихря. Тибурціо сдѣлалъ знакъ рукою, чтобъ не прерывали едва возникавшую нить его воспоминаній, и продолжалъ, произнося слова медленно, и такъ какъ будто бы онъ съ трудомъ разбиралъ надпись, сглаженную вѣками:

— Мнѣ кажется, что я нахожусь, — сказалъ онъ, — въ огромной комнатѣ, которую холодный вѣтеръ дѣлалъ еще холоднѣе; вотъ я слышу рыданія женщины, грубый и угрожающій голосъ.... и.... ничего больше!...

Эти слова еще разъ обманули ожиданіе канадца; читатели помнятъ, что онъ видѣлъ только развязку драмы въ Эланхови.

— Вѣроятно это мечты, — грустно сказалъ онъ; — но продолжайте, продолжайте! Развѣ вы ничего больше не припомните? Не припомните-ли вы шумъ моря? Это зрѣлище трудно изглаживается изъ памяти, какъ бы не былъ молодъ тотъ, кто его слышалъ.

— Въ первый разъ я увидѣлъ море не болѣе какъ четыре года тому назадъ въ Гюіамосѣ, — отвѣчалъ Тибурціо, — а между тѣмъ, если вѣрить тому, что мнѣ говорили, то я долженъ былъ видѣть его въ первый разъ въ самой ранней молодости.

— Ну что же? — продолжалъ канадецъ, опять обманутый въ надеждѣ найти того, потерю котораго онъ оплакивалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ: — эти воспоминанія не напоминаютъ-ли вамъ чего-нибудь?

— Ничего!

— Ничего? — снова повторилъ Боа-Розе, опустивъ на грудь голову; — ничего?

— По-крайней-мѣрѣ ничего опредѣленнаго; но, какъ вы говорите и какъ думаю я самъ, это не болѣе какъ мечты, которыя я принимаю, быть можетъ, за дѣйствительность....

— Безъ сомнѣнія, — продолжалъ Боа-Розе съ нѣкоторою горечью; — гдѣ помнить все то юношѣ, что пережилъ онъ ребенкомъ?

— И между этими призраками, — снова началъ Тибурціо, — вотъ я

вижу, какъ теперь, одно лицо загорѣлое, грубое, но безконечно доброе въ своей грубости.

— Какое лицо? — поспѣшно спросилъ Боа-Розе, поворачивая къ свѣту свое лицо, такъ что огонь освѣтилъ вытянувшіеся на немъ мускулы, сильно воздымавшуюся грудь.

— Это образъ, — продолжалъ Тибурціо: — образъ человѣка, который очень меня любилъ, да!... — И я, — прибавилъ онъ съ живостью, — я припоминаю теперь этого человѣка!

— Но вы, — возразилъ Боа-Розе: — вы его также очень любили? — И во всѣхъ его чертахъ выразилась тоска.

— Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ!

Слеза медленно скатилась по бронзовой щекѣ Боа-Розе; канадецъ стыдясь своей слабости, отвернулся, чтобы скрыть эту слезу и прошепталъ:

— Увы! — онъ также нѣжно любилъ меня!

Но въ то мгновеніе, когда онъ долженъ былъ или узнать печальную истину, или отыскать ребенка, котораго онъ оплакивалъ, такъ долго и такъ напрасно, охотникъ невольно избѣгалъ послѣдняго вопроса, который долженъ былъ или осуществить надежду, волновавшую его душу или навсегда разрушить ее. Наконецъ, онъ рѣшился сдѣлать этотъ роковой вопросъ.

— Не припомните-ли вы между прочимъ того обстоятельства, — прерывистымъ голосомъ спросилъ канадецъ, — которое васъ разлучило съ этимъ человѣкомъ посреди....

У него не достало силъ продолжать далѣе, и склоня свою голову на колѣни, колоссъ дрожалъ, ожидая отвѣта на свой вопросъ.

Потому-ли что Тибурціо не припомнилъ тотчасъ этого обстоятельства, или, напротивъ, потому что оно-то и было отблескомъ поразительнаго воспоминанія, мерцавшимъ въ его памяти, только торжественное молчаніе послѣдовало за этимъ вопросомъ, молчаніе, въ продолженіе котораго тяжелое дыханіе канадца, казалось, заглушало трескъ пылавшаго хвороста.

— Послушайте! — вскричалъ наконецъ Тибурціо: — вы, который руководите меня, какъ маякъ, слушайте, что я теперь вспомнилъ. Однажды кровь была повсюду, земля дрожала подъ ногами, громъ или, можетъ быть, пушка грохотала съ ужаснымъ шумомъ; мнѣ сдѣлалось страшно въ черной компатѣ, гдѣ я былъ запертъ.... Чело-

вѣкъ, про котораго я вамъ говорю, который меня такъ любилъ, приблизился ко мнѣ... — Тибурціо на минуту остановился, казалось желая осуществить сильнѣе возникавшіе теперь передъ нимъ призраки давно минувшаго.

— Погодите! — продолжалъ онъ; — этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ: «стань на колѣни, мое дитя, и молись за свою мать....» но больше я ничего не могу припомнить...

Въ продолженіе этого времени канадецъ, скрытый въ тѣни, съ лицомъ склоненнымъ на колѣни, казалось, былъ потрясаемъ сильными конвульсіями; наконецъ послышалось его глухое рыданіе и Тибурціо вздрогнулъ при звукѣ прерывавшагося голоса Боа-Розе, который закричалъ:

— И молись за твою мать, которую я нашелъ умиравшею возлѣ тебя!...

— Да, да! — вскричалъ Тибурціо — и въ одинъ прыжокъ очутился на ногахъ: — Это!... именно это! но вы, кто же вы такой и какъ вы можете знать, что происходило въ ту ужасную минуту?

Канадецъ, не отвѣчая, склонился на колѣни, показывая снова мужественное, грубое лице, омоченное слезами, и въ восторгѣ бросился къ юношѣ.

— О! Боже мой! — вскричалъ онъ,— я хорошо зналъ, что еслибъ онъ нуждался въ отцѣ, то ты послалъ-бы его ко мнѣ!... Фабіанъ!... Фабіанъ!... это я.... это я тотъ человѣкъ!...

Вдругъ выстрѣлъ прервалъ слова канадца и пуля, свистя, впилась въ землю подлѣ Тибурціо. Пепе пробудился и вскочилъ въ одну минуту на ноги....

X.

ПРАВО СИЛЬНАГО БЕРЕТЪ ВЕРХЪ.

Здѣсь мы возвратимся къ прошедшему, чтобы пополнить пропускъ, оставленный бывшимъ таможеннымъ стражемъ въ исповѣди канадцу, относительно его прошедшихъ сношеній съ донъ Эстеваномъ.

Пепе могъ-бы сказать, что этотъ незнакомецъ, которому въ одну ночь на песчаномъ морскомъ берегу Эланхови онъ позволилъ выса-

диться, былъ никто другой, какъ донъ Антоніо де-Медіана, младшій братъ отца Фабіана.

По возвращеніи изъ долгаго крейсерства по южнымъ морямъ, какъ онъ самъ разсказывалъ Трагадуру, сражаясь противъ мексиканской независимости, Антоніо узналъ свадьбу доньи Луизы съ своимъ старшимъ братомъ. Бракъ этотъ вдвойнѣ поразилъ его: во-первыхъ, потому что онъ любилъ донью Луизу со всею страстью молодости; во-вторыхъ потому что старшій братъ обѣщалъ матери никогда не жениться и передать титулы и фамильныя богатства дону Антоніо. Но слухъ о его смерти, подтвержденный долгимъ его отсутствіемъ, заставилъ старшаго брата отказаться отъ своего обѣщанія: онъ боялся, чтобы не пресѣкся его древній родъ.

Женясь на невѣстѣ брата, онъ думалъ, что тѣмъ отдалъ торжественный долгъ его памяти. Отъ этого-то брака родился сынъ.

Скоро донъ Антоніо узналъ и разрушеніе своихъ честолюбивыхъ замысловъ и потерю всѣхъ своихъ надеждъ. Въ сердцѣ честолюбцевъ любовь занимаетъ мало мѣста, и Антоніо сожалѣлъ только объ ускользавшемъ отъ него маіоратѣ. Желаніе погубить ребенка, отнявшаго у него навсегда право на первенство въ семействѣ, поглощало всякое другое чувство въ сердцѣ донъ Эстевана. Получивъ начальство надъ добычей, доставшейся въ южномъ морѣ, которая состояла въ корветтѣ съ небольшимъ экипажемъ, онъ не замедлилъ въ различныхъ пристаняхъ увеличить этотъ экипажъ тридцатью испанскими авантюристами, набранными тамъ и сямъ изъ бѣдняковъ и дезертеровъ, и въ главѣ этого экипажа, правда не очень разборчиваго, онъ снова присталъ къ берегамъ Испаніи. Долго было-бы разсказывать съ какою ловкостью онъ велъ дѣла въ Эланхови; мы продолжимъ разсказъ событій, оставленныхъ въ ту минуту, когда, увѣренный въ молчаніи Пепе-Сони, онъ удалился отъ берега, оставивъ на сохраненіе микелета свою лодку.

Со дня своего вдовства графиня вела жизнь еще болѣе затворническую, чѣмъ прежде.

И вотъ въ то время, когда происходила сцена между Пепе-Соней и незнакомцемъ, то есть около 11 часовъ вечера, графиня де-Медіана находилась, по обыкновенію, въ своей спальнѣ. Это была обширная комната, мебель которой, какъ обыкновенно въ древнихъ замкахъ Испаніи и Франціи, лѣтъ сто не поновлялась. Она представляла мрач-

ный видъ, свойственный тогдашнимъ нравамъ и важности нынѣшняго испанскаго характера. Столовая лампа сильно освѣщая одну только часть комнаты, оставляла другую въ совершенной тѣни, и въ этомъ полусвѣтѣ съ трудомъ можно было различить большіе фамильные портреты, освѣщенные снизу красноватымъ блескомъ раскаленной жаровни. Два окна выходили на большой балконъ, едва возвышавшійся на 20 футовъ отъ земли. Сквозь стекла было видно черное небо и бѣлая линія, образовавшаяся отъ соединенія моря съ небомъ. Глаза графини блуждали по этой грустной перспективѣ съ видомъ созерцанія и молитвы; потомъ они остановились на колыбели, гдѣ лежалъ заснувшій ея ребенокъ. Ей казалось не больше 23 лѣтъ. Натуральная блѣдность, свойственная вообще всѣмъ женщинамъ Андалузіи, еще болѣе увеличивалась въ пріятномъ лицѣ графини отъ глубокаго траура — печальной эмблемы ея вдовства.

Маленькая морщинка между бровями вдовы графа де-Медіана обнаруживала характеръ рѣшительный; тогда какъ ея ротикъ обѣщалъ самую очаровательную улыбку. Ея черные, бархатные глаза подтверждали обѣщанія ротика; тѣмъ не менѣе въ очертаніяхъ правильнаго и высокаго лба, вздернутаго носика легко было прочесть непоколебимость воли и неукротимость страстей.

Эти-то рѣзкія черты и наслѣдовалъ Тибурціо, или скорѣе Фабіанъ, отъ своей матери.

Совершенно черные волосы доньи Луизы оттѣняли двумя лоснящимися прядями ея блѣдное лицо, обольстительное въ своемъ спокойствіи, очаровательное въ минуты воодушевленія и прелестное красотою ужасною въ гнѣвѣ. Наконецъ ея руки ослѣпительной бѣлизны и изящной формы, ея маленькія деликатныя ножки, ея стройная талія, все оправдывало страсть двухъ братьевъ къ графинѣ. Мы должны сказать, что желаніе не дать угаснуть своему роду не было единственнымъ намѣреніемъ брака донъ Жуана-де-Медіана съ донъею Луизою.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго размышленія, графиня взяла лампу, поставила ее на столикъ такимъ образомъ, чтобы огонь освѣщалъ прелестное личико ея сына, такъ сладко уснувшаго въ своей колыбелькѣ. Онъ спалъ тѣмъ глубокимъ, дѣтскимъ сномъ, который могъ бы походить на вѣчный сонъ, еслибы, такъ сказать, не

было видно обращенія жизни вмѣстѣ съ кровью подъ слабой оболочкой.

Долго нѣжная мать разсматривала это наивное личико, полускрытое въ каштановыхъ кудряхъ, обѣщающихъ въ послѣдствіи прекрасные черные волосы.

Казалось она хотѣла прочесть въ чертахъ своего ребенка его будущность. Это наблюденіе заставило вздрогнуть бѣдную мать при мысли о тѣхъ испытаніяхъ и превратностяхъ, которыя могли ожидать его въ жизни. Графиня поступила въ этомъ случаѣ, какъ и всѣ матери : она напечатлѣла на его щечкахъ страстный поцѣлуй, какъ бы для того, что бы защитить сына предохранительными чарами, или увѣрить его, что по-крайней-мѣрѣ материнская любовь ему не измѣнитъ. ..

Надъ колыбелькой висѣла большая картина, на которую падали лучи лампы и освѣщали лицо, костюмъ и прическа котораго принадлежали XVIII столѣтію. Это былъ мальчикъ лѣтъ 15 или 16 съ гордымъ взглядомъ, съ граціозною таліей, въ которомъ все обнаруживало дѣйствительный отпечатокъ Испанской аристократіи ; локтемъ онъ упирался въ спинку огромнаго кресла, въ которомъ спалъ молодой ребенокъ. Гордость взгляда, обращеннаго къ его брату, ибо фамильное сходство было поразительно, не затемняло въ этомъ лицѣ выраженія живой нѣжности. Эта группа казалась аллегоріей, одушевленнымъ объясненіемъ геральдики, видпѣвшейся на одномъ изъ высокихъ угловъ картины съ слѣдующимъ девизомъ : *я состарѣюсь.*

По странному сближенію, спавшій въ колыбели ребенокъ, представлялъ разительное сходство съ тѣмъ, который лѣтъ ужъ 30 спалъ на своемъ готическомъ креслѣ. Графиня, обнявъ своего сына, подняла глаза, и, казалось, замѣтила въ первый только разъ это сходство, потому что мрачное облако осѣнило ея физіопомію и заставило ее вздрогнуть.

— Бѣдный ребенокъ, — сказала она въ полголоса, — да сохранитъ тебя Всевышній отъ подобной участи.

Графиня отставила лампу и картина снова исчезла въ мракѣ, какъ улетучивающійся призракъ.

Есть минуты въ молчаніи ночи, когда все пріобрѣтаетъ двойную важность ; малѣйшій внѣшній шумъ не ускользаетъ отъ слуха, когда даже трескъ мебели пугаетъ насъ. — Также точно какъ есть внутренніе голоса : днемъ они молчатъ, едва шепчутъ, но за то ночью

они звучатъ, какъ отдаленный но сильно-внятный рожекъ, котораго нельзя не слышать.

Уединеніе, или тишина, или скорѣе видъ этой картины пробудили въ графинѣ одинъ изъ этихъ отголосковъ. Было ли это угрызеніе совѣсти, предчувствіе ли, или что-нибудь подобное, но графиня въ эту минуту казалась еще блѣднѣе.

Стараясь ободриться, она сѣла на прежнее мѣсто подлѣ окна, въ то время, какъ царствовавшая окрестъ ея тишина была нарушаема только порывами морскаго вѣтра, постоянно шумѣвшаго на вершинѣ высокихъ утесовъ Эланхови.

Вдругъ звуки болѣе пронзительные примѣшались къ дуновенію вѣтерка, и звукъ трубы поразилъ слухъ доньи Луизы. Сигналъ этотъ часто употреблялся на корабляхъ, плывшихъ ночью у опасныхъ береговъ Эланхови, но графиня этого не знала; для нея этотъ звукъ былъ непонятнымъ и необыкновеннымъ; ей онъ казался эхомъ невидимаго міра.

Графиня привстала съ своего кресла съ такимъ волненіемъ, какъ будто бы пораженная ужаснымъ призракомъ. Первымъ ея движеніемъ было схватиться за звонокъ, лежавшій на столѣ подлѣ нея; но вскорѣ гордость преодолѣла чувство минутнаго страха и, стыдясь обнаружить свою слабость передъ служанкой, донья Луиза стала на колѣни подлѣ колыбели малютки. Ребенокъ продолжалъ покоиться тѣмъ же глубокимъ, тихимъ сномъ.

— О! Боже мой!... Боже мой! — вскричала она снова: — какъ мнѣ тяжело теперь носить имя Медіановъ! А между тѣмъ было время, когда оно такъ льстило моему тщеславію! Одному изъ двухъ братьевъ нуженъ былъ этотъ ребенокъ, чтобъ увѣковѣчить имя Медіановъ.... Господи, пусть гнѣвъ твой поразитъ одну меня!

Эта молитва доньи Луизы оправдывала, казалось, носившуюся молву, что графиня вышла за мужъ за старшаго изъ Медіановъ, а сердце отдала младшему, котораго теперь она считала умершимъ....

Потомъ голосъ ея снова потерялся въ нѣмой молитвѣ и снова сталъ слышенъ: графиня выговаривала слова медленно, и, казалось, она забыла внѣшніе предметы и носилась въ мірѣ предчувствій и воспоминаній.

Забывшись, она не слышала глухаго шума, раздавшагося за стѣнами, который прерывалъ время отъ времени грустную мелодію но-

чнаго вѣтра, гудѣвшаго въ окнахъ. Потомъ шумъ этотъ глухой въ началѣ, казалось, достигъ балкона; окно отворилось съ шумомъ и порывъ вѣтра, ворвавшись въ комнату, дунулъ на лампу; огонь вспыхнулъ и освѣтилъ человѣка, приближавшагося къ графинѣ, окаменѣвшей отъ удивленія.

Удивленіе графини возрасло еще болѣе, когда она узнала въ этомъ неожиданномъ посѣтителѣ дона Антоніо.

Блѣдное лицо донъ Эстевана выражало два противуположныя чувства: скрытый гнѣвъ и иронію, графиня видѣла это часто. Она видѣла въ немъ человѣка, который ее любилъ и любитъ еще и теперь.

— Ни одного движенія, ни одного крика о помощи!... — прошепталъ донъ Антоніо, — если вы любите этого ребенка! — И онъ указалъ на колыбель Фабіана.

Въ жестѣ его было столько силы, и власти, что растерявшаяся графиня, съ блуждающими глазами, наклонясь, осталась нѣмою, неподвижною и съ ужасомъ смотрѣла на своего страшнаго посѣтителя.

Она вдругъ поняла, что въ глазахъ этого человѣка прошедшее ничего не значило. Донья Луиза почувствовала свою гибель, но она чувствовала и то, что сыну ея грозила опасность; она призвала на помощь всю материнскую нѣжность и энергію своей воли и гордость для спасенія того, чья жизнь была для нея дороже собственной.

Конечно, нужно было страшнаго усилія, что бы достичь этой цѣли, потому что лицо Антоніо вдругъ измѣнилось.

Сжатыя губы его задрожали и открыли рядъ зубовъ сильно стиснутыхъ; его горѣвшіе глаза, вперенные на графиню, произвели во всѣхъ ея членахъ смертную дрожь; она ясно прочла въ этихъ глазахъ, что напрасно будетъ ожидать жалости и состраданія, однакожъ, подавивъ свой ужасъ, она закричала:

— Кто вы такой? — и зачѣмъ вы вошли сюда, какъ ночной воръ! Развѣ такъ долженъ входить сынъ въ жилище своихъ предковъ? Или донъ-Антоніо сдѣлался негодяемъ и боится дня?

— Терпѣніе! — иронически отвѣчалъ Антоніо, — время придетъ скоро и то время, когда я взойду въ этотъ замокъ, какъ слѣдуетъ, среди бѣлаго дня, чрезъ отворенныя двери, посреди рукоплесканій,

которыя будутъ сопровождать мое возвращеніе, но теперь мнѣ хочется быть ночнымъ воромъ, какъ сами вы сказали....

— Чего-же вы хотите? — вскричала графиня!

— Какъ.... развѣ вы не понимаете, — продолжалъ Антоніо, съ тѣмъ-же равнодушіемъ, не смотря на то, что мускулы его сильно дрожали; — я пришелъ сюда съ намѣреніемъ сдѣлаться графомъ де-Медіана.

Отвѣтъ этотъ обнаружилъ всю ужасающую важность положенія графини.

Здѣсь было дѣло не съ обманутымъ любовникомъ, котораго можно успокоить представляя ему убѣжденія. Она должна была спасти своего сына!...

XI.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Послѣ этихъ словъ, вполнѣ обнаруживавшихъ намѣренія дона Антоніо, первымъ движеніемъ графини было броситься къ колыбели своего сына, съ намѣреніемъ оградить его собой; но Антоніо предупредилъ ее, и ставъ между нею и колыбелью, вперилъ на нее холодный и безчувственный взглядъ.

Нужно было имѣть душу, слишкомъ глубоко пораженную обидою и сердце совершенно желѣзное, чтобъ устоять передъ графинею, которая съ трепещущимъ сердцемъ, съ длинными разсыпавшимся по плѣчамъ волосами и чертами пораженными тоскою, остановила на немъ взоръ свой, исполненный ужаса и мольбы. Она была прекрасна, даже этою дикою красотою, которую выражала гордая его физіономія, между-тѣмъ, какъ материнская нѣжность придавала ея глазамъ безконечную прелесть и выраженіе безпокойства:

— Пощадите его! — выговорила наконецъ она, задыхаясь. — Вы можете убить меня, но его.... его.... что сдѣлалъ онъ вамъ, Антоніо?

— Что сдѣлалъ онъ мнѣ, — возразилъ Антоніо, — развѣ теперь онъ не графъ Медіана? и не законный-ли онъ похититель тѣхъ титуловъ и состоянія, которые мать наша подъ клятвою обѣщала отцу его сберечь для одного меня? Не сынъ-ли онъ той, которая дала

обѣтъ любить только меня и которая успокоилась не прежде, какъ нарушивъ клятвы свои, заставила нарушить клятвы моего брата, обольстивъ его своей красотою....

Графиня закрыла лицо свое руками.

— Развѣ васъ не считали давно уже умершимъ? Я раздѣляла только общее заблужденіе....

— Не думаете-ли вы разжалобить меня этой ласкою? Развѣ мнѣ неизвѣстно, что послѣ первыхъ слуховъ о моей смерти, ничѣмъ недоказанной, но потревожившей нѣжныя попеченія ваши о графѣ Медіана и богатомъ маіоратѣ, цѣлью интригъ вашихъ было поймать старшаго въ сѣти, которыя вы разставили для втораго только потому, что знали о формальномъ обѣщаніи его брата.

Графиня не отвѣчала. Потому-ли, что обвиненія неумолимаго судьи, подъ власть котораго она такъ нечаянно подпала, говорили менѣе, чѣмъ ея совѣсть, или потому, что она гнушалась отвѣчать страсти столь мелочной....

Донъ-Антоніо продолжалъ:

— Оставимъ эти продѣлки прошедшаго, я не за тѣмъ пришелъ сюда, чтобы заставить васъ выслушать нѣжныя жалобы обманутаго любовника, моя цѣль болѣе важна.

Вмѣстѣ съ этимъ донъ Антоніо сдѣлалъ шагъ къ колыбели.

— Но вы хорошо знаете, что сынъ мой ничего вамъ не сдѣлалъ!— вскричала графиня.

Въ этомъ крикѣ было столько материнской тоски, столько силы чувства и столько слезъ, что душа донъ Антоніо какъ-бы подалась назадъ, хотя въ чертахъ его оставалась прежняя холодная суровость; но она была уже маскою, потому что голосомъ менѣе грознымъ, онъ возразилъ.

— Кто вамъ сказалъ, что я захочу быть убійцей дитяти?

— Ахъ! да наградитъ васъ Богъ за вашу милость, Антоніо! — вскричала графиня, скрестивши руки.

— По вамъ не мѣшаетъ сначала выслушать приговоръ мой надъ нимъ, — отвѣчалъ Антоніо, — и вы увидите будетъ-ли мѣсто для меня въ вашихъ благословеніяхъ. Ребенокъ этотъ виновенъ только въ томъ, что измѣна, которой онъ есть плодъ, поставила его между мною, богатствами и титулами, которыя я могъ назвать своими, по своему уже воспитанію. Ему неизвѣстно еще то, къ какому роду

принадлежитъ онъ и потому ему легко слиться съ толпою, въ которую я его брошу....

— Но... я.... я благословляю васъ за жизнь его, Антоніо!—кричала она.

— Онъ не узнаетъ того никогда, а васъ не будетъ, чтобы о томъ ему напомнить, — продолжалъ неумолимый судья.

— Какъ! — вскричала графиня голосомъ, который удивленіе, изумленіе и ужасъ задавили еще въ горлѣ ея.. .—Какъ вы хотите разлучить меня съ сыномъ моимъ? О' нѣтъ, вы этого не сдѣлаете.

Она упала на колѣни и съ глухимъ рыданіемъ продолжала молить о пощадѣ.

Донъ Антоніо хранилъ мрачное молчаніе. Графиня думала тронуть чувствительную струну его сердца, и не смотря на то, что краснорѣчіе матери дышало сильнѣйшимъ убѣжденіемъ и что мольбы ея могли-бы смягчить неумолимаго, донъ-Антоніо не тронулся отчаяніемъ матери. Холодная улыбка была отвѣтомъ на ея слезы и вопль.

— Какъ! — сказалъ онъ, — неужели графиня Медіана думаетъ, что я не изъ-за чего пренебрегалъ тысячью опасностей.... неужели скрываясь отъ взоровъ человѣческаго правосудія и терпѣливо затаивая мою задушевную мысль, я пришелъ сюда расплакаться вмѣстѣ съ вами и отказаться отъ мести? Нѣтъ.... нѣтъ планъ мой выполнится, какъ я его задумалъ и не иначе! — прибавилъ Антоніо и выхватя кинжалъ, онъ въ ярости своей занесъ его надъ колыбелью малепькаго Фабіана.—Да проститъ мнѣ братъ за пролитіе крови его: вы сами этого захотѣли, графиня! — добавилъ онъ.

— О Боже мой! — вскричала графиня,—неужели Ты не пошлешь мнѣ избавителя? Неужели попустишь подобное преступленіе.

— За это ужъ предоставьте мнѣ самому отвѣчать предъ Богомъ, что-же касается до людей, то будьте увѣрены они не найдутъ здѣсь и слѣдовъ.

Графиня рѣшилась на послѣднее усиліе, чтобъ только устрашить этого человѣка, на котораго не дѣйствовали просьбы, и когда приблизилась къ нему — лицо ея было блѣдно, глаза блистали необыкновеннымъ одушевленіемъ:

— Берегитесь, — сказала она, — чтобы за недостаткомъ правосудія человѣческаго, надъ которымъ вы смѣетесь, Правосудіе свыше,

которое вы порицаете, на краю міра, въ самыхъ отдаленныхъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ и слѣда человѣческаго, чтобы Правосудіе это не пробудило обвинителя, судью и палача вашего!

— Ну, кончимъ дѣло!...—сказалъ въ нетерпѣніи Антоніо.—Дитя это спитъ въ послѣдній разъ подъ кровлей отцовъ своихъ.

— О Боже мой! спаси его! — шептала уничтоженная донья Луиза, обращаясь къ Богу съ пламенною молитвой, льющеюся изъ ея материнскаго сердца.

Потомъ бросившись на колѣни передъ тѣмъ, кого она любила, Луиза продолжала:

— Ахъ! Антоніо, неужели вы, котораго я считала такъ благороднымъ и великодушнымъ, захотите осквернить себя преступленіемъ? О! нѣтъ, вы пугаете меня, не правда-ли?

— Васъ пугать, — возразилъ Антоніо, съ сардоническою улыбкой; — напрасно вы приписываете мнѣ столько пустой добродѣтели! Но время проходитъ и люди ждутъ меня съ нетерпѣніемъ.

На эту холодную и жестокую насмѣшку донья Луиза осталась безотвѣтной. Человѣкъ, котораго забавляетъ преступленіе, не можетъ смягчиться ничѣмъ.

Только съ этой минуты постигла графиня, что все уже было кончено. Ея умомъ овладѣло какое-то неизъяснимое оцѣпенѣніе, тѣло ея потеряло все свое движеніе, она не думала болѣе, не дѣйствовала и оставалась безъ всякой мысли. Вполнѣ отдавшись судьбѣ и страданію, она, молча, ждала своей жестокой участи.

Въ этой обширной и полуосвѣщенной комнатѣ, гдѣ грозные порывы вѣтра раздавались какимъ-то скорбящимъ эхомъ, приводя въ дрожь длинныя драпри; женщина эта съ поникшею отъ страданій головою предъ этимъ, болѣе и болѣе холоднымъ, насмѣшливымъ и всегда неумолимымъ человѣкомъ, представлялась жалкимъ существомъ, безпощадно обреченнымъ на добычу своего губителя. Напрасно умоляла графиня о пощадѣ или хотя о минутной отсрочкѣ, срокъ истекъ и жизнь не принадлежала ей болѣе.

Получивъ отъ Антоніо позволеніе разбудить и одѣть своего сына, она приблизилась къ колыбели съ видомъ, показавшимъ, что она потеряла уже всякое сознаніе даже о своемъ существованіи. Мысль закричать и позвать на помощь сверкнула, было, въ головѣ ея, по какому-то инстинкту, а не вслѣдствіе разсужденія: она и отъ ней от-

казалась. Тигръ расправилъ свои когти не только надъ нею, но и надъ ея ребенкомъ. Она видѣла уже въ крови роднаго сына, и при мысли, охватившей ее ужасомъ, взоръ ея потухъ, голова упала на грудь. Она приблизилась къ малюткѣ. Заплаканные глаза ея едва могли замѣтить чистый и глубокій сонъ дитяти, которое оставалось спокойно и равнодушно къ происходившей вокругъ его сценѣ и котораго среди этой осенней, туманной ночи, жестоко было-бы оторвать отъ сладкаго сна, чтобъ сказать ему вѣчное прости.

Она разбудила ребенка.

Дитя дрожало отъ холоднаго воздуха, которымъ дышало открытое окно и примѣчая незнакомца и блѣдную, дрожащую, съ лицемъ залитымъ слезами мать, оно испугалось и, плача, укрывалось въ ея объятія.

Донъ Антоніо отошелъ къ окну и не отрывая своего внимательнаго взора отъ доньи Луизы, сдѣлалъ повелительный знакъ. Тысячу разъ несчастная мать прерывала такъ сладостное обыкновенно и столь мучительное въ настоящую минуту занятіе свое, чтобы нѣжно обнять каждую частичку покрововъ возлюбленнаго своего сына и осыпать пламенными поцѣлуями его головку. Обманывалась она или пламенно желала выиграть хоть нѣсколько еще драгоцѣнныхъ минутъ и замедлить то пагубное мгновеніе, когда сынъ ея перестанетъ принадлежать ей. «Еще, минуту,—думала она,—и быть можетъ Милосердіе Божіе пошлетъ ему защитника. Но если уже неотвратимо это гнусное преступленіе, то хоть минуту еще пусть продлится прощальный поцѣлуй!...

Въ радости, какъ и въ печали, бываютъ предѣлы, за которые не можетъ перейти слабость человѣческая; за этими предѣлами разрушается уже и самая жизнь. Въ сильнѣйшихъ степеняхъ, какъ моральныхъ такъ и физическихъ страданій, есть степень, гдѣ печаль должна вдругъ остановиться, за недостаткомъ органовъ, могущихъ вынести ея ужасный ударъ. Тоже самое бываетъ и въ высочайшемъ счастіи. Тогда разрушеніе узъ, соединяющихъ тѣло съ душою, природа предупреждаетъ безчувственностью матеріи. Богу угодно это такъ устроить, чтобы не нарушалось Его Правосудіе. Такъ случилось и въ это ужасное мгновеніе, въ которое послѣдовала разлука матери съ возлюбленнымъ сыномъ.

Все было кончено, избавитель не являлся, и съ послѣднимъ поцѣлуемъ, съ послѣднимъ прижатіемъ его, на глаза доньи Луизы упалъ покровъ, безчувственность остановила печаль ея души, она издала слабый крикъ и лишилась чувствъ.

Донъ Антоніо, предвидѣлъ-ли онъ эту развязку или она не противурѣчила его дальнѣйшимъ планамъ, донъ Антоніо спокойно приблизилъ къ блѣдной и бездыханной графинѣ лампу, желая убѣдиться не дышала-ли она еще, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на тихія рыданія дитяти, замолкнувшаго отъ испуга, пошелъ запереть на замо́къ дверь входа. Заперши дверь, онъ открылъ изъ чернаго дерева коммодъ, служившій графинѣ письменнымъ столомъ и, захвативши въ ящикахъ брильянты и деньги, поспѣшно положилъ въ карманъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько бумагъ; потомъ выбросивъ изъ прочихъ мебелей графини бѣлье, онъ связалъ его въ узелъ.

Во все это время дитя глухо рыдало, обнявъ свою мать, которой холодная безчувственность была для него источникомъ тайнаго страха.

Въ одну минуту комната представила видъ безпорядка, предшествующаго обыкновенно отъѣзду въ далекую дорогу. Тамъ и сямъ по полу разбросаны были пустые ящики, коммоды были отперты, словомъ все обличало поспѣшность отъѣзда.

Распорядившись такимъ образомъ и отирая съ лица потъ, донъ Антоніо сѣлъ въ кресло, которое за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ занимала графиня и пристально сталъ осматриваться вокругъ себя. Когда взоръ его встрѣтился съ бездушнымъ тѣломъ графини и державшимъ руку ея ребенкомъ, казалось, страшная мысль овладѣла имъ, уже онъ поднялся почти, но снова сѣлъ на прежнее мѣсто, какъ-бы изнемогая въ борьбѣ двухъ противурѣчащихъ желаній сердца.

— Нѣтъ, — произнесъ онъ наконецъ, — достаточно съ меня и одной жертвы; но онъ, онъ.... это его кровь и я не пролью ее.... И чтобъ измѣнить настроеніе своихъ мыслей и отстранить отъ себя страшное покушеніе, онъ быстро подошелъ къ окну, тихо свиснулъ и черезъ нѣсколько минутъ, чья-то голова показалась на балконѣ, просунулась въ окно и одинъ изъ людей, котораго видѣлъ Пепе, очутился въ комнатѣ.

Матросъ спокойно посмотрѣлъ на сцену, представившуюся глазамъ его, и ждалъ приказаній:

— Брось этотъ узелъ въ окно, Хозе!

— Какой, — съ грубой улыбкой сказалъ матросъ, указавъ на тѣло графини.

— Вотъ этотъ! — сказалъ донъ Антоніо.

— Съ вашего позволенія, капитанъ, — сказалъ Хозе, отрывая небольшой серебряный бразеро, служившій пьедесталомъ лампы.

— Скорѣй, скорѣй кончай!

Никогда приказаніе не было исполнено съ такимъ усердіемъ; потому-что тысячи мелкихъ предметовъ, украшающихъ обыкновенно дамскіе покои, вдругъ исчезли въ карманахъ слуги, а узелъ, который сдѣлалъ донъ Антоніо, онъ передалъ ожидавшему его товарищу, голосъ котораго донесъ слѣдующія слова:

— Гей! Хозе! доля по поламъ!

— Ну, — сказалъ донъ Антоніо, — теперь вотъ это трудно поднять, достаточно-ли у тебя силы?

— Вотъ еще! это смѣшно, капитанъ.

И поднявъ графиню, будто ребенка, онъ вскинулъ ее на плечи и направился къ балкону.

— Э! Жанъ, — кричалъ онъ, — по крутой же лѣстницѣ я несу тебѣ добычу.

И онъ медленно исчезъ съ балкона.

Донъ-Антоніо, взявши онѣмѣвшаго отъ страха ребенка, оставилъ въ свою очередь комнату и послѣдовалъ за слугой.

Черезъ нѣсколько минутъ яркій, послѣдній блескъ лампы освѣтилъ разбросанное платье, пустую колыбель, открытые ящики и потомъ исчезъ; между-тѣмъ отдаленный шумъ океана, дробящагося о свои громадныя плотины и сильный шквалъ слышались какимъ-то рыданіемъ, подобно крику отчаянія и тоски. Внимая имъ, Пепе Соня думалъ, что то былъ одинъ изъ погребальныхъ мотивовъ вѣтра скалъ.

Злополучная и бездыханная мать была положена похитителемъ въ лодку, на которой онъ пріѣхалъ. Руководствуясь безпощаднымъ своимъ честолюбіемъ, донъ-Антоніо осудилъ донью Луизу; убить юнаго Фабіана помѣшала ему только одна безпокойная его совѣсть и онъ бросилъ его на добычу морскихъ волнъ въ лодкѣ, въ которой одинъ изъ его матросовъ кинжаломъ своимъ поразилъ бездыханное тѣло графини. Голоду, холоду и бурѣ донъ-Антоніо предоставилъ докончить жизнь своего племянника.

Самъ же Медіана съ двумя своими соучастниками достигнувъ сво-

его флота, бросился вплавь и выплывъ на берегъ, объявилъ, что во время бури они наткнулись на лодку съ какой-то мертвой женщиной и несчастнымъ маленькимъ ребенкомъ, который умретъ, по всей вѣроятности, отъ этого ночнаго холода.

Послѣ этого донъ Антоніо возвратился въ жилище своихъ отцовъ. Жизнь его уже извѣстна до того самаго вечера, въ который Кухилло чуть не поразилъ передъ нимъ кинжаломъ молодаго человѣка, ставшаго на одной съ нимъ дорогѣ.

Теперь слѣдуетъ объяснить, кто предупредилъ новую попытку на убійство, въ слѣдствіе которой Тибурціо могъ сдѣлаться несчастной жертвой, въ лѣсу не далеко отъ гаціэнды,

XII.

МОСТЪ НА ПОРОГѢ.

Въ то время, какъ Кухилло сторожилъ свою жертву, донъ Эстеванъ, продолжая путь шагомъ по дорогѣ, которую показалъ имъ бандитъ, пытался вывѣдать предположенія своего новобранца, Діаза, храбрость и ловкость котораго расхвалилъ ему гаціэндеро.

Съ первыхъ уже словъ Діаза донъ Эстеванъ нашелъ, что Діазъ такой человѣкъ, какого онъ искалъ. Но открыться вполнѣ ему еще не настало время. Испанецъ въ умѣ своемъ преслѣдовалъ только ту мысль, что въ рукахъ Діаза разомъ заключались и мощное орудіе и драгоцѣнная помощь. Сообразно этому онъ объявилъ ему только объ экспедиціи въ Тубако, которая ежели увѣнчается успѣхомъ, то можно будетъ тогда пособить и раздору въ Штатахъ Соноры и конгрессу въ Мексикѣ.

Вдругъ выстрѣлъ карабина Кухилло прервалъ дона Эстевана.

Еслибы жадность бандита позволила ему подѣлиться наградой, которой онъ ждалъ отъ дона Эстевана, съ двумя своими товарищами Орохомъ и Бораджей, сохранившими хладнокровіе, то безъ всякаго сомнѣнія одинъ изъ трехъ карабиновъ, разомъ направленныхъ противъ Тибурціо, поразилъ бы его. Но Кухилло хотѣлъ одинъ заработать двадцать унцій золота, обѣщанныхъ ему испанцемъ. Внезапное движеніе Тибурціо, при открытіи Боа-Розе, отклонило его отъ пули тайнаго убійцы.

Въ туже минуту Кухилло, потерявъ зарядъ и не увѣрившись про-

махнулся-ли или нѣтъ, поспѣшилъ примкнуть къ своимъ товарищамъ.

Замѣтно смущенный неизвѣстностію послѣдствій своего выстрѣла, онъ бросился въ кусты, стараясь отыскать мѣсто, гдѣ была привязана его лошадь.

Неожиданно раздавшійся выстрѣлъ въ ту минуту, когда Тибурціо и канадецъ оставались еще подъ вліяніемъ живаго и сильнаго внутренняго движенія, привелъ ихъ, такъ сказать, въ изумленіе.

— Caramba! — закричалъ Пепе, — мнѣ хотѣлось бы измѣрить степень скорости, съ которой отправлена эта пуля и сравнить ее съ скоростью моей или вашей, молодой человѣкъ, потому-что я слышалъ объ этой исторіи въ Эланхови и самъ не чуждъ ея....

— Въ Эланхови, — закричалъ канадецъ, — какъ! ты знаешь?...

— Но теперь не время этимъ заниматься, — быстро отвѣчалъ Пепе, — послѣ поговоримъ, потому-что это одинъ изъ тѣхъ секретовъ, котораго вы безъ меня не узнаете. Скажу вамъ только, что вы нашли, кажется, молодаго графа; этого уже довольно съ васъ. Теперь, Боа-Розе, впередъ! Идите прямо въ ту сторону, откуда послышался выстрѣлъ; а мы вотъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ сдѣлаемъ засаду съ противной стороны, вѣдь этотъ плутъ, сейчасъ выпаливший, хочетъ, кажется, сбить нашъ бивакъ; но прежде чѣмъ это удастся ему, онъ не минуетъ нашей засады.

Сказавъ это, Пепе взялъ свой карабинъ и вмѣстѣ съ Тибурціо, который обнажилъ кинжалъ, пошли въ одну сторону, между-тѣмъ какъ согнувъ съ удивительною ловкостью высокую свою фигуру, канадецъ ловко и тихо пробирался въ густотѣ нависшихъ древесныхъ вѣтвей по направленію, которое указалъ ему Пепе.

Такимъ образомъ бивакъ остался на нѣкоторое время только подъ защитою лошади, которую поймалъ Пепе и которая, испугавшись выстрѣла, рвала привязывавшее ее лассо.

Между-тѣмъ первые лучи дня свѣтлыми звѣздочками и полосками начинали пробиваться сквозь густоту деревъ; огонь очага, по мѣрѣ приближенія солнечнаго восхода, исчезалъ мало-по-малу.

Съ долины утренній вѣтеръ доносилъ далекое ржаніе лошадей, глухія мычанія быковъ, которыми они привѣтствуютъ солнечный восходъ, проникающій стрѣлами лучей своихъ въ самыя чащи дубравы.

Чашечки бѣлыхъ и розовыхъ колокольчиковъ, лепестки всѣхъ воз-

можныхъ оттѣнковъ до безконечности разнообразной зелени какъ-бы искрились подъ ночной росой; извивистые стволы деревъ освѣтились золотымъ блескомъ, тамъ и сямъ показывая на вѣтвяхъ змѣиныя логовища, и солнце какъ-бы вдругъ разобланило картины ужаса и великолѣпія этой дикой природы.

— Остановимся здѣсь! — сказалъ Пепе Тибурціо (котораго отнынѣ мы станемъ называть Фабіаномъ), когда, послѣ поспѣшнаго пути, они достигли довольно густой чащи, въ которой легко могли скрыться, не теряя впрочемъ изъ виду узенькой тропинки къ мосту на Сальто де-Агуа. — Я увѣренъ, что плутъ, который такъ плохо мѣтитъ въ цѣль, сейчасъ сюда прійдетъ и надѣюсь показать ему успѣхи моего карабина съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ я службу и поступилъ въ школу канадца.

Пепе и Фабіанъ выбрали мѣсто для отдыха въ высокихъ кустахъ сумоки (кожевеннаго дерева).

Озадаченный таинственностію исторіи и ожидая съ нетерпѣніемъ ея продолженія, молодой графъ былъ непрочь отъ отдыха, въ надеждѣ что эксъ-микелетъ пополнитъ неясность ея начала, такъ какъ онъ по-видимому не былъ чуждъ тѣхъ происшествій, которыя представлялись Фабіану еще въ какомъ-то мракѣ.

Но испанскій охотникъ хранилъ молчаніе. Видъ того, кому помогъ онъ сдѣлаться сиротой и лишиться всѣхъ богатствъ и званія, еще сильнѣе пробуждалъ въ немъ внутреннія безпокойства, которыя не оставляли его въ продолженіе двадцати лѣтъ. На зарѣ вновь раждающагося дня безмолвно созерцалъ Пепе того юношу, котораго видѣлъ онъ нѣкогда дитятей, играющимъ на берегахъ Эланхови.

Гордость и благородство матери ожили въ глазахъ сына; его осанка, изящныя манеры и мужество въ лицѣ, напоминали донъ-Жуана де-Медіана, отца его, а суровость и труды юности дали Фабіану превосходную физическую силу, какой не имѣлъ его отецъ.

Пепе рѣшился наконецъ прервать молчаніе, которое, казалось, охраняло его воспоминанія.

— Смотрите также внимательно, какъ и я, на эту тропинку, которая вонъ теряется межъ деревьевъ, — сказалъ онъ, — не обращайте головы своей, какъ это дѣлаетъ Боа-Розе въ разговорахъ во время опасности, и внимательно слушайте слова мои.

— Я слушаю! — сказалъ Фабіанъ, согласуясь съ наставленіями Пепе.

— Вы не припомните воспоминаній вашихъ яснѣе того, какъ вы ихъ передали канадцу? — спросилъ старый карабинеръ.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ я узналъ, что Маркъ-Арелланосъ не былъ моимъ отцомъ, напрасно пыталъ я память свою объ этомъ предметѣ и хотя это случилось не такъ давно, но я не помню, кто заботился о моемъ дѣтствѣ.

— Это и мнѣ столько-же мало извѣстно, какъ и вамъ, — прибавилъ Пепе. — Впрочемъ я могу вамъ сказать нѣчто такое, чего вы не знаете.

— Разскажите, сдѣлайте одолженіе, — сказалъ Фабіанъ.

— Тсъ! — тихо сказалъ Пепе. — Эти лѣса, вся эта пустыня наполнена безъ всякаго сомнѣнія врагами вашего рода, одинъ только я забочусь о немъ; въ самомъ дѣлѣ хоть я сначала былъ съ вами незнакомъ, но тѣмъ не менѣе я зналъ васъ.

— Кто? о комъ говорите вы? — живо спросилъ Фабіанъ.

— О комъ? объ убійцѣ матери вашей, о томъ, кто похитилъ ваши титулы, вашу знатность, богатства и имя ваше.

— Такъ я благороднаго рода и богатъ? — вскричалъ Фабіанъ, мысли котораго прежде всего обратились къ донъи Розаріо, которой онъ сдѣлалъ бы честь всѣми этими богатствами и знатностью. — Ахъ! зачѣмъ я не узналъ объ этомъ гораздо прежде вчерашняго дня.

Мысль о матери заняла уже второе мѣсто въ головѣ Фабіана.

— Да, вы благороднаго рода! — сказалъ Пепе и зарядивъ свой карабинъ, онъ быстро положилъ его на плечо, потому что въ эту минуту ему показалось, будто золотой галунъ чьей-то шапки блеснулъ межъ деревьевъ тропинки, впрочемъ то былъ блескъ солнечнаго луча, и охотникъ снова опустилъ карабинъ на колѣно.

— Нельзя перемѣнить крови, которая течетъ въ вашихъ жилахъ; но богатства ваши вамъ болѣе не принадлежатъ.

— Мнѣ не нужно ихъ, — печально отвѣчалъ Фабіанъ, — теперь было-бы уже поздно.

— Впрочемъ я знаю двухъ человѣкъ, готовыхъ возвратить вамъ все, что вы потеряли; они готовы умереть за васъ; и одинъ изъ нихъ это я ...

— И мать моя, — возразилъ Фабіанъ.

— Ахъ! память о вашей матери и о васъ, сколько разъ возмущала она сонъ того, о комъ говорю я. Сколько разъ среди ночной

тиши, въ лѣсу, въ порывахъ вѣтра слышалъ онъ отчаянный крикъ ея въ роковой вечеръ и въ крикѣ томъ онъ узнавалъ гнѣвъ духа пустынныхъ вѣтровъ.... Это былъ предсмертный вопль вашей матери!...

— Да о какомъ человѣкѣ говорите вы?—возразилъ Фабіанъ.

— О человѣкѣ, который не знавши о томъ, помогалъ убійцѣ вашей матери. Ахъ, донъ Фабіанъ, — живо продолжалъ охотникъ,— не кляните его, совѣсть говоритъ ему гораздо больше.... По вашему слову отнынѣ онъ готовъ пролить всю кровь свою за васъ!

Сильныя страсти, уснувшія въ сердцѣ Фабіана за нѣсколько минутъ до этого, снова вспыхнули, какъ вспыхиваетъ иногда съ новой силой погасающее зарево пожара, захвативъ новую жертву. Ужъ онъ отмстилъ было за смерть Арелланоса, преслѣдовалъ его открывшагося убійцу, и вотъ вдругъ онъ узнаетъ, что кровь матери снова вопіетъ о мщеніи.

Въ душѣ его исчезъ теперь нѣжный образъ Розариты, когда вспыхнувшая кровь заговорила и представила ему ужасныя сцены минувшаго, которыя, подобно новому зареву ночнаго пожара, помрачили и истребили нѣжныя розы зари, услаждавшей его душевныя глаза подъ далекимъ небомъ, среди этихъ утреннихъ тумановъ.

— И вы знаете убійцу моей матери?—вскричалъ Фабіанъ съ пылающимъ взоромъ.

— Вы тоже его знаете, вы сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ у гаціэндеро, котораго домъ вы оставили.

Но мы предоставимъ Пепе разсказывать Фабіану печальную исторію, извѣстную уже читателю и возвратимся къ канадскому охотнику.

Занятый опасностію, которой могло подвергнуться дитя его, Боа-Розе продолжалъ идти впередъ; напрасно взоръ его проникалъ въ самыя густыя чащи этого безвыходнаго лабиринта частыхъ стволовъ лѣса, нигдѣ не попадался ему непріятель.

Напрасно напрягалъ онъ чуткій слухъ свой къ малѣйшему шуму, какой только можетъ слышаться въ пустынныхъ лѣсахъ.

Онъ шелъ еще нѣсколько минутъ, потомъ, припавши къ землѣ, приложилъ свое ухо къ поверхности ея и чтобы еще болѣе сосредоточить силу чувствъ своихъ, онъ закрылъ даже себѣ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ ему послышался глухой шумъ, какъ-бы лошадь галопировала въ сторонѣ противуположной той, откуда пришелъ онъ.

— Пепе не обманулся,—проворчалъ онъ, поднимаясь и дѣлая дви-

женіе назадъ;—негодяй имѣетъ выгоду въ томъ, что онъ на лошади и, кажется, скачетъ на нашъ бивакъ, но вѣдь я выиграю у него своимъ прыжкомъ американскаго змѣя, не уйти также ему и отъ Пепе.

Боа-Розе сталъ вглядываться и чрезъ минуту вдали, сквозь просѣку вѣтвей, ему показался сначала костюмъ цвѣта бурой кожи, потомъ и цѣлая фигура человѣка, ловко державшагося въ сѣдлѣ. Ему довольно было и этой чуть показавшейся цѣли; быстро остановившись, онъ сталъ прицѣливаться.

Кожаный костюмъ исчезъ. Но какъ для людей его ремесла, чтобы попасть въ цѣль, достаточно едва завидѣть ее, то канадецъ не колебался ни минуты и врагъ его или палъ замертво, или былъ уже смертельно раненъ.

Бѣловатый дымъ отъ выстрѣла катился еще по невысокимъ купамъ деревъ, когда Боа-Розе былъ далеко оттого мѣста, въ которомъ онъ остановился, чтобъ прицѣлиться. Ему пришла въ голову мысль зарядить вновь свой карабинъ, но въ горячности мщенія, которое овладѣло имъ, онъ боялся, чтобы не потерять за этой операціей времени, и въ случаѣ, чего впрочемъ онъ никакъ не могъ предполагать, если-бы убійца былъ не одинъ, онъ готовился для уравненія борьбы прибѣгнуть къ силѣ своихъ членовъ.

Пренебрегши на этотъ разъ должною предосторожностью и одушевленный восторгомъ охотника, который пріобрѣтая первымъ выстрѣломъ добычу, всегда забываетъ потомъ зарядить ружье и опрометью бросается за ней, Боа-Розе понесся черезъ рвы и кусты, ломая на пути своемъ деревья и утаптывая траву до того густую, что для обыкновеннаго человѣка пробираться сквозь нее даже очень тихимъ шагомъ было-бы почти невозможно.

Кусты, упругія вѣтви ліаны, придавленные ногами его, хрустѣли со всѣхъ сторонъ, царапая желѣзное тѣло Боа-Розе.

Между-тѣмъ ему, казалось, послышался шумъ, подобный тому, какъ-бы въ кустахъ было животное. Въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ лошадь, она была испугана, безъ всадника и кидала во всѣ стороны задомъ; стремена и вѣтви били ее въ бока и спину, что удвоивало испугъ ея, потомъ примѣтилъ онъ и всадника, котораго такъ ловко ссадила его пуля.

Вдругъ послышался особенный свистъ; лошадь быстро остановилась, понюхала вѣтеръ, навострила уши и поскакала къ тому мѣсту,

откуда раздался этотъ свистъ. Боа-Розе поспѣшилъ за животнымъ, которое скакало, далеко оставивъ его, потомъ остановилось.

Еще нѣсколько прыжковъ и Боа-Розе очутился бы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ думалъ найти спѣшеннаго всадника и безъ всякой къ нему пощады позвать Тибурціо для новой атаки. Уже слышались ему тяжелые вздохи раненнаго, какъ вдругъ онъ посмотрѣлъ на лошадь и сквозь вѣтви замѣтилъ, что она то наклонялась къ землѣ, то снова подымалась и прыгала; но на этотъ разъ въ сѣдлѣ очутился въ кожаномъ костюмѣ ея владѣлецъ, а черезъ минуту не стало ни лошади, ни всадника, исчезнувшихъ въ глубинѣ лѣса.

Обманувшись въ мщеніи, Боа-Розе разразился вслѣдъ ускакавшаго всадника цѣлой кучей брани, быстро зарядилъ свой карабинъ и пустилъ выстрѣлъ на удачу; но было уже поздно — добыча ускользнула.

Тогда онъ трижды издалъ вой койоты, желая тѣмъ увѣдомить Пепе, что съ нимъ случилось что-то необыкновенное и, вздыхая, направилъ шаги свои туда, гдѣ замѣтилъ онъ то припадавшую, то подымавшуюся лошадь. Здѣсь нашелъ онъ, что трава была смята какъ-бы отъ паденія тяжелаго тѣла. Однако крови не было замѣтно ни на травѣ, ни на вѣтвяхъ; и только одинъ забытый карабинъ свидѣтельствовалъ о быстромъ побѣгѣ врага. Боа-Розе взялъ его.

— Это будетъ удобнымъ оружіемъ Фабіану,—сказалъ онъ;—потому что съ однимъ ножомъ въ лѣсу нельзя на многое расчитывать.

Утѣшенный нѣсколько этою находкой въ неудачной своей экспедиціи, Боа-Розе отправился прямо къ биваку. Но вдругъ раздавшійся всторонѣ выстрѣлъ заставилъ его остановиться.

— Это зарядъ изъ карабина Пепе; я это знаю. Но счастливѣе-ли онъ моего?...—прошепталъ Боа-Розе.

Выстрѣлъ повторился снова. И въ этотъ разъ онъ отозвался печально въ сердцѣ канадца; чѣмъ-то страшнымъ послышался онъ для его уха. Съ душой, полною неизъяснимой тоски, канадецъ, съ быстротою молніи, бросился къ мѣсту своего ночнаго отдыха.

По звуку послѣдняго выстрѣла онъ не узналъ карабина Пепе.

Между-тѣмъ, среди глубокой тишины, вскорости послышался и голосъ Пепе, отвѣтствовавшаго на эти послѣдовательные залпы. Но въ интонаціи этого голоса было что-то безпокоющее, что еще болѣе усилило тоску канадца.

— Ради Бога воротитесь, донъ-Фабіанъ!—кричалъ старый микелетъ,—развѣ хорошо, что....

Но третій выстрѣлъ прервалъ его голосъ, и когда далекое эхо его отдалось гдѣ-то въ послѣдній разъ, старый охотникъ сталъ прислушиваться.

Казалось, ударъ этотъ прервалъ на вѣки голосъ того, кто столько заботился о молодомъ человѣкѣ. Нарушенная тишина снова возстановилась величественно, торжественно, ужасно.

Лишь только попугай издавалъ иногда какое-то слабое, ироническое подражаніе голосу человѣка, будто хотѣлось ему воскресить послѣдніе звуки, вылетѣвшіе изъ устъ умершаго; потомъ слышалось то жалобное, то сладкое пѣніе, подобное похоронному гимну.

Задыхавшійся канадецъ не убавлялъ шагу и потомъ, съ опасностію выйти на видъ гдѣ-нибудь скрытаго врага, онъ закричалъ такъ сильно, что эхо его понеслось по всему лѣсу.

— Гей! Пепе, гдѣ ты, гдѣ ты!...

— Здѣсь прямо передъ тобою,—отвѣчалъ голосъ Пепе,—мы здѣсь: я и донъ-Фабіанъ.

При видѣ Пепе и Фабіана невольный восторгъ вырвался изъ груди канадца.

— Вѣдь плутъ долженъ быть раненъ,—кричалъ онъ, подбѣгая къ нимъ; — напрасно хватался онъ за вѣтви и траву, оставя на нихъ только клочки своего тѣла. Вы, кажется, счастливѣе меня и вѣрно вашъ карабинъ шепнулъ этому мерзавцу порядочное таки словцо?

— Если вы говорите о человѣкѣ въ кожаномъ костюмѣ, то ему служитъ должно быть самъ сатана, потому что я выстрѣлилъ понемъ, — и ничего; но вѣдь съ нимъ было еще четверо, въ одномъ изъ нихъ я, кажись, узналъ того, кто называлъ себя донъ Эстеваномъ и который никто другой, какъ....

— Я видѣлъ только этого мерзавца въ кожѣ,—прервалъ Боа-Розе,— и вотъ карабинъ, который оставилъ онъ въ бѣгствѣ. Но не ранены-ли вы, донъ Тибурціо?—говорилъ онъ, обращаясь къ Фабіану.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой и отецъ!—говорилъ Фабіанъ, бросаясь въ объятія канадца, который обнималъ его, какъ-будто увидѣлъ въ первый разъ.

— Ахъ, какой онъ большой, какъ хорошъ теперь этотъ маленькой Фабіанъ.

Потомъ пораженный блѣдностью лица и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественностію его выраженія, полный нѣжности Розе приступилъ съ распросами къ своему другу и сыну.

— Пепе все мнѣ сказалъ,—отвѣчалъ Тибурціо,—я знаю, что межъ этихъ людей скрывается убійца моей матери.

— Да, — сказалъ Пепе, — но клянусь — онъ не уйдетъ отъ насъ.

— Какъ Богу угодно !—сказалъ Тибурціо. И трое друзей рѣшили тотчасъ занять, какъ можно поспѣшнѣе, деревянный мостъ, какъ единственный переходъ въ Тубако....

XIII.

КРОВЬ МЕДІАНОВЪ.

Напрасно выпаливъ нѣсколько разъ изъ своихъ карабиновъ на такомъ далекомъ разстояніи, что даже пули не могли быть опасны, Орохъ и Бораджа не замедлили соединиться съ Кухилло. Бандитъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Пущенная канадцомъ на удачу пуля такъ сильно задѣла черепъ Кухилло, что сбросила его съ лошади. И безъ сомнѣнія Боа-Розе раздавилъ бы его, какъ ничтожное насѣкомое, если-бъ лошадь бандита не была такъ удивительно дрессирована. Благородное животное видя, что хозяинъ не могъ подняться и сѣсть на него, само такъ наклонилось къ Кухилло, что онъ могъ схватиться за гриву и сѣсть въ сѣдло. Почувствовавъ стремена, животное пустилось въ галопъ такъ быстро, что унесло всадника своего отъ ножа гнавшагося за нимъ Боа-Розе.

Впрочемъ опасность эта не была единственною для бандита.— Когда Кухилло соединился въ двумя своими сподвижниками Орохомъ и Бораджей и потомъ всѣ трое вмѣстѣ съ донъ Эстеваномъ и Діазомъ, ожидавшими ихъ въ назначенномъ мѣстѣ,—испанцу не нужно было спрашивать Кухилло о томъ, что Фабіану еще разъ удалось ускользнуть отъ его мести.

При видѣ отчаянія обоихъ плутовъ и смертной блѣдности бандита, качающагося на сѣдлѣ, донъ Эстеванъ разгадалъ все.

Обманутый въ своемъ ожиданіи, испанецъ чувствовалъ, что глухое

бѣшенство стонало внутри его и потомъ вдругъ разразилось. Онъ толкнулъ свою лошадь на Кухилло, заревѣвъ громовымъ голосомъ:

— Трусъ и жалкій плутъ!

Мысль, что Кухилло зналъ не одинъ о таинственномъ помѣщеніи золотой долины, увеличила его ярость, онъ выхватилъ пистолеты. Но къ счастію бандита, Педро-Діазъ мгновенно очутился между нимъ и донъ Эстеваномъ и успѣлъ успокоить гнѣвъ послѣдняго.

— А что за люди съ нимъ?

— Оба охотника на тигровъ! — отвѣчалъ Бораджа. Обмѣнявшись этими вопросами, донъ Эстеванъ и Педро Діазъ отъѣхали въ сторону и тихо начали совѣщаніе, окончившееся словами:

— Такъ мы разрушимъ мостъ на Сальто-де-Агуа,— громко сказалъ Діазъ,— и едва-ли удастся имъ встрѣтиться съ нами передъ Тубако.

Всадники пустились въ галопъ.

Между-тѣмъ Тибурціо и друзья его не дремали. Колебаться долго было нельзя. Лошадь Пепе была безцѣннымъ сокровищемъ для того, чтобъ ея всаднику догнать бѣглецовъ и въ случаѣ нужды перерѣзать даже имъ дорогу. Оставалось только рѣшить, кто приметъ на себя столь опасное предпріятіе, какъ набѣгъ одного на пятерыхъ и еще вооруженныхъ всадниковъ.

— За это я берусь! — вскричалъ Тибурціо.

И онъ бросился къ животному, съ такою быстротою, что лошадь съ ужасомъ кинулась въ сторону; но юноша ловко схвативъ ее на арканъ, которымъ она была привязана, набросилъ на ея глаза платокъ. Дрожа всѣми нервами, животное остановилось.

Фабіанъ въ одну минуту осѣдлалъ ее и крѣпко обвязалъ ноздри животнаго своимъ лассо, который на этотъ разъ замѣнилъ узду. Не отнимая отъ глазъ коня платка, онъ готовъ уже былъ прыгнуть въ сѣдло, но, по знаку Боа-Розе, Пепе загородилъ ему путь.

— Тише, тише, — сказалъ онъ; — если кто-нибудь здѣсь имѣетъ право сѣсть на эту лошадь, такъ это я одинъ, мнѣ принадлежитъ она по праву завоеванія.

— Развѣ вы не видите, — нетерпѣливо возразилъ Фабіанъ, — что на этой лошади нѣтъ тавра ея хозяина, что на нее еще никто не садился, даже и вы, хоть она у васъ была.

— Но я сяду на нее, — отвѣчалъ Пепе, — и выступилъ впередъ, но было уже поздно, Фабіанъ прыгнулъ въ сѣдло, не влагая даже

ногъ въ стремена и съ такой быстротой, что Боа-Розе не успѣлъ сдѣлать ни одного движенія, которое-бы помѣшало молодцу въ исполненіи отчаяннаго намѣренія.

— Остановитесь Фабіанъ, остановитесь, — кричалъ Боа-Розе, — неужели вамъ хочется попасть въ руки враговъ?

Но Фабіанъ успѣлъ уже сдернуть платокъ съ глазъ лошади, которая завидѣвъ свѣтъ и раздувъ ноздри, сдѣлала три прыжка, чтобъ скинуть тяжесть, которую она почувствовала на себѣ еще въ первый разъ; потомъ вдругъ остановилась, какъ вкопанная, дрожа какъ-бы отъ стыда, что надъ нею взяли верхъ.

Воспользовавшись минутой остановки, Боа-Роза хватился за веревку, служившую уздой, но не смотря на всю его силу, новый прыжокъ лошади заставилъ канадца опустить узду. Испуганное животное съ слѣпою стремительностью ринулось впередъ, и не въ силахъ человѣка уже было сдержать ее.

Нѣсколько минутъ неустрашимый канадецъ провожалъ испуганнымъ взоромъ безстрашнаго всадника, который согнулся на сѣдлѣ, отдавшись совершенно на волю степнаго вихря.... Скоро Боа-Розе потерялъ его изъ виду.

— Они убьютъ его, — кричалъ онъ печально. — Пять противъ одного — партія слишкомъ неровная. — Скорѣй, какъ можно скорѣй за нимъ, Пепе!... Сбережемъ еще разъ дитя, которое такъ недавно нашли!...

Боа-Розе, вскинувъ на плечо карабинъ и не дожидаясь отвѣта своего друга, быстро шагалъ по слѣдамъ скрывшагося Фабіана.

— Вѣдь этой лошадью нельзя никакъ управить! — кричалъ Пепе, слѣдуя за нимъ. — Я увѣренъ, что онъ не поѣдетъ прямо, и будьте покойны, мы его догонимъ непремѣнно.

Между-тѣмъ, подобно тѣмъ сказочнымъ всадникамъ, которыхъ ничто не останавливаетъ, съ ужасающею быстротою Фабіанъ перелеталъ черезъ всѣ неровности грунта, чрезъ холмы, пни и овраги; казалось страсти его были воспламенены не менѣе страстей его лошади. Пепе не обманулся; и Фабіанъ, имѣя возможность свободно управлять скакуномъ своимъ, легко-бы могъ избѣжать опасности при встрѣчѣ съ врагами

Къ счастію или, быть можетъ, къ несчастію для него, еще неукротившееся животное бросалось въ разныя стороны съ дороги, по ко-

торой онъ ѣхалъ и наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Фабіану удалось направить тѣсною и извилистою тропинкою, на которой теперь замѣтенъ былъ слѣдъ проскакавшихъ пятерыхъ всадниковъ.

Скорость бѣга разъяреннаго дикаря, мало-по-малу становилась слабѣе; скачки и прыжки были уже не столь быстры и бодры; наконецъ животное до того присмирѣло, что повиновалось уже первому побужденію всадника. Дыша всею грудью, лошадь остановилась.

Пользуясь этимъ отдыхомъ, Фабіанъ перевелъ духъ и внимательнымъ взоромъ окинулъ окрестность.

Потоптанные листки, свѣжія обломанныя вѣтви, валявшіяся на тропинкѣ, слѣды копытъ, то на травѣ, то на пескѣ обнаружили опытному взору Фабіана несомнѣнный проѣздъ тѣхъ, которые его убѣгали. Вдругъ далекій шумъ водопада поразилъ слухъ его. Еще минута, и бѣглецы завладѣли-бы мостомъ перекинутымъ черезъ широкій и глубокій оврагъ, на днѣ котораго шумѣлъ потокъ; мостъ этотъ легко было разрушить общими ихъ силами, и тогда безполезно было-бы всякое преслѣдованіе; въ продолженіе того времени, которое Фабіанъ долженъ бы былъ употребить на пріискъ переправы, донъ Эстеванъ легко могъ ускользнуть срединою обширной долины, простиравшейся почти до Тубако.

Мысли эти разбудили снова страсти Фабіана; сжавъ бока коня своего, онъ пустился въ галопъ, по той самой тропинкѣ, извилины которой скрыли его враговъ.

Въ этотъ разъ лошадь, какъ-бы чувствовала какую-то сверхъестественную силу въ себѣ и дорога, по которой неслась она, подлинно исчезала подъ ея ногами.

Уже шумъ потока начиналъ заглушать одышку и топотъ галопировавшей лошади, которая, казалось, летѣла, но Фабіанъ продолжалъ понуждать ее. Вдругъ въ шумѣ потока послышались ему какъ-бы два человѣческихъ голоса. Фабіанъ вздрогнулъ при мысли о скорой встрѣчѣ съ врагами и бока коня его покрылись двойными ударами....

Фабіанъ быстро выскакалъ на видъ моста Сальта-де-Агуа, въ ту минуту, какъ переправившіеся непріятели разбирали уже бревна и связи этого моста, который скоро, въ глазахъ Фабіана, рухнулъ въ шумящій потокъ.

Фабіанъ издалъ бѣшенный вопль отчаянія и досады. На крикъ его

обратился одинъ человѣкъ; это былъ донъ Эстеванъ, отдѣленный отъ него непереходимымъ пространствомъ. Находясь внѣ всякой опасности преслѣдованія, испанецъ смотрѣлъ взоромъ наглой насмѣшки на Фабіана, который въ изорванной о деревья одеждѣ, съ окровавленымъ лицомъ и чертами, обезображенными яростію, быстро несся, чтобъ перескочить стремнистый потокъ. Доскокавъ до края утеса, его лошадь встала на дыбы и попятилась назадъ.

— Стрѣляйте по немъ! — кричалъ Эстеванъ,—не то этотъ бѣшенный разстроитъ всѣ наши планы! — Стрѣляйте, говорю вамъ!

Уже три карабина были направлены на Фабіана, когда въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи раздался страшный голосъ канадца и почти въ ту же минуту изъ чащи выбѣжали Пепе и Боа-Розе....

При видѣ этихъ двухъ страшныхъ фигуръ, бандиты пріостановились. Фабіанъ сдѣлалъ новое усиліе, но испуганная лошадь встала опять на дыбы и уступая непреодолимому страху, старалась сбросить своего всадника.

— Стрѣляйте-же, стрѣляйте! — кричалъ донъ Эстеванъ.

— Горе вамъ!—отвѣчалъ канадецъ; — горе тому, кто спуститъ курокъ своего ружья; а вы, Фабіанъ, назадъ, ради Бога назадъ!

— Фабіанъ! — подобно эху повторилъ голосъ Эстевана, при видѣ молодаго человѣка, который не слушая просьбъ Боа-Розе, побуждалъ лошадь свою перепрыгнуть потокъ. Конь, покрытый пѣною и дрожа отъ страха, метался то въ право, то въ лѣво....

— Да, Фабіанъ!—повторилъ Боа-Розе такимъ голосомъ, который заглушилъ шумъ порога и крики двухъ охотниковъ;—Фабіанъ, который идетъ на расчетъ съ вами за кровь своей матери, донъ Антоніо де Медіана!

Лишь только этотъ голосъ, смѣшавшійся съ шумомъ порога, раздался въ ушахъ испанца, какъ въ первый разъ въ жизни ужасъ пригвоздилъ его къ мѣсту, на которомъ онъ стоялъ.... Въ ту-же минуту неукротимый юноша выхватилъ свой ножъ, кольнулъ остріемъ его лошадь и съ гикомъ пригнулся къ сѣдлу. Животное стрѣлой перелетѣло поверхъ пропасти и упало на противуположной скалѣ....

Но одна изъ заднихъ ногъ лошади скользнула по мокроватому скату горы....

Животное силилось установить равновѣсіе; скала завизжала подъ его копытами, непреодолимая сила подкосила его ноги, взоръ его по-

тухъ, ржаніе отчаянія вырвалось сквозь стиснутые зубы и, вмѣстѣ съ всадникомъ, она покатилась въ пропасть.....

Вода расплеснулась.... и раздирающій крикъ вырвался изъ широкой груди канадца ; крикъ восторга послышался съ противуположнаго берега ; но тотъ и другой были заглушены клокотаньемъ порога, поглотившаго двойную жертву.

XII.

ПУСТЫНЯ, КАКЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ОНА ПТИЦѢ.

Дней черезъ пятнадцать послѣ разсказаннаго нами происшествія, то-есть, послѣ паденія Тибурціо Арелланоса, или лучше Фабіана де Медіана въ Сальто-де-Агуа, остальныя сцены происходятъ уже въ тѣхъ пустыняхъ, которыя тянутся отъ Тубакской президы до самыхъ границъ Америки.

До встрѣчи тамъ съ дѣйствующими лицами нашего разсказа считаю нелишнимъ очертить мѣстность ихъ новаго пребыванія.

Обширныя долины, отдѣляющія Мексику отъ Соединенныхъ-Штатовъ, иногда извѣстны только по довольно невѣрнымъ разсказамъ охотниковъ, или золотоискателей : онѣ раскидываются въ странѣ, орошаемой рѣкой Жіолой и ея притоками. Рѣка эта, берущая свое начало въ горахъ далекихъ отъ сѣвера, пробѣгаетъ по безпредѣльнымъ пространствамъ песчанаго грунта, безъ деревъ ; ея безплодное однообразіе прерывается иногда глубокими оврагами отъ дождевыхъ потоковъ, болѣе опустошающихъ, чѣмъ оплодотворяющихъ и безъ того безплодную равнину.

Каменистая поверхность почвы представляетъ здѣсь глазамъ путника только стремнины и высохшія лужи потоковъ, замедляющихъ путь его, гдѣ не встрѣтитъ онъ для себя ни пріюта, ни корма для лошади.

Козы и быки убѣгаютъ пустынь этихъ, гдѣ печально растетъ одна рѣдкая трава, засыхающая уже до своего развитія. Сами индѣйцы перебѣгаютъ эти пустыни съ быстротою жгучаго вѣтра, дующаго здѣсь въ извѣстную часть года.

Читателю предстоитъ трудъ перенестись въ одно изъ такихъ мѣстъ, лежащее почти за 60-тъ льё отъ президы Тубакской.

Солнце, склоняясь къ западу, бросало болѣе и болѣе косвенные лучи. Вѣтеръ хотя еще горячій отъ соприкосновенія съ раскаленнымъ пескомъ, ослабѣвалъ мало-по-малу въ своихъ порывахъ.

Было уже около четырехъ часовъ по-полудни. Легкія, бѣлыя облака, начинавшія окрашиваться въ розовый цвѣтъ, показывали, что солнцу оставалось уже довершить послѣднюю треть пути.

Среди безпредѣльнаго небеснаго свода, на яркой лазури, подъ исчезающими тамъ и сямъ группами облаковъ, поверхъ этихъ пустынь парилъ на недвижныхъ своихъ крыльяхъ орелъ, единственный обитатель этого неба.

Только его зоркій глазъ съ недосягаемой выси могъ примѣтить человѣческія существа въ разныхъ мѣстахъ обширныхъ долинъ; одни изъ нихъ были вмѣстѣ; другія на такомъ другъ отъ друга разстояніи, что всѣхъ ихъ разомъ могъ видѣть только глазъ исполинской птицы.

Среди степи, въ круговой оградѣ кустарниковъ и кактусовъ, расположился отрядъ шестидесяти всадниковъ. Бѣлыя лошади его дымились потомъ, какъ-бы послѣ сильнаго марша. Шумъ, крики, ржаніе коней, звукъ, бряцанье всякаго оружія — все это обнаруживало какую-то безпорядочность. Копья съ красными развѣвающимися значками, мушкеты, карабины, двухствольныя ружья не были еще отвязаны отъ сѣдельныхъ арчаковъ.... Одни изъ всадниковъ ухаживали еще за своими лошадьми, другіе отдыхали на пескѣ подъ рѣдкою тѣнью кактусовъ.

Дальше кучею отдыхало нѣсколько муловъ, а за ними гуськомъ тянулись еще тяжело нагруженныя повозки.

Наконецъ, — чего уже не могъ замѣтить ни одинъ изъ проводниковъ повозокъ, но что легко видѣлъ глазъ орла: тамъ — по направленію, куда должны были слѣдовать путешественники, валялись трупы людей и животныхъ, обозначавшіе кровавый переходъ этой экспедиціи авантюристовъ среди недавнихъ битвъ подъ зноемъ палящаго неба.

Безъ сомнѣнія не трудно было узнать въ этомъ станѣ отрядъ золото-искателей подъ предводительствомъ донъ Эстевана.

Безпорядочность отряда, когда мулы и повозки достигли уже мѣ-

ста отдыха, продолжалась недолго. Повозки тотчасъ-же были развязаны; мулы распряжены и лошади разсѣдланы. Повозки разставили оглоблями одну къ другой и связали ихъ желѣзною цѣпью, вьюкиословъ, сѣдла лошадей, собрали въ кучи, потомъ сухими кактусами заложили промежутки колесъ и такимъ образомъ укрѣпили свой станъ.

Внутри лагеря стояли привязанныя къ повозкамъ лошади, а кухонную посуду прикрѣпили къ внутреннимъ бокамъ повозокъ. Здѣсь-же была устроена походная кузница и отрядъ этотъ, явившійся какъ-бы по какому-то волшебству изъ нѣдръ земли, тотчасъ-же былъ въ полной дѣятельности.

Среди общей хлопотливости одинъ только всадникъ еще не слѣзалъ съ коня, казалось, наблюдая движеніе и работы отряда.

И въ немъ не трудно было узнать начальника авантюристовъ—дона Эстевана.

Когда палатка его была поставлена и приведена въ порядокъ, онъ спрыгнулъ съ сѣдла, отдалъ какое-то приказаніе близстоящему человѣку, и въ то время, какъ послѣдній спѣшилъ оставить лагерь, начальникъ отряда, не измѣняя своего задумчиваго вида, вошелъ въ палатку.

Направо, къ востоку отъ лагеря, далеко за холмами возвышалась густая масса каучуковаго и желѣзнаго дерева, единственныхъ растеній въ этихъ безплодныхъ равнинахъ.

Другой отрядъ всадниковъ, отдыхалъ въ тѣни этихъ деревъ. Но между нимъ не замѣтно было ни телѣгъ, ни вьючныхъ муловъ и никакихъ укрѣпленій; эта вторая группа отличалась тѣмъ, что казалась вдвое многочисленнѣе первой. По бронзовому цвѣту лицъ всадниковъ, изъ которыхъ многіе были почти наги; по ихъ разрисованному тѣлу и по головнымъ уборамъ изъ орлиныхъ перьевъ не трудно было узнать въ нихъ индѣйцевъ, приготовлявшихся къ битвѣ.

Десятеро изъ нихъ, по видимому, начальники прочихъ, сидѣли съ важностью вокругъ костра, изъ котораго вылетало больше дыма, чѣмъ пламени. Они поочередно передавали другъ другу длинную трубку совѣта. Вооруженіе каждаго предводителя состояло въ кожаномъ щитѣ, отороченномъ густою бахрамою изъ перьевъ, подобныхъ тѣмъ, какія развѣвались на ихъ головахъ, длиннаго копья, томагаука и ножа.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ костра, у котораго происходилъ

совѣтъ индѣйцевъ, стояло пять воиновъ и каждый изъ нихъ держалъ двухъ лошадей, убранныхъ деревянными сѣдлами, на которыхъ висѣли сырыя кожи и шкуры лисицъ. Лошади эти принадлежали индѣйскимъ предводителямъ и воины, казалось, съ трудомъ удерживали горячихъ животныхъ. Одинъ изъ предводителей, передавая трубку своему сосѣду, молча указалъ ему пальцемъ на точку, появившуюся на горизонтѣ.

Глаза европейца могли-бы различить только маленькое сѣроватое облачко на небесной лазури; но взоръ индѣйца въ облачкѣ этомъ видѣлъ легкій столбъ дыма, подымавшійся изъ лагеря бѣлыхъ.

Въ это-же время индѣйскій всадникъ принесъ вѣсть безъ сомнѣнія весьма важную, потому-что всѣ другіе столпились вокругъ него.

Тогда между враждебными лагерями взоръ орла примѣтилъ-бы одинокаго всадника, равно удаленнаго отъ обоихъ лагерей. Это былъ безъ сомнѣнія тотъ, для отысканія котораго, какъ мы видѣли выше, отправленъ былъ одинъ изъ золото-искателей.

Онъ остановился и лошадь его, протянувъ шею, открывъ ноздри, казалось то-же отыскивала чей-то невидимый слѣдъ.

Незнакомецъ, встрѣченный нами въ этой степи, былъ Кухилло. Скакавши долго по пустынѣ, онъ поднялся на вершину холма, господствовавшаго надъ окрестностью. Взоръ его былъ пораженъ двумя предметами и попеременно переносился то на столбъ дыма изъ лагеря авантюристовъ, то на лагерь индѣйцевъ.

Индѣйцы вскорѣ его замѣтили, и вопль ихъ, будто ревъ сотни пантеръ, поднялся къ небу.... Орелъ, испуганный этимъ шумомъ, исчезъ чорной точкой въ облакахъ.... Бандитъ во всю прыть помчался къ столбу дыма, потому-что индѣйцы бросились на него, какъ бросается голодная стая волковъ за серной.

Наконецъ, еще далѣе на горизонтѣ показалась новая группа людей, помѣщаясь такимъ образомъ, что составляла почти треугольникъ съ двумя лагерями краснокожихъ и бѣлыхъ, и едва видимая тому-же самому орлу, среди легкаго тумана....

Туманъ этотъ происходилъ отъ испареній довольно широкой рѣки, которой берега осѣнены были деревьями и которая омывала на срединѣ своей небольшой островокъ съ тѣнистой зеленью. Среди этого-то

островка и показались послѣднія лица. Но было-ли ихъ двое, трое или четверо — это уже трудно было различить въ туманѣ.

Пустыня, оживленная разнородными обитателями, съ которой мы теперь познакомились, омывалась вышеозначенной рѣкой. Она текла отъ востока къ западу, раздѣляясь на два рукава, западнѣе больше чѣмъ на милю отъ островка, и образовывала широкую долину, ограниченную цѣпью горъ; но густой туманъ покрывалъ эти холмы и только глазъ птицы могъ-бы проникнуть сквозь покровы паровъ, которые по мѣрѣ того, какъ солнце склонялось къ западу, казались живыми оттѣнками лазури или фіолета.

Въ этой-то дельтѣ, имѣющей пространства болѣе квадратной версты и находящейся почти на одинакомъ разстояніи отъ цѣпи горъ и отъ извилины рѣки, находится золотая долина.

Не желая утомлять вниманіе читателя и представлять долѣе глазамъ его безмолвныя тѣни, мы переходимъ къ самому дѣйствію....

Въ слѣдствіе искуснаго маневра Педро-Діаза, экспедиція, которой назначено было вступить наканунѣ въ золотую долину, могла-бы скрыть отъ индѣйцевъ направленіе, по которому она слѣдовала въ продолженіе двухъ дней. Но шестьдесятъ товарищей, между которыми долженъ былъ-бы находиться и Кухилло, не досчитывались бандита; онъ отлучился отъ товарищей своихъ уже два дня тому назадъ подъ предлогомъ развѣдать дорогу. Вполнѣ полагаясь на быстроту своей лошади и на свои положительныя свѣдѣнія объ этихъ пустыняхъ, Кухилло хотѣлъ навесть индѣйцевъ на хорошую дорогу.

Для указанія ему пути въ случаѣ опасности, въ лагерѣ разложили огонь, по дыму котораго онъ держалъ-бы дорогу, а донъ Антоніо де Медіана поручилъ одному изъ людей своихъ, котораго мы видѣли уже удалившимся изъ укрѣпленія, отыскать путеводителя экспедиціи. Но мысль болѣе дерзкая таилась въ сердцѣ Кухилло; и исполненіе ея должно было привести его къ ужасному наказанію, которое онъ такъ справедливо заслуживалъ....

Мы сказали уже, что посланный прибылъ съ новостями по видимому очень важными для лагеря индѣйцевъ. Посланный этотъ оты-

скивая бѣглецовъ, за которыми онъ гнался, показался на берегу рѣки, и скрывшись въ растущихъ по ней ивахъ, примѣтилъ посреди небольшаго островка трехъ бѣлыхъ враговъ.

Три эти человѣка, по примѣтамъ индѣйца, были канадецъ Боа-Розе, испанецъ Пепе и Фабіанъ де-Медіана. Въ самомъ дѣлѣ съ тройственнымъ этимъ союзомъ дружбы можно встрѣтиться съ удовольствіемъ.

За пять дней до этого мы оставили Боа-Розе и Пепе-Соню на краю оврага, въ который ринулся молодой испанецъ, увлекшись слѣпымъ порывомъ своего возраста и воспламененный разсказомъ Пепе о смерти матери.

Но къ счастію, паденіе его было только гибельно для его лошади, самъ-же всадникъ какимъ-то чудомъ избавился отъ смерти, которая ждала его на днѣ Сальто-де-Агуа.

Три друга снова продолжали свой путь, прерванный по неволѣ паденіемъ Фабіана; но такъ-какъ они были пѣшіе, а непріятели ихъ ѣхали верхомъ на лошадяхъ, то Фабіанъ и два охотника прибыли въ Тубако въ тотъ день, когда вышла оттуда экспедиція, то-есть потерявъ день по причинѣ паденія Фабіана въ пропасть. Они въ пять дней прошли около шестидесяти льё.

Изъ Тубако-же преслѣдовать ватагу авантюристовъ имъ было гораздо легче, тѣмъ болѣе, что движеніе золото-искателей замедляли тяжело нагруженныя повозки.

Въ продолженіе десяти-дневнаго пути трое неустрашимыхъ товарищей достигли того-же пункта, куда прибыла и самая экспедиція. Хотя, заботясь о безопасности своей, они принуждены были слѣдовать не тѣмъ самымъ путемъ, который они было избрали, но тѣмъ не менѣе они рѣдко теряли изъ виду огни бивуаковъ экспедиціи, съ самаго выступленія своего изъ президы. Донъ Антоніо былъ всегда окруженъ и потому схватить его было очень трудно.

Когда посланный индѣецъ, о которомъ мы уже сказали, окончилъ донесеніе свое, дикіе воины, составлявшіе совѣтъ, снова начали разсуждать о томъ, на что имъ рѣшиться. Но между врагами ихъ послѣдней битвы, не видно было двоихъ, которымъ-бы можно было приложить портреты Боа-Розе и Пепе, начертанныя донощикомъ.

Младшій изъ десяти начальниковъ, призванный дать свое мнѣніе старшимъ, долго курилъ изъ длинной трубки и потомъ сказалъ :

— У бѣлыхъ — ноги оленей, сила пумы и хитрость шакаловъ.... Въ продолженіе двухъ дней скрываютъ они слѣды свои даже отъ тѣхъ, которые по воздуху узнаютъ слѣды орлинаго пролета ; хитрость ихъ особенно видна въ томъ, что они умѣютъ разсѣять воиновъ своихъ по всей пустынѣ. На островкѣ рѣки Жилы ихъ нужно искать. Вотъ мое мнѣніе !

Послѣ минутнаго молчанія началъ другой :

— У бѣлыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, тысячи хитростей, для ихъ пользы,—сказалъ онъ ; — но умѣютъ-ли они увеличить свой ростъ ? Нѣтъ ; въ противномъ случаѣ, они могли-бы сдѣлать изъ себя людей, непримѣтныхъ даже для индѣйцевъ. Непріятель-же нашъ съ юга, а тѣ, кого открыли, — пришли съ сѣвера ; и такъ, не слѣдуетъ идти къ островку.

Въ продолженіе двухъ этихъ противорѣчащихъ мнѣній, вопль индѣйцевъ, при видѣ Кухилло, заставилъ ихъ старшинъ остановить свои разсужденія до той поры, пока сопровождавшіе его воины донесутъ имъ о слѣдахъ бѣлыхъ.

Тогда говорившій начальникъ, человѣкъ огромнаго роста и цвѣта лица болѣе темнаго, чѣмъ большая часть его соплеменниковъ, по прозванію Чорная Птица, возразилъ :

— Я сказалъ, что пришедшіе съ сѣвера не имѣютъ никакого отношенія съ тѣми, которые пришли съ юга. Я много разъ видѣлъ враговъ съ юга, и враговъ съ сѣвера, и они столько-же различаются одинъ отъ другаго, сколько не похожъ вѣтеръ юга на вѣтеръ сѣвера. Пошлемъ гонца къ этимъ тремъ, которые на островкѣ, съ предложеніемъ соединиться съ нами противъ воиновъ съ повязками, и индѣецъ обрадуется смерти бѣлыхъ отъ бѣлыхъ-же.

Но предложеніе объ этомъ союзѣ, внушенное мудростью и знаніемъ людей, въ совѣтѣ не нашло себѣ подпоры. Оставаясь твердымъ въ собственномъ мнѣніи, Чорная Птица долженъ былъ уступить. Положено было, чтобы сильнѣйшій изъ отряда отправился къ лагерю и осмотрѣлъ бы переправу на островокъ.

Спустя четверть часа послѣ этого, сто индѣйскихъ воиновъ пошли по направленію къ лагерю, между тѣмъ, какъ двадцать другихъ двинулись къ островку, скрывшему на нѣсколько времени трехъ человѣкъ....

=

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ГОФМАНЪ И ЕГО ЖИЗНЬ.

1807 годъ, въ который Гофманъ прибылъ въ Берлинъ, былъ, безъ сомнѣнія, самый несчастнѣйшій въ его жизни. Ему ни что не удавалось здѣсь. Усилія друзей доставить ему средства къ жизни были безуспѣшны; онъ привезъ нѣсколько рисунковъ, нѣсколько оперъ, но никто не хотѣлъ ихъ покупать. Онъ объявилъ себя портретнымъ живописцемъ, никто не являлся къ нему. Старались сблизить его съ Ифландомъ; Гофманъ соглашался на всѣ испытанія, которыя-бы рѣшились предложить ему; объ немъ хлопотали самые короткіе друзья Ифланда, и все напрасно. Къ довершенію несчастія, у него украли изъ шкатулки послѣдніе шесть фридрихсдоровъ. Скука томила его, дочь его умерла въ Позенѣ, жена близилась къ гробу, мужество его колебалось, какъ вдругъ ему пришло въ голову просить мѣста капельмейстера въ какомъ-нибудь провинціальномъ театрѣ по газетамъ. Наконецъ это удалось. Директоръ театра въ Бамбергѣ предложилъ ему управленіе своимъ оркестромъ.

Вообразите радость Гофмана! Условія были, конечно, не слишкомъ блестящіе, но по-крайней-мѣрѣ, ограждали его отъ нищеты. Кромѣ того онъ переносился въ сферу, которая съ самой юности была цѣлію его желаній. Чтобы показать образчикъ своихъ способностей,

онъ написалъ музыку для оперы въ четырехъ дѣйствіяхъ, графа Содена : Онъ началъ ее 23 января 1808 и окончилъ 27 февраля тогоже года. Она найдена въ цѣлости въ его бумагахъ.

Лелѣемый самыми сладостными надеждами, Гофманъ выѣхалъ изъ Берлина въ Позенъ, взялъ жену, и лѣтомъ 1808 года, прибылъ въ Бамбергъ.

Но здѣсь то и ждало его самое жестокое разочарованіе. Положеніе театра совсѣмъ не соотвѣтствовало понятію, составленному имъ по письмамъ графа Содена, который живя въ Вюрцбургѣ, поручилъ устройство его Генриху Куно. Послѣдній дѣйствовалъ съ такою небрежностью и неосмотрительностью, что къ концу 1808 года, упадокъ театра былъ ужасенъ.

«Вотъ уже два мѣсяца,—говоритъ Гофманъ въ письмѣ отъ 1 января, — какъ я отказался отъ своей должности. Я согласился только сочинять марши и хоры, если они понадобятся, за что мнѣ назначено 30 флориновъ въ мѣсяцъ ; но впрочемъ я не получаю и этого, потому-что отъ дурныхъ распоряженій директора—финансы находятся въ величайшемъ безпорядкѣ.... Графъ Соденъ все еще въ Вюрцбургѣ. Президентъ графъ Секендорфъ, которому меня рекомендовали, почелъ за лишнее заниматься мною, и потому я находился здѣсь безъ всякой опоры, какъ счастливый случай познакомилъ меня съ генералъ-комисаромъ, барономъ Штенгелемъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда этотъ достойный человѣкъ, при первомъ моемъ посѣщеніи, началъ разговаривать со мной о фугѣ и контрапунктѣ, какъ самый лучшій капельмейстеръ. Я старался выказать мои музыкальныя знанія, и благодаря его рекомендаціи, даю теперь уроки пѣнія въ лучшихъ домахъ Бамберга. Мнѣ платятъ хорошо и акуратно ; на первый случай мое существованіе обезпечено. Во всей Южной Германіи я замѣтилъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ вкусъ и любовь къ искусствамъ и литературѣ. — Тика читаютъ много, и нашъ другъ Вернеръ нашелъ здѣсь пламенныхъ почитателей. Въ домѣ графа Ротенгана, гдѣ я даю уроки пѣнія, давали «Аттилу». Можете вообразить, что я чувствовалъ во время этого представленія !— У меня вырвалось нѣсколько словъ о моихъ сношеніяхъ съ Вернеромъ ; меня окружили, засыпали вопросами, и я долженъ былъ разсказать все, что я знаю о его юности и воспитаніи. На другой день

я принесъ его портретъ, рисованный мною карандашемъ. У меня отняли его тотчасъ. Графиня Габріэль, очень любезная шестнадцатилѣтняя дѣвушка, срисовываетъ его..... Другъ, не смѣйся надо мною. Я пишу стихи для нашего театра, и вотъ по какому случаю : принцесса Невшательская, дочь герцога Баварскаго, живущаго въ Бамбергѣ, находится теперь, какъ тебѣ извѣстно, здѣсь. Нашему директору вспало на мысль отпраздновать день ея рожденія на сценѣ, и потому онъ поручилъ сочинить мнѣ прологъ, примѣненный къ обстоятельствамъ. Я набросалъ на бумагу какую - то довольно сантиментальную піесу, для которой сочинилъ музыку въ томъ же родѣ. Пьесу дали. Тутъ было все : и освѣщеніе, и прозрачныя картины, и надписи, и гирлянды, и боскеты, и ручьи, и охотничьи рога, и отголоски. Мой прологъ имѣлъ удивительный успѣхъ. Принцесса мать прислала мнѣ, изъ благодарности, тридцать луидоровъ, которыхъ было достаточно, чтобы снять меня съ мели. Въ одномъ мѣстѣ пролога принцесса и дочь ея бросились въ объятія другъ друга, проливая слезы. По требованію прологъ повторили на другой день. Принцесса удостоила его опять своимъ присутствіемъ ; публика рукоплескала ; я былъ въ очарованіи.»

Этотъ временный успѣхъ не могъ однако-же поддержать театра. Дѣла директора запутались до такой степени, что актеры, при первомъ случаѣ, перешли на другіе театры. Наконецъ и Гофманъ отказался отъ своей должности. Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединились еще военныя смуты, которыя принудили богатѣйшія семейства оставить Бамбергъ. Такимъ образомъ Гофманъ лишился бо́льшей части уроковъ. Вскорѣ онъ дошелъ до такой крайности, что подчасъ нечего было ѣсть, но онъ не терялъ духа. Такъ какъ музыка не давала ему достаточныхъ средствъ къ содержанію, онъ рѣшился сдѣлаться писателемъ. Въ то время Рохлицъ издавалъ въ Лейпцигѣ «Музыкальную Газету», съ большимъ успѣхомъ. Гофманъ написалъ къ этому остроумному журналисту письмо, въ которомъ разсказалъ ему чрезвычайно оригинальную исторію своей жизни, и заключилъ признаніемъ, что въ это время *онъ ничто, не имѣетъ ничего, но что хочетъ всего, не зная впрочемъ рѣшительно чего*, и что именно это-то и хотѣлось ему узнать отъ него. Онъ прибавилъ еще, что ему нуженъ отвѣтъ скорый, потому что ему тошно отъ собственнаго голода, и тяжело и грустно отъ страданій жены, и что

для него нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ получать деньги не заработанныя. Какъ образчикъ своихъ музыкальныхъ сочиненій, онъ приложилъ къ этому письму реквіемъ, написанный имъ въ юности по образцу знаменитой Моцартовой панихиды.

Письмо Гофмана не осталось безъ отвѣта. Рохлицъ съ удовольствіемъ принялъ его въ число сотрудниковъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ просилъ его написать повѣсть, героемъ которой былъ-бы сумасшедшій музыкантъ, съ большими способностями и съ оригинальными и смѣлыми взглядами на свое искусство. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ прислалъ ему большую и великолѣпную симфонію Бетховена. Чрезъ два дни по полученіи этого письма, Гофманъ послалъ въ редакцію «Музыкальной Газеты» чудную біографію Іоанна Крейтмера и статью объ инструментальной музыкѣ Бетховена.

Брошенный судьбою такъ внезапно на литературное поприще, Гофманъ прославился скоро по всей Германіи. Съ этого времени онъ посвятилъ себя совершенно искусствамъ. Онъ поетъ въ Гайдновыхъ обѣдняхъ, въ концертахъ Герцога Баварскаго, сочиняетъ гимны для герцога Вюрцбургскаго, музыку для «Привидѣнія», комической оперы Коцебу, хоръ для «Женевьевы», драмы знаменитаго живописца Мюллера, для «Дерны» мелодрамы графа Содена; пишетъ критическія статьи для «Музыкальной Газеты», для «Газеты свѣтскихъ людей», даетъ уроки пѣнія и на фортепіано».

На слѣдующій годъ пріѣзжаетъ Гольбейнъ, котораго Гофманъ зналъ еще въ Глогау, съ прекрасною труппою, и заводитъ въ Бамбергѣ новый театръ. Гофманъ помогаетъ ему. Гольбейнъ, прекраснѣйшій машинистъ, посвящаетъ его въ практическую часть своего искусства; Гофманъ занимается теоретическою съ неутомимымъ прилежаніемъ и вскорѣ дѣлается декораторомъ и архитекторомъ. Это была блестящая эпоха Бамбергскаго театра. На немъ давали всѣ классическія оперы Германіи, даже нѣсколько драмъ Кальдерона, которыя, благодаря прекрасной игрѣ Гольбейна и славнаго Брандта, декораціямъ и музыкальнымъ сочиненіямъ Гофмана, привлекали всегда множество зрителей.

Театръ находился въ гостинницѣ Розы. Каждый вечеръ, послѣ спектакля, Гольбейнъ и друзья его собирались въ одной изъ залъ гостинницы, разговаривали о литературѣ, объ искусствахъ, пѣли, играли, пили, давали ужины. Гофманъ, по своему веселому характе-

ру и по остроумію, былъ душою этихъ собраній. Матеріальное положеніе его сдѣлалось нѣсколько опредѣленнѣе, онъ получалъ отъ Гольбейна по 50 флориновъ въ мѣсяцъ; кромѣ того пріобрѣталъ еще довольно своими музыкальными сочиненіями, уроками и статьями, помѣщавшимися въ разныхъ журналахъ. Но не смотря на то, онъ издерживалъ больше, чѣмъ получалъ, и потому вошелъ въ долги. Къ концу 1811 года, одинъ изъ дядей его умеръ и сдѣлалъ Гофмана полнымъ своимъ наслѣдникомъ. Въ письмѣ, извѣщавшемъ объ этомъ счастливомъ несчастіи, былъ вложенъ билетъ въ 500 талеровъ, которыми онъ тотчасъ расплатился съ кредиторами.

Въ мартѣ 1812 года, Гофманъ познакомился съ Карломъ Веберомъ, знаменитымъ авторомъ. «Волшебнаго стрѣлка»; Веберъ остался его другомъ, и впослѣдствіи сдѣлалъ очень лестный отзывъ объ «Ундинѣ». Вскорѣ послѣ этого, онъ видѣлся въ Байрейтѣ съ Жанъ-Полемъ, который принялъ его дружески.

Первый день 1813 года, названъ, въ журналѣ Гофмана, однимъ изъ страшнѣйшихъ дней его жизни.

Его пригласили на обѣдъ къ капуцинамъ, и тутъ поразилъ его въ особенности Пріоръ, человѣкъ очень ученый и занимательный, жившій долго въ Римѣ. Впечатлѣніе этого обѣда онъ выразилъ впослѣдствіи «Элексирѣ» и въ «Біографіи Кота Мурра».

Въ мартѣ Гофманъ ѣздилъ въ Эрлангенъ и Нюрнбергъ; слѣды этой поѣздки проявляются въ «Мейстере Мартинѣ и его ученикахъ».

Но вскорѣ дѣла Гофмана приняли опять дурной оборотъ. Гольбейнъ отказался отъ театра, и онъ лишился жалованья. Судебная формальность не позволяла ему воспользоватся наслѣдствомъ такъ скоро, какъ желалось. Вспоможеніе, котораго онъ ожидалъ изъ Кёнигсберга не приходило, и финансы его истощались день ото дня все болѣе и болѣе. Мы читаемъ въ его журналѣ: «Проданъ старый редингтотъ, чтобы было, что ѣсть». Въ этомъ ужасномъ положеніи дѣятельность Гофмана развилась до высочайшей степени. Онъ сочинилъ оперу, нѣсколько дуэтовъ, квартетовъ и т. п, написалъ много статей для журналовъ и между прочимъ «Мысли Іоанна Креймера о важности музыки», перевелъ съ французскаго «Методу скрипичной игры», расписалъ для Бамбергскаго казино Египетскій храмъ; написалъ нѣсколько картинъ, занавѣсъ и декораціи для театра. Въ Альтенбургскомъ замкѣ, близъ Бамберга, сохранилось и теперь еще боль-

шное фреско его кисти. Оно представляетъ мгновеніе, когда графъ Адальбертъ Бамбергскій попадается въ плѣнъ. Между рыцарями, окружающими графа, артистъ изобразилъ и себя. Около этого-же времени родилась въ немъ первая мысль сочиненія подъ заглавіемъ: «Свѣтлыя минуты сумасшедшаго музыканта», въ которомъ онъ предполагалъ изложить свои мнѣнія о музыкѣ. Кто не знаетъ «Ундины» барона Де-ла-Мотъ Фуке? Гофманъ, убѣжденный, что эта повѣсть могла дать прекрасную канву для оперы, просилъ Гитцига найти ему драматическаго писателя, который-бы взялся сдѣлать изъ нее либретто. Гитцигъ, коротко знакомый съ Фуке, обратился прямо къ нему, и Фуке тотчасъ согласился передѣлать свою повѣсть въ оперу. Гофманъ не ожидалъ этого. «Твое послѣднее письмо,—пишетъ онъ къ Гитцигу, — привело меня въ восторгъ, и я тотчасъ обѣгалъ всѣхъ моихъ друзей, чтобы сообщить имъ радостную новость. О сколько я тебѣ обязанъ за сближеніе меня съ такимъ поэтомъ, какъ Фуке! если я не напишу хорошей музыки, то я дуракъ; тогда ни слова обо мнѣ между честными людьми. При этомъ посылаю письмо къ Фуке; пожалуйста впуши ему, что краткость и сжатость слога — необходимая принадлежность текста всякой оперы. Я не писалъ ему объ этомъ, опасаясь показаться слишкомъ запосчивымъ. Что-же касается до размѣровъ тріо или квартетовъ, либретто Шиканедера могутъ служить ему прекраснѣйшими образцами; этотъ человѣкъ одаренъ удивительною способностію находить самые музыкальные размѣры.»

Въ октябрѣ Фуке прислалъ ему начало оперы, а въ ноябрѣ конецъ. Гофманъ былъ чрезвычайно доволенъ ею, и тотчасъ принялся за работу.

1 января 1813 года, Гофманъ пишетъ въ своемъ журналѣ: «Новый годъ начался самыми мрачными предзнаменованіями. — Какъ-то онъ окончится?»

9 января. «Вотъ наконецъ день порадостнѣе: получено 36 таллеровъ изъ Лейпцига».

10 февраля. «Смотрѣлъ «Тита.» — Хоры. — Anchio son pittore.

25 февраля. «Получено 425 таллеровъ изъ Кёнигсберга, наконецъ я вышелъ изъ чрезвычайно затруднительнаго положенія. Вечеромъ я былъ въ маскарадѣ, въ костюмѣ Мацетто.»

27 февраля. «Получилъ письмо изъ Лейпцига, которымъ Секонда предлагаетъ мнѣ мѣсто капельмейстера при Дрезденскомъ театрѣ».

13 марта. «Получилъ письмо отъ Рохлица; онъ совѣтуетъ принять мѣсто, предлагаемое Секондой».

Гофманъ выѣхалъ въ Дрезденъ 31 апрѣля 1813 года. Происшествія, имѣвшія вліяніе на внѣшнюю жизнь Гофмана, въ продолженіе пребыванія его въ Бамбергѣ, объясняютъ отчасти первые его литературные опыты; но чтобы понять ихъ вполнѣ, необходимо знать, что онъ влюбился до безумія въ одну изъ своихъ ученицъ, которая является въ многихъ мѣстахъ его сочиненій подъ именемъ Цециліи. Эта дѣвушка вышла за человѣка, совершенно ея не стоившаго; представьте же себѣ терзанія Гофмана.

Мучительность этого положенія увеличивалась еще болѣе тѣмъ, что не смотря на всѣ порывы страсти, онъ сохранялъ еще столько хладнокровія, что могъ понимать, какъ смѣшно въ его лѣта, съ такою некрасивою наружностію, разыгрывать роль селадона у ногъ красоты, только что разцвѣтающей. Изъ многихъ мѣстъ его журнала видно, какъ тягостно было ему это ярмо.

Гофманъ пріѣхалъ въ Дрезденъ 25 апрѣля 1813 года; Секонды не было въ городѣ. Финансы его начали истощаться, и нужда, отъ которой онъ такъ недавно освободился, близилась снова. По счастливому стеченію обстоятельствъ, на другой день по пріѣздѣ, онъ встрѣтилъ въ баняхъ Линка съ Гиппилемъ, который былъ уже статскимъ совѣтникомъ и въ это время находился въ Дрезденѣ въ свитѣ государственнаго канцлера Гарденберга. Перваго мая Гофманъ получилъ письмо отъ Секонды съ денежнымъ пособіемъ на дорогу. Гофманъ приготовился къ отъѣзду въ тотъ-же день; ночью написалъ начало «Магнетизера», а по утру ѣхалъ уже спокойно по дорогѣ въ Лейпцигъ, какъ вдругъ почтовая карета опрокинулась. Молодая дама, находившаяся въ числѣ сидѣвшихъ, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, графомъ Л...., вытащена изъ-подъ кареты мертвая. Гофманъ отдѣлался нѣсколькими легкими ушибами; но жена его получила довольно большую рану въ голову, почему они и были принуждены остановиться на нѣсколько дней въ Мейсенѣ. Гофманъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ не прежде 23 мая; обстоятельства были не слишкомъ благопріятны; съ начала іюня дрались у воротъ города; большую часть времени театръ оставался пустымъ; часто, при поднятіи занавѣса, на

улицѣ раздавалась тревога. Директоръ растерялся, отказался отъ всего, предоставивъ каждому полную свободу идти, куда угодно. При пособіи нѣкоторыхъ жителей, труппа играла еще на свой счетъ дней пятнадцать и съ довольнымъ успѣхомъ, какъ вдругъ къ величайшей радости артистовъ, Секонда получилъ дозволеніе играть на придворномъ Дрезденскомъ театрѣ. Двадцать-четвертаго іюля вся труппа отправилась въ Саксонію, гдѣ находился тогда Наполеонъ съ частію своей арміи. Въ перепискѣ Гофмана мы находимъ очень любопытныя подробности объ этой эпохѣ его жизни.

«Не только зала, но и декораціи и гардеробъ, въ нашемъ распоряженіи. И такъ, вы можете себѣ представить, любезнѣйшій директоръ, что наши представленія не чужды роскоши и великолѣпія. Досихъ-поръ мы давали: «Донъ-Жуана», «Водовоза», «Похищеніе изъ Сераля», «Ифигенію въ Тавридѣ», «Гомера», «Сандрильону», «Елену», «Мегюля», «Саржину.» У насъ тридцать хористовъ, которые поютъ вѣрно и согласно. Оркестръ составленъ хорошо, хотя здѣшнія скрипки и не сравняются съ лейпцигскими. Итальянская опера даетъ по два представленія въ недѣлю. Актеры императора: Тальма и дѣвица Жоржъ играютъ по временамъ только для приглашенныхъ зрителей. Итальянцы имѣютъ свободный входъ въ нашъ театръ, мы пользуемся тѣмъ-же. Дверь французскаго театра отворяется также и для германскаго артиста. — «Севильскій цирюльникъ» заставляетъ императора смѣяться часто и отъ души. Наши представленія постояннѣе итальянскихъ, потому что нашъ репертуаръ разнообразнѣе, къ тому-же въ нашихъ хорахъ болѣе совокупности и энергіи. — Вотъ весьма замѣчательное обстоятельство собственно для меня: я управлялъ оркестромъ въ операхъ «Саржина», на томъ самомъ креслѣ и передъ тѣмъ-же самымъ фортепьяномъ, передъ которыми отличался Паэръ, во время перваго представленія этой пьесы. У насъ есть прекраснѣйшіе артисты, какъ напримѣръ, господинъ Крамеръ и такъ далѣе. Какое различіе между Лейпцигомъ и Бамбергомъ — въ отношеніи всего, что касается до искусствъ и литературы! Въ Лейпцигѣ занимаются тѣмъ и другимъ, можетъ-быть, даже слишкомъ много.... Какъ-бы-то-ни было, я находился тамъ въ своей стихіи и плавалъ въ удовольствіи, какъ рыба въ водѣ. Жизнь въ Лейпцигѣ очень пріятна и не такъ дорога, какъ меня пугали. Здѣсь-же можно-бы было жить и еще дешевле, если-бы.... *не заведенія*, которыя уно-

сятъ съ собою не одинъ флоринъ. На торговой площади и въ улицѣ святаго Петра, есть такъ-называемые, итальянскіе погреба Мелони и Росси; около ихъ мостовая такъ поката, что всякій разъ, проходя мимо двора, непремѣнно, самъ не зная какъ, соскользнешь внизъ, по лѣстницѣ. Тутъ непремѣнно очутишься въ комнатѣ прекрасно меблированной; но воздухъ въ ней до того сыръ, что необходимо согрѣться стаканомъ хорошаго бишофа, или бургонскаго, и закусить салатомъ со сливками и капорцами; — вотъ что дѣлаетъ жизнь немного дороговатою въ Лейпцигѣ.»

Въ концѣ августа, Гофманъ перемѣнилъ квартиру, потому что первая сдѣлалась не совсѣмъ безопасною. Союзная армія подступила къ Дрездену, начавъ дѣло подъ стѣнами города.... Гофманъ былъ очень доволенъ близкимъ торжествомъ союзниковъ; онъ самъ высказываетъ это въ своихъ запискахъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ нихъ:

....«22 октября. Императоръ разбитъ и отступаетъ за Эрфуртъ. Есть надежды, что скоро окончатся всѣ наши страданія.

22 ноября. Нынѣче, послѣ обѣда, я видѣлъ русскихъ и австрійскихъ офицеровъ въ полной формѣ; я не могу высказать, что я чувствовалъ при взглядѣ на нихъ....

Въ одномъ изъ писемъ того времени — онъ говоритъ:«.... 10 ноября мы узнали, что капитуляція подписана; мое сердце билось отъ радости, видя удаленіе *гордыхъ французовъ*. Вы не можете себѣ представить, какъ пострадалъ бѣдный городъ. Почти всѣ увеселительныя мѣста, сады — Большой и Мацинскаго — перепорчены, лучшія аллеи срублены. Теперь мы дышемъ свободнѣе. Надѣюсь, что счастливѣйшая будущность вознаградитъ насъ за столько бѣдствій. Я все занимаюсь музыкой, иногда и литературой, то-есть, я сдѣлался авторомъ. «Ундина» кончена и я жду только удобнаго случая, чтобы поставить ее на сцену.»

9-го ноября 1813 года, Гофманъ возвратился въ Лейпцигъ съ труппою Секонды. Первымъ сочиненіемъ его въ этомъ городѣ было: «Видѣніе на полѣ сраженія, близъ Дрездена». Въ ночь на новый годъ онъ кончилъ: «Золотой горшокъ», начатый въ Дрезденѣ, гдѣ, подъ громомъ пушекъ, написанъ имъ превосходный разговоръ: «Поэтъ и сочинитель.» Въ новый годъ Гофманъ захворалъ отъ простуды. Онъ страдалъ жестоко, но и во время этихъ страданій не оставлялъ

ни своихъ занятій, ни своей веселости Рохлицъ навѣстилъ его во время болѣзни. Онъ нашелъ его на чердакѣ, сидящимъ на жалкой постелѣ, съ сведенными ломотою ногами. Передъ нимъ лежала доска, на которой онъ работалъ. — Что вы дѣлаете? спросилъ его Рохлицъ. — «Каррикатуры, — отвѣчалъ смѣясь Гофманъ;—каррикатуры на французовъ.»

Выздоровѣвъ, Гофманъ, съ изумительною дѣятельностію, трудился надъ новыми созданіями. Но всѣ эти занятія были не по его вкусу. Онъ говоритъ самъ въ своемъ журналѣ, что въ это время развивался въ немъ поэтъ, превозмогавшій критика и артиста.

Наскучивъ своими отношеніями къ Секондѣ, человѣку безталантному и тщеславному, Гофманъ отказался отъ мѣста капельмейстера и снова впалъ въ величайшую нужду.

6-го іюля, Гиппель, проѣзжая черезъ Лейпцигъ, явился ему утѣшителемъ. Онъ обѣщалъ ему доставить мѣсто въ Берлинѣ.

Возвратившись въ Берлинъ, Гофманъ изъ всѣхъ своихъ прежнихъ друзей нашелъ только Гитцига. Одинаковость положенія сблизила ихъ еще болѣе. Точно также, какъ и Гофманъ, Гитцигъ потерялъ мѣсто вслѣдствіе политическаго переворота. Лишенный всякой возможности существовать, онъ завелъ въ Берлинѣ книжную лавку, а потомъ снова поступилъ въ государственную службу. Послѣ осьмилѣтней разлуки, друзья встрѣтились сослуживцами и работали въ одномъ судѣ. Несчастія смягчили теперь пылкость характера Гофмана; онъ сдѣлался кротокъ и любезенъ, но не надолго... Скоро судьба перестала его гнать. Въ январѣ 1816 года Гофманъ утвержденъ совѣтникомъ камеральнаго суда. Вскорѣ дана «Ундина» съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ на Берлинскомъ Театрѣ и принята съ восторгомъ. Эта опера прославила его; нѣкоторые изъ ея арій сдѣлались народными.

Тутъ Гофманъ вдругъ достигъ апогея своей славы. Его чествовали, искали. Жалованье, получаемое по мѣсту и значительная плата за сочиненія, дали ему возможность жить даже роскошно; но эта слава, это богатство погубили его. Деньги вовлекли его въ крайности; вечера, балы и концерты похищали большую часть его ночи. Разгулъ, въ который Гофманъ вдался со всею крайностію пылкаго характера, усиливаемый еще болѣе долговременными и жестокими лишеніями,

ослабилъ мало-по-малу его мощныя способности. Вскорѣ это отразилось и на его физическомъ сложеніи.

Гофманъ посѣщалъ не мѣщанскія общества, куда сходятся попить, поѣсть и составить смиренную партію въ вистикъ, сюда не приглашаются поэты. Въ Берлинѣ существуютъ, такъ-называемые, *литературные чаи*, гдѣ безпрестанно ловятъ современныя знаменитости на чашку чаю и на ломтикъ бутеръ-брода. На этихъ литературныхъ чаяхъ — поэтъ, актеръ, говорунъ и пѣвецъ непремѣнно должны тѣшить общество, — и Гофмана приняли сюда съ восторгомъ. Почитатели его надѣялись, что онъ будетъ благодаренъ и заплатитъ за ласковый пріемъ чтеніемъ какой-нибудь напечатанной повѣсти, акомпанированіемъ хозяйской дочери на фортепьяно, лестнымъ словомъ какому-нибудь мощному покровителю искусствъ, нарочно для того приглашенному. Но чаще всего за всѣ ихъ ласкательства, Гофманъ отплачивалъ ужаснѣйшими рожами; онъ никакъ не могъ выносить скуки, и лицо его, безъ того уже довольно некрасивое, гримасничало страшно. Онъ прерывалъ концерты любителей шумнымъ разговоромъ; замѣтивъ-же, что его хотятъ заставить говорить, тотчасъ разсыпался всѣми пошлостями и плоскостями.... Недостатокъ свѣтскаго добродушія обнаруживался въ немъ тотда въ полномъ блескѣ. Онъ былъ страненъ, когда овладѣвалъ имъ демонъ скуки. Глаза его блестѣли, бѣшенство стягивало всѣ мышцы лица, онъ сыпалъ направо и налѣво самыми ѣдкими сарказмами, говорилъ, какъ сумасшедшій и радовался, замѣчая всеобщее смущеніе. Чѣмъ болѣе старались укротить его, тѣмъ болѣе онъ раздражался.... И его рѣдко приглашали болѣе одного или двухъ разъ на одинъ и тотъ-же *чай*.

Гофманъ почти бросилъ всѣхъ друзей своихъ; промѣнялъ салоны на погребокъ, гдѣ и основался рѣшительно.

Вотъ какъ проводилъ онъ ночь въ послѣдніе годы своей жизни. утромъ онъ работалъ у себя, или присутствовалъ въ камеральномъ судѣ; послѣ обѣда спалъ, потомъ проводилъ всю ночь въ погребкѣ.

Гофманъ не принадлежалъ къ этимъ обыкновеннымъ питухамъ, которые пьютъ только для того, чтобы пить и наливаютъ себя дотѣхъ-поръ виномъ, пока свалятся и захрапятъ. Онъ пилъ для того, чтобы возбудить себя. Сначала на это достаточно было небольшаго пріема, но впослѣдствіи его надлежало увеличивать все болѣе и болѣе; возбудившись и попавъ, какъ онъ говорилъ, въ экстатическое

расположеніе, онъ дѣлался очарователенъ. Въ этомъ состояніи разговоръ его былъ безконечный рядъ остротъ, шутокъ, эпиграммъ. Въ погребкѣ онъ находился въ безпрестанной дѣятельности. Орлиные глаза его наблюдали смѣшныя и странныя стороны пирующихъ, которыя онъ успѣвалъ схватывать съ удивительною легкостію. Иногда, если какое-нибудь лицо обращало на себя его особенное вниманіе, онъ тѣшился, набрасывая на бумагу свои наблюденія. Въ одномъ берлинскомъ погребкѣ долго сохранялся альбомъ, испещренный его замѣчаніями и рисунками.

Умнѣйшіе люди собирались вокругъ Гофмана, чтобы насладиться его разговоромъ, путешественники, чтобы увидѣть знаменитаго автора фантастическихъ повѣстей, шли прямо въ погребокъ. Наслажденія, которыхъ Гофманъ искалъ въ этихъ мѣстахъ, были очень невинны, но безпрестанное бдѣніе разстраивало его здоровье, и еще тѣмъ болѣе, что умъ его находился въ безпрерывномъ напряженіи. Онъ былъ чрезвычайно точенъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей; кромѣ того, выдавалъ книгу за книгой, потому что большое количество вина, выпиваемое имъ ежедневно, а онъ пилъ всегда самыя лучшія и самыя дорогія вина, требовали много денегъ, для чего надо было работать много и скоро. Отвсюду ему заказывали повѣсти для альманаховъ, платя по шести, восьми и даже десяти фридрихсдоровъ — за листъ.

«Вечера Серапіона» возникаютъ изъ разумной жизни Гофмана свѣтлыми явленіями. Гитцигъ, скорбѣвшій, что Гофманъ совершенно отдалился отъ друзей своихъ, уговорилъ ихъ сбираться къ нему одинъ разъ въ недѣлю. Это было собраніе артистовъ. Замѣчательнѣйшими членами этого общества были: Контесса, докторъ Корсоръ и Гитцигъ.

Общество процвѣтало до отъѣзда Контессы изъ Берлина. Большая часть повѣстей Гофмана помѣщены въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Серапіоновы братья», въ которомъ Контесса названъ Сильвестромъ, а Корорсъ Винцентомъ; это родъ изустнаго протокола ихъ собраній. Въ 1816 г. Гофманъ ничего не печаталъ, хотя многія изъ пьесъ, помѣщенныхъ въ «Серапіоновыхъ братьяхъ» написалъ въ этомъ году. Въ 1817 году, вышли ночныя повѣсти «Песочный человѣкъ» и «Майоратство». Воспоминанія о Глогау дали ему лучшія страницы «Езуитской Коллегіи» и «Каменнаго сердца.»

«Обѣдъ» взятъ изъ происшествія, случившагося въ Позенѣ.—«Игнатій Демиръ» относился къ пребыванію Гофмана въ Бамбергѣ.

Къ 1820 году относится его переписка съ Бетховеномъ и знакомство съ Спонтини, которыхъ Гофманъ уважалъ весьма много.

Въ этомъ-же году вышла первая часть его «Взглядовъ кота Мура на жизнь.» Вторая выдана въ 1822 году, третья хотя и была совершенно готова въ головѣ Гофмана, но онъ ее никогда не начиналъ.

Трудно было найти человѣка счастливѣе Гофмана въ октябрѣ 1821 года. Будущность представлялась ему въ яркихъ, цвѣтущихъ краскахъ.

Но это счастіе исчезло быстро; эта будущность, казавшаяся ему такъ радостно, готовила для него жесточайшія испытанія. Еще нѣсколько мѣсяцевъ — и жизнь, теперь для него столь драгоцѣнная, должна была угаснуть въ жесточайшихъ страданіяхъ.

Смерть кота Мура была началомъ длиннаго рода несчастій, ожидавшихъ его. Мы говоримъ это не шутя. Тридцатаго ноября Гитцигъ получилъ слѣдующую записку:

«Въ ночи, съ 29 на 30 ноября, послѣ кратковременныхъ, но страшныхъ страданій, мой ученикъ котъ Муръ умеръ, не могу умолчать — и спѣшу передать мое горе друзьямъ моимъ и покровителямъ; всякій, кто зналъ моего Мура, пойметъ мою горесть и почтитъ ее молчаніемъ.»

Шутка эта, могла показаться только шуткою тому, кто не зналъ Гофмана. Гитцигъ зналъ хорошо своего друга. Вечеромъ проходя мимо погребка, Гитцигъ въ нѣсколькихъ отъ себя шагахъ замѣтилъ Гофмана.... Онъ приближался тихо съ поникшей головой....—Получилъ-ли ты мое письмо?» спросилъ онъ Гитцига и увлекъ его въ погребокъ.... Тутъ въ отдѣльной комнатѣ Гофманъ передалъ своему другу всю горесть, причиненную ему смертію Мурра, разсказавъ всѣ мученія агоніи животнаго съ такою ужасающею подробностію, что волосы становились дыбомъ на головѣ слушателя. Гитцигъ никогда не видалъ своего друга такъ растроеннымъ. — Твоя записка,—сказалъ онъ, сжимая руку друга, — находится уже между моими бумагами, и если я переживу тебя, то напишу твою біографію.—Ты непремѣнно переживешь меня,—отвѣчалъ Гофманъ съ грустію. Вскорѣ послѣ этой бесѣды съ Гитцигомъ, развилась въ немъ

болѣзнь, лишившая его всѣхъ жизненныхъ силъ—рукъ, ногъ и наконецъ самой жизни на 46 году.

«Мейстеръ Фло» было послѣднимъ и слабѣйшимъ его сочиненіемъ; это была литературная спекуляція, писанная по заказу для книгопродавца Вильмана.

Послѣдній день своего рожденія Гофманъ праздновалъ съ Гиппелемъ; но онъ уже носилъ въ себѣ зародышъ гибельной болѣзни. Въ то время, какъ гости пили шампанское, онъ довольствовался зельтцерской водой, оставаясь грустнымъ и неподвижнымъ въ своихъ креслахъ. Послѣ обѣда зашелъ разговоръ о смерти....

— О! — воскликнулъ Гофманъ, — жить! жить, подъ какимъ-бы-то-ни было условіемъ. Въ голосѣ, которымъ онъ произнесъ эти слова было что-то ужасное. Желаніе его исполнилось: Гофманъ прожилъ еще пять мѣсяцевъ страданій. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе изсушался спинной мозгъ его вслѣдствіе спинной сухотки.

Энергія не оставляла его во все продолженіе болѣзни. — Онъ не могъ писать и потому въ тѣ часы, когда не было у него посѣтителей, онъ диктовалъ.

За мѣсяцъ до смерти врачи попробовали оживить его жизненныя силы приложеніемъ моксы къ позвоночному столбу. Полчаса спустя послѣ этой операціи, навѣстилъ его Гитцигъ. – «Слышишь-ли,—вскричалъ Гофманъ, — какъ пахнетъ здѣсь жаренымъ?...

Около 20 іюля показались первые признаки агоніи. 24 числа все тѣло онѣмѣло до самой шеи, а 25 обнаружились въ немъ всѣ признаки близкой кончины. Тутъ подошла его жена, и онъ попросилъ ее сложить его оледенѣвшія руки, и поднявъ глаза къ небу, прошепталъ: «Надобно подумать о Богѣ!...» Въ 11 часовъ утра — онъ скончался.

На Берлинскомъ кладбищѣ, передъ Гельскими воротами покоятся земные останки Гофмана. Могила его украшена простымъ, но красивымъ памятникомъ; на немъ читаютъ слѣдующую надпись:

— Эрнестъ-Теодоръ-Вильгельмъ Гофманъ, родившійся въ Кенигсбергѣ 24 января 1776 г., скончался въ Берлинѣ, 25 іюля 1822. Совѣтникъ камеральнаго суда, отличный чиновникъ, поэтъ, композиторъ и живописецъ. Друзьями его.

=

О БАЛЕТНОМЪ ИСКУССТВѢ ВЪ РОССІИ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВОСПОМИНАНІЙ О ДИДЛО.

(Статья А. П. Глушковскаго.)

Нѣкоторые балетмейстеры, поручая композитору написать музыку для своего балета, предоставляютъ ему совершенный произволъ въ этомъ дѣлѣ. Хорошій композиторъ, на сюжетъ программы, можетъ, конечно, написать превосходную музыку во всѣхъ отношеніяхъ, если ее разсматривать независимо отъ балета, но когда придется согласить ее съ требованіями балета и танцевъ, она окажется вовсе неудобною. Для того, чтобъ музыка была хорошо прилажена къ дѣйствіямъ балета, авторъ музыки долженъ имѣть такія-же познанія въ искусствѣ постановки балета, какъ и самъ балетмейстеръ, но какъ это рѣдко можетъ случиться, то лучше всего, если балетмейстеръ самъ принимаетъ участіе въ составленіи музыки. Конечно, автору музыки невыгодно писать вмѣстѣ съ балетмейстеромъ, потому что, въ такомъ случаѣ, онъ становится въ совершенную зависимость отъ балетмейстера-хореграфа и фантазіи его кладутся границы ; пословица говоритъ: «пляши подъ чужую дудку!» — а тутъ выходитъ на выворотъ: дудка подыгрывай подъ чужую пляску. Писать музыку для оперы совершенно другое, здѣсь композиторъ не стѣсненъ ни чѣмъ онъ самъ хозяинъ идей своей музыки. Авторъ отдаетъ ему ру-

копись, и онъ произвольно, по сюжету и словамъ, дѣлаетъ музыку; въ балетѣ одинъ жестъ пантомимы можетъ составить цѣлую фразу, и если капельмейстеръ, по своей неопытности, вмѣсто нужныхъ 4-хъ тактъ — напишетъ для пантомимы 32, то испортитъ всю сцену, лишивъ ее быстроты и выразительности. Въ оперѣ еще можетъ быть сносенъ длинный дуэтъ или арія, но въ балетѣ лишнее маханіе рукъ слишкомъ невыгодно для зрителей. У Дидло была своя манера соединять музыку съ программою балета: онъ, можно сказать, былъ всегда соучастникомъ композитора въ сочиненіи музыки. Дидло всѣ большія интересныя сцены обдумывалъ у себя дома и назначалъ музыку каждаго нумера, продолжительность ея, тонъ, темпъ, оркестровку, въ какомъ мѣстѣ пантомимы и танцевъ должно усилить инструментовку и гдѣ должно обойтись безъ тромбоновъ, тимпановъ и турецкаго барабана; мотивъ и мелодія оставались на произволъ композитора. Часто случается, что музыка балета прекрасно написана, мотивы пріятны, инструментовка искусная, но во всей музыкѣ балета нѣтъ почти отдыха отъ громкихъ инструментовъ; изъ этого можно вывести заключеніе: что какъ въ музыкѣ, такъ и въ танцахъ и пантомимѣ нѣтъ характеровъ: танцуетъ какое нибудь эфирное существо или простодушная поселянка, а вы слышите въ музыкѣ громъ тромбоновъ и литавровъ, которые были бы приличнѣе военной пирушкѣ. Любители шума и треска скажутъ пожалуй, что громозвучные инструменты производятъ въ музыкѣ особенный эффектъ, но развѣ нельзя для эфирнаго и пасторальнаго танца употребить кларнеты, гобои, соло скрипки, арфы и другіе мягкозвучные инструменты, которые выражаютъ пріятное пѣніе и нѣжно ласкаютъ слухъ. Я согласенъ: отчего подъ конецъ и въ срединѣ па не употребить инструментовки немного погромогласнѣе, какъ говорятъ французы — pour animer un peu la musique; но какъ же послѣ того, когда всѣ силы ея употреблены для легкихъ танцевъ, писать музыку для сраженія и бури? Я думаю, что зрители балета, сидящіе въ первыхъ рядахъ креселъ, будутъ очень довольны моимъ замѣчаніемъ; вѣроятно громогласная музыка не доставляетъ имъ особеннаго наслажденія, а производитъ одну головную боль своимъ безпрестаннымъ шумомъ. Я удивляюсь, какъ не придумали еще помѣстить въ оркестрѣ пушекъ, чтобы придать балетной музыкѣ еще болѣе эффекта? Дѣйствительно, это и было однажды, только не въ театрѣ, а въ саду, гдѣ пушки акомпанировали оркестру. Извѣстный русскій композиторъ С. И. Давыдовъ, ученикъ знаменитаго

Сарти, разсказывалъ мнѣ, что Сарти въ 1780 или въ 1790 годахъ сочинилъ музыку для одного торжественнаго случая въ Петербургѣ; она была играна съ акомпаниментомъ пушекъ, въ саду, только не припомню въ какомъ, и пушками дирижировалъ Давыдовъ. Это могло быть эффектно, торжественно, и мысль была прекрасна: громъ пушекъ напоминалъ славу храбрыхъ воиновъ, а не пляску крестьянки подъ марсовы звуки*. Иногда композиторы бываютъ и невиноваты въ громахъ своихъ партитуръ, ихъ просятъ такъ писать. Надобно отдать справедливость балетной музыкѣ; она на моей памяти значительно подвинулась впередъ. Я былъ бы не правъ обвиняя въ дурной балетной музыкѣ однихъ композиторовъ, виноваты балетмейстеры, которые не умѣютъ ею распорядиться.

Дидло, составя подробный планъ музыки, согласный съ его программою, пріѣзжалъ къ гг Кавосу или Антонолини, композиторамъ театра. Капельмейстеръ садился за свое фортепьяно, а Дидло, безъ музыки, дѣлалъ пантомимы нѣкоторыхъ сценъ, объясняя ему, что для этой пантомимы нужно столько-то тактовъ, такой-то темпъ, такая-та должна быть оркестровка. Иногда случалось, что Дидло, уставъ отъ большихъ трудовъ на репетиціи, напѣвалъ капельмейстеру охриплымъ голосомъ мотивы музыки, которые Кавосъ выполнялъ; послѣ уже онъ приводилъ всю музыку въ порядокъ, согласно съ программою и съ желаніемъ балетмейстера. Иногда случался между ними споръ, потому что композиторъ былъ совершенно связанъ; но Дидло приводилъ ему ясныя доказательства, что безъ этого музыка не можетъ быть годна для балета, и Кавосъ долженъ былъ соглашаться съ нимъ. Дидло часто для того, чтобы сдѣлать понятнѣе пантомиму въ своемъ балетѣ, выбиралъ мотивы музыки изъ любимыхъ и часто повторяемыхъ на театрѣ оперъ, у публики были еще свѣжи въ памяти, какъ слова, такъ и музыка. Изъ оперы «Калифъ Багдадскій» онъ сдѣлалъ балетъ, и заимствованная оттуда же музыка была пособіемъ пантомимѣ, и поясняла ее для зрителей.

Дидло, дѣлая танцы для оперы «Телемакъ на островѣ Калипсо», много помогъ автору поэмы и композитору своимъ пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ. Въ этой оперѣ есть мѣсто,

* Это было такъ: трубы и литавры играли атаку на непріятеля; за музыкой слѣдовали выстрѣлы, что означало сраженіе, потомъ снова игралъ одинъ оркестръ, а въ паузахъ по временамъ раздавались залпы пушекъ, въ концѣ были употреблены и хоры пѣвчихъ.

гдѣ Телемакъ измѣняетъ Калипсо и влюбляется въ одну изъ ея нимфъ; Ментеръ, чтобъ отвлечь его отъ новой страсти, хочетъ увезть его съ острова. Калипсо, не смотря на измѣну Телемака, сожалѣетъ, что онъ скоро долженъ оставить островъ и чтобы воспрепятствовать его отъѣзду, производитъ бурю. Безъ пособія Дидло это мѣсто должно бы выполниться слѣдующимъ образомъ: Калипсо машетъ своимъ волшебнымъ жезломъ по воздуху, и буря начинается — разумѣется обыкновенная, театральная; громъ, молнія и дождь исполнили бы свое дѣло очень хорошо. Но Дидло подалъ автору идею истинно поэтическую; онъ придумалъ выполнить это мѣсто слѣдующимъ образомъ: Калипсо призываетъ Эола, бога вѣтровъ, и проситъ его произвести бурю на морѣ, чтобъ задержать Телемака. Эолъ отваливаетъ огромный камень отъ пещеры, въ которой заключены духи вѣтровъ; они выбѣгаютъ оттуда, съ длинными волосами, съ большими крыльями, съ падутыми щеками и выпятившимися губами, которыми они по временамъ дѣлаютъ движеніе; они разрываютъ цѣпи, которыми они были скованы, въ разныхъ группахъ поднимаются на воздухъ, летаютъ, машутъ крыльями и производятъ вѣтръ; другіе подбѣгаютъ въ пенстовствѣ къ морю, дуютъ на него крыльями и производятъ на немъ волны; третьи взбираются на деревья и заставляютъ ихъ колебаться отъ вѣтра, нѣкоторые же въ бѣшенствѣ взбѣгаютъ на вершины скалъ, движеніями крыльевъ и рукъ нагоняютъ грозныя тучи съ сверкающей молніей и сильнымъ громомъ; наконецъ послѣдніе опускаются въ нѣдра земли, производятъ тамъ страшный гулъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываются изъ земли огоньки. Всѣ стихіи въ ужасномъ движеніи. Въ это время, въ отдаленіи, на морѣ показывается корабль, на немъ-то отправляется Телемакъ съ Ментеромъ, волны бросаютъ его изъ стороны въ сторону; онъ то исчезнетъ въ безднѣ, то снова показывается на поверхности водъ; молнія ударяетъ въ мачту, и корабль загорается: Телемакъ и Ментеръ спасаются на выброшенной изъ корабля доскѣ. Въ это время Калипсо, смотря на пылающій корабль, торжествуетъ: Телемакъ долженъ опять возвратиться къ ней на островъ. Эолъ и духи вѣтровъ окружаютъ ее въ группахъ, и изъявляютъ свою радость, видя гибель корабля. Все это дѣйствіе бури было устроено съ танцами; всѣ группы имѣли свой характеръ, пенстовство и бѣшенство выражались въ движеніяхъ быстрыхъ, соотвѣтствовавшихъ порывамъ вѣтра. Публика была въ восторгѣ отъ этой сцены. Дидло, составляя сцену бури, далъ также композитору му-

зыки идею изобразить свистъ вѣтровъ посредствомъ искуственныхъ свистковъ. Кстати также былъ и волканическій подземный гулъ, который былъ устроенъ подъ сценой посредствомъ мѣховъ.

По возвращеніи Дидло въ Петербургъ, первый балетъ, данный имъ, былъ «*Ацисъ и Галатея*;» онъ былъ поставленъ на театрѣ по случаю тезоименитства Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Павловича, августа 30 дня 1818 года. Я приведу здѣсь отрывокъ изъ этого балета. Театръ представляетъ море, орошающее заливомъ часть Этны. Заливъ раздѣляется холмами, изъ которыхъ одинъ кажется отдѣленнымъ отъ горы страшными потрясеніями, но составляетъ еще съ нею преломленную аркаду. Холмъ имѣетъ сообщеніе съ другими островами посредствомъ моста. На островахъ липы, буковыя деревья и акаціи составляютъ своды изъ зелени, подъ которые обыкновенно нимфы собираются для купанья. На лѣвой сторонѣ зрителей обширный лѣсъ. Древній дубъ выдался изъ лѣсу. На правой сторонѣ разбросаны деревья и бесѣдки изъ розовыхъ кустовъ — прелестное мѣсто свиданія Ациса и Галатеи. Открытое море теряется за горизонтомъ и кончаетъ картину. Полифемъ любитъ Галатею, которая однакожъ не обращаетъ вниманія на его страсть, и сама любитъ пастуха Ациса. Имъ покровительствуетъ сынъ Веперы. Полифемъ знаетъ все это, и намѣревается имъ отмстить.

Въ день, посвященный богу любви, пастухи и пастушки собираются праздновать его, а вмѣстѣ съ ними и Ацисъ. Галатея въ выразительныхъ танцахъ изображаетъ всѣ чувства, которыя ее волнуютъ. Сынъ Веперы соединяетъ ихъ. Но эта счастливая минута нарушена прибытіемъ Полифема. Громкой крикъ открываетъ всѣмъ его присутствіе и бѣшенство. Устрашенныя нимфы разбѣгаются; другія окружаютъ Ациса, по приказанію Амура, и онъ скрывается. Галатея хочетъ бѣжать къ морю съ Амуромъ, но циклопъ предупредилъ ее, не могши достигнуть Ациса, онъ хочетъ излить весь гнѣвъ свой на Амура. «Злодѣй! ты меня сдѣлалъ несчастнымъ, да постигнетъ же тебя мщеніе.» Галатея и всѣ нимфы, видя опасность Амура, отъ котораго зависитъ ихъ благополучіе, не смотря на страхъ свой, кидаются къ нему на помощь. Полифемъ схватываетъ уже Амура, поднимаетъ его на воздухъ и угрожаетъ ему своею булавою; но Галатея, съ мольбою и слезами на глазахъ удерживаетъ руку циклопа. Трепещущій Амуръ проситъ Полифема выслушать его, и показывая ему стрѣлу, которую онъ извлекаетъ изъ колчана, обѣщаетъ ему употребить ее въ его пользу, чтобы заставить любить его. Про-

стодушный циклопъ, успокоенный этимъ обѣщаніемъ, опускаетъ Амура. Галатея, и всѣ нимфы въ радости ласкаютъ младенца, качаютъ его на рукахъ; циклопъ не теряя его изъ вида, требуетъ отъ него исполненія обѣщанія; вскорѣ гордый сынъ Этны изъявляетъ свою нетерпѣливость. — Хитрый Амуръ, предупреждаетъ Галатею, чтобъ она притворилась любящею, онъ легко увѣряетъ и циклопа, что стрѣла пущена. Полифемъ, думая видѣть нѣкотое смущеніе въ глазахъ Галатеи, бросается ко ногамъ ея; но Амуръ всегда злой и коварный для тѣхъ, кому онъ не благопріятствуетъ, хочетъ позабавиться на его счетъ, отмстить за причиненный ему страхъ, и доказать, что сила ничто предъ любовью. Свирѣпый циклопъ, превращенный въ тихаго, опутывается имъ гирляндою, онъ даетъ ему въ руки посошокъ и надѣваетъ ему на голову вѣнокъ. Каковъ пастушекъ! Въ этомъ смѣшномъ одѣяніи представляетъ его Амуръ Галатеи, которая удивляется счастливой перемѣнѣ и признается, что теперь онъ ей нравится. Упоенный блаженствомъ своимъ Полифемъ бросается къ ногамъ Галатеи. «Ну, обманулъ ли я тебя!» говоритъ ему Амуръ, и въ то время, когда циклопъ благодаритъ его и осыпаетъ ласками, онъ и Галатея призываютъ Аписа. Онъ является, Полифемъ воспѣваетъ мнимую свою побѣду, а пастухъ прокрадывается между нимфами, которыя стараются скрыть его. Галатея, чтобъ лучше обмануть великана, танцуетъ передъ нимъ; Амуръ страшась ревнивыхъ его взоровъ, снимаетъ свою повязку и кладетъ ее на глаза Полифема, между тѣмъ, какъ Галатея кидается въ объятія своего возлюбленнаго. Вскорѣ пляска дѣлается общею. Аписъ и Галатея, скрываемые отъ глазъ циклопа, при каждой встрѣчѣ изъявляютъ свою любовь. Вдругъ Полифему кажется, что его соперникъ тутъ, въ бѣшенствѣ онъ срываетъ повязку, и каково-же его удивленіе, когда онъ находитъ только одну Амазію*! Онъ ошибся и проситъ прощенія; но Амуръ, желая поскорѣе сбыть съ рукъ этого нѣстоваго и докучливаго любовника, приказываетъ вакханкамъ влить въ кубки виноградный сокъ и примѣшать къ нему маковыхъ капель. Галатея предлагаетъ ему кубокъ — и онъ выпиваетъ его. Вскорѣ зѣницы его тяготѣютъ и не могутъ противиться сну; онъ едва уже видитъ Галатею сквозь тонкій туманъ, и наконецъ засыпаетъ подъ древнимъ дубомъ, у котораго Аписъ и Галатея составляютъ свой вензель изъ розъ и образуютъ нѣжныя группы. Общая радость изъявляется танцами. Но Амуръ велитъ всѣмъ удалиться. Каждая группа скрывается, прощаясь

* это была одна изъ ореадъ.

съ влюбленною четою, которая также скрывается въ волны, вмѣстѣ съ Амуромъ. Полифемъ просыпается; Амуръ, уходя, унесъ свою повязку и гордый сынъ Этны, освобожденный отъ очарованій, трепещетъ отъ ярости, что былъ обманутъ, и что находится въ такомъ состояніи. Онъ срываетъ съ себя гирлянду и примѣтивъ оставленный на деревѣ вензель, приходитъ въ ужасное бѣшенство; ярость его не изобразима; все должно чувствовать его мщеніе, и первое дерево, носящее на себѣ стыдъ его, онъ ломаетъ, и вырываетъ съ корнемъ. Наконецъ, онъ входитъ на гору и видитъ оттуда Галатею и Ациса, въ объятіяхъ другъ друга. Бѣшенство его доходитъ до изступленія; онъ не можетъ владѣть Галатеею—и судьба ихъ рѣшена: они должны погибнуть оба. Онъ отрываетъ огромный камень, и бросаетъ его; онъ катится и угрожаетъ уже подавить Ациса и Галатею; но вдругъ останавливается, распадается, изъ него выходитъ Амуръ и летитъ къ любовникамъ; изумленный Полифемъ видитъ, что онъ самъ, вмѣсто назначаемой смерти, бросилъ своему сопернику бога любви.—Нереиды выходятъ со дна моря съ Нептуномъ и Амфитридою. Протей, старый Нерей, отецъ Галатеи, являются близъ морскаго бога. Тритоны и всѣ жители волнъ наполняютъ берега острововъ. Нѣсколько тритоновъ изъ согнутыхъ своихъ раковинъ пускаютъ блестящіе фонтаны противъ зефировъ, носящихся надъ ихъ головами, которые ихъ осыпаютъ цвѣтами. Горы покрыты фавнами, сатирами, вакханками, пастухами и ореадами, явившимися по приказанію Амура для празднованія брака Ациса и Галатеи. Меркурій спускается съ облаковъ и приноситъ пастуху вѣнецъ и весло, знаки божества. Венера, дочь волнъ, является и поздравляетъ новаго морскаго полубога. Тритоны, для празднованія ея присутствія, пускаютъ фонтаны и составляютъ изъ подвижныхъ водъ чертогъ для богини. Граціи и Амуры сопровождаютъ ее и держатъ на воздухѣ легкія завѣсы, составляющія украшенія этой движущейся архитектуры. Полифемъ едва сходитъ съ горы, какъ вдругъ Этна исчезаетъ. Онъ возвращается, бѣшенство въ глазахъ его, ярость въ сердцѣ; онъ бѣжитъ, чтобъ истребить Ациса и Галатею и даже Амура, онъ стремится въ море, чтобъ ихъ настигнуть. Но Нептунъ трезубцемъ останавливаетъ своего сына: — «Ацисъ въ числѣ боговъ, Юпитеръ повелѣваетъ, уступи сынъ мой, удались и не нарушай радостнаго празднества своимъ присутствіемъ.» Злобный циклопъ угрожаетъ всѣмъ, но громъ гремитъ и возвѣщаетъ волю Юпитера; молнія, упадающая къ ногамъ Полифема извѣщаетъ его, что единственно по просьбѣ отца его, милосердіе

боговъ щадитъ жизнь его. Недоумѣніе начертано въ глазахъ цик-лопа, но вскорѣ трепеща отъ ужаса, онъ отступаетъ и бѣжитъ скрыть свое отчаяніе и свой стыдъ въ глубинѣ своей пещеры. — Апполонъ сходитъ съ лучезарной колесницы своей, Фетида ведетъ его принять участіе въ радости новыхъ супруговъ и украситъ своимъ присутствіемъ празднество. Общее веселіе. Между-тѣмъ спускается ночь; Діана освѣщаетъ горизонтъ своимъ серебрянымъ кругомъ. Упоенные счастіемъ и веселіемъ, свидѣтели брака за-сыпаютъ въ объятіяхъ любви и дружбы, между-тѣмъ, какъ сынъ Венеры погашаетъ свой факелъ и отлетаетъ со всѣми нимфами вслѣдъ за своей матерью на островъ Цитеру.

Идея въ этомъ балетѣ прекрасна; каждая группа въ немъ имѣетъ свою идею, такъ, что дѣйствіе ея тѣсно связано съ сю-жетомъ балета. Настасья Николаевна Новицкая, занимавшая въ этомъ балетѣ роль Аписа, была прекрасна, не смотря на то, что играла мужской характеръ. Про Авдотью Ильиничну Истомину мнѣ нечего и говорить: она во всѣхъ балетахъ была удивительно хороша. Пушкинъ, послѣ этого балета, воспѣлъ ея талантъ въ Евгеніи Онегинѣ.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ:
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина: — она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ....
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ....
Летитъ — какъ пухъ отъ устъ Эола!
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстро ножкой ножку бьетъ.

Говоря о сочиненіи музыки для балетовъ, я невольнымъ обра-зомъ опять обратился къ Дидло и его балетамъ; по этому случаю я разскажу нѣкоторыя черты изъ его жизни, которыя могутъ служить дополненіемъ къ его характеристикѣ. Онъ можетъ быть лучшимъ примѣромъ для молодыхъ артистовъ, какъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь своему искусству и сохранившій высо-кую нравственность.

Я жилъ у него, и потому могъ видѣть его домашнюю жизнь.

Дидло вставалъ рано, занимался чтеніемъ историческихъ книгъ, чтобъ извлекать изъ нихъ сюжеты для балетовъ; будучи хорошимъ рисовальщикомъ, онъ рисовалъ группы для своихъ балетовъ, потомъ отправлялся въ театральное училище, гдѣ давалъ уроки танцевъ, оттуда отправлялся въ театръ, гдѣ дѣлалъ репетиціи балетамъ, или ставилъ ихъ. Послѣ обѣда отправлялся онъ опять или въ театральное училищѣ или въ театръ, когда шли его балеты. Такимъ-образомъ проводилъ онъ всѣ дни недѣли, кромѣ воскресенья. День этотъ онъ вполнѣ посвящалъ отдохновенію. Утромъ ѣздилъ въ церковь: къ обѣду являлись къ нему всѣ близкіе его знакомые; кругъ его знакомства по большей части состоялъ изъ иностранцевъ, людей ученыхъ и художниковъ. Мнѣ помнится въ числѣ его знакомыхъ были инженерные офицеры, которые въ то время были присланы изъ Франціи въ русскую службу, и въ послѣдствіи достигли важныхъ должностей. Съ такими-то людьми любилъ бесѣдовать Дидло и по большей части во время обѣда, между ними происходили ученые споры, такъ, что обѣдъ съ кофеемъ и ликеромъ часто продолжался не менѣе четырехъ часовъ; по молодости моей мнѣ всегда хотѣлось дать тягу изъ-за стола, чтобъ отправиться гулять на Каменный островъ или куда-нибудь въ другое мѣсто, но я долженъ былъ сидѣть и слушать. По вторичномъ своемъ возвращеніи въ Россію Дидло купилъ прекрасную дачу на рѣчкѣ Карповкѣ, гдѣ у него въ саду были кегли и биліардъ, подъ хорошо устроеннымъ навѣсомъ, такъ что на немъ можно было играть лѣтомъ во всякую погоду. Любителей картъ усаживалъ онъ иногда за бостонъ. Самъ же онъ ни въ какія игры не игралъ, и не имѣлъ объ нихъ даже понятія. Въ послѣдствіи, находясь на службѣ при Императорскомъ Московскомъ театрѣ, я ѣзжалъ въ 1822 и 1823 годахъ въ С. Петербургъ часто, и въ бытность свою тамъ бывалъ почти ежедневно у Дидло, и занимался у него изученіемъ его балетовъ, чтобы поставить ихъ потомъ на Московской сценѣ; въ одинъ день мнѣ случилось встрѣтить на дачѣ у Дидло господина С. Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, графа Михаила Андреевича Милорадовича, удостоившаго его въ этотъ день своимъ посѣщеніемъ. Я слышалъ его благосклонный разговоръ съ Дидло; съ графомъ пріѣхалъ и князь А. А. Шаховской, тогдашній репертуарный членъ С.-Петербургскихъ театровъ*. Графъ разсказывалъ о видѣнныхъ имъ на разныхъ иностранныхъ

* Въ это время Императорскіе театры находились подъ вѣдомствомъ военныхъ Губернаторовъ.

театрахъ артистахъ, вспоминалъ, когда онъ съ русскими войсками былъ въ Парижѣ и видѣлъ его превосходный балетъ «Зефиръ и Флора»; разсуждалъ объ улучшеніи Петербургскаго театра, и увидѣвъ въ саду билліардъ, сказалъ: «А господинъ Дидло! вы, я вижу, любитель билліардной игры, сыграемте, партію.» Дидло отвѣчалъ: «Извините меня, графъ, эта наука мнѣ не далась, я не умѣю и въ шаръ попасть.» —«А знаете-ли вы, что эта игра очень полезна для здоровья.... но я и забылъ, что вы и безъ билліарда имѣете много моціона.»

Я думаю, что многіе петербургскіе артисты его времени помнятъ, что Дидло былъ вспыльчиваго характера. Если что нибудь касалось до его балетовъ: если дирижеръ музыки велъ дурно кадансъ, или балетные артисты худо выполняли свои роли, или если танцы и машины шли худо, онъ просто выходилъ изъ себя и забывалъ всѣхъ и все на свѣтѣ. За то онъ былъ очень добръ въ другихъ случаяхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ: иногда извѣстные ему здѣсь иностранцы приходили въ крайнюю бѣдность, такъ что не имѣли возможности возвратиться въ свое отечество, онъ давалъ имъ на дорогу деньги щедрою рукою. Иногда, узнавъ отъ пастора о бѣдномъ семействѣ, обремененномъ кучею дѣтей, спѣшилъ помочь ему. Вотъ одинъ примѣръ некорыстолюбія и доброты Дидло, который касается лично до меня. Когда я находился въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ, Дидло замѣтивъ мои способности къ танцовальному искусству и полюбя меня, захотѣлъ устроить мою участь; въ 1806-мъ году испросилъ онъ позволеніе у главнаго директора Императорскихъ театровъ Александра Львовича Нарышкина воспитывать меня у себя дома, что ему и было разрѣшено, при этомъ ему было положено на мое содержаніе пятьсотъ руб. ассигнаціями. Когда Петръ Ивановичъ Албрехтъ, бывшій при театрѣ главнымъ казначеемъ, увѣдомилъ его объ этомъ, Дидло пришелъ въ бѣшенство: «Развѣ я просилъ воспитывать le jeune Adam за деньги? (Такъ называлъ онъ меня въ то время.)» Господинъ Албрехтъ сказалъ, что эти деньги даются на одежду и другія надобности. «Если я беру его къ себѣ, то онъ не будетъ имѣть ни въ чемъ надобности.» Албрехтъ, будучи съ нимъ довольно хорошо знакомъ, сказалъ: «Если вы не хотите теперь употребить на него положенный ему окладъ, довершите ваше доброе дѣло: сберегите деньги, и когда вашъ ученикъ по какимъ нибудь обстоятельствамъ будетъ принужденъ оставить вашъ домъ, ему, небогатому молодому человѣку, эти деньги могутъ быть очень полезны.» Одно это предложеніе могло заставить

господина Дидло принять пятьсотъ руб. ежегоднаго на меня оклада. Въ послѣдствіи, когда онъ уѣзжалъ въ Англію, онъ позвалъ меня и отдалъ мнѣ накопленныя имъ деньги. Такіе примѣры встрѣчаются въ нашей жизни не часто.

Я много говорилъ о талантѣ Дидло и его балетахъ, надобно отдать также справедливость и его современнымъ балетмейстерамъ, Гг. Вальберху и Огюсту, которые также сочиняли балеты для Императорскаго Петербургскаго театра. Ихъ балеты, хотя много уступали балетамъ Дидло, однако-жъ имѣли свои достоинства и нравились, какъ петербургской, такъ и московской публикѣ. Представляю въ примѣръ балетъ «*Рауль Синяя борода или таинственный кабинетъ.*» Сюжетъ этого балета взятъ изъ извѣстной оперы одного названія съ балетомъ, поставленъ Гг. Вальберхомъ и Огюстомъ, а музыка, также взятая изъ оперы, аранжирована и пересочинена Кавосомъ.

Этотъ балетъ всегда можно смотрѣть съ большимъ удовольствіемъ. Въ немъ есть все: интересъ, содержаніе, быстрое дѣйствіе, эффектныя сцены и прекрасныя группы и танцы.

Если на это скажутъ, что сюжетъ для балета слишкомъ серіезенъ, мы отвѣтимъ: когда допустить разъ балетъ, какъ драматическое представленіе, почему-же ограничить его одною областью миѳологіи и лишить его житейской драмы? Сцена представляетъ жизнь: въ ней должны господствовать и слезы также, какъ и смѣхъ. Притомъ въ этомъ балетѣ танцы чрезвычайно умѣстны, напр., въ 1-мъ актѣ, во время свадьбы Карлоса съ Аннетой, можно танцовать сколько угодно; во время турнира можно составить также великолѣпные танцы изъ придворныхъ кавалеровъ, дамъ и пажей двора Рауля; даже сама Изора можетъ танцовать съ какимъ-нибудь кавалеромъ, пріѣхавшимъ на праздникъ къ Раулю, или съ дамами. Надобно отдать справедливость Вальберху и Огюсту, что балетъ былъ ими составленъ прекрасно. Нѣкоторые, можетъ-быть, скажутъ, что въ немъ мало новаго. Но всегда-ли одно новое хорошо, я самъ видѣлъ нѣсколько разъ на Московскомъ театрѣ, въ 1851 году, Фанни Эльслеръ въ балетѣ «La fille mal gardée» (*Тщетная предосторожность* или *худо сбереженная дочь*) и публика принимала этотъ балетъ съ восторгомъ, не смотря на то, что онъ сочиненъ Добервалемъ, учителемъ старика Дидло! На это скажутъ, что Фанни Эльслеръ поддержала его своимъ талантомъ, что она въ немъ прелестна, — правда! но чтобы быть прелестной нужно также, чтобъ и балетъ и роль соотвѣтствовали таланту артистки. Выборъ этого балета артисткою для дебюта

передъ новою публикою, уже ясно доказываетъ, что иногда и старина имѣетъ свое достоинство: хотя въ ней нѣтъ ни машинъ, ни богатыхъ костюмовъ, ни декорацій эфектныхъ, ни громогласныхъ инструментовъ. — Въ немъ видѣнъ одинъ только чистый талантъ балетмейстера. Евгенія Ивановна Колосова въ ролп Изоры была превосходна и особенно въ концѣ 4 го акта. Когда Рауль требуетъ у ней ключей, она въ страхѣ думаетъ, что ключи у нея за поясомъ: трепещущими руками въ страшномъ безпокойствѣ ищетъ ихъ около себя и не найдя, не знаетъ, что отвѣчать; наконецъ говоритъ ему, что они въ другой комнатѣ. Рауль съ гнѣвомъ повелѣваетъ ихъ принести, она успокоиваетъ его улыбкою, смѣшанною со страхомъ. Рауль вторично грозно приказываетъ ей идти искать ключи; съ опущенною головою идетъ она и едва переступаетъ: колѣна у нее подгибаются, и она отъ слабости едва не падаетъ, по временамъ вылетаютъ изъ ея груди вздохи. Рауль въ нетерпѣніи подходитъ къ ней скорыми шагами, показывая на рукоятку своего меча. Она въ испугѣ картинно останавливается: всѣ члены дрожатъ, а на лицѣ отчаяніе, смѣшанное со страхомъ. Все это было исполнено удивительно натурально, всѣ выражаемыя ею страсти въ пантомимѣ выходили прямо отъ души; каждой мимѣ умѣла она придать свой вѣрный колоритъ. Еслибъ кому-нибудь вздумалось сыграть эту роль, мое подробное описаніе ея могло-бы послужить въ пользу, потому-что идеи могутъ измѣняться, но не душевныя ощущенія: въ мимикѣ нѣтъ новой методы. Когда Изора является на сцену блѣдная, съ полураспущенными волосами, держа въ рукахъ переломленный ключъ отъ кабинета, она изнемогая, останавливается, опирается на кресло, послѣ подходитъ къ Раулю, отворотивъ отъ него голову; дрожащей рукой отдаетъ она ему ключъ. Рауль въ бѣшенствѣ, увидѣвъ, что онъ переломленъ; Изора упадаетъ предъ нимъ безъ памяти на колѣна, проситъ пощады, онъ отталкиваетъ ее отъ себя: тогда она обнимаетъ его ноги. Рауль хочетъ отступить, но невольно влечетъ ее за собою, потому что ея руки замерли у его колѣнъ; съ усиліемъ освобождается онъ отъ нея и велитъ ей приготовиться къ смерти, а самъ съ поспѣшностію и гнѣвомъ уходитъ въ кабинетъ. Эта сцена Ев. Ив. Колосовой съ Раулемъ была верхомъ совершенства балетнаго искусства. Описывая эту сцену, я перепошусь мыслью слишкомъ за сорокъ лѣтъ: и какъ-будто слышу громъ восторженныхъ рукоплесканій, и какъ-будто теперь чувствую внутреннее волненіе, которое чувствовалъ тогда, глядя на ея игру! Я слышалъ отъ тѣхъ, которые

видѣли мадамъ Шевалье и мадамъ Бертень-Боельдье, французскихъ первостепенныхъ актрисъ, игравшихъ въ операхъ «Рауль Синяя борода» роль Изоры, что Ев. Ив. Колосова много превосходила ихъ въ балетѣ, не смотря на то, что актриса всегда имѣетъ на своей сторонѣ болѣе преимуществъ, потому-что владѣетъ словомъ, тогда какъ танцовщица должна выражаться однимъ нѣмымъ языкомъ. Но Е. И. Колосова одушевленнымъ чувствомъ, мимикой лица, правильными позами замѣняла слова роли. Танцовщиковъ и танцовщицъ, не имѣющихъ дара въ пантомимѣ, считаю я не иначе, какъ за хорошихъ облагороженныхъ фокусниковъ; потому-что хорошій пируэтъ, легкое, чистое антраша, картинная поза на самыхъ цыпочкахъ, все это пріятный для глазъ фокусъ, но не то, что хорошая пантомима, которая болѣе приближается къ человѣческой природѣ, и даетъ пищу для ума и сердца: въ пантомимѣ видишь разныя человѣческія страсти, а легкость, вертушки и апломба пальцахъ только одна ловкость. Я видѣлъ на С. Петербургской сценѣ первоклассныхъ танцовальныхъ артистовъ г. Батиста и его жену, которые въ танцахъ владѣли удивительнымъ механизмомъ, могли хорошо ставить балеты, но были холодны, какъ ледъ; отъ чего, по большей части, были посредственно принимаемы публикою. Безспорно, ничего не можетъ быть лучше для балета, если хорошій танцовщикъ или хорошая танцовщица обладаетъ пригомъ и хорошей пантомимой, какъ нѣкогда обладала этими двумя качествами Марья Даниловa, ученица Дидло; въ танцахъ она была подругою Дюпора. Я думаю многіе изъ петербургскихъ жителей и теперь помнятъ эти два удивительные таланта, которые были украшеніемъ балета «*Амуръ и Психея.*» Про очаровательную Психею, въ то время, многіе говорили, что любовь къ Амуру свела ее въ могилу; жаль, что въ самомъ цвѣтѣ юности и съ такимъ великимъ талантомъ она такъ рано исчезла со сцены.

По случаю смерти Маріи Даниловой были написаны слѣдующія строфы М. Милоновымъ:

Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
Вчера ты въ торжествѣ являлась предо мной;
Вчера твои красы срѣтали жадны взоры,
Обвороженные чудесной быстротой;
Зефира легкія и прелесть и движенье,
Цвѣтъ нѣжныя весны, сокрывшійся на вѣкъ,

Вчера срѣтала ты мой плескъ и удивленье,
Сегодня... встрѣтить гробъ я ранній твой притекъ! —

Когда средь сонма сильфъ и рѣзвыхъ ореадъ,
Дивился твоему искусству несравненну,
Мечталъ-ли, что тебя, весельемъ оживленну,
На утро окуетъ внезапной смерти хладъ?
При взглядѣ на тебя, средь сладкаго томленья,
Мечталъ-ли, чтобъ красы разцвѣтшія твои,
Утративъ и хвалу и прелести свои,
Столь рано погреблись въ обители истленья?
О дѣва! можетъ-быть, въ незнаньи, сей же часъ,
(Сокрытъ кончины мигъ) и я, тебѣ подобно,
У праха твоего изрекши стихъ сей скорбно,
Услышу и меня зовущій смерти гласъ!

Эти стихи были помѣщены въ Вѣстникѣ Европы, журналѣ издававшемся г. Коченовскимъ, въ 1812 году.

=

МЕМУАРЫ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ,

БЕЗЪ ВЫМЫСЛА.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ Г. Х. АНДЕРСЕНА.

ГЛАВА V.

Пятаго сентября 1833 года переправился я черезъ Симплонъ въ Италію. Пятаго сентября вошелъ я, бѣднымъ, безпомощнымъ мальчикомъ въ Копенгагенъ, и какъ разъ въ тотъ-же день, четырнадцать лѣтъ спустя, суждено мнѣ было вступить въ страну, куда рвалась моя душа; и гдѣ счастіе должно было озарить мою артистическую стезю. Я не пригонялъ этихъ двухъ событій къ одному дню, они сошлись сами собою, какъ будто сама судьба избрала пятое сентября изъ всѣхъ дней въ году и назначила ему быть моимъ счастливымъ днемъ. Впрочемъ, счастіе столько разъ сходило на меня, что я помню, можетъ быть, только тѣ его посѣщенія, которыя приходились въ мною самимъ избранные дни.—Солнце сіяло вокругъ меня такъ тепло и ясно, природа была во всей своей красѣ! виноградныя лозы, увѣшанныя тяжелыми гроздами, шли длинными гирляндами отъ одного дерева къ дру-

гому; никогда, впослѣдствіи, не казалась мнѣ Италія такъ хороша. Я переѣхалъ Лаго Маджіоре, всходилъ на башню Миланскаго собора, провелъ нѣсколько дней въ Генуѣ, и оттуда отправился въ Каррару вдоль берега, гдѣ путешественникъ невольно останавливается на каждомъ шагу, полюбоваться дивными красотами природы. Еще въ Парижѣ видалъ я статуи, но тогда глаза мои были закрыты красотамъ скульптуры; только во Флоренціи, передъ Медичисскою Венерою, спала завѣса съ моихъ глазъ, и передо мною открылся новый міръ, — міръ пластическаго искусства; это былъ первый плодъ моего путешествія. Я понялъ красоту формъ, постигъ духъ, проявляющійся въ этихъ формахъ. Народная жизнь, природа, все было мнѣ ново, и въ то-же время казалось знакомымъ, роднымъ, какъ будто я пріѣхалъ на родину, въ страну, гдѣ провелъ свое дѣтство. Съ удивительною быстротою усвоивалъ я этотъ новый бытъ, сроднялся съ нимъ; а между тѣмъ сердце мое было полно какой-то глубокой, сѣверной тоски; это было не тоска по родинѣ, а какое-то тяжелое, мучительное давленіе. Въ Римѣ получилъ я первое увѣдомленіе о томъ, какъ холодно было принято въ моемъ отечествѣ высланное мною стихотвореніе «*Агнета.*» Въ Римѣ-же, съ слѣдующею почтою получилъ я извѣстіе о смерти матушки. Я сталъ круглымъ сиротою.

Около этого времени, въ Римѣ, встрѣтился я въ первый разъ съ Герцомъ. Коллинъ, въ письмахъ своихъ, постоянно говорилъ, что ему очень пріятно было-бы, еслибъ я познакомился и подружился съ Герцомъ; впрочемъ мы сошлись бы и безъ его совѣта, потому что Герцъ самъ дружески подалъ мнѣ руку и принялъ живое участіе въ моемъ горѣ. Изъ всѣхъ, съ кѣмъ я сходился въ Римѣ, онъ обладалъ самымъ многосторонимъ образованіемъ; мы часто бесѣдовали съ нимъ, и раскрывали другъ другу свое сердце. Между прочимъ заходила иногда рѣчь о гоненіяхъ, которымъ подвергался въ нашемъ отечествѣ мой поэтическій талантъ; и онъ, который самъ нанесъ мнѣ такую глубокую рану, сказалъ мнѣ однажды слова, которыя навсегда врѣзались въ моей памяти. «Вся ваша бѣда въ томъ, говорилъ онъ, что вы принуждены были печатать каждое свое сочиненіе, такъ, что публика могла слѣдить за вами шагъ за шагомъ; я думаю, что самъ Гёте, будь онъ въ вашемъ положеніи, подвергся-бы такой-же участи.» За тѣмъ онъ сталъ хвалить мой талантъ, мою способность схватывать природу и рисовать поэтическія картины въ немногихъ, но рельефныхъ чертахъ. Знакомство Герца много содѣйствовало къ моему умственному развитію, и я понялъ,

бесѣдуя съ нимъ, что пріобрѣлъ въ немъ снисходительнаго, доброжелательнаго судью. Съ нимъ поѣхалъ я въ Неаполь, гдѣ мы даже жили на одной квартирѣ.

Въ Римѣ познакомился я также съ Торвальдсеномъ. Много лѣтъ до того, вскорѣ по прибытіи моемъ въ Копенгагенъ и когда я еще скитался по городу бѣднымъ мальчикомъ, встрѣтилъ я однажды Торвальдсена на улицѣ; это было въ первый его пріѣздъ на родину. Я зналъ, что это былъ человѣкъ знаменитый, славный художникъ, и остановился, чтобы посмотрѣть на него и поклониться; онъ прошелъ мимо, но вдругъ вернулся назадъ, подошелъ ко мнѣ, и сказалъ: — Гдѣ видался я съ вами? мнѣ сдается, будто мы съ вами знакомы. Я отвѣчалъ, что онъ ошибся, что мы вовсе не знакомы и никогда не видались. Въ Римѣ я припомнилъ ему этотъ случай; онъ улыбнулся, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: — «Сердца наши тогда уже подавали вѣсть, что намъ быть друзьями.» Я прочелъ ему свою «*Агнету*» и былъ восхищенъ его сужденіемъ: — «Когда я слушаю ваши стихи, сказалъ онъ, мнѣ кажется будто я на родинѣ, брожу по роднымъ лѣсамъ, и слышу плескъ роднаго датскаго моря.» И съ этими словами онъ обнялъ меня. Однажды онъ замѣтилъ, что я очень грустенъ, и когда, на распросы его, я разсказалъ ему о письмѣ, которое я получилъ въ Парижѣ, со вложеніемъ пасквиля на меня, онъ крѣпко стиснулъ зубы, глаза его мгновенно сверкнули гнѣвомъ и негодованіемъ и онъ сказалъ: — Да, знаю и я этихъ людей! и мнѣ было-бы не лучше, еслибъ я тамъ остался! я, можетъ быть, не добился-бы позволенія вылѣпить одну модель! Слава Богу, что я въ нихъ не нуждаюсь; только нуждайся въ нихъ и они тотчасъ станутъ тебя терзать и мучить, загонятъ, раздавятъ тебя!» И онъ уговаривалъ меня не унывать, увѣряя, что придетъ время, когда и мнѣ отдадутъ должную справедливость, и открылъ мнѣ нѣкоторыя печальныя страницы своей жизни, когда его такъ-же оскорбляли, какъ меня, такъ же какъ и мнѣ, отказывали ему въ дарованіи и способностяхъ.

Тотчасъ послѣ карнавала я поѣхалъ изъ Рима въ Неаполь, посѣтилъ только что передъ тѣмъ открытый Лазоревый гротъ на островѣ Капри, осмотрѣлъ Пестумскіе храмы, и къ Святой Недѣлѣ воротился въ Римъ, чтобы оттуда ѣхать черезъ Флоренцію и Венецію въ Вѣну и Мюнхенъ. Впрочемъ меня въ то время вовсе не манило въ Германію, а при одной мысли о Даніи брала меня тоска и страхъ, какъ предчувствіе новыхъ страданій, ожи-

давшихъ меня тамъ: Италія съ своею природою, съ своимъ народнымъ бытомъ, овладѣла моею душою, къ ней одной влекло меня. Дѣтскіе годы моей жизни и то, что я видѣлъ теперь, все это слилось въ одну чудную картину, въ поэму, которую какая то тайная сила принуждала меня положить на бумагу, не смотря на твердое убѣжденіе, что она мнѣ будетъ болѣе на горе, чѣмъ на радость, когда я возвращусь на родину и нужда заставитъ меня печатать ее. Еще въ Римѣ написалъ я первыя главы этого новаго сочиненія: это былъ мой романъ «*Импровизаторъ.*»

Въ одно изъ первыхъ представленій, которыя я видѣлъ, еще ребенкомъ, на Одензейскомъ театрѣ, гдѣ, какъ я уже говорилъ, играла нѣмецкая труппа, на нѣмецкомъ языкѣ давали «*Русалку*» (Das Donauweibchen) и публика приходила въ восторгъ отъ артистки, исполнявшей главную роль; ей аплодировали, чествли, ласкали ее, и мое воображеніе чертило самую блестящую картину ея счастія. Но нѣсколько лѣтъ спустя, когда я возвратился въ Одензе студентомъ и по старой памяти зашелъ во вдовью богадѣльню, надъ одною изъ кроватей, тѣсно уставленныхъ въ небольшой комнатѣ, увидѣлъ я женскій портретъ въ золоченой рамкѣ. Этотъ портретъ, представлявшій Лессингову Эмилію Галотти въ той сценѣ, гдѣ она ощипываетъ розу, рѣзко противорѣчилъ окружавшимъ его признакамъ бѣдности. — «Чей это портретъ?» спросилъ я. — «О,—отвѣчала одна изъ старухъ,—это портретъ нѣмки, той бѣдняжки, что была актрисой!» Вскорѣ за тѣмъ явилась маленькая старушка, съ сморщеннымъ, но добродушнымъ лицомъ, въ бѣдномъ шелковомъ капотѣ, нѣкогда черномъ, но давно уже побурѣвшемъ отъ времени. Въ пріемахъ ея было видно, что она была женщина, получившая воспитаніе и видѣвшая хорошее общество. Это была знаменитая нѣкогда пѣвица, которой все поклонялось въ «*Русалкѣ*»; эта встрѣча неизгладимо врѣзалась въ моей памяти, часто представляя мнѣ потомъ образъ артистки, доживавшей свой вѣкъ въ богадѣльнѣ. Въ Неаполѣ слышалъ я въ первый разъ Малибранъ, ея пѣніе и игра превосходили все, что я слыхалъ и видалъ до того времени, но каждый разъ, какъ я ее смотрѣлъ, мнѣ невольно приходила на умъ бѣдная пѣвица въ Одензейской богадѣльнѣ. Эти два лица слились въ моемъ романѣ въ Анунціатѣ; Италія послужила рамкою, въ которую я вставилъ пережитое мною и вымыселъ.

Въ августѣ 1834 года возвратился я въ Данію. У Ингемана, въ Сорё, въ небольшой комнаткѣ въ мезонинѣ, среди аромата липъ, написалъ я первую часть своей книги; окончилъ-же ее въ

Копенгагенѣ. Даже лучшіе мои друзья, и тѣ почти готовы были отречься отъ меня, какъ отъ писателя, и согласиться, что они ошиблись въ значительности моего таланта. Ужаснаго труда стоило мнѣ пріискать издателя для моего романа; я получилъ за него ничтожную плату; но «*Импровизаторъ*» явился, былъ читанъ, раскупленъ и явился вторымъ изданіемъ въ очень короткое время. Критика молчала, журналы не говорили ни слова; но со всѣхъ сторонъ доходили до меня слухи, что мой романъ возбудилъ живое участіе и читался съ восхищеніемъ. Наконецъ поэтъ Карлъ Баггеръ, бывшій тогда редакторомъ одного журнала, напечаталъ первую рецензію моего новаго произведенія, и началъ ее обычною фразою, безъ которой не обходился не одинъ печатный отзывъ обо мнѣ, что де «объ этомъ писателѣ уже говорить нечего: уже рѣшено, что онъ уже достигъ высшей степени своего творчества, и пошелъ назадъ,» и такъ далѣе; за тѣмъ онъ перечислялъ всѣ обвинительные пункты, взведенные на меня критикою, но потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, обращался къ моему новому сочиненію и пламенно защищалъ и книгу, и автора. Я плакалъ отъ радости и благодарилъ Бога и людей. Я посвятилъ трудъ свой своимъ благодѣтелямъ. «Совѣтнику Коллину, говорилъ я въ посвященіи, и его великодушной супругѣ, въ которыхъ я нашелъ, вторыхъ отца и мать, ихъ дѣтямъ, которые были мнѣ родными братьями и сестрами, приношу я лучшее, что имѣю.»

Многіе, бывшіе мнѣ до того времени врагами, стали смотрѣть на меня иначе; въ томъ числѣ пріобрѣлъ я одного друга, который, я надѣюсь, останется моимъ другомъ на всю жизнь. Это поэтъ Гаухъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, съ какими я когда-либо встрѣчался. Онъ только что возвратился изъ Италіи, послѣ многолѣтняго пребыванія за границею, когда водевили Гейберга кружили голову всему Копенгагену и я успѣшно вступилъ на поприщѣ литературы своимъ «*Пѣшеходнымъ путешествіемъ.*» Онъ завязалъ сильную полемику противъ Гейберга, и при этомъ сдѣлалъ нѣсколько выходокъ и противъ меня; никто не потрудился обратить его вниманіе на лучшія мои лирическія произведенія; напротивъ ему твердили только, что я избалованный, самонадѣянный выскочка. Прочитавъ моего «*Импровизатора*», онъ понялъ, что я не такое бездарное существо, какимъ меня старались представить, и со свойственнымъ ему благородствомъ написалъ мнѣ откровенное, чистосердечное письмо, въ которомъ сознавался въ своей прежней несправедливости ко мнѣ, и подавалъ мнѣ руку на примиреніе. Съ этого дня мы стали друзьями; онъ

ревностно старался содѣйствовать мнѣ во всемъ, въ чемъ содѣйствіе его могло мнѣ быть полезно, и съ участіемъ слѣдилъ за каждымъ моимъ новымъ успѣхомъ. Но немногіе поняли его благородство и искренность нашего примиренія и дружбы; такъ что когда онъ, послѣ того, представилъ въ одномъ романѣ жалкую судьбу писателя, доведеннаго тщеславіемъ и самолюбіемъ до дома умалишенныхъ, нѣкоторые заговорили, что онъ нанесъ мнѣ непростительное оскорбленіе, выставивъ такимъ образомъ мои слабости. Никто не хотѣлъ вѣрить, что такое понятіе обо мнѣ совершенно превратно, и родилось изъ отзывовъ нѣсколькихъ лицъ недоброжелательствовавшихъ мнѣ или не понявшихъ меня. Гаухъ принужденъ былъ самъ написать и напечатать статью обо мнѣ и моей литературной дѣятельности, чтобы показать, что онъ смотрѣлъ на меня совсѣмъ другими глазами.

Но возвратимся къ «*Импровизатору*». Это сочиненіе поставило меня снова на ноги, собрало около меня моихъ прежнихъ друзей, и доставило мнѣ еще новыхъ; тутъ въ первый разъ узналъ я сладость истиннаго, съ трудомъ добытаго торжества. Крузе перевелъ сочиненіе на нѣмецкій языкъ подъ длиннымъ названіемъ: «Юношеская жизнь и мечты итальянскаго поэта.» Мнѣ не нравились длина и вычурность названія, но онъ утверждалъ, что они не обходимы для того, чтобы возбудить любопытство. Баггеръ, какъ я сказалъ, написалъ первую рецензію моего романа; наконецъ, по прошествіи довольно значительнаго времени, явилась другая рецензія, нѣсколько полегче и повѣжливѣе тѣхъ, которыми меня подчивали обыкновенно, но все-таки написанная съ явнымъ стараніемъ обходить достоинства книги и напирать только на недостатки и пересчитывать ошибки въ правописаніи итальянскихъ словъ. Когда-же явилась знаменитая книга Николаи «Италія, какъ она есть,» поднялся общій говоръ, что вотъ теперь увидятъ, какую вѣру можно дать сочиненію Андерсена, потому что Николаи даетъ настоящее понятіе объ Италіи.

Изъ Германіи раздался первый голосъ, рѣшительно признавшій мой трудъ, прославившій его даже, можетъ быть, выше заслугъ. Я преклонялся передъ этимъ голосомъ, съ благодарностью и съ радостью больнаго, грѣющагося на солнцѣ; потому что сердце у меня благодарное, и я совсѣмъ не таковъ, какимъ представлялъ меня критикъ въ «Датскомъ ежемѣсячномъ литературномъ журналѣ», упрекавшій меня въ томъ, что будто-бы мой «*Импровизаторъ*» свидѣтельствуетъ о моей неблагодарности къ благодѣтелямъ; я самъ былъ бѣдный Антоніо, стонавшій подъ бременемъ

гоненія; я самъ испыталъ его скорбь и униженіе, питаясь чужимъ хлѣбомъ.

Нѣсколько времени спустя, раздалась мнѣ хвала и изъ Швеціи; шведскіе журналы очень выгодно отзывались о моемъ трудѣ, который, въ послѣдніе года, былъ также благопріятно принятъ въ Англіи, узнавшей его въ переводѣ извѣстной писательницы, Маріи Гоуитъ. Такъ-же посчастливилось ему, говорятъ, въ Голландіи и въ Россіи. Вездѣ, за границею, удостоился онъ самаго лестнаго вниманія.

Въ судѣ читающей публики есть сила, далеко превосходящая силу всѣхъ критикъ и журнальныхъ партій; я чувствовалъ, что судъ публики клонился въ мою пользу, и эта увѣренность возвращала мнѣ по временамъ прежнюю бодрость. Въ этомъ состояніи колебанія между веселостью и грустью написалъ я слѣдующій свой романъ «O. Z.», который въ Даніи многими признается за лучшее мое произведеніе, хотя самъ я не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Въ этомъ романѣ пытался я воспроизвести нѣкоторыя характеристическія черты городской жизни. Еще прежде романа «O. Z.» вышли въ свѣтъ первыя мои сказки; но здѣсь не мѣсто говорить о нихъ. Въ это время я чувствовалъ сильную потребность творить, и мнѣ казалось, что я нашелъ въ романѣ форму наиболѣе сродную моему таланту; въ слѣдующемъ же 1837 году, явился «*Только скрипачъ*», книга съ моей стороны столь же глубоко обдуманная, какъ свѣжо она вылилась въ нѣкоторыхъ частяхъ на бумагу. Я хотѣлъ показать въ ней, что талантъ не геній, и что когда его не пригрѣваетъ солнце счастія, онъ гибнетъ, но не гибнетъ болѣе высокая и могучая натура, геній. И эта книга была благосклонно принята публикою, но критика по прежнему не хотѣла ободрить меня своимъ отзывомъ, она словно забыла, что мальчикъ съ лѣтами становится мужемъ, и что можно пріобрѣтать знаніе иными путями, кромѣ обычнаго хожденія въ школу съ малолѣтства; она не могла отстать отъ своихъ старыхъ предубѣжденій. Когда печатался «O. Z.», одинъ профессоръ университета вызвался самъ, съ помощью двухъ другихъ образованныхъ лицъ, читать корректуры, листъ за листомъ; не смотря на то, критика не преминула объявить свой обычный приговоръ, что книга полна такихъ-же грамматическихъ ошибокъ и небрежностей, какъ и всѣ сочиненія Андерсена. Отчасти повредило, можетъ быть, моему роману, то обстоятельство, что въ одно время съ нимъ вышли «Повседневныя исторіи» Гейберга, книга написанная прекраснымъ языкомъ, полная вкуса и истины; самыя достоинства

ея, и имя Гейберга, бывшаго въ то время первымъ свѣтиломъ датской литературы, должны были бросить нѣкоторую тѣнь на всякое другое произведеніе.

Я достигъ уже по-крайней-мѣрѣ того, что никто уже не сомнѣвался въ моихъ поэтическихъ способностяхъ, въ которыхъ, передъ отъѣздомъ моимъ въ Италію, мнѣ совершенно отказывали. Однако ни одна датская рецензія не входила еще въ разборъ идей, введенныхъ мною въ мои романы и составлявшихъ ихъ отличительную черту; только по появленіи ихъ въ шведскихъ переводахъ, нѣсколько шведскихъ журналовъ стали глубже вникать въ дѣло и разсматривать мои труды серьезно и добросовѣстно. Тоже было и въ Германіи; отзывы нѣмецкой критики болѣе всего поддерживали мое мужество и поощряли меня къ дальнѣйшей дѣятельности. Только въ прошломъ году *, одинъ изъ писателей, имѣющихъ наиболѣе вѣсу въ Даніи, именно поэтъ Гаухъ, въ помянутой выше статьѣ, высказался вполнѣ насчетъ моихъ романовъ, и въ нѣсколькихъ чертахъ представилъ ихъ характеристику.

«Главное содержаніе лучшихъ и наиболѣе обдуманныхъ и развитыхъ сочиненій Андерсена, говоритъ онъ, тѣхъ его произведеній, въ которыхъ всего болѣе видно богатства фантазіи, глубины чувства, и истинно поэтической души, составляетъ борьба таланта, или вообще высокой, могучей натуры, стремящейся вырваться изъ низкаго, удручающаго положенія. Таково содержаніе его трехъ романовъ, и онъ въ этомъ случаѣ воспроизводитъ весьма любопытную и назидательную сторону жизни, внутренній міръ, котораго никто не можетъ знать лучше того, кто самъ испилъ горькую чашу страданій и лишеній, и вынесъ изъ опыта много тяжкихъ и глубокихъ чувствъ; внутренній міръ, весьма близкій тому, что авторъ самъ испыталъ и выстрадалъ, и въ изображеніи котораго, слѣдовательно, рука объ руку съ его творчествомъ идетъ память, — матерь музъ, какъ съ глубокимъ смысломъ называетъ ее древній миѳъ. И то, что онъ повѣствуетъ міру, заслуживаетъ внимательнаго слушанія и размышленія; потому что хотя онъ, съ одной стороны, представляетъ только внутреннюю жизнь одного лица, недѣлимаго, одного въ этой недѣлимой жизни, въ то же время, изображается обыкновенная участь таланта и генія, если судьба не дала ему богатства или хоть независимаго состоянія. Такимъ образомъ, представляя въ «*Импровиза-*

* Т. е. въ 1845 году.

торп», въ «O. Z.», и въ «*Скрипачѣ*», не только себя и свою индивидуальную жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелую борьбу, которую выдержали многіе, и которая знакома и ему, потому-что въ ней развилась его жизнь, авторъ не уноситъ насъ въ міръ фантазіи, вымысла, а изображаетъ дѣйствительность, и какъ изображеніе дѣйствительности, произведенія его должны имѣть всеобщій и непреходящій интересъ. Онъ возстаетъ не только за талантъ и геній, но и вообще за всѣхъ обиженныхъ, за всѣхъ несправедливо гонимыхъ и страждущихъ въ человѣчествѣ. А какъ онъ самъ испыталъ и глубоко прочувствовалъ эту тяжелую борьбу, въ которой Лаокооновы змѣи обвиваютъ и душатъ несчастнаго, силящагося выйти изъ подъ гнета судьбы, какъ онъ самъ долженъ былъ испить до дна всю чашу горечи, которую равнодушный и надменный свѣтъ часто подаетъ удрученному, то онъ могъ придать своей картинѣ истину и силу убѣжденія, раздирающій, трагическій пафосъ, которые не могутъ не оставить глубокаго впечатлѣнія въ сердцѣ, сострадающемъ человѣчеству.»

Такъ заговорилъ въ Даніи, по истеченіи девяти или десяти лѣтъ, голосъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ, изъ самыхъ благородныхъ дѣятелей ея литературы. Въ судѣ критики о моихъ сочиненіяхъ оправдалось правило, прилагаемое къ вину: чѣмъ долѣе оно стоитъ, тѣмъ оно вкуснѣе.

Въ томъ-же году, какъ вышелъ мой «*Скрипачъ*», то есть въ 1837, въ первый разъ посѣтилъ я Швецію; я поѣхалъ черезъ Гёта-каналъ въ Стокгольмъ. Въ то время еще не помышляли о томъ, что нынѣче называется скандинавскою симпатіею; старыя войны оставили между сосѣдями какое-то наслѣдственное взаимное недовѣріе; Датчане почти не знали шведской литературы, и имъ не приходило въ голову, что достаточно нѣкотораго упражненія, чтобы свободно понимать и читать по-шведски; мы знали только Тегнеровыхъ «*Фритіофа*» и «*Акселя*», и то въ переводахъ. Я читалъ, кромѣ того, нѣкоторыхъ другихъ шведскихъ писателей, и стихотворенія несчастнаго покойнаго Стагнеліуса производили на меня несравненно болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ сочиненія Тегнера, считавшагося представителемъ шведской поэзіи. До того времени я путешествовалъ только по Германіи и южнымъ странамъ, гдѣ, простившись съ Копенгагеномъ, я долженъ былъ вмѣстѣ проститься и съ роднымъ языкомъ; въ Швеціи, въ этомъ отношеніи, я былъ повсюду какъ на роднѣ; языки этихъ

двухъ странъ такъ близки между собою, что датчанинъ и шведъ могутъ вести бесѣду каждый на своемъ языкѣ и будутъ вполнѣ понимать другъ друга. Мнѣ, какъ датчанину, казалось, что я вовсе не выѣзжалъ изъ Даніи, но что моя родина съ каждымъ шагомъ разширялась передо мною; общія характеристическія черты трехъ народовъ представлялись мнѣ съ каждымъ днемъ разительнѣе и я болѣе и болѣе сознавалъ близкое родство Шведовъ, Датчанъ и Норвежцевъ. Я встрѣтилъ въ Швеціи много радушныхъ, откровенныхъ людей, а къ такимъ людямъ я скоро привязываюсь; однимъ словомъ, эту поѣздку въ Швецію я считаю однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и радостныхъ эпизодовъ моей жизни. Не зная еще шведской природы, я былъ сильно пораженъ и восхищенъ Трольгетскимъ каналомъ и живописнымъ положеніемъ Стокгольма. И въ самомъ дѣлѣ тому, кто самъ не видалъ этой картины, покажется сказкою, когда ему станутъ говорить, что пароходъ поднимается и опускается по водянымъ горамъ, образуемымъ цѣлыми рядами озеръ, и что пассажиръ видитъ подъ собою обширные сосновые и березовые лѣса; смѣлые шлюзы поднимаютъ и опускаютъ суда, между тѣмъ какъ путешественникъ совершаетъ свое странствіе среди дремучихъ лѣсовъ. Ни одинъ водопадъ въ Швейцаріи или въ Италіи, ни даже самый Тернійскій водопадъ, не можетъ сравниться въ величіи съ Трольгеттою; такое впечатлѣніе, по-крайней мѣрѣ, произвела она на меня.

Эта поѣздка, и именно проѣздъ черезъ Трольгетскіе шлюзы, ознаменованъ для меня очень пріятнымъ знакомствомъ, которое имѣло на меня сильное вліяніе: знакомствомъ съ шведскою писательницею Фредерикою Бремеръ. Я только, что говорилъ съ шкипероиъ и съ нѣкоторыми изъ пассажировъ о томъ, кто изъ шведскихъ писателей находился въ это время въ Стокгольмѣ, и изъявлялъ свое особенное желаніе видѣть госпожу Бремеръ и познакомиться съ нею. — «Ее-то вы не застанете, сказалъ шкиперъ; она въ настоящее время путешествуетъ по Норвегіи.» — «Она возвратится, пока я буду въ Стокгольмѣ, возразилъ я въ шутку; въ путешествіяхъ счастіе всегда балуетъ меня, и почти каждое мое желаніе исполняется.» — «Только это желаніе едва-ли исполнится!» сказалъ шкиперъ. Нѣсколько часовъ спустя, онъ пришелъ ко мнѣ съ улыбкою, держа въ рукахъ списокъ вновь прибывшихъ на пароходъ пассажировъ, и еще издали закричалъ мнѣ: — «Вы дѣйствительно баловень счастія; оно предупреждаетъ ваши желанія; госпожа Бремеръ на пароходѣ, и ѣдетъ съ

нами въ Стокгольмъ.» Я сначала принялъ это за шутку; шкиперъ показалъ мнѣ списокъ, но я все еще не хотѣлъ вѣрить, потому-что между вновь прибывшими лицами я не замѣчалъ ни одного, которое соотвѣтствовало бы моему понятію о писательницѣ. Насталъ вечеръ и къ полуночи мы вступили въ большое озеро, Веперъ. На зарѣ мнѣ вздумалось взглянуть на огромное озеро, котораго берега едва виднѣлись, и я вышелъ изъ каюты; въ одно время со мною взошла на палубу дама, не молодая, но и не старая, укутаная въ большой платокъ и въ салопъ. Я подумалъ, что если госпожа Бремеръ на пароходѣ, то это должна быть непремѣнно она, и заговорилъ съ нею. Она отвѣчала мнѣ учтиво, но холодно, и очевидно уклонялась отъ отвѣта на мой вопросъ, точно-ли она сочинительница знаменитыхъ романовъ. Наконецъ она спросила мое имя, и сказала, что оно ей знакомо, но откровенно созналась, что не читала моихъ сочиненій; потомъ спросила, нѣтъ ли у меня котораго либо изъ нихъ съ собою, и я далъ ей «*Импровизатора*», котораго я везъ одинъ экземпляръ, въ подарокъ Бескову. Она тотчасъ исчезла съ книгою и уже не являлась во все утро. Когда мы опять увидѣлись, лицо ея сіяло радостью и добродушіемъ; она дружески пожала мнѣ руку и сказала, что прочла почти всю первую часть и теперь знаетъ меня. Пароходъ несся быстро по озерамъ черезъ горы и лѣса, къ Балтійскому морю, на которомъ вдали, виднѣлся архипелагъ острововъ, представляющихъ всѣ возможныя степени и переходы отъ голыхъ скалъ до роскошныхъ пажитей, лѣсовъ и даже цвѣтущихъ деревень. По множеству подводныхъ камней и водоворотовъ и по быстротѣ теченія, здѣсь необходимъ хорошій и опытный лоцманъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣхъ пассажировъ просятъ сидѣть неподвижно на своихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ взоръ лоцмана устремленъ также неподвижно въ одну точку. Одно мгновеніе кажется, будто сила теченія овладѣваетъ пароходомъ, но почти въ то же мгновеніе отпускаетъ его, подчинясь силѣ человѣческаго искусства. Госпожа Бремеръ разсказывала различныя преданія и старинныя были, относившіяся къ тому или другому острову, къ той или другой мызѣ на берегу озера. Въ Стокгольмѣ наше знакомство продолжалось и потомъ упрочилось многолѣтнею постоянною перепискою. Это благородная, обширнаго ума женщина, которой душа глубоко проникнута высокими истинами религіи и поэзіею тихой, семейной жизни.

Только послѣ моей поѣздки въ Швецію стали выходить шведскіе переводы моихъ романовъ; до-тѣхъ-поръ только мои лири-

ческія стихотворенія и мое «*Пѣшеходное странствіе*» и были извѣстны нѣкоторымъ изъ шведскихъ литераторовъ. Эти литераторы приняли меня съ самымъ трогательнымъ радушіемъ, а покойный Дальгренъ, извѣстный своими юмористическими стихотвореніями, написалъ въ честь мнѣ пѣсню. Однимъ словомъ я повсюду встрѣчалъ восхитительное гостепріимство и привѣтливыя лица, и искренно полюбилъ Швецію и ея жителей. Самый городъ, по моему мнѣнію, можетъ состязаться въ живописности своего положенія съ Неаполемъ; конечно послѣдній имѣетъ на своей сторонѣ преимущества климата и южнаго неба, но видъ Стокгольма пожалуй еще величественнѣе; онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Константинополемъ, когда смотрѣть на него изъ Перы; не достаетъ только минаретовъ. Столица Швеціи представляетъ чрезвычайное пріятное разнообразіе красокъ: красные деревянные дома, шалаши, покрытые дерномъ и кустарниками въ цвѣту, сосны и березы выглядываютъ между выбѣленными каменными строеніями и церквами съ куполами и колокольнями; улицы по Зедермальму восходятъ деревянными лѣстницами отъ Меларскаго озера, усѣяннаго дымящимися пароходами и лодками, которыми правятъ женщины въ пестрыхъ нарядахъ.

Эрстедъ далъ мнѣ письмо къ знаменитому химику Берцеліусу, который приготовилъ мнѣ самый лестный пріемъ въ старинной Упсалѣ. Погостивъ у него, я возвратился въ Стокгольмъ; городъ и вся сторона съ ея народомъ полюбились мнѣ; мнѣ казалось, что предѣлы моего отечества раздвинулись передо мною, и душа моя была исполнена одного чувства, — чувства родства трехъ націй. Въ этомъ настроеніи мыслей написалъ я «*Скандинавскую пѣснь*», въ честь тремъ братьямъ народамъ, прославляя особенности и похвальныя черты каждаго изъ нихъ. — «Видно, что Шведы носили его на рукахъ!» вотъ первый отзывъ, который я услышалъ на родинѣ по поводу этой пѣсни. Прошли годы, сосѣди лучше познакомились другъ съ другомъ, Эленшлегеръ, Фредерика Бремеръ и Тегнеръ, каждый съ своей стороны, пробудили въ своихъ соотечественникахъ любовь къ литературѣ соплеменныхъ народовъ, и послѣдніе слѣды старой вражды, происходившей только отъ незнанія другъ друга, исчезли. Нынѣ Шведы и Датчане соединены искреннимъ братствомъ. Въ Копенгагенѣ учредилось Скандинавское литературное общество; моя скандинавская пѣснь вошла въ честь, и о ней стали говорить, что она переживетъ все, что написалъ Андерсенъ. Такой отзывъ, конечно, такъ-же не-

справедливъ, какъ и мнѣніе, приписывавшее его происхожденіе восхищенному лестью самолюбію. Какъ-бы то ни было, но теперь эта пѣснь поется по всей Даніи и Швеціи.

По возвращеніи въ Данію, я принялся усердно изучать исторію и знакомиться съ иностранными литературами. Но книга, которая всего болѣе привлекала меня, была книга природы, и мои лѣтнія пребыванія въ Фюпенскихъ помѣстьяхъ, особенно въ романическомъ, теряющемся въ глуши дремучихъ лѣсовъ, Люкесгольмѣ и въ графскомъ помѣстьѣ Глорупѣ, которыхъ владѣтели принимали меня почти какъ роднаго, я научился несравненно большему, въ своихъ одинокихъ прогулкахъ, чѣмъ могъ бы научиться изъ книгъ. Въ Копенгагенѣ, домъ Коллина былъ мнѣ тогда, какъ и прежде и послѣ, роднымъ домомъ; тутъ у меня были вторые родители, братья и сестры. Мнѣ было открыто самое знатное общество, но гораздо болѣе занимала меня студенческая жизнь; я роднился со всѣми стремленіями и помыслами юношества. Впрочемъ жизнь Копенгагенскихъ студентовъ вовсе не похожа на жизнь студентовъ нѣмецкихъ; въ то время, особенно, была она въ высшей степени своеобразна и оживлена. Тутъ получались журналы и новыя книги на разныхъ языкахъ, и каждую недѣлю кто либо ихъ молодыхъ писателей читалъ свое новѣйшее сочиненіе; иногда устроивался концертъ или шутливое драматическое представленіе. Въ этихъ собраніяхъ возникли, такъ сказать, первыя датскія народныя комедіи; для содержанія ихъ брали городскія происшествія и вѣсти, которыя представлялись безъ всякой злобы, но всегда остроумно и забавно. Иногда на эти представленія приглашались посторонніе зрители и дамы, за небольшую плату въ пользу благотворительныхъ и другихъ цѣлей; такъ, въ послѣднее время, давались представленія для пополненія Торвальдсенова музея, для исполненія изъ мрамора статуй Биссена, назначенныхъ университету, и для подобныхъ цѣлей. Студенты дѣлили между собою роли; я также участвовалъ нѣсколько разъ въ представленіяхъ, и убѣдился, что если у меня были какія-либо способности къ сценѣ, то онѣ далеко уступали моей робости явиться передъ публикою. Кромѣ того, я писалъ и передѣлывалъ пьесы для этихъ представленій. Нѣкоторыя черты этой жизни представилъ я въ своемъ романѣ «O. Z.» Веселость и радостный взглядъ на жизнь, проявляющіяся въ нѣкоторыхъ частяхъ этой книги и въ драматическихъ сочиненіяхъ, написанныхъ мною въ это время, я почерпалъ въ домѣ Коллина,

гдѣ всѣ старались развивать во мнѣ это направленіе, чтобы противодѣйствовать меланхоліи и разочарованію, которыя грозились овладѣть моею душою. Старшая замужняя дочь Коллина имѣла особенно сильное вліяніе на меня своею веселостью и своимъ бойкимъ, оригинальнымъ и острымъ умомъ; когда душа мягка и упруга, какъ поверхность моря, она равно отражаетъ все окружающее ее.

Мои сочиненія принадлежали въ Даніи къ тѣмъ книгамъ, которыя паиболѣе читались и раскупались; по этому каждый новый романъ доставлялъ мнѣ бо̀льшее вознагражденіе; однако, когда принять въ соображеніе, какъ ограничено число читателей для датской литературы, очевидно, что это вознагражденіе не могло быть очень значительно; а между тѣмъ, я долженъ былъ этимъ жить. Коллинъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые гораздо болѣе дѣлаютъ, чѣмъ обѣщаютъ, помогалъ мнѣ, утѣшалъ меня, былъ моею единственною опорою.

Въ это время первымъ министромъ въ Даніи былъ покойный графъ Конрадъ Фонъ-Ранцау-Брейтенбургъ, родомъ изъ Гольштейна, человѣкъ благородной, возвышенной души, обширнаго ума и рѣдкой образованности. Онъ съ любовью слѣдилъ за ходомъ нѣмецкой и датской литературы, въ молодости много путешествовалъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи и въ Испаніи. Онъ прочелъ моего «*Импровизатора*» въ оригиналѣ, былъ восхищенъ имъ, и сталъ усердно говорить въ пользу этой книги при дворѣ и въ обществѣ. Этимъ онъ не ограничился; онъ рѣшился быть мнѣ благодѣтелемъ и другомъ. Однажды утромъ я сидѣлъ въ своей одинокой комнаткѣ, когда онъ пришелъ ко мнѣ въ первый разъ; есть люди, которыхъ одинъ взглядъ внушаетъ вамъ неограниченное довѣріе, и онъ былъ изъ числа такихъ людей; онъ пригласилъ меня посѣщать его, и прямо спросилъ меня, не можетъ-ли онъ въ чемъ либо быть мнѣ полезенъ. Я представилъ ему, какъ тягостно быть принужденнымъ писать для своего пропитанія, безпрестанно заботиться о завтрашнемъ днѣ, и не имѣть возможности развиваться и дѣйствовать на просторѣ. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку и обѣщалъ быть мнѣ дѣятельнымъ другомъ и ходатаемъ; безъ сомнѣнія, Коллинъ и Эрстедъ втайнѣ присоединились къ нему, чтобы дѣйствовать въ мою пользу.

Съ давняго уже времени, при королѣ Фридрихѣ VI, заведено благодѣтельное обыкновеніе. Кромѣ значительной суммы, которая

ежегодно раздается въ видѣ пособій на путешествіе молодымъ ученымъ, литераторамъ и художникамъ, положено давать постоянное содержаніе тѣмъ изъ нихъ, которые не занимаютъ должностей, доставляющихъ имъ достаточныя средства къ жизни. Такимъ пособіемъ пользовались всѣ наши значительнѣйшіе поэты: Эленшлегеръ, Ингеманъ, Гейбергъ, К. Винтеръ и многіе другіе. Такая же пенсія была, только что передъ тѣмъ, назначена Герцу, и онъ былъ обезпеченъ на будущее время; я только того и желалъ, чтобы и мнѣ выпало такое же счастіе, и мое желаніе исполнилось. Фридрихъ VI пожаловалъ мнѣ на будущее время ежегодную пенсію въ двѣсти спецій. Сердце мое наполнилось радостью и благодарностью; я былъ избавленъ отъ необходимости писать для прокормленія себя, обезпеченъ на случай болѣзни, поставленъ въ нѣкоторую независимость отъ людей. Съ этого происшествія начинается новый отдѣлъ въ моей жизни.

—

ГЛАВА VI.

Съ этого дня, словно взошло надо мною безсмѣнное солнце. Въ душѣ моей стало такъ спокойно, такъ свѣтло; обращая взоръ на свое прошедшее, я сталъ понимать, что благое Провидѣніе всегда пеклось обо мнѣ, что оно вело меня непсповѣдимыми путями; а чѣмъ тверже это убѣжденіе въ сердцѣ человѣка, тѣмъ спокойнѣе становится въ его душѣ, тѣмъ съ большею увѣренностью смотритъ онъ въ будущее. Дѣтство для меня прошло, и въ это время собственно начиналась молодость; до тѣхъ поръ жизнь моя была только труднымъ плаваніемъ противъ теченія. Наступила весна моей жизни; но и весна должна выдержать свои пасмурные дни, свои бури, до водворенія яснаго лѣта; они должны развивать то, чему назначено созрѣть.

Слова, писанныя мнѣ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей, въ одну изъ моихъ послѣдующихъ поѣздокъ за-границу, могутъ служить введеніемъ тому, что я намѣренъ разсказывать. «Одно ваше пылкое воображеніе, писалъ онъ, создаетъ себѣ убѣжденіе, будто васъ въ Даніи презираютъ; это чистая ложь! Вы съ Даніею живете душа въ душу, и жили бы еще согласнѣе, не будь въ Да-

нiи театра; hinc illae lacrimae! Но развѣ этотъ проклятый театръ —Данiя, а вы развѣ только поставщикъ театральныхъ пьесъ?» Въ этихъ словахъ очень много правды; театръ былъ тѣмъ адомъ, изъ котораго возникли почти всѣ бури надо мною. Театральное племя въ Копенгагенѣ — особое племя, столько же непохожее на другiя племена, какъ бедуинъ непохожъ на нѣмца; отъ послѣдняго статиста до перваго любовника, каждый кладетъ на одну тарелку вѣсовъ себя самого, а на другую весь остальной міръ. Датскiй театръ очень хорошъ; онъ можетъ даже смѣло стать рядомъ съ Вѣнскимъ городскимъ театромъ; но театръ въ Копенгагенѣ играетъ слишкомъ большую роль въ обществѣ, имѣетъ слишкомъ большое вліянiе во всѣхъ кругахъ. Я недовольно знаю театры и драматическихъ артистовъ другихъ большихъ городовъ, чтобы сравнивать ихъ съ нашимъ театромъ; но знаю, что въ управленiи нашего недовольно дисциплины, а дисциплина первое, самое необходимое условiе тамъ, гдѣ множество отдѣльныхъ лицъ должны образовать одно цѣлое, хотя бы назначенiе этого цѣлаго было чисто художественное. Самымъ извѣстнымъ и даровитымъ драматическимъ писателямъ мученiе съ датскимъ театромъ, — то есть съ Копенгагенскимъ, потому что въ Данiи одинъ только театръ. Артисты и артистки, которые, по таланту ли или по благосклонности публики, прослыли первыми, часто ставятъ себя выше дирекцiи и автора; такъ что авторъ долженъ быть ихъ покорнѣйшимъ слугою, долженъ всячески домогаться ихъ милости, потому что въ противномъ случаѣ, они при первомъ удобномъ случаѣ могутъ испортить роль, или, — что еще хуже, — передъ самымъ представленiемъ пьесы распустить въ публикѣ невыгодное о ней мнѣнiе; и въ кофейныхъ образуется приговоръ критики, когда никто не знаетъ еще осуждаемаго сочиненiя. Характеристическая также черта въ Копенгагенской публикѣ, что при объявленiи новой пьесы, никто ей не радуется, а напротивъ всѣ говорятъ въ одинъ голосъ: «Опять какая нибудь дрянь! не будутъ ли свистать?» Свистки играютъ очень важную роль; это своего роду потѣха, привлекающая огромное число зрителей; но не плохаго актера освистываютъ; эта казнь опредѣлена только для несчастнаго автора или композитора.

А между тѣмъ театръ, въ матерiяльномъ отношенiи, представляетъ самое выгодное поприще для датскаго писателя, котораго кругъ читателей почти не выходитъ изъ предѣловъ его отечества.

Это побудило меня писать оперныя либретто, о которыхъ я упоминалъ въ другомъ мѣстѣ, и за которыя мнѣ такъ досталось отъ критики; потомъ любовь къ театру побудила меня предпринять нѣсколько новыхъ трудовъ. Коллинъ, въ это время, не былъ уже директоромъ театра; мѣсто его занялъ Мольбехъ, и съ нимъ начались притѣсненія, доходившія иногда до смѣшнаго. Весьма любопытно было бы, я думаю, посмотрѣть журналъ, веденный театромъ за все время управленія Мольбеха, и въ которомъ хранятся, для назиданія будущихъ поколѣній, его отзывы объ отверженныхъ имъ пьесахъ. Особенно безпощаденъ былъ онъ для всѣхъ моихъ сочиненій; если я хотѣлъ видѣть свои пьесы на театрѣ, то мнѣ оставался одинъ только путь: подарить ихъ тѣмъ изъ актеровъ, которые давали лѣтомъ представленія на собственный счетъ. Лѣтомъ 1839 года написалъ я декораціи другой, упавшей пьесы, водевиль «*Невидимка на островѣ Спрогэ*;» забавность интриги и разгульная веселость доставили пьесѣ такой благосклонный пріемъ отъ публики, что дирекція рѣшилась взять ее, и этотъ легко набросанный трудъ донынѣ является на сценѣ и выдержалъ такое число представленій, о какомъ я никогда не мечталъ.

Этотъ успѣхъ, однако, не доставилъ мнѣ другой пользы, потому что всѣ послѣдніе мои драматическіе труды были по прежнему отвергаемы дирекціею, и порождали только досаду и непріятности. Не смотря на то, восхищенный французскою повѣстушкою «Les Epaves», я задумалъ обратить ее въ драму, а какъ меня безпрестанно упрекали въ недостаткѣ терпѣнія, не дозволявшемъ мнѣ, будто бы, разработывать избранную тему съ равнымъ стараніемъ во всѣхъ ея частяхъ, то я рѣшился отдѣлать свою новую драму «*Мулата*» со всевозможною тщательностію, и написать ее всю въ рифмованныхъ на крестъ стихахъ, которые были тогда въ большомъ ходу. Содержаніе было заимствованное; но если можно назвать стихи музыкою, то я старался положить заимствованный текстъ на свою музыку, обратить, такъ сказать, чужой вымыселъ въ свою кровь и плоть. Такимъ образомъ, думалъ я, нельзя будетъ говорить, что говорили прежде о моихъ пьесахъ изъ Вальтеръ-Скоттовыхъ романовъ, что я перекраиваю и уродую для театра произведенія великихъ поэтовъ. Когда пьеса была кончена, я прочелъ ее нѣсколькимъ знающимъ людямъ, друзьямъ и тѣмъ изъ артистовъ, которые должны были въ ней играть. Всѣ они признали драму очень хорошею; въ ней было занимательное и драматическое дѣйствіе, а стихъ придалъ ей

также свѣжесть и поэтичность, что всѣ остались ею вполнѣ довольны, кромѣ одного Мольбеха, который отказалъ ее, какъ и всѣ прежнія мои произведенія. Впрочемъ, опытъ уже показалъ, что то, что онъ выбиралъ для сцены, падало съ перваго же представленія, тогда какъ между отверженными имъ произведеніями было много явленій, достойныхъ другой участи; это могло служить мнѣ утѣшеніемъ. Помощникъ директора, Адлеръ, человѣкъ образованный и со вкусомъ, вступился за мою пьесу; а какъ многія лица, которымъ я читалъ ее, распространили въ публикѣ выгодное о ней мнѣніе, то она была, наконецъ, назначена къ представленію. Я имѣлъ честь читать ее нынѣ царствующимъ королю и королевѣ, которые выслушали ее очень милостиво и съ тѣхъ поръ неоднократно доказывали мнѣ свою благосклонность. Наступилъ наконецъ и день представленія; повсюду были развѣшаны объявленія; я не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь въ безпокойномъ ожиданіи своей участи; толпы народа тѣснились уже передъ театромъ, ожидая раздачи билетовъ, — какъ вдругъ курьеры понеслись по всѣмъ улицамъ, повсюду стали образовываться озабоченныя группы, и печальная вѣсть разнеслась по городу, что въ это самое утро король Фридрихъ VI скончался.

Театръ былъ закрытъ на два мѣсяца, и открылся снова уже въ царствованіе Христіана VIII, первымъ представленіемъ моей драмы «*Мулатъ*», которая была принята съ самымъ шумнымъ восторгомъ; я, однако, не могу сказать, чтобы этотъ успѣхъ очень меня радовалъ; у меня только отлегло отъ сердца, я вздохнулъ свободнѣе. Драма выдержала съ равнымъ успѣхомъ довольно значительное число представленій; многіе ставили ее несравненно выше всего, что я писалъ до того времени, и утверждали, что только съ нея собственно начиналось мое поэтическое поприще. Почти немедленно была она переведена на шведскій языкъ и представлена съ большимъ успѣхомъ на королевскомъ театрѣ въ Стокгольмѣ; нѣкоторые актеры, находясь въ отпуску, давали ее на провинціальныхъ театрахъ Швеціи; одна датская труппа играла ее даже на датскомъ языкѣ въ шведскомъ городѣ Мальмэ, и студенты Лундскаго университета приняли ее съ энтузіазмомъ. За недѣлю передъ тѣмъ я былъ въ гостяхъ въ нѣкоторыхъ шведскихъ помѣстьяхъ, гдѣ встрѣтилъ такой пріемъ, что память его никогда не изгладится изъ моего сердца. Въ Швеціи удостоился я первой публичной почести, которая произвела на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Нѣкоторые ученые и

студенты Лундскаго университета пригласили меня посѣтить ихъ старинный городъ и дали мнѣ большой обѣдъ, на которомъ были произнесены рѣчи и предложены заздравные тосты. Вечеромъ того же дня, находясь въ одномъ знакомомъ домѣ, я узналъ, что студенты намѣрены дать мнѣ серенаду. Это извѣстіе поразило меня до глубины души; и сердце мое крѣпко забилось, когда я увидѣлъ толпу молодыхъ людей, въ синихъ фуражкахъ, приближавшихся попарно къ дому. Глубокое смиреніе, живое сознаніе моихъ недостатковъ, овладѣвали мною при видѣ оказываемыхъ почестей, эти почести давили меня, и когда я вышелъ, и вся толпа сняла шапки, я долженъ былъ призвать на помощь всю силу своей воли, чтобы не заплакать. Чувствуя, какъ мало я заслуживалъ такихъ изъявленій почтенія, я невольно обводилъ взоромъ все собраніе, ожидая встрѣтить на чьихъ-либо устахъ язвительную усмѣшку; такая усмѣшка въ эту минуту нанесла-бы кровавую, неисцѣлимую рану моей душѣ. Однако-же я нигдѣ не встрѣтилъ ни малѣйшаго признака насмѣшки. Послѣ продолжительнаго ура, была произнесена рѣчь, изъ которой я запомнилъ только слѣдующія слова: «Когда ваше отечество и вся Европа будетъ привѣтствовать и чествть васъ, не забывайте, что первые привѣтствовали васъ — Лундскіе студенты.» Когда сердце полно, словъ не взвѣшиваютъ; я отвѣчалъ, что съ этой минуты я понимаю, какое громкое имя я обязанъ себѣ составить, чтобы оправдать оказываемую мнѣ честь. За тѣмъ я пожалъ руки стоявшимъ около меня и благодарилъ ихъ такъ искренно, такъ чистосердечно, что могу смѣло сказать, что никакое сердце никогда не бывало такъ глубоко проникнуто благодарностью, какъ мое сердце въ это мгновеніе. Когда я возвратился въ комнату, я принужденъ былъ отойдти въ уголъ, чтобы облегчить чрезмѣрное напряженіе чувствъ слезами. — «Не думайте объ этомъ, забудьте все и веселитесь съ нами», говорили мнѣ мои веселые и добрые друзья; но душа моя не могла такъ легко освободиться отъ овладѣвшаго ею чувства. Часто вспоминаю я объ этомъ часѣ; и убѣжденъ, что ни одинъ благородный человѣкъ, читая эти строки, не припишетъ тщеславію удовольствія, съ которымъ я останавливаюсь на этомъ эпизодѣ моей жизни; потому что онъ могъ скорѣе смирить гордость, чѣмъ развить ее. — Студенты хотѣли непремѣнно видѣть мою драму, и она долженствовала черезъ нѣсколько дней быть исполнена въ Мальмэ; но я поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ, чтобы не быть въ театрѣ при ея представленіи. Съ благодарностью и умиленіемъ переношусь я иногда мысленно въ

Лундъ и его университетъ, хотя мнѣ не удавалось съ тѣхъ-поръ, быть въ этомъ городѣ. Шведскіе журналы, давая отчетъ объ оказанныхъ мнѣ почестяхъ, присоединили, что имъ извѣстны гоненія и оскорбленія, которымъ я подвергался отъ одной партіи въ отечествѣ, но что это никогда не воспрепятствуетъ сосѣдямъ изъявлять мнѣ почтеніе, котораго они признаютъ меня достойнымъ.

Возвратившись въ Копенгагенъ, я еще сильнѣе почувствовалъ цѣну радушнаго пріема, сдѣланнаго мнѣ въ Швеціи. Старые непоколебимые друзья мои встрѣтили меня съ живымъ участіемъ, радовались моему торжеству, а еще болѣе, говорили они, скромностью, съ какою я принялъ почести; я, впрочемъ, не могъ принять ихъ иначе, потому что въ радости я умѣю только обращаться съ благодарностью и умиленіемъ къ Богу. Но нѣкоторыя лица съ злобною улыбкою отзывались объ энтузіазмѣ шведовъ; и отъ времени до времени начинали возвышаться голоса противъ моего «*Мулата*», упрекая меня въ заимствованіи сюжета изъ Французской повѣсти. Предшествовавшая чрезмѣрная хвала, сдѣлала меня чувствительнымъ къ осужденію; я не могъ уже переносить его съ прежнею покорностью, да и яснѣе видѣлъ, что оно проистекало не изъ убѣжденія и любви къ искусству, а единственно изъ желанія досадить мнѣ. Впрочемъ состояніе моей души въ это время было свѣжо и упруго; въ это время задумалъ я свою «*Книжку картинъ безъ картинокъ.*» Эта книжечка, если судить по журнальнымъ отзывамъ и по числу изданій, имѣла большой успѣхъ въ Германіи; она была также переведена на шведскій языкъ и переводъ посвященъ мнѣ; въ Даніи на нее менѣе обратили вниманія, а продолжали по прежнему говорить о «*Мулатѣ*»; да и о немъ всѣ сужденія скоро стали ограничиваться тѣмъ, что содержаніе его заимствовано. Въ отвѣтъ на эти сужденія, я рѣшился написать новое драматическое сочиненіе, въ которомъ сюжетъ, планъ, развитіе, все было бы мое собственное; у меня былъ уже на примѣтѣ сюжетъ, и я написалъ трагедію «*Мавританка.*» Я надѣялся этимъ произведеніемъ зажать рты недоброжелателямъ и стать твердою ногою въ числѣ датскихъ драматическихъ писателей. Сверхъ того я расчитывалъ, что выручка отъ этой пьесы, вмѣстѣ съ тѣмъ, что я получилъ отъ «*Мулата*», доставитъ мнѣ средства предпринять новое путешествіе, уже не въ одну Италію, но и въ Грецію и Турцію. Первое мое путешествіе болѣе всего способствовало моему умственному развитію, и поселило

во мнѣ охоту къ путешествіямъ, и желаніе лучше изучить природу и людей.

Моя новая пьеса, и вообще мое вступленіе на поприще драматической литературы, не понравились Гейбергу; жена его, которой я назначалъ главную роль, отказалась отъ нея въ довольно невѣжливыхъ выраженіяхъ. Это оскорбило меня, и я горько жаловался нѣкоторымъ своимъ знакомымъ. Не знаю были-ли мои слова переданы Гейбергу и его женѣ, или малѣйшій ропотъ на любимицу публики считается преступленіемъ, но съ этого времени Гейбергъ сталъ мнѣ врагомъ, — Гейбергъ, котораго дарованіе я такъ высоко цѣнилъ, съ которымъ я такъ желалъ и даже не разъ пытался сойдтись со всѣмъ свойственнымъ мнѣ чистосердечіемъ. Я всегда признавалъ его жену великою артисткою, и даже теперь не поколеблюсь сказать, что она стяжала-бы европейскую славу, еслибъ датскій языкъ былъ такъ же распространенъ, какъ французскій или нѣмецкій; въ трагедіи она въ высшей степени замѣчательна по уму и оригинальности, съ какими она схватываетъ и передаетъ роль, а въ комедіи она рѣшительно неподражаема.

Былъ ли я самъ чѣмъ виноватъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ противъ меня дѣйствовала сильная партія: безпрестанныя непріятности оскорбляли и раздражали меня, пребываніе въ отечествѣ опротивѣло мнѣ, душевная скорбь почти обратилась въ физическую болѣзнь: я бросилъ свою пьесу на произволъ судьбы и сталъ спѣшить отъѣздомъ. Въ такомъ состояніи написалъ я предисловіе къ «*Мавритянкѣ*», въ которой слишкомъ проглядываетъ болѣзненная раздражительность. Чтобы яснѣе и нагляднѣе представить этотъ непріятный періодъ моей жизни, надлежало-бы раскрыть разныя театральныя тайны, и происки нашихъ литературныхъ партій и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, которыя я не считаю себя въ правѣ разглашать. Многіе другіе, на моемъ мѣстѣ, подобно мнѣ заболѣли бы тѣломъ и душою, или разразились-бы гнѣвомъ; второе, пожалуй, было-бы благоразумнѣе.

Передъ моимъ отъѣздомъ, нѣсколько молодыхъ друзей и студентовъ дали мнѣ праздникъ; въ числѣ старыхъ друзей, участвовавшихъ въ немъ, были Коллинъ, Эленшлегеръ и Эрстедъ. Это былъ лучъ солнца среди моего горя; меня проводили пѣснями Эленшлегера и Гиллеруна; дружба напутствовала мнѣ въ то время, какъ я печально покидалъ родину. Это было въ октябрѣ 1840 года.

Я отправился въ Италію, а оттуда въ Грецію и въ Константинополь. Это путешествіе я описалъ въ «*Базарѣ поэта.*»

Нѣсколько дней пробылъ я въ Гольштейнѣ, у графа фонъ Рантцау Брейтенбурга, который давно уже звалъ меня погостить въ его прадѣдовскомъ замкѣ. Тутъ я познакомился съ богатою гольштейнскою природою, съ гольштейнскими пажитями и болотами, и потомъ отправился черезъ Нюрнбергъ въ Мюнхенъ, гдѣ увидѣлся опять съ Корнеліусомъ и Шеллингомъ, и познакомился съ Каульбахомъ и Штилеромъ; всѣ встрѣчали меня съ радушіемъ и участіемъ старыхъ друзей. Въ Мюнхенѣ взглянулъ я на жизнь тамошнихъ художниковъ, но только мелькомъ; большею частью я одиноко шелъ своимъ путемъ въ жизни, иногда наслаждаясь бытіемъ и мыслью, но чаще отчаяваясь въ своихъ силахъ и способностяхъ. Я имѣлъ несчастную склонность останавливать взоръ преимущественно на мрачной сторонѣ жизни, отыскивать въ ней все горькое и упиваться имъ; однимъ словомъ, я умѣлъ, какъ нельзя лучше мучять самъ себя.

Въ началѣ зимы я переправился черезъ Бреннеръ, пробылъ нѣсколько дней во Флоренціи, которую я уже достаточно видѣлъ въ первое свое путешествіе, и къ празднику Рождества пріѣхалъ въ Римъ. Я опять осмотрѣлъ сокровища искусства, собранныя въ его музеяхъ, увидѣлся съ старыми друзьями, провелъ тутъ опять карнавалъ и *мекколи.* Но не я одинъ былъ болепъ; сама природа, казалось мнѣ, была въ такомъ же болѣзненномъ состояніи; я не находилъ въ ней того спокойствія, той полноты жизни какъ въ первое свое пребываніе въ Римѣ. Землетрясеніе колебало почву; Тибръ выступилъ изъ береговъ и залилъ улицы; горячки и зловредныя лихорадки свирѣпствовали повсюду, и похищали множество людей; князь Боргезе, въ нѣсколько дней лишился жены и трехъ сыновей. Дождь и вѣтеръ почти не прекращались. Все это наводило на меня страшную тоску, а съ родины я получалъ только печальныя извѣстія. Мнѣ писали, что «*Мавританка*» была представлена и выдержала нѣсколько представленій довольно благополучно, но привлекала очень небольшое число зрителей, такъ что дирекція рѣшилась совершенно отложить ее въ архивъ. Въ другихъ письмахъ изъ Копенгагена, которыя получали мои соотечественники, бывшіе въ Римѣ, говорилось съ восторгомъ о новомъ сочиненіи Гейберга, о сатирѣ «*Душа умершаго*», которая, говорили, кружила голову всему Копенгагену, и въ которой «Андерсенъ отдѣланъ самымъ отмѣннымъ образомъ.» Книга отличная и я въ ней осмѣянъ: вотъ все, что я могъ уз-

нать; никто не могъ или не хотѣлъ сказать мнѣ, что именно говорилось въ ней обо мнѣ, и чѣмъ она была такъ забавна и смѣшна. А ничего не можетъ быть досаднѣе и тягостнѣе, какъ знать, что насъ осмѣиваютъ, и не знать за что именно. Это извѣстіе дѣйствовало на меня, словно-бы мнѣ пускали по каплямъ топленый свинецъ въ рану. Только по возвращеніи на родину прочелъ я книгу, и нашелъ, что во всемъ сказанномъ въ ней не было ничего такого, что стоило-бы принимать такъ горячо къ сердцу. Авторъ подшучивалъ надъ моею извѣстностью, «отъ ласки до пинковъ», которая колола глаза Гейбергу. Это была самая остроумная вещь во всей книгѣ; впрочемъ вся книга была написана такъ хорошо, что я готовъ былъ написать благодарственное письмо къ Гейбергу; но выспавшись послѣ прочтенія книги, и обдумавъ на слѣдующее утро хладнокровнѣе свое намѣреніе, я отказался отъ него, боясь, чтобы моя благодарность не была какъ-нибудь не истолкована.

Въ Римѣ, какъ я уже говорилъ, я не видалъ самой книги, слышалъ только, какъ визгнула стрѣла, чувствовалъ боль отъ нанесенной раны, но не зналъ скрытаго въ ней яду. Римъ былъ для меня несчастнымъ городомъ; и первое мое посѣщеніе было мрачною, горькою эпохою въ моей жизни. Теперь-же, сверхъ того я былъ боленъ, рѣшительно боленъ тѣломъ въ первый разъ въ жизни, и спѣшилъ выѣхать.

Въ Римѣ находился въ это время датскій поэтъ Гольстъ, получившій въ этомъ году пособіе на путешествіе. Онъ написалъ элегію на смерть короля Фридриха VI, и это стихотвореніе ходило по всѣмъ рукамъ, возбуждая повсюду почти такой же энтузіазмъ, какое въ то-же самое время возбуждала въ Германіи Бекрова «Пѣсня о Рейнѣ.» Въ Римѣ онъ жилъ въ одномъ домѣ со мною, и принялъ живое участіе въ моемъ горѣ. Съ нимъ поѣхалъ я въ Неаполь, гдѣ весна еще не устанавливалась, и снѣгъ лежалъ еще по окрестнымъ горамъ, не смотря на то, что это было уже въ мартѣ мѣсяцѣ. Лихорадка не покидала меня; я страдалъ душою и тѣломъ, и скоро заболѣлъ не на шутку, такъ что только немедленное кровопусканіе, на которое уговорилъ меня мой неаполитанскій хозяинъ, спасло мою жизнь.

Въ нѣсколько дней здоровье мое значительно поправилось, такъ что я могъ уже сѣсть на французскій военный пароходъ и отправиться изъ Неаполя въ Грецію; Гольстъ проводилъ меня на пароходъ. Я чувствовалъ, что для меня наступаетъ заря новой жизни, и это дѣйствительно сбылось; если оно не отражается въ

моихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, то по крайней-мѣрѣ ясно отразилось въ моемъ взглядѣ на жизнь и во всемъ моемъ духовномъ развитіи. По мѣрѣ того, какъ я оставлялъ за собою Европу, мнѣ казалось, будто потокъ забвенія увлекалъ всѣ горькія и тяжелыя воспоминанія; здоровье возвращалось моему тѣлу, мысля становились свѣжѣе, и голова бодрѣе.

Какъ другая Швейцарія, лежала передо мною Греція, съ еще болѣе высокимъ и яснымъ небомъ, чѣмъ небо Италіи; новая природа производила на меня глубокое впечатлѣніе, наводила думу; я чувствовалъ, что стою на великомъ, міровомъ урочищѣ, гдѣ жили, боролись и погибли великіе народы. Небольшое стихотвореніе не можетъ обнять этого величія; каждый высокій ручей, каждый холмъ, каждый камень повѣствуютъ цѣлый рядъ событій; какъ ничтожны передъ такими мѣстами мелкіе ухабы повседневной жизни. Мысли роились въ моей головѣ въ такомъ изобиліи, что я не могъ уловить ихъ, чтобы передать бумагѣ. Уже болѣе году носилась въ моемъ воображеніи мысль объ этой поэмѣ, и не разъ подобно искателю кладовъ, думалъ я уже, что кладъ въ моихъ рукахъ, но онъ мгновенно вырывался изъ моихъ рукъ, и я начиналъ сомнѣваться, чтобы мнѣ когда-либо совладѣть съ нимъ. Я чувствовалъ, какую массу знанія мнѣ надлежало предварительно пріобрѣсти, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ науки. Сколько разъ, слыша дѣлаемые мнѣ на родинѣ упреки въ недостаткѣ знанія, я просиживалъ по цѣлымъ ночамъ надъ Исторіею или Гегелевою Философіею Исторіи. Никому не говорилъ я объ этомъ, зная, что мнѣ тотчасъ заговорили бы о другихъ предметахъ ученія, какъ, напримѣръ, однажды, одна ученая дама, замѣчавшая мнѣ учительскимъ тономъ, что критика права, когда упрекаетъ меня въ недостаткѣ образованія. — «Вы вовсе не знаете миѳологіи, прибавила она въ заключеніе, въ вашихъ стихотвореніяхъ не встрѣчается ни одного божества! вамъ слѣдовало бы изучать миѳологію, читать Корнелья и Расина.» Это называла она образованностью, и такого рода ученіе предложили-бы мнѣ многіе другіе. Я много читалъ, и много собралъ матеріяловъ для своего «Агасфера»; но это было еще недостаточно; въ Греціи надѣялся я пополнить свой запасъ знанія, и точнѣе обдумать свое предпріятіе. Поэма еще не написана, но я надѣюсь, что она будетъ написана, и сдѣлаетъ честь автору. Дѣти духа, подобно дѣтямъ плоти, ни въ какое время такъ не растутъ и не развиваются, какъ во время сна.

Въ Аѳинахъ я встрѣтилъ самый радушный и дружескій пріемъ у профессора Росса, родомъ изъ Гольштейна и у своихъ земляковъ; такое же дружеское гостепріимство оказалъ мнѣ почтенный и добрый Прокешъ-Остенъ. Даже король и королева удостоили меня самаго благосклоннаго пріема. Въ Акрополѣ праздновалъ я день своего рожденія.

Изъ Аѳинъ я отправился въ Смирну, и душа моя исполнилась радости, но не дѣтской, безотчетной радости, когда я увидѣлъ себя въ другой части свѣта. Это было чувство въ родѣ того, которое ощущалъ я ребенкомъ, входя въ Одензейскую церковь. Я думалъ о Спасителѣ, котораго кровь омочила эту землю. Берегъ Азіи былъ для меня книгою, несравненно назидательнѣе и поразительнѣе всѣхъ твореній человѣческаго ума.

Одиннадцать незабвенныхъ дней провелъ я въ Константинополѣ. По счастію, неотлучно слѣдующему за мною въ путешествіяхъ, я попалъ какъ разъ ко времени празднованія рожденія Магомета, и видѣлъ великолѣпную иллюминацію, которая показалась мнѣ листкомъ изъ Тысячи одной ночи. Датскій посланникъ живетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, и я имѣлъ мало случаевъ его видѣть; но австрійскій интернунцій, баронъ фонъ Штюрмеръ, принялъ меня какъ нельзя лучше; въ его домѣ, между нѣмцами, сходившимися у него, я могъ припомнить пріемъ, встрѣченный мною въ Германіи.

Я предполагалъ совершить обратный путь по Черному морю и Дунаю; но ходили слухи, что этотъ путь опасенъ, что вся страна въ сильномъ волненіи, и что нѣсколько тысячъ христіанъ было перебито. Спутники, съ которыми я сошелся въ гостинницѣ, и которые предполагали ѣхать со мною, отказались отъ своего намѣренія и совѣтовали мнѣ послѣдовать ихъ примѣру. Но мысль объ этой поѣздкѣ крѣпко засѣла въ моей головѣ, и мнѣ очень не хотѣлось возвращаться черезъ Грецію и Италію. Я не принадлежу къ отчаяннымъ головамъ, мелкія опасности легко пугаютъ меня; но въ большихъ опасностяхъ, и когда я имѣю въ виду цѣль, къ которой я сильно привязался, не знаю откуда у меня берется непреклонная сила воли; я буду бояться, буду дрожать, но непремѣнно исполню то, что положилъ себѣ сдѣлать, и что считаю обязанностью; эта черта была во мнѣ съ самаго дѣтства, и еще укрѣпилась съ лѣтами. Я не ставлю себѣ въ стыдъ своей боязливости; мнѣ кажется, что когда человѣкъ сознательно, силою воли побѣждаетъ врожденную боязливость, онъ этимъ являетъ болѣе мужества, чѣмъ тотъ, въ комъ презрѣніе

къ опасности свойство врожденное. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть Придунайскія земли и проѣхаться по Дунаю во всю его длину, а фантазія чертила мнѣ въ самомъ страшномъ видѣ предстоявшія опасности; боязнь и желаніе настоять на своемъ боролись во мнѣ и не дали мнѣ сомкнуть глазъ во всю ночь. Утромъ я пошелъ посовѣтоваться съ барономъ Штюрмеромъ, который отвѣчалъ мнѣ, что хотя предпріятіе мое было не совершенно безопасно, однако-же исполнимо, и я рѣшился. Разъ рѣшившись на что либо, я полагаю неограниченное упованіе на благость Провидѣнія и спокойно отдаюсь на Его волю. Мнѣ не встрѣтилось никакихъ опасностей; поѣздка сошла благополучно, и, выдержавъ прескучный карантинъ на Валашской границѣ, я прибылъ на двадцать первый день въ Вѣну. Вилъ ея башенъ и случайныя встрѣчи съ нѣкоторыми земляками напомнили мнѣ, что и мнѣ придется скоро возвратиться на родину. Эта мысль мгновенно разсѣяла всѣ мечты моей фантазіи, и оживила въ моей памяти перенесенныя мною въ Даніи огорченія и оскорбленія.

Въ августѣ 1841 года возвратился я въ Копенгагенъ и принялся писать свои путевыя воспоминанія, назвавъ ихъ «*Базаромъ поэта*,» и раздѣливъ книгу на части по посѣщеннымъ мною странамъ. Въ разныхъ мѣстахъ за границею были у меня знакомые, которые принимали меня какъ роднаго въ моихъ путешествіяхъ, и которымъ я былъ обязанъ благодарностью. Поэтъ, какъ птица, даритъ тѣмъ, что имѣетъ, своею пѣснью; я вздумалъ посвятить каждому изъ этихъ друзей части плодовъ своего путешествія, зная напередъ, что они поймутъ чувство благодарности, руководившее мною въ этомъ случаѣ. Графу Ранцау-Брейтенбургу, прожившему нѣсколько лѣтъ въ Италіи и ставшему моимъ благодѣтелемъ и другомъ вслѣдствіе прочтенія моего «*Импровизатора*,» посвятилъ я ту часть книги, въ которой описывалась Италія; Листу и Тальбергу, венгерцу и австрійцу, которые оба оказали мнѣ такое трогательное, такое дружеское гостепріимство, — свое путешествіе по Дунаю. Каждый безъ труда пойметъ, изъ этихъ примѣровъ, мысль, руководившую мною въ этихъ посвященіяхъ. Но въ моемъ отечествѣ эти посвященія были перетолкованы, какъ новое свидѣтельство моего тщеславія, какъ желаніе похвастать громкими именами, выдавая значительныя лица за своихъ друзей. Книга была переведена на многіе языки, а съ нею и посвященія; не знаю, какъ смотрѣли на нихъ за границею; но если ихъ осуждали, какъ въ Даніи, то надѣюсь, что этого объясненія будетъ достаточно, чтобы дать болѣе вѣр-

ное понятіе о ихъ происхожденіи. Въ Даніи «*Базаръ поэта*» доставилъ мнѣ такое вознагражденіе, какого я до тѣхъ поръ не получалъ еще ни за одно свое сочиненіе; это доказывало, что мои книги читались и даже нравились. Критической оцѣнки этого сочиненія, достойной этого названія, не была сдѣлано; только упомянуто о немъ съ явнымъ недоброжелательствомъ въ нѣкоторыхъ газетахъ и въ первомъ поэтическомъ опытѣ одного молодаго писателя, который за годъ передъ тѣмъ увѣрялъ меня письменно въ своемъ уваженіи и преданности, но при первомъ вступленіи на литературное поприще не поколебался пустить въ друга стрѣлы своей сатиры. Я принималъ живое участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ и по настоящее время расположенъ къ нему, я увѣренъ, что поступивъ такимъ образомъ со мною, онъ думалъ только объ успѣхѣ, котораго онъ могъ ожидать, пустившись по слѣдамъ Гейберга, а не имѣлъ намѣренія уязвить меня.

Копенгагенская газетная критика увлеклась своимъ недоброжелательствомъ въ самыя ребяческія обвиненія. Она находила, напримѣръ, дѣломъ невѣроятнымъ, игрою взбалмошнаго воображенія, что я видѣлъ въ Смирнѣ полный темно голубой шаръ луны во время новолунія, тогда какъ каждому, кто бывалъ въ Смирнѣ и смотрѣлъ съ открытыми глазами извѣстно, что во время полнолунія мѣсяцъ виденъ на небѣ и представляетъ полный кругъ, только темно-голубаго цвѣта. Впрочемъ это не единственный случай, въ которомъ датская критика показала мнѣ, что она слѣпа къ явленіямъ природы. «Ежемѣсячный литературный листокъ,» при всѣхъ своихъ притязаніяхъ на ученость, также бранилъ меня за то, что я въ одномъ стихотвореніи описывалъ радугу при лунномъ свѣтѣ, это также казалось ей плодомъ моего воображенія. Еще приведу, въ примѣръ ребяческой критики, что встрѣтивъ въ моемъ «*Базарѣ поэта*» слова: «Будь я живописецъ, я нарисовалъ бы этотъ мостъ; но будучи только поэтомъ, я долженъ сказать,» и прочая, ученый рецензентъ съ достодолжною важностью замѣчаетъ, что «авторъ до того тщеславенъ и самонадѣянъ, что прямо повѣдаетъ своимъ читателямъ, что онъ поэтъ.» Такая ребяческая критика слишкомъ жалка, чтобы можно было ею обижаться и сердиться на рецензентовъ; но какъ ни будете вы миролюбивы и терпѣливы, когда такая задорная шафка вотрется въ вашу квартиру и растянется въ лучшемъ мѣстѣ вашего кабинета, рука ваша невольно станетъ искать палки, чтобы прогнать ее. Можно бы составить цѣлую книгу образцовыхъ глупостей, изъ всѣхъ нелѣпостей и грубостей, ко-

торыхъ я наслышался со вступленія своего на поприще литературы до настоящаго времени. Между-тѣмъ «Базаръ,» читался, и произвелъ довольно сильное ощущеніе; эта книга доставила мнѣ много поздравленій, изъявленій удовольствія и поощреній отъ разныхъ лицъ, а въ томъ числѣ отъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ представителей умственной жизни моего отечества.

Путешествіе укрѣпило меня и духомъ и тѣломъ; я пріобрѣлъ бо́льшую силу воли, болѣе твердое сужденіе, сталъ лучше понимать себя и свое отношеніе къ окружавшимъ меня людямъ.

Политическая жизнь въ это время получила внезапно весьма высокое развитіе. Я не чувствовалъ въ себѣ призванія и не видѣлъ необходимости мѣшаться въ политическіе вопросы, какъ и вообще нахожу, что политика въ наше время погубила многихъ поэтовъ. Политика не мое дѣло, мнѣ назначило Провидѣніе другую задачу; я это всегда чувствовалъ и чувствую.

Между знатнѣйшими датскими фамиліями я нашелъ не мало добрыхъ и привѣтливыхъ людей, которые отдавали справедливость хорошимъ сторонамъ моего характера и съ искреннимъ дружелюбіемъ принимали меня въ кругъ своего знакомства. Много счастливыхъ лѣтнихъ дней провелъ я въ ихъ обществѣ, въ ихъ помѣстьяхъ, гдѣ я могъ на свободѣ предаваться созерцанію природы, наслаждаться уединеніемъ лѣсовъ и всѣми радостями сельской жизни. Тутъ я впервые узналъ вполнѣ датскую природу, и тутъ написалъ бо́льшую часть своихъ сказокъ. На берегахъ такихъ озеръ, въ лѣсахъ, на роскошныхъ пажитяхъ, гдѣ носились передо мною пушные звѣри или аистъ важно выступалъ на своихъ красныхъ ходуляхъ, я не слыхалъ ни политики, ни полемики, ни Гегелевскихъ умозаключеній; я бесѣдовалъ глазъ на глазъ съ природою и она возвѣщала мнѣ мое призваніе. Много отрадныхъ воспоминаній оставилъ въ моей душѣ старинный замокъ Гиссельфедъ, нѣкогда бывшій монастыремъ и окруженный дремучими лѣсами, озерами и холмами. Владѣтельница помѣстья, графиня Даннескіольдъ, мать герцогини Августенбургской, была добрая и милая старушка и я гостилъ у нея не какъ бѣднякъ простолюдинъ, призрѣваемый изъ милости, а какъ уважаемый и дорого цѣнимый гость. Нынѣ прахъ ея покоится подъ сѣнью вѣковыхъ вязовъ, среди величественной природы, съ которою такъ сроднилась ея душа. Еще обширнѣе и еще богаче красотами природы смежное съ Гиссельфельдомъ помѣстье Брегентведъ, принадлежащее датскому министру финансовъ, графу Мольтке. Гостепріимство, которымъ я пользовался

въ этомъ помѣстьѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ и прекраснѣйшихъ во всей Даніи, и мирная семейная жизнь, которою я былъ здѣсь окруженъ, озаряютъ лучемъ солнца мои воспоминанія объ этомъ періодѣ моей жизни. Тѣ, которые хотятъ, во что бы ни стало, приписывать каждое мое дѣйствіе тщеславію, скажутъ, пожалуй, что я стараюсь забросать читателей именами, чтобы похвастать своими знакомствами, или чтобы имѣть случай публично благодарить эти лица, за оказанное мнѣ расположеніе. Но они не нуждаются въ моей благодарности, а чтобы похвастать, мнѣ надлежало бы очень пополнить списокъ, что и нетрудно было бы сдѣлать; однако я ограничусь двумя названными помѣстьями, и присоединю къ нимъ развѣ еще одно, Нюзё, принадлежащее барону Штампе и прославленное пребываніемъ Торвальдсена. Здѣсь долго жилъ я съ знаменитымъ художникомъ, и здѣсь же пріобрѣлъ одного изъ своихъ лучшихъ друзей, будущаго владѣльца помѣстья.

Зимою жизнь въ Даніи также имѣетъ свои пріятныя стороны, свои разнообразныя красоты. И зимою проводилъ я много пріятныхъ дней въ деревнѣ, изучая особенности зимней природы. Большую часть своего времени, однако, проводилъ я въ Копенгагенѣ, особенно у женатыхъ сыновей и замужнихъ дочерей Коллина, окруженный ихъ прелестными дѣтьми. Дружба моя съ даровитымъ композиторомъ Гартманомъ укрѣплялась съ каждымъ годомъ; любовь къ природѣ и къ искусству соединяла насъ и одушевляла всѣ наши бесѣды. Коллинъ былъ моимъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ практической жизни, Эрстедъ во всѣхъ литературныхъ трудахъ. Театръ былъ, такъ сказать, моимъ клубомъ, который я посѣщалъ почти каждый вечеръ; въ этотъ годъ я получилъ мѣсто въ такъ называемомъ *придворномъ* партерѣ. Само собою разумѣется, что писатель долженъ стяжать это преимущество своими трудами. Послѣ первой пьесы, игранной съ успѣхомъ, автору дается постоянный входъ въ партеръ; послѣ второй — въ даровой партеръ, гдѣ находятся мѣста актеровъ; три значительныя произведенія или нѣсколько небольшихъ пьесъ доставляютъ ему входъ въ первыя, нумерованныя мѣста. Здѣсь постоянно сходились Торвальдсенъ, Эленшлегеръ и множество старыхъ писателей; здѣсь было отведено мѣсто и мнѣ въ 1840 году, послѣ того, какъ я поставилъ на театръ уже семь пьесъ. Пока живъ былъ Торвальдсенъ, я, по его желанію, всегда сидѣлъ подлѣ него. По другую мою руку сидѣлъ обыкновенно Эленшле-

геръ. Сколько разъ, сидя между этими двумя великими художниками, съ смиреніемъ помышлялъ я о своемъ ничтожествѣ; сколько разъ проходили передо мною различные періоды моей жизни, начиная съ того времени, когда я скромно сидѣлъ на послѣдней скамейкѣ въ ложѣ фигурантовъ. Если кто изъ моихъ соотечественниковъ, видя меня въ то время, воображалъ, что я возносился гордостью, попавъ между двухъ великихъ людей, тотъ увидитъ изъ этого признанія, какъ несправедливо онъ судилъ меня; смиреніе и теплая молитва къ Богу о посланіи мнѣ силы заслужить мое счастіе, одни наполняли мое сердце; и я надѣюсь, что съ Его помощью, эти чувства никогда не оставятъ меня! И Торвальдсенъ и Эленшлегеръ, эти два свѣтила на небосклонѣ сѣвернаго искусства, оба удостоивали меня своей дружбы, этимъ я горжусь, и въ этой гордости смѣло сознаюсь.

Въ многочисленномъ обществѣ Эленшлегеръ застѣнчивъ и принужденъ; но въ бесѣдахъ съ короткими друзьями, въ обращеніи его столько откровенности и дѣтской простоты, что къ нему невольно привязываешься отъ всего сердца. Какъ поэтъ, онъ имѣетъ тоже значеніе для сѣвера, какъ Гёте для Германіи; всѣ лучшія произведенія его такъ проникнуты сѣвернымъ элементомъ, что можно сказать, что онъ указалъ всѣмъ сѣвернымъ народамъ собственное ихъ состояніе. За границею еще не оцѣнили его вполнѣ въ этомъ отношеніи; тамъ изъ его произведеній наиболѣе извѣстны «*Корреджіо*» и «*Аладдинъ*»; но дивная его поэма «*Боги сѣвера*», безъ сомнѣнія, должна занять гораздо высшее мѣсто; это наша Иліада. Тутъ есть сила, свѣжесть, величіе, тутъ Эленшлегеръ является въ полнотѣ своего поэтическаго генія. Гаконъ Ярль и Пальнатока переживутъ всѣ человѣческія поколѣнія въ твореніяхъ Эленшлегера. Данія, Швеція и Норвегія признали своего великаго поэта, и каждый день доказываютъ ему свое почтеніе и любовь; если можно назначать людямъ степени въ сферѣ умственной дѣятельности, то никто не поколеблется приписать ему первое мѣсто. Онъ истинный, природный поэтъ, получившій свое дарованіе свыше; въ произведеніяхъ своихъ онъ остается вѣчно молодъ, не смотря на то, что лѣтами онъ старѣйшій изъ нашихъ поэтовъ и всѣхъ превосходитъ плодовитостью. Съ дружескимъ участіемъ слушалъ онъ первые мои лирическіе опыты, его умъ и сердце признали поэта сказочника. Мой біографъ въ «Датскомъ пантеонѣ», приписываетъ мнѣ одну черту сходства съ Эленшлегеромъ. »Въ наше время, говоритъ онъ, съ

каждымъ днемъ становится болѣе рѣдкимъ явленіемъ, чтобы человѣкъ выступалъ на поприще поэзіи или искусства вслѣдствіе одного природнаго влеченія, высказавшагося съ непреодолимою силою съ дѣтскихъ лѣтъ. По бо́льшей части наши поэты и художники становятся поэтами и художниками случайно, вслѣдствіе посторонних обстоятельствъ, а не по врожденному призванію. У бо́льшей части нашихъ поэтовъ мѣсто его заступаютъ, раннее знакомство съ страстями, ранній опытъ или внѣшнія побужденія, и ни въ комъ такъ рѣзко и несомнѣнно не проявляется это внутреннее, врожденное призваніе, какъ въ Эленшлегерѣ и Андерсенѣ. Этимъ можно объяснить то обстоятельство, что оба такъ часто подвергались въ Даніи нападеніямъ критики, особенно же послѣдній, который только за границею былъ вполнѣ и рѣшительно признанъ поэтомъ; потому что за границею устарѣлая цивилизація породила уже непріязнь къ поэзіи, вырощенной школою и реакцію въ пользу свѣжей поэзіи, выливающейся изъ природнаго источника, между-тѣмъ какъ мы, Датчане, еще питаемъ ребяческое почтеніе къ высиженной мудрости.»

Торвальдсена, съ которымъ, какъ я уже говорилъ, я познакомился въ Римѣ въ 1845 и 1834 годахъ, ждали осенью 1838 года въ Данію, и приготовили ему торжественную встрѣчу. Флагъ на одной изъ башенъ Копенгагена долженъ былъ возвѣстить приближеніе корабля, на которомъ онъ долженъ былъ пріѣхать. Это было истинно національное торжество; лодки, украшенныя цвѣтами и вымпелами, наполняли гавань; живописцы, скульпторы, всѣ имѣли свои особенные флаги, съ символическими изображеніями, у студентовъ была Минерва, у поэтовъ золотой Пегасъ. Погода была туманная, такъ что корабль показался только, когда уже подъѣхалъ довольно близко къ городу. Приглашенные на торжество литераторы,—кажется по назначенію Гейберга,—всѣ уже собрались у своей шлюбки; не доставало только Эленшлегера и Гейберга. Раздался выстрѣлъ съ корабля, который стоялъ уже на якорѣ, и можно было опасаться, что Торвальдсенъ выйдетъ на берегъ прежде чѣмъ мы успѣемъ собраться къ нему на встрѣчу. Вѣтеръ донесъ до насъ отрывки пѣнія; торжество уже началось; мнѣ не хотѣлось упустить случая видѣть великаго артиста изъ первыхъ, и потому я предложилъ товарищамъ отчаливать.—«Безъ Эленшлегера и безъ Гейберга?» вскричалъ кто-то.—«Да они не идутъ; а если мы станемъ ждать, то, пожалуй, тронемся, когда все будетъ кончено!» отвѣчалъ я. Одинъ изъ по-

этовъ спросилъ меня, не ужели я рѣшусь ѣхать безъ Эленшлегера и Гейберга подъ этимъ флагомъ, указывая на золотаго Пегаса.—«Флагъ можно убрать на дно шлюбки,» отвѣчалъ я, снимая его съ флагштока; всѣ послѣдовали моему совѣту, и мы поспѣли къ самому тому времени, какъ Торвальдсенъ отправлялся на берегъ. Эленшлегеръ и Гейбергъ нагнали насъ въ другой шлюбкѣ, и пересѣли къ намъ въ то время, какъ радостные клики начали оглашать берегъ. Народъ самъ повезъ карету Торвальдсена по всему городу къ приготовленной для него квартирѣ, гдѣ тѣснились около него всѣ, бывшіе сколько нибудь знакомы съ нимъ, съ его друзьями, или просто съ друзьями его друзей. Вечеромъ всѣ артисты собрались, чтобы дать ему серенаду; прекрасный садъ передъ его домомъ горѣлъ факелами; все было одушевлено самою искреннею и восторженною радостью. Старъ и молодъ, всѣ спѣшили къ отворенной двери; добрый старикъ съ умиленіемъ обнималъ своихъ знакомыхъ, цѣловалъ ихъ и жалъ имъ руки. Я не смѣлъ подойдти къ Торвальдсену въ эту минуту славы и торжества; сердце мое крѣпко билось отъ радости при видѣ того, который такъ кротко и съ такимъ участіемъ утѣшалъ меня на чужбинѣ, который, прижимая меня къ сердцу, говорилъ, что мы останемся навсегда друзьями; но среди этого торжества, когда тысячи глазъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ, и непремѣнно замѣтили и осудили бы меня,—осудили бы, какъ гордеца, хотѣвшаго только показать, что и онъ знакомъ съ Торвальдсеномъ, и что Торвальдсенъ и ему оказываетъ дружбу, — я предпочелъ скрываться въ толпѣ, чтобы онъ меня не видѣлъ. Только нѣсколько дней спустя, рано утромъ, отправился я къ нему, и нашелъ въ немъ прежняго добраго друга, который очень удивился, что не видалъ меня тотчасъ по пріѣздѣ.

Въ честь Торвальдсена устроенъ былъ музыкально-поэтическій вечеръ, на которомъ поэты, по приглашенію Гейберга, должны были читать привѣтственные стихи, написанные ими въ честь великаго художника. Я выбралъ сюжетомъ Язона, завоевавшаго золотое руно, то есть Язона-Торвальдсена, возвращавшагося изъ успѣшнаго похода за золотымъ искусствомъ. Роскошный ужинъ и балъ заключили праздникъ, на которомъ въ первый разъ проявилось въ Даніи всеобщее, народное сочувствіе къ искусству.

Съ этого вечера я почти каждый день видѣлся съ Торвальдсеномъ, въ обществѣ или въ его мастерской; по нѣскольку недѣль

проживалъ у него въ Нюзё, гдѣ онъ жилъ постоянно, и гдѣ были выполнены всѣ произведенія, созданныя имъ въ Даніи. Онъ былъ человѣкъ свѣтлаго, положительнаго ума, съ нѣсколько сатирическимъ складомъ, и потому Гольбергъ былъ его любимымъ поэтомъ; печальной сторонѣ жизни, скорбямъ человѣчества онъ мало сочувствовалъ. Однажды я пришелъ къ нему рано утромъ и засталъ его за работою; онъ лѣпилъ собственную свою статую; я поздоровался съ нимъ, но замѣтивъ, что онъ на меня не смотритъ, тотчасъ же тихонько вышелъ изъ комнаты. За завтракомъ онъ былъ молчаливъ, и когда его стали просить разсказать что-нибудь, онъ отвѣчалъ со свойственною ему сухостью: — «Нынѣче утромъ я говорилъ столько, какъ рѣдко случается мнѣ говорить въ цѣлый день, и никто меня не слушалъ. Я думалъ, что Андерсенъ за мною, потому что слышалъ, какъ онъ со мною здоровался, и разсказывалъ ему предлинную исторію о томъ, какъ я лѣпилъ бюстъ Байрона. Я ждалъ, что онъ отвѣтитъ хоть одно слово, смотрю, и его уже нѣтъ; я цѣлый часъ ораторствовалъ передъ однѣми стѣнами. — Всѣ приступили къ нему съ просьбою разсказать эту исторію еще разъ, и онъ повторилъ ее, но очень коротко. «Это было въ Римѣ, сказалъ онъ, я долженъ былъ высѣкать бюстъ Байрона; онъ сѣлъ противъ меня и тотчасъ принялся выворачивать всѣ черты, стараясь придать своему лицу выраженіе, которое было ему вовсе несвойственно — Да сидите же спокойно, и не дѣлайте гримасъ! сказалъ я. — Вотъ мое выраженіе, отвѣчалъ Байронъ. — Въ самомъ-дѣлѣ? сказалъ я, и принялся дѣлать бюстъ по своему, не обращая вниманія на его гримасы. Когда бюстъ былъ готовъ, всѣ признали его поразительно сходнымъ; одинъ только Байронъ остался недоволенъ. — Это вовсе не я, сказалъ онъ; развѣ есть тутъ что-нибудь похожее на несчастнаго, изстрадавшагося человѣка? — Онъ хотѣлъ, во что бы ни стало, смотрѣть несчастнымъ, страдающимъ человѣкомъ», прибавилъ Торвальдсенъ съ своимъ обычнымъ, насмѣшливымъ выраженіемъ.

Величайшимъ наслажденіемъ для великаго художника было — послѣ обѣда, закрывъ глаза, слушать музыку, или играть въ лото по вечерамъ; всѣ сосѣди должны были выучиться этой игрѣ, чтобы доставить ему удовольствіе. Впрочемъ онъ никогда не игралъ на деньги, а только на жетоны, и игралъ съ удивительнымъ участіемъ, радуясь какъ ребенокъ, когда выигрывалъ; съ

жаромъ, почти съ остервенѣніемъ заступался онъ за того, кого считалъ обиженнымъ; не терпѣлъ колкихъ шутокъ и охоты дразнить людей; не спускалъ, въ такомъ случаѣ, самой хозяйкѣ, которая, впрочемъ, питала къ нему неограниченное почтеніе и всѣми силами старалась угождать ему. Бесѣдуя съ нимъ, написалъ я нѣкоторыя изъ своихъ сказокъ, напримѣръ «Оле Люкъ Ойнъ» (Песочнаго человѣка), и онъ выслушивалъ ихъ съ дѣтскимъ любопытствомъ и участіемъ. Нерѣдко, по вечерамъ, когда все семейство собиралось въ саду, на балконѣ, Торвальдсенъ тихонько подкрадывался ко мнѣ, и, ударивъ меня по плечу, говорилъ: — «Ну что, будетъ сегодня намъ, дѣтушкамъ, сказочка?» Особенно восхищался онъ въ моихъ сказкахъ ихъ естественностью и истиною; онъ готовъ былъ слушать одну и ту же сказку двадцать разъ; какъ часто бывало, что онъ остановится среди своей собственной работы, и съ добродушною улыбкой восхищенія слушаетъ сказку *«О волчкѣ и мячикѣ»* или *«О непригожей уточкѣ.»* Я имѣю нѣкоторую способность импровизировать на родномъ языкѣ небольшія стихотворенія и пѣсни; эта способность приводила Торвальдсена въ восторгъ, и вылѣпивъ изъ глины бюстъ Гольберга, онъ поручилъ мнѣ сочинить ему стихи къ этому произведенію; я импровизировалъ ему четверостишіе, которымъ онъ остался чрезвычайно доволенъ.

Однажды утромъ я вошелъ въ его мастерскую, въ то время какъ онъ лѣпилъ модель своего большаго барельефа, изображающаго «Шествіе на Голгоѳу.» — «Андерсенъ, сказалъ онъ, скажите мнѣ по совѣсти, какъ вы находите одежду на Пилатѣ? вѣрна-ли?» — «Не говорите ни слова, перебила баронесса Штампе, которая почти постоянно сидѣла въ мастерской; одежда вѣрна, превосходна, а вы идите своей дорогой.» Но Торвальдсенъ повторилъ вопросъ. — «Если вы меня спрашиваете, сказалъ я, я долженъ отвѣчать по совѣсти; мнѣ кажется, что Пилатъ одѣтъ скорѣе египтяниномъ, чѣмъ римляниномъ.» — «Мнѣ самому то же казалось!» отвѣчалъ Торвальдсенъ, и воткнувъ пальцы въ глину, провелъ по всей фигурѣ и уничтожилъ ее. — «Вотъ видите, вскричала баронесса съ досадою; вы причиною, что онъ разрушилъ безсмертное твореніе!» — Если могли разрушить безсмертное твореніе, то можемъ создать другое, весело отвѣчалъ Торвальдсенъ, снова принимаясь за работу, и вылѣпилъ Пилата въ томъ видѣ, какъ онъ остался на барельефѣ Копенгагенскаго собора Святыя Богородицы.

Послѣдній день его рожденія былъ празднованъ въ деревнѣ. Я написалъ небольшую шутливую пѣсню, которая еще не высохла, когда мы отправились, утромъ, пѣть ее у дверп его комнаты, подъ звуки кухонныхъ щипцовъ, трещотокъ и бутылочныхъ пробокъ. Торвальдсенъ, въ халатѣ и туфляхъ, самъ отворилъ намъ дверь, и принялся плясать по комнатѣ, бросать на воздухъ свою рафаэлевскую шапку и подтягивать хору. Онъ до самой старости сохранилъ веселость и шутливость молодости.

Въ послѣдній день его жизни, я сидѣлъ подлѣ него за обѣдомъ; онъ былъ въ необыкновенно веселомъ духѣ, разсказывалъ остроты, которыя онъ читалъ въ «Корсарѣ», извѣстной Копенгагенской газетѣ, говорилъ о поѣздкѣ, которую онъ предполагалъ совершить лѣтомъ въ Италію; затѣмъ мы разстались; онъ отправился въ театръ, а я пошелъ домой. На слѣдующее утро, служитель гостиницы, въ которой я жилъ, сказалъ мнѣ: — «Мудреное дѣло съ Торвальдсеномъ! отчего бы онъ умеръ?» — «Торвальдсенъ! вскричалъ я; да онъ и не думалъ умирать; я обѣдалъ съ нимъ вчера.» — «Говорятъ, что онъ умеръ вчера въ театрѣ,» отвѣчалъ служитель. Я подумалъ, что онъ, можетъ быть, заболѣлъ; но сердце мое ужасно сжалось, и я побѣжалъ на его квартиру. Трупъ его лежалъ на постели; комната была полна незнакомыхъ людей; на полу стояли лужи отъ растаявшаго снѣгу; никто не говорилъ ни слова; баронесса Штампе сидѣла у постели и горько плакала. Я онѣмѣлъ отъ пораженія и горести. Прощальная пѣснь моего сочиненія, положенная на музыку Гартманомъ, была исполнена надъ его гробомъ датскими студентами.

Лѣтомъ 1842 года я поставилъ на Копенгагенскій лѣтній театръ небольшую пьеску «*Птица на грушѣ*», въ которой нѣкоторыя сцены происходили на вершинѣ грушеваго дерева. Я назвалъ эту пьесу драматическою бездѣлкою, чтобы никто не ожидалъ обработаннаго дѣйствія и развитыхъ характеровъ. Два или три представленія прошли очень успѣшно, такъ что дирекція театра приняла пьесу; сама г-жа Гейбергъ, любимица публики потребовала себѣ въ ней роль. Музыка была удачно подобрана, публика смѣялась и была довольна; я зналъ, что пьеса прошла, и вдругъ — слышу, что она освистана. Нѣсколько молодыхъ людей сговорились ее освистать, и разсказываютъ, что на вопросъ нѣсколькихъ посторонннхъ лицъ, зачѣмъ они свищутъ, они отвѣчали, что эта бездѣлка имѣла слишкомъ большой успѣхъ, что Андерсенъ,

пожалуй, зазнается. Я самъ не былъ въ тотъ вечеръ въ театрѣ, и ничего не зналъ объ этомъ происшествіи. Только на слѣдующее утро пришелъ я въ одинъ знакомый домъ; у меня болѣла голова, и я былъ скученъ; хозяйка встрѣтила меня съ участіемъ, взяла мою руку, и сказала: — «Не печальтесь; ну стоитъ ли принимать это такъ горячо къ сердцу! Всего два человѣка свистали, а весь театръ былъ за васъ.» — «Свистали? за меня? — развѣ меня освистали?» спросилъ я. Презабавная была сцена, какъ одинъ увѣрялъ меня, что этотъ свистъ былъ для меня торжествомъ; затѣмъ другой, на вопросъ мой, сколько человѣкъ свистали, отвѣчалъ, что свистали всего двое; слѣдующій, — трое, никакъ не больше. Тутъ вошелъ одинъ изъ моихъ самыхъ искреннихъ и почтенныхъ друзей, и я просилъ его сказать мнѣ по совѣсти, много ли было свиставшихъ? Онъ положилъ руку на сердце и сказалъ: — «Пятеро, ужъ никакъ не больше.» — «Нѣтъ, не стану больше спрашивать никого, сказалъ я; число растетъ какъ у Фальстафа. Вотъ человѣкъ, увѣряющій меня, что свисталъ всего одинъ человѣкъ.» Испугавшись, и желая поправить дѣло пріятель мой отвѣчалъ; — «Можетъ быть и одинъ; но въ такомъ случаѣ онъ свисталъ за пятерыхъ.»

Послѣдними своими трудами и бережливостью я скопилъ небольшую сумму, которую опредѣлилъ на вторичную поѣздку въ Парижъ; и прибылъ туда, черезъ Дюссельдорфъ и Бельгію, зимою 1843 года.

Мармье, еще за нѣкоторое время до того, напечаталъ статью обо мнѣ въ «Revue de Paris», подъ названіемъ «La vie d'un poëte.» Онъ же перевелъ на французскій языкъ нѣкоторыя изъ моихъ стихотвореній, и написалъ даже стихотвореніе въ мою честь, напечатанное въ томъ же журналѣ. Поэтому имя мое раздалось знакомымъ звукомъ въ ушахъ парижскаго литературнаго круга и я встрѣтилъ въ немъ самый радушный, самый дружелюбный пріемъ. Викторъ Гюго пригласилъ меня на первое представленіе его драмы «Бургграфы», памятной своимъ паденіемъ; господинъ и госпожа Анселò открыли мнѣ свой домъ, въ которомъ встрѣтился я съ Мартинеде-ла-Роса и съ нѣкоторыми другими современными знаменитостями. Первымъ и замѣчательнѣйшимъ между всѣми, и въ обществѣ и въ домашнемъ быту, показался мнѣ Ламартинъ. Когда я извинился въ томъ, что дурно говорю по французски, онъ отвѣчалъ, что самъ виноватъ тѣмъ, что не понимаетъ скандинавскихъ

языковъ, которые, какъ онъ узналъ въ послѣднее время, обладаютъ такою богатою и оригинальною литературою, что стоитъ только наклониться, чтобы поднять золотой колосъ старины. Потомъ онъ разспрашивалъ меня о Трольгетскомъ каналѣ, и изъявилъ сильное желаніе посѣтить Данію и Стокгольмъ; вспомнилъ также, что онъ былъ представленъ, въ Кастелламаре, нынѣшнему Датскому королю, когда онъ былъ еще Наслѣднымъ Принцемъ; вообще въ бесѣдѣ его видно было знакомство съ Даніею, ея достопримѣчательностями и знаменитостями и весьма рѣдкое во французѣ. Передъ отъѣздомъ моимъ, онъ написалъ мнѣ небольшое стихотвореніе, которое я храню въ числѣ самыхъ драгоцѣнныхъ своихъ воспоминаній.

Добродушнаго и веселаго Александра Дюма я заставалъ по большей части въ постелѣ, какъ бы поздно я ни приходилъ; передъ нимъ была бумага, перья и чернила, и онъ работалъ лежа, однажды засталъ я его такимъ образомъ за одною изъ его новѣйшихъ драмъ; онъ дружески кивнулъ мнѣ головою и сказалъ: — «Садитесь и подождите нѣсколько минутъ; моя муза пришла побесѣдовать со мною, но она сейчасъ отправится.» Онъ продолжалъ писать и говорить вслухъ, потомъ вскричалъ «ура!» вскочилъ съ постели и сказалъ: «Третье дѣйствіе готово!» — Однажды вечеромъ онъ повелъ меня по разнымъ театрамъ, чтобы показать мнѣ закулисную жизнь; рука объ руку скитались мы по пестрымъ бульварамъ.

Ему обязанъ я знакомствомъ съ знаменитою актрисою Рашель. Я еще не видалъ ея на сценѣ, когда Дюма спросилъ меня, не желаю ли я съ нею познакомиться. Въ первый вечеръ послѣ того, когда она играла Федру, онъ повелъ меня на сцену Французскаго театра. Представленіе уже началось. За кулисами, ширмы отгораживали родъ комнатки, въ которой стояли столъ и нѣсколько табуретовъ. Тутъ увидѣлъ я знаменитую дѣвушку, которая, по выраженію одного писателя, создаетъ живыя статуи изъ мраморныхъ группъ Корнелія и Распна. Она была худощава и нѣжнаго сложенія, и казалось очень молода. Какъ тутъ, такъ и впослѣдствіи, когда я видѣлъ ее у нея дома, она являлась мнѣ живымъ образомъ скорби, дѣвушкою, которая только что наплакалась о своемъ горѣ и тихо уносится на крыльяхъ своей грустной думы. Она привѣтствовала насъ очень ласково, звучнымъ и полнымъ голосомъ. Увлекшись разговоромъ съ Дюма, она совершен-

но забыла обо мнѣ, и я уже начиналъ чувствовать себя лишнимъ. Дюма замѣтилъ это, сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ обо мнѣ, и я осмѣлился присоединиться къ разговору, не смотря на робость, которую необходимо должна была навести на меня мысль, что передо мною были два лица, говорящія такъ превосходно по-французски, можетъ быть, какъ никто другой во всей Франціи. Я сказалъ, что видалъ много прекраснаго и восхитительнаго въ своихъ путешествіяхъ, но не видалъ ничего подобнаго Рашели, и что я преимущественно для нея опредѣлилъ выручку отъ своихъ послѣднихъ трудовъ на поѣздку въ Парижъ. Какъ я, вслѣдъ за тѣмъ, извинялся въ своемъ плохомъ французскомъ языкѣ, она отвѣчала: — «Когда вы умѣете сказать француженкѣ такія любезныя вещи, какъ то, что вы сказали мнѣ, повѣрьте, что она всегда найдетъ, что вы отлично говорите по-французски.» Я разсказалъ ей, какъ славно ея имя на сѣверѣ; на это она отвѣчала мнѣ, что думаетъ непремѣнно посѣтить когда-нибудь Петербургъ и Копенгагенъ. — «Когда я пріѣду въ Копенгагенъ, прибавила она, вы должны принять меня подъ свое покровительство, потому-что я тамъ никого не знаю, кромѣ васъ; впрочемъ намъ должно познакомиться короче, а для этого намъ слѣдуетъ чаще видѣться, тѣмъ болѣе что, какъ вы сами говорите, вы преимущественно для меня пріѣхали въ Парижъ. Мнѣ будетъ очень пріятно видѣть васъ у себя; по четвергамъ собираются у меня мои знакомые. Однако зоветъ служба, прибавила она, подавая намъ руку; затѣмъ она дружески кивнула, и черезъ мгновеніе была уже на сценѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Тутъ она совсѣмъ перемѣнилась; казалась больше ростомъ, величественнѣе, словно живой образъ трагической музы, весь театръ встрѣтилъ ее оглушительными рукоплесканіями. Принадлежа къ сѣверному племени, я не могу освоиться съ французскимъ способомъ выполненія трагедіи, но, хотя Рашель слѣдуетъ той же школѣ, въ ней однако эта школа является совершенно естественною, а другіе, повидимому, только стараются подражать ей; ее можно назвать воплощеніемъ французской трагедіи, другіе-же остаются слабыми людьми. Когда играетъ Рашель, вамъ кажется, что трагедія должна играться такимъ образомъ, и не можетъ-быть играна иначе; это истина, это природа, только не въ той формѣ проявленія, въ какой знаемъ ее мы, дѣти сѣвера.

Въ квартирѣ великой артистки все поражало меня богатствомъ и великолѣпіемъ, даже нѣкоторою изысканностію. Первая комна-

та оклеена изспия зелепыми обоями, освѣщена лампами съ матовыми стеклами и украшена статуэтками французскихъ писателей; въ самой гостиной преобладаетъ пурпуровый цвѣтъ въ обояхъ, въ занавѣсяхъ и въ книжныхъ шкафахъ; сама хозяйка была не въ черномъ, какъ она представлена на извѣстномъ портретѣ, гравированномъ въ Англіи. Общество состояло все изъ мужчинъ, преимущественно художниковъ и ученыхъ; было также въ немъ нѣсколько титулованныхъ лицъ; лакей въ великолѣпной ливреѣ докладывалъ имена гостей; чай и угощеніе подавались скорѣе по нѣмецкому обычаю, чѣмъ по французскому. Викторъ Гюго говорилъ мнѣ, что Рашель, кажется, знаетъ нѣмецкій языкъ; я спросилъ ее объ этомъ, и она отвѣчала мнѣ по нѣмецки: — «Я читаю по нѣмецки, вѣдь я родилась въ Лотарингіи; у меня есть и нѣмецкія книги, вотъ посмотрите.» И она показала мнѣ Грильпарцерову «Сафо;» но потомъ продолжала разговоръ по французски. Она сказала, что очень желала бы играть роль Сафо; потомъ заговорила о Шиллеровой Маріи Стюартъ, которую она играла въ французской передѣлкѣ. Я видѣлъ ее въ этой роли и былъ пораженъ спокойствіемъ и глубокимъ, трагическимъ чувствомъ, съ какими она передала послѣднее дѣйствіе, такъ могла бы передать ее только одна изъ лучшихъ актрисъ Германіи; но именно въ этомъ дѣйствіи всего менѣе нравится она французамъ. — «Мои соотечественники, говорила она мнѣ, не привыкли къ такому способу выполненія, а эта роль не можетъ быть выполнена иначе; не можетъ же женщина увлекаться въ порывы страсти, когда сердце ея разрывается тоскою, когда она прощается на вѣкѣ со всѣми своими друзьями.» Гостиная ея украшена преимущественно книгами въ великолѣпныхъ переплетахъ, уставленными въ богатыхъ шкафахъ. На стѣнѣ виситъ картина, изображающая сцену лондонскаго театра; она сама стоитъ на авансценѣ, и изъ партера летятъ къ ея ногамъ букеты и вѣнки; подъ этою картиною небольшая полочка уставлена сочиненіями первыхъ свѣтилъ драматической поэзіи, Гёте, Шиллера, Кальдерона, Шекспира и нѣкоторыхъ другихъ. Она много распрашивала меня о Германіи и Даніи, объ искусствѣ и театрѣ, и ободряла меня привѣтливою улыбкою, когда я начиналъ путаться въ французскомъ языкѣ и останавливался, чтобы собраться съ мыслями и не срѣзаться окончательно. — «Говорите смѣлѣе, замѣчала она; конечно, вы не хорошо говорите по-французски, и я слыхала иностранцевъ, владѣющихъ нашимъ языкомъ гораздо лучше; но не смотря на то, ихъ бесѣда далеко не занимала меня такъ, какъ ваша;

я понимаю смыслъ того, что вы хотите сказать, а это главное, что интересуетъ меня въ вашемъ разговорѣ. Когда я пришелъ проститься съ нею передъ отъѣздомъ, она написала мнѣ въ альбомъ:» L'art c'est le vrai. J'espére que cet aphorisme ne semblera pas parodoxal à un écrivain aussi distingué que M. Andersen.»

Чрезвычайно милаго знакомаго нашелъ я въ Альфредѣ де-Виньи, столько же надѣленномъ поэтическимъ дарованіемъ, какъ и земными благами богатства и знатности рода. Онъ женатъ на англичанкѣ, и въ его домѣ соединяются лучшія черты двухъ народностей. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, около полуночи, пришелъ онъ на мою скромную квартирку въ Ришельевской улицѣ, и взобрался по крутой лѣстницѣ въ верхній этажъ, съ своими сочиненіями подъ мышкою. Въ его взорахъ было столько искренности, столько добродушія и участія, что мнѣ стало жаль съ нимъ разставаться. Познакомился я также съ скульпторомъ Давидомъ, который своею прямотою и всѣмъ своимъ характеромъ живо напомнилъ мнѣ Торвальдсена и Биссена, особенно послѣдняго; я встрѣтился съ нимъ не задолго передъ отъѣздомъ; онъ очень жалѣлъ объ этомъ, и говорилъ, что еслибъ мнѣ можно побыть еще нѣкоторое время въ Парижѣ, онъ сдѣлалъ-бы мой бюстъ. Я замѣтилъ ему, что онъ не знаетъ меня еще какъ писателя, и слѣдовательно не знаетъ, достоинъ-ли я этого. Онъ взглянулъ мнѣ пристально въ лицо, ударилъ меня по плечу и отвѣчалъ: — «Я не читалъ вашихъ сочиненій, но прочелъ васъ самихъ, и знаю, что вы поэтъ.» — У графини **, у которой я видался и съ Бальзакомъ, встрѣтилъ я однажды даму, которая возбудила мое вниманіе своею живою и полною ума и чувства физіономіею, и уваженіемъ; которое оказывали ей всѣ присутствующіе. Графиня представила меня ей, и я узналъ, что это была г жа Рейбо, сочинительница повѣсти «Les épaves», изъ которой я заимствовалъ свою драму «*Мулатъ*». Я разсказалъ ей исторію этой драмы и ея представленія и съ этого дня она стала одною изъ ревностнѣйшихъ моихъ покровительницъ. Мы часто бывали вмѣстѣ и бесѣдовали, и она съ удивительнымъ терпѣніемъ поправляла мои ошибки во французскомъ языкѣ и заставляла меня повторять слова, когда я не могъ уловить ихъ настоящаго произношенія. Г-жа Рейбо прекрасная и даровитая женщина, съ свѣтлымъ взглядомъ на свѣтъ и жизнь. Ко мнѣ она была настоящею матерью.

Я увидѣлся опять съ Гейне, который, послѣ первой моей по-

ѣздки въ Парижъ, женился. Я нашелъ его больнымъ, но по прежнему полнымъ энергіи; и встрѣтилъ онъ меня такъ добродушно, такъ непринужденно, что и моя робость совсѣмъ исчезла, и я уже не боялся высказать ему всю свою душу. Онъ однажды разсказалъ своей женѣ мою сказку «о неустрашимомъ оловянномъ солдатѣ», и за тѣмъ представилъ меня ей, какъ автора сказки. Она была живая и хорошенькая молодая женщина. Съ полдюжины дѣтей сосѣдскихъ, какъ мнѣ говорилъ Гейне, — играли въ ея комнатѣ; мы съ нею вмѣшались въ ихъ игры, между тѣмъ какъ Гейне, въ другой комнатѣ, переписывалъ для меня одно изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній. Я уже не замѣчалъ на его устахъ прежней горькой, язвительной улыбки; я слышалъ только біеніе того искренно нѣмецкаго сердца, которое высказывается въ его пѣсняхъ.

Благодаря названнымъ мною лицамъ, къ которымъ я могъ-бы присоединить еще Калькбреннера, Гати и многихъ другихъ, пребываніе мое въ Парижѣ богато пріятными воспоминаніями. Я чувствовалъ себя тамъ не чужимъ; у людей, окруженныхъ всѣмъ блескомъ славы и дарованія встрѣчалъ я самый радушный, самый братскій пріемъ; это былъ, такъ сказать, задатокъ на предполагаемый во мнѣ талантъ, отъ котораго надѣялись, что онъ не обманетъ ожиданій. Въ Парижѣ получилъ я утѣшительное и ободрительное доказательство благорасположенія и признательности къ моимъ трудамъ изъ Германіи, гдѣ къ этому времени большая часть моихъ сочиненій была переведена и читалась многочисленною публикою. Одно нѣмецкое семейство, — одно изъ образованнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ семействъ, съ какими я когда либо былъ знакомъ, прочитавъ мои сочиненія, особенно краткую мою біографію въ предисловіи къ моему роману «Только скрипачъ» искренно полюбило меня, не зная меня лично. Отъ этого то семейства получилъ я письмо, въ которомъ меня благодарили за доставленное удовольствіе и приглашали погостить на возвратномъ пути. Это было первое письмо такого роду, полученное мною въ Парижѣ, и оно представляло рѣзкую противуположность тому письму, которое я получилъ изъ отечества въ первую свою поѣздку въ Парижъ, въ 1833 году; въ немъ было столько искренности, столько сердечной теплоты! Такимъ образомъ мои сочиненія ввели меня какъ роднаго въ домъ, который я съ тѣхъ поръ всегда посѣщаю съ восхищеніемъ, зная, что меня тамъ уважаютъ и любятъ, не только какъ писателя, но и какъ человѣка. И сколько подобныхъ свидѣтельствъ благорасположенія получилъ

я за границею! Разскажу еще одинъ примѣръ, ради его оригинальности. Въ Саксоніи живетъ одно почтенное и богатое семейство N**. Г-жа N** читала мой романъ «Только скрипачъ», и книга произвела на нее такое впечатлѣніе, что она дала слово, если встрѣтитъ бѣднаго ребенка съ значительными музыкальными способностями, не допустить его до погибели, подобно бѣдному скрипачу. Одинъ музыкантъ, слышавъ ея слова, привелъ къ ней не одного, а двухъ мальчиковъ, одаренныхъ необыкновенными способностями, и напомнилъ ей обѣщаніе. Она не отреклась отъ своихъ словъ; приняла обоихъ мальчиковъ въ свое семейство, воспитала ихъ и нынѣ они оба въ консерваторіи; я слышалъ игру меньшаго и видѣлъ выраженіе радости и счастія въ его лицѣ. Очень вѣроятно, что великодушная женщина сдѣлала бы тоже самое, можетъ быть для тѣхъ-же самыхъ дѣтей, и безъ моего романа; все таки онъ былъ тутъ въ нѣкоторой степени звѣномъ въ цѣпи.

На обратномъ пути изъ Парижа, я поѣхалъ вдоль Рейна; я зналъ, что поэтъ Фрейлигратъ жилъ въ одномъ изъ Прирейнскихъ городовъ. Живописный элементъ въ его стихотвореніяхъ всегда восхищалъ меня, и мнѣ очень хотѣлось видѣть его и побесѣдовать съ нимъ. Я останавливался въ разныхъ городахъ на Рейнѣ и освѣдомлялся о немъ; наконецъ въ Санктъ-Гоарѣ указали мнѣ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Я засталъ его за письменнымъ столомъ, и сначала онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что незнакомецъ отрывалъ его отъ работы. Я не назвался, а сказалъ только, что не хотѣлъ миновать Санктъ-Гоара, не засвидѣтельствовавъ своего почтенія поэту Фрейлиграту. — «Это очень любезно съ вашей стороны отвѣчалъ онъ холодно, и съ явною досадою, и за тѣмъ спросилъ мое имя. — «У насъ съ вами одинъ общій другъ, Шамиссо,» отвѣчалъ я. При этомъ имени глаза его заблистали радостью; онъ вскочилъ изъ за стола, и бросился мнѣ на шею, говоря: — «Андерсенъ! это вы, непремѣнно! Вы должны погостить у меня нѣсколько дней.» Я объяснилъ ему, что не могу пробыть болѣе двухъ часовъ, потому-что ѣхалъ съ цѣлымъ обществомъ земляковъ, и что они ждали меня. — «У васъ множество друзей въ нашемъ небольшомъ Санктъ-Гоарѣ, сказалъ онъ; я недавно читалъ вслухъ, передъ многочисленнымъ обществомъ, вашъ романъ «O. Z.»; я пошлю однако за однимъ изъ вашихъ друзей, да должно вамъ познакомиться съ моею женою; вы, вѣроятно, и не подозрѣваете, что вы отчасти виновникъ моей женитьбы!

Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ мой романъ «Только Скрипачъ,» подалъ поводъ къ перепискѣ и къ знакомству, которыя кончились сватьбою. Онъ позвалъ жену, назвалъ меня, и я былъ принятъ, какъ старинный другъ. Такія мгновенія — благословеніе Божіе, небесная милость! и сколько такихъ счастливыхъ мгновеній выпало на мою долю въ жизни!

Я разсказываю всѣ эти радости, потому-что онѣ факты моей жизни; разсказываю ихъ, какъ прежде разсказывалъ горести, страданія, оскорбленія, уничтоженія; разсказываю все, какъ оно хранится въ моей душѣ, и не думаю, чтобы это можно было приписать гордости или тщеславію; конечно дать это названіе тому чувству, которое побуждаетъ меня къ этому, было бы несправедливо. Но, спросятъ, можетъ быть, въ моемъ отечествѣ, неужели Андерсенъ, за границею ни разу не подвергался осужденіямъ? и я долженъ отвѣчать — нѣтъ. Настоящихъ осужденій я еще не встрѣчалъ; по-крайней мѣрѣ-мнѣ ихъ не указывали въ отечествѣ, и я заключаю изъ этого, что ихъ не было; за исключеніемъ развѣ одной книги, напечатанной въ Германіи, но родившейся въ Даніи, въ то самое время, какъ я былъ въ Парижѣ. Какой-то г. Боасъ совершилъ въ то время путешествіе по скандинавскимъ землямъ, и написалъ о немъ книгу, въ которой, между прочимъ, представилъ родъ очерка датской литературы. Въ этомъ очеркѣ, который былъ напечатанъ сначала въ журналѣ «Die Grenzboten,» онъ отзывается не совсѣмъ вѣжливо обо мнѣ, какъ писателѣ и какъ человѣкѣ; впрочемъ и нѣкоторые другіе датскіе писатели, напримѣръ Христіанъ Винтеръ, не могутъ похвалиться снисхожденіемъ автора. Г. Боасъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ повседневныхъ городскихъ розказней и сплетенъ, и въ этомъ отношеніи книга его обратила на себя въ Копенгагенѣ такое вниманіе, что каждый боялся, чтобы ему не приписали въ ней какого-либо участія; поэтъ Гольстъ, который, какъ видно изъ самаго сочиненія, ѣздилъ съ авторомъ въ Швецію, и у котораго онъ жилъ въ Копенгагенѣ, счелъ даже нужнымъ публично, въ одной изъ наиболѣе читаемыхъ газетъ, отречься отъ всякихъ сношеній съ г. Боасомъ и объявить, что онъ вовсе не раздѣляетъ его мнѣній. Г. Боасъ сошелся въ Копенгагенѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, принадлежащими къ извѣстной партіи, и все, что они ему въ веселую минуту высказывали о датскихъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ, онъ записывалъ и составилъ такимъ об-

разомъ книгу; онъ поступилъ немножко необдуманно, чтобы не выразиться рѣзче. Если «Импровизаторъ» и «Только скрипачъ» ему не понравились, это дѣло вкуса, и я не имѣю права сѣтовать; но описывая меня передъ всею Германіею какъ гордеца и человѣка тщеславнаго въ высшей степени, и выдавая этотъ приговоръ за общее мнѣніе обо мнѣ всѣхъ моихъ соотечественниковъ, онъ сдѣлалъ мнѣ болѣе зла, чѣмъ, можетъ быть, предполагалъ: онъ перенесъ за границу голосъ уже не существующей, враждебной мнѣ партіи. Сверхъ того, онъ не добросовѣстенъ въ своемъ описаніи и выдаетъ за несомнѣнные факты вещи вовсе не существовавшія. Въ Даніи книга его не могла повредить мнѣ; надъ г. Боасомъ только подшучивали, и многіе замѣчали, какъ опасно имѣть дѣло съ человѣкомъ, который печатаетъ все, что ни услышитъ. Но книга его читается и въ Германіи, которой публика составляетъ часть и моей публики; вотъ почему я счелъ нужнымъ сказать, какъ ошибочны его понятія о датской литературѣ и датскихъ писателяхъ, какъ смотрятъ на его книгу въ моемъ отечествѣ, и что тамъ всѣ знаютъ, какимъ образомъ она составлена. Совсѣмъ иначе отозвался бы онъ обо мнѣ, еслибъ пріѣхалъ въ Данію годомъ позже; въ одинъ годъ многое измѣняется. Черезъ годъ ярко заблистала моя звѣзда, когда я издалъ свои новыя сказки, которыя распространили по всей Даніи лестное мнѣніе обо мнѣ, не измѣнившееся до настоящаго времени. Съ выхода моего собранія сказокъ, къ Рождеству 1843 года, вся Данія признала меня однимъ изъ своихъ любимыхъ поэтовъ, и съ тѣхъ поръ я не имѣю поводу жаловаться на публику; съ тѣхъ-поръ она оказываетъ мнѣ можетъ-быть, болѣе, чѣмъ я заслуживаю. Обращаюсь къ этимъ сказкамъ, которыя въ Даніи безусловно ставятся несравненно выше всего, что я писалъ до настоящаго времени.

Еще въ 1835 году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ выхода моего «Импровизатора,» выдалъ я первую книжку своихъ сказокъ, на которыя тогда, вообще, не было обращено большаго вниманія. Одинъ критическій журналъ изъявлялъ даже сожалѣніе, что молодой человѣкъ, только что издавшій твореніе подобное «Импровизатору,» пускался въ такой ребяческій родъ литературы, какъ сказки; я ожидалъ поощренія за то, что пыталъ свои силы на новомъ поприщѣ, а вмѣсто того встрѣтилъ одно осужденіе. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, которыхъ мнѣніе я очень уважалъ,

совѣтовали мнѣ бросить сказки, говоря что онѣ вовсе не въ характерѣ моего таланта; другіе совѣтовали мнѣ сначала изучить французскіе образцы сказокъ. Я пересталъ печатать сказки, но не пересталъ писать ихъ, потому-что онѣ сами неотступно просились на бумагу. Въ первой книжкѣ, я, по примѣру Музеуса, разсказывалъ по своему старыя сказки, слыханныя мною въ дѣтствѣ; впрочемъ присоединилъ къ нимъ одну оригинальную, которая, кажется, всѣхъ болѣе поправилась, не смотря на довольно близкое родство съ одною сказкою Гофмана. Охота къ сказкамъ, и преимущественно къ изобрѣтенію оригинальныхъ сказокъ, все усиливалась во мнѣ, и въ слѣдующемъ году я выдалъ вторую книжку, а вскорѣ за тѣмъ третью, въ которой была помѣщена болѣе развитая оригинальная сказка «О молодой русалкѣ.» Эта сказка возбудила всеобщій интересъ, который потомъ усиливался съ выходомъ каждой новой книжки; къ каждому празднику Рождества выпускалъ я новую книжку, и скоро мои сказки стали необходимою принадлежностью рождественской ёлки. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ комиковъ попробовали читать ихъ на театрѣ, вмѣсто декламированія стихотвореній, которое уже всѣмъ надоѣло до нельзя; такъ были читаны на Королевскомъ и на частныхъ театрахъ «Неустрашимый солдатъ;» «Свинопасъ» и «Волчокъ и мячикъ,» и имѣли большой успѣхъ. Чтобы дать понятіе читателямъ о томъ, въ какомъ духѣ и родѣ я думалъ разсказывать эти сказки, я назвалъ первую книжку «Сказками для дѣтей;» и въ самомъ-дѣлѣ я писалъ ихъ совершенно тѣмъ-же языкомъ и въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ самъ разсказывалъ ихъ дѣтямъ, и убѣдился, что онѣ равно могли интересовать всѣ возрасты: дѣти восхищались преимущественно обстановкою, взрослыхъ интересовала заключенная въ ней мысль. Сказки стали книгою, назначенною и для дѣтей и для взрослыхъ, а это, конечно, не легкая задача для сочинителя сказокъ; онѣ проникли во всѣ дома Даніи, и вездѣ были пригрѣты и приласканы, какъ друзья. Когда я рѣшился вычеркнуть изъ заглавія прибавленіе «для дѣтей,» и издалъ три книжки «Новыхъ сказокъ,» бо́льшею частью оригинальныхъ, онѣ были приняты въ моемъ отечествѣ съ величайшею благосклонностью. Бо́льшаго успѣха я имъ и желать не могъ, и я даже боялся, что не буду въ состояніи оправдывать впослѣдствіи лестныхъ отзывовъ, которые они возбудили. Успѣхъ оживилъ меня, какъ майское солнце; я почувствовалъ въ себѣ новыя силы къ дѣятельности, новое, неотступное стремленіе разви-

вать свои способности на избранномъ мною поприщѣ, глубже вникнуть въ сущность и условія сказки, глубже изучить богатый источникъ, изъ котораго я долженъ черпать, природу. И конечно, кто разсмотритъ мои сказки въ томъ порядкѣ, какъ онѣ были писаны, тотъ увидитъ въ каждой изъ нихъ успѣхъ въ сравненіи съ предыдущею, бо́льшую рельефность основной мысли, бо́льшее умѣніе пользоваться средствами, больше силы и свѣжести.

Къ этому времени относится знакомство, имѣющее огромное значеніе въ моей духовной жизни. Я уже не разъ упоминалъ о личностяхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, которыя имѣли большее или меньшее вліяніе на меня, какъ писателя; но никто не имѣлъ на меня такаго глубокаго и благотворнаго вліянія, какъ женщина, о которой я намѣренъ говорить; она научила меня забывать свою собственную личность, и вполнѣ понимать высокое значеніе искусства и призваніе, которое Богъ далъ таланту.

Возвращаюсь къ 1840 году. Въ гостинницѣ, въ которой я жилъ въ Копенгагенѣ, увидѣлъ я однажды, между именами пріѣзжихъ изъ Швеціи, имя Женни Линдъ. Я зналъ, что она была первою пѣвицею въ Стокгольмѣ. Въ томъ самомъ году я былъ въ Швеціи, и повсюду встрѣчалъ радушный, ласковый пріемъ; по этому я счелъ долгомъ предложить свои услуги молодой шведской артисткѣ, которая въ то время была совершенно неизвѣстна внѣ своего отечества, такъ что и въ Копенгагенѣ, я думаю, немногіе знали ея имя. Она приняла меня учтиво, но холодно, чуждаясь меня. Когда мы разошлись, она осталась въ моей памяти, какъ существо самое обыкновенное, а скоро я и совсѣмъ забылъ о ней. Осенью 1843 года, она опять пріѣхала въ Копенгагенъ; одинъ изъ моихъ друзей, нашъ даровитый балетмейстеръ Бурнонвиль, женатый на шведкѣ, пріятельницѣ Женни Линдъ, извѣстилъ меня о ея пріѣздѣ, и сказалъ, что она вспомнила обо мнѣ и очень лестно отзывалась о моихъ сочиненіяхъ. За тѣмъ онъ просилъ меня идти къ ней и присоединиться къ нему, чтобы убѣдить ее дать нѣсколько представленій на Королевскомъ театрѣ, присовокупивъ, что я самъ буду въ восторгѣ отъ того, что услышу. Она встрѣтила меня уже не какъ чужаго; дружески подала мнѣ руку и заговорила о моихъ сочиненіяхъ и о Фридерикѣ Бремеръ, съ которою она была очень дружна. Мы съ Бурнонвилемъ стали уговаривать ее играть въ Копенгагенѣ, но она

ужасно боялась. — «Я никогда еще не являлась на театрѣ внѣ Швеціи, говорила она; въ моемъ отечествѣ всѣ такъ расположены ко мнѣ, такъ снисходительны и добры! въ Копенгагенѣ меня, можетъ быть, освищутъ. Я не смѣю.» Я отвѣчалъ ей, что не могу судить о ея пѣніи, никогда не слыхавъ ея, и не знаю есть-ли у нея драматическій талантъ; но что я убѣжденъ, что при настоящемъ расположеніи Копенгагена, съ сколько-нибудь порядочнымъ голосомъ и сносною игрою, она будетъ имѣть успѣхъ, и что, слѣдовательно, она можетъ смѣло рѣшиться. Убѣжденія Бурнонвиля доставили наконецъ Копенгагену одно изъ величайшихъ наслажденій, какія могутъ припомнить его жители. Женни Линдъ явилась въ «Робертѣ,» въ роли Алисы. Это было нѣчто, еще невиданное и неслыханное; дивный голосъ, полный юношеской свѣжести и силы, проникалъ всѣ сердца; выразительность пѣнія и естественность игры придавали партіи рельефность и глубокій смыслъ, которыхъ никто въ ней не предполагалъ. Послѣ того, Женни Линдъ пѣла въ концертѣ свои шведскія пѣсни, столь оригинальныя и увлекательныя, — слушатели забывали, что они въ концертной залѣ; народныя мелодіи со всею своею силою обаянія, исполненныя этимъ дивнымъ голосомъ, запечатлѣннымъ чистѣйшею женственностію и геніемъ; — и весь Копенгагенъ поддался этому обаянію. Женни Линдъ была первою артисткою, которой копенгагенскіе студенты дали серенаду. Тысячи факеловъ горѣли вокругъ гостепріимной виллы; Женни Линдъ благодарила гостей, повторивъ нѣкоторыя изъ своихъ шведскихъ пѣсенъ, и за тѣмъ удалилась въ уединенный уголокъ, чтобы облегчить сердце слезами. — «Да, говорила она, я чувствую, что должна еще учиться, должна приложить все свое стараніе, чтобы явиться настоящею артисткою, когда пріѣду въ другой разъ въ Копенгагенъ.» На театрѣ она великая артистка, покоряющая всѣхъ своимъ дарованіемъ; дома — скромная молодая дѣвушка, чистосердечная и кроткая, какъ ребенокъ. Появленіе ея въ Копенгагенѣ можетъ считаться эпохою въ исторіи нашей оперы; оно показало намъ искусство во всемъ его высокомъ значеніи, потому-что она сама — чистѣйшая жрица искусства. Вскорѣ по отъѣздѣ ея въ Стокгольмъ, Фредерика Бремеръ писала мнѣ: «мы совершенно согласны въ своихъ мнѣніяхъ о Женни Линдъ, какъ артисткѣ; въ искусствѣ она стоитъ такъ высоко, какъ, можетъ быть, ни одна артистка въ наше время; но вы еще не знаете ея во всемъ ея величіи. Заговорите съ нею о ея искусствѣ, и

вы изумитесь ея уму, вы увидите пламя вдохновенія въ ея лицѣ; заговорите съ нею о Богѣ и религіи, и вы увидите въ ея невинныхъ глазахъ слезы умиленія; высока она какъ артистка, но гораздо выше еще — какъ женщина.»

А. ГРЕКЪ.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа.)

По отъѣздѣ г-жи Рашель, которая, какъ вамъ извѣстно, отправилась пожинать лавры, гинеи и талеры въ Англіи и Германіи, задача вознаграждать публику Французскаго театра за отсутствіе его любимицы, должна была пасть, конечно, на г-жу Маделену Броганъ, потому что, не смотря на множество даровитыхъ артистовъ и артистокъ, составляющихъ его труппу, она одна, послѣ г-жи Рашель, обладаетъ тайною доставлять театру постоянно полные сборы. При этомъ дирекція вспомнила еще, что она очень давно уже обѣщала одну пьесу, именно «*Капризы Маріанны*» (Les caprices de Marianne) Альфреда де Мюссé, и что публика съ нетерпѣніемъ ждала исполненія обѣщанія. Мы не знаемъ, слѣдуетъ-ли благодарить г-жу Алланъ за то, что она, выбравъ еще въ Петербургѣ прелестную пословицу г. Мюссѐ «Un caprice», навела автора на мысль поставить на сцену всѣ свои драматическія сочиненія. Конечно, публика будетъ всегда съ удовольствіемъ смотрѣть каждое его произведеніе, если оно хорошо исполнено, потому что всегда пріятно слышать хорошее чтеніе хорошей книги; а всѣ произведенія г. Мюссé полны ума и поэзіи; сверхъ того въ нихъ есть какая-то томная мечтательность, которая совершенно овладѣваетъ вами, переноситъ васъ въ какой-то міръ, не то что бы фантастическій, но и не дѣйствительный, міръ, въ которомъ жизнь и дѣйствительность являются вамъ будто сквозь сонъ;

выходя съ представленія его пьесы, вы погружаетесь въ какую-то думу, полуприятную, полугрустную; это впечатлѣніе можно сравнить съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставляютъ въ душѣ читателя нѣкоторые коротенькіе, едва набросанные, недосказанные, если можно такъ выразиться, разсказы Гофмана и Тика. Все это всегда будетъ сильно содѣйствовать сценическому успѣху произведеній г. Мюссе; а между тѣмъ, если вы дадите себѣ отчетъ въ видѣнномъ и слышанномъ, вы принуждены будете сознаться, что это произведенія, назначенныя для чтенія, а не для сцены, что въ нихъ нѣтъ дѣйствія, слѣдовательно нѣтъ и драмы. Изъ всѣхъ сочиненій г. Мюссе, являвшихся донынѣ на сценѣ, развѣ одно только, «Андреа дель Сарто» можно назвать драмою, да и тутъ нужно быть очень снисходительнымъ: все остальное прелестные эскизы, tableaux de genre, но не драмы. Прочтите сами «*Капризы Маріанны*», и скажите есть-ли тутъ драма, когда дѣйствіе только что успѣетъ завязаться, и авторъ тутъ же оканчиваетъ его однимъ махомъ пера? Леліо влюбленъ въ прекрасную Маріанну, жену подесты Клаудіо; но добродѣтель Маріанны неприступна, она съ гордостью отвергаетъ любовь Леліо, и ему остается только умереть. «Горе тому, кто въ цвѣтѣ молодости предается безнадежной любви! Горе тому, кто отдастся на произволъ золотой мечты, не узнавъ сначала, куда она влечетъ его, и будетъ-ли ему воздано взаимностью! Лѣниво растянувшись въ челнокѣ, онъ нечувствительно удаляется отъ берега; онъ видитъ въ дали роскошныя равнины, необъятные лучи, легкій миражъ своего Эльдорадо; а когда разбудитъ его дѣйствительность, онъ очутится также далеко отъ цѣли, къ которой стремился, какъ и отъ берега, съ котораго отправился; и онъ не можетъ уже, ни плыть далѣе, ни возвратиться назадъ.» Такъ описываетъ поэтъ характеръ и положеніе Леліо. Но у Леліо есть другъ, Октавіо, совершенно противуположный ему характеромъ, беззаботная душа, который видитъ жизнь сквозь призму радости, и обращаетъ ее въ одну непрерывную цѣпь удовольствій. Октавіо тронутъ скорбью и любовью Леліо, и вызывается быть его ходатаемъ у гордой Маріанны, своей кузины; но Маріанна отвергаетъ ходатая также холодно, также надменно какъ и самого влюбленнаго. Между-тѣмъ Клаудіо, ревнивый, какъ многіе мужья, награжденные молодыми и хорошенькими женами, подслушалъ разговоръ, и воспылавъ ревностью, готовитъ кровавую, неаполитанскую месть. Онъ начинаетъ съ того, что затѣваетъ сцену Маріаннѣ, которой результатъ не трудно предвидѣть; гордая Маріанна, оскорблен-

пая и взбѣшенная, говоритъ Октавіо, что она согласна назначить свиданіе Леліо. Леліо, разумѣется, является въ назначенный часъ; но его поджидаютъ подосланные мужемъ убійцы. Тутъ только нѣчто похожее на слезу блещетъ на глазахъ ледяной Маріанны. Октавіо помышляетъ только о мщеніи за друга, и прощается со всѣми радостями, съ дружбою и съ любовью.— «Зачѣмъ же прощаться съ любовью?» спрашиваетъ Маріанна, съ томною улыбкою. — «Потому что я не люблю васъ, Маріанна, васъ любилъ Леліо!» И за тѣмъ занавѣсъ опускается. Авторъ написалъ два дѣйствія, и въ концѣ, въ двухъ словахъ говоритъ вамъ, или скорѣе заставляетъ угадывать, что это былъ только прологъ къ другой драмѣ, которая совершается въ сердцѣ этой повидимому столь холодной, столь безчувственной женщины, но драму опъ предоставляетъ развить воображенію самого зрителя. Г-жа Брогавъ съ честью выполнила не совсѣмъ легкую задачу, доставшуюся на ея долю, хотя можно бы пожелать, чтобы она рельефнѣе выставила задушевную мысль, которая, намъ кажется, должна проглядывать сквозь холодную, неприступную наружность Маріанны, и которую авторъ указалъ въ послѣднихъ словахъ пьесы.

Къ числу неисполненныхъ обѣщаній Французскаго театра принадлежала комедія г. Ліадьера. «*Плывущія палки*», которая была уже разучена и приготовлена къ представленію въ 1847 году, но отложена на неопредѣленное время.

Для любителей старины, Французскій театръ устроилъ истинный праздникъ, возобновивъ старинную пьесу, которая, если вѣрить ученымъ изыскателямъ, потѣшала французовъ еще въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Эта пьеса «*Адвокатъ Оплетало*», «L'avocat Patelin,» или «Pathelin avocat,» какъ она называлась первоначально въ передѣлкѣ аббата Брюейса, или еще лучше «la comédie des tromperies, finesses et subtilitez de maistre Pierre Pathelin, advocat à Paris», какъ она называется въ Руанскомъ изданіи 1656 года, перепечатанномъ съ изданія 1560 года; подъ послѣднимъ названіемъ игрался этотъ фарсъ въ балаганахъ, на ярмаркахъ, въ 1470 году, и приписывается однимъ Франсуа Корбюэлю, по прозванію Виллону (François Corbueil, dit Villon), а другими доминиканцу, отцу Бланше, родившемуся въ 1459 году. Возобновлена она, разумѣется, въ позднѣйшей передѣлкѣ аббата Брюэйса и Паленха, которая, съ 1706 года вытѣснила

со сцены всѣ прежнія передѣлки этого оригинальнаго произведенія чисто народной фантазіи.

Комическая Опера, не смотря на лѣтнее время, хотѣла порадовать своихъ посѣтителей, если не новостью, то по-крайней-мѣрѣ возобновленіемъ; къ сожалѣнію выборъ пьесы не совсѣмъ удаченъ. Опера Au fidèle berger (*подъ вывѣскою вѣрнаго пастушка*) гг. Скриба и Сенъ-Жоржа, съ музыкою Адольфа Адана, явилась первоначально въ 1838 году, и если не упала совершенно, то во всякомъ случаѣ была принята очень равнодушно, и скоро сошла со сцены. Въ то время, помнится намъ, г. Адольфъ Аданъ объяснялъ въ одной газетѣ, что неуспѣхъ его оперы былъ слѣдствіемъ происковъ парижскихъ кондитеровъ, которые боялись, чтобы она не пустила въ моду одно заведеніе подъ тою же вывѣскою. Не знаемъ, до какой степени это объясненіе заслуживаетъ вѣры, не знаемъ также, существуетъ-ли нынѣче кондитерская подъ такою вывѣскою, и возобновили-ли ея соперники свои прежніе происки,—но оперѣ, по возобновленіи, ничуть не лучше повезло, чѣмъ въ первый разъ. Мы впрочемъ, находимъ тому очень простыя причины, и безъ заговора, въ которомъ г. Аданъ обвинялъ весь цехъ парижскихъ кондитеровъ; причина ата заключается въ крайнемъ ничтожествѣ либретто, которое не выкупается и особенными достоинствами партитуры. Кондитеръ Кокерель влюбленъ въ мамзель Анжелику, дочь его сосѣдки, помадницы мадамъ Бергамотъ. Но какой-то негодяй, мосьё Коаленъ имѣетъ виды на хорошенькую лавочницу, и для исполненія своего желанія придумываетъ премудреный планъ. Мадамъ де Помпадуръ, — дѣйствіе происходитъ въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, — нашла въ конфектахъ, присланныхъ изъ кондитерской Кокереля, билетикъ, въ которомъ какой-то острякъ не пощадилъ ее. Кокерель тутъ не виноватъ ни тѣломъ, ни душой, но тѣмъ не менѣе ему пришлось-бы просидѣть въ Бастильѣ, еслибъ мосье Коаленъ не уговорилъ сержанта вести его, вмѣсто Бастиліи, на его дачу. Для Кокереля, впрочемъ, нѣтъ отъ того никакой выгоды, потому-что онъ, на дачѣ Коалена, убѣжденъ, что онъ въ Бастильѣ. Хозяинъ предлагаетъ ему свободу, если онъ согласится жениться на невѣстѣ, которую ему укажутъ, и тотчасъ-же ѣхать въ провинцію. Поломавшись немного, кондитеръ соглашается; но узнавъ въ невѣстѣ свою возлюбленную Анжелику, не хочетъ разставаться съ нею; за что Коаленъ уже въ самомъ дѣлѣ отправляетъ его въ Бастилью. Кокерель, однако и тутъ выпутывает-

ся изъ бѣды; вырвавшись изъ рукъ сержанта, онъ бросается въ Сену, переплываетъ ее, и тихонько пробирается на свою квартиру, гдѣ находитъ кромѣ своей молодой жены еще мамзель Доротею, пріѣхавшую изъ провинціи, чтобы опредѣлиться къ нему въ конторщицы. Оказывается, что эта мамзель Доротея никто иная, какъ законная половина негодяя Коалена; такъ что когда онъ является на ужинъ, заранѣе торжествуя свою побѣду, его встрѣчаетъ жена, и онъ принужденъ отказаться отъ всякихъ притязаній на невѣсту контитера. Въ партитурѣ есть нѣсколько довольно удачныхъ нумеровъ; но вообще, какъ мы уже сказали, она идетъ объ руку съ либретто; и весьма вѣроятно, что послѣ нѣсколькихъ представленій, опера опять отправится на неопредѣленное время въ театральный архивъ.

Съ нѣкотораго времени парижскіе оперные театры почти не имѣютъ постоянныхъ труппъ. Оно, правда, и мудрено довольно для театровъ, которые, подобно парижскимъ, хотятъ непремѣнно слыть первыми въ мірѣ; первый въ мірѣ театръ долженъ держать и первыхъ въ мірѣ артистовъ, а такихъ артистовъ, въ наше время, не уговоришь на продолжительный контрактъ ни за какія деньги; они предпочитаютъ контрактъ на два, на три мѣсяца, или даже на нѣсколько представленій, въ полной увѣренности, что по прошествіи этого срока, представится случай заключить такой же контрактъ въ другомъ городѣ. А это ставитъ дирекціи въ необходимость и съ второстепенными артистами заключать короткіе контракты, чтобы не имѣть въ труппѣ лишнихъ людей, которые, во время гощенія знаменитостей, будутъ брать даромъ деньги. Немудрено, что дирекціи находятъ тутъ и другую выгоду, поддерживая любопытство публики къ старымъ пьесамъ безпрестанною перемѣною исполнителей, потому что исполненіе, въ наше время, вдвое болѣе интересуетъ ее, чѣмъ достоинства исполняемаго произведенія. Какъ-бы то ни было, но не проходитъ почти двухъ недѣль, чтобы не было дебютовъ на томъ или другомъ изъ оперныхъ театровъ. Такъ въ Большой Оперѣ, кромѣ пѣвицъ, Пуансо и Керіо, о которыхъ мы говорили въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, дебютировали въ послѣднее время г-жи Пети Бріеръ, которая теперь дебютируетъ въ Комической Оперѣ, и Марія Дюси; первая уже извѣстна публикѣ со временъ третьяго Лирическаго Театра, основаннаго въ 1847 году Адольфомъ Аданомъ, и существовавшаго одинъ только годъ; она обладаетъ очень хорошимъ контральтомъ, пріятнымъ и хорошо выработаннымъ, и

къ тому же умная актриса; дебюты ея въ Комической-Оперѣ въ короткое время поставили ее въ число любимицъ публики. Г-жа Дюси, заступившая мѣсто г-жи Пети Бріеръ въ Большой Оперѣ, еще очень молодая артистка, и кажется, въ первый разъ является на сценѣ; у нея хорошій голосъ, но ей много еще надо трудиться, чтобы сравниться съ своею предшественницею. Изъ пѣвцовъ, дебютировавшихъ на сценѣ Большой Оперы, кромѣ Мера или вѣрнѣе Мерельта (Meerelt) — онъ фламандецъ, но для французской публики передѣлываетъ свое имя на французскій ладъ Mairalt, а въ Лондонѣ слыветъ итальянцемъ Маральти, — который съ такимъ блескомъ дебютировалъ зимою въ «Жидовкѣ» и въ «Вильгельмѣ Телѣ», замѣчательнѣйшіе Эме (Aymès), теноръ съ пріятнымъ но весьма слабымъ и довольно необразованнымъ голосомъ, Шапюи, также теноръ, обладающій превосходнымъ голосомъ, и очень хорошій пѣвецъ, но весьма плохой актеръ. Ліонъ, молодой баритонъ, подающій большія надежды, и извѣстный баритонъ Морелли, бывшій зимою въ Итальянской Оперѣ. Недавно пріѣхалъ изъ провинціи еще теноръ, Руссо де Лагравъ, и дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ въ «Фаворткѣ» и въ «Лучіи»; онъ особенно отличается необыкновенною мягкостью голоса и чувствомъ. Обѣщаютъ еще къ зимѣ знаменитую нѣмецкую пѣвицу, г-жу Вагнеръ, (племянницу композитора Рихарда Вагнера), которая, говорятъ, привела въ такой восторгъ Мейербера, что онъ рѣшился дать дирекціи свою *Африканку*, съ тѣмъ, чтобы на главную роль была ангажирована г-жа Вагнеръ.

Въ Комической Оперѣ, кромѣ г-жи Пети-Бріеръ, дебютируетъ теноръ Рикье-Делонэ, совершенная противуположность г-ну Шапюи, отличный актеръ, но весьма посредственный пѣвецъ; впрочемъ въ скоромъ времени обѣщаютъ двѣ провинціяльныя знаменитости, тенора Карре изъ Руана и тенора-же Дюфрена изъ Ліона.

Большая Опера придумала еще другую приманку для завлеченія публики, ангажировавъ цѣлую труппу природныхъ испанскихъ танцоровъ и танцовщицъ, которые, пожалуй, произведутъ переворотъ въ исполненіи андалузскаго *халео*, аррагонской *хоты*, *сандунсы* тріанской и другихъ испанскихъ танцевъ; весь Парижъ бѣгаетъ смотрѣть ихъ, особенно-же сеньоровъ Барторето и Пунчъ и сеньоръ Розу Эсперль и Хоакину Сегура.

Впрочемъ мысль этого нововведенія Большая Опера заимствовала у театра Драматической Гимназіи, который сдѣлалъ такіе богатые сборы нѣсколькими представленіями испанскихъ танцоровъ, что возобновилъ ихъ ангажементъ на нѣсколько недѣль. Одна танцовщица особенно, сеньора Педра Камара приводитъ въ восхищеніе весь Парижъ своею красотою и дѣйствительно замѣчательнымъ талантомъ.

Успѣхи Педры Камары и ея товарищей не заставляютъ однако Драматическую Гимназію пренебрегать успѣхами на собственномъ своемъ поприщѣ; дирекція продолжаетъ ставить новыя пьесы, не въ очень большомъ числѣ, но достаточно по настоящему, лѣтнему времени, и между ними мы замѣтили одну довольно миленькую. Это комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Баяра и Біевиля «*Судьба!*» Люсьенъ, молодой морякъ, и весьма умный и достойный человѣкъ, но отчаянный фаталистъ; что съ нимъ ни случится, доброе или дурное, радость или горе, на все у него одинъ отвѣтъ: «Судьба!» Впрочемъ быть фаталистомъ довольно пріятно тому, кого судьба такъ балуетъ, какъ Люсьена. Судьба устраняетъ всѣ препятствія и женитъ его на прелестной дѣвушкѣ и богатой невѣстѣ, въ которую онъ влюбленъ по уши и которая его любитъ; и все это судьба устраиваетъ безъ малѣйшаго содѣйствія съ его стороны. Послѣ этого еще бы не признавать ему всемогущества и благости судьбы! Люсьенъ пріѣзжаетъ къ мосье де-Серни, и застаетъ тутъ своего пріятеля Жоржѐ, который объявляетъ ему, что женится на мадмуазель Серни, и приглашаетъ его въ шаферы. Но каковы удивленіе и горесть Люсьена, когда онъ узнаетъ въ Генріеттѣ прелестную блондинку, которую онъ зналъ въ Провансѣ, и которая оставила неизгладимое впечатлѣніе въ его душѣ. Генріетта, съ своей стороны, поражена не менѣе его, потому-что она выходитъ за Жоржа только въ угоду отцу, сердце же ея давно принадлежитъ Люсьену. Чтобы удостовѣриться, что это дѣйствительно тотъ-же молодой офицеръ, за котораго она его принимаетъ, она начинаетъ заговаривать о Провансѣ, о ихъ прежнемъ знакомствѣ; но Люсьенъ прикидывается, будто въ первый разъ слышитъ объ этомъ; онъ уже рѣшилъ, что видно не судьба ему жениться на Генріеттѣ и не хочетъ по напрасну тревожить ея сердца и покоя ея мужа. Но его увѣренія вовсе не убѣждаютъ Генріетты. Ея сестра, мадамъ Беренго принимается въ свою очередь допрашивать его, и онъ открываетъ ей истину и свое намѣреніе немедленно уѣхать; а чтобы такой внезапный

отъѣздъ не возбудилъ подозрѣнія, они условливаются, что онъ будетъ ухаживать за мадамъ Беренго, чтобы побудить ея ревниваго мужа удалить его. Сказано, сдѣлано; Беренго дается въ обманъ и употребляетъ всѣ средства, чтобы его спровадить. Во второмъ дѣйствіи встрѣчаемъ мы Люсьена на постояломъ дворѣ; онъ размышляетъ о судьбѣ и не судьбѣ, когда является хозяйка просить его уступить свой нумеръ пріѣзжимъ дамамъ; онъ соглашается, и готовится уже очистить комнату; но сонъ преодолѣваетъ его, и онъ засыпаетъ въ креслахъ. Въ этомъ положеніи и въ то самое мгновеніе, какъ онъ во снѣ произноситъ имя Генріетты, застаетъ его сама Генріетта, пришедшая занять отведенную ей комнату; потому что, должно вамъ сказать, судьба непремѣнно хочетъ свести ихъ, и привела все семейство Серпи на тотъ же постоялый дворъ, въ которомъ думалъ переночевать Люсьенъ. Радостное восклицаніе дѣвушки пробуждаетъ Люсьена, который, видя въ этой встрѣчѣ руку судьбы, не можетъ уже таить своей любви, Генріетта не хочетъ уже выходить за Жорже; но въ это мгновеніе отворяется дверь и, — нужно-же было авторамъ испортить всю пьесу этою испошленною сценою сомнамбулизма! — входитъ старикъ Серпи со свѣчою въ рукѣ, и во снѣ повѣдаетъ молодымъ людямъ и публикѣ фамильную тайну, принуждающую его отдать дочь за Жорже. Нѣтъ, не судьба Люсьену жениться на Генріеттѣ, и онъ хочетъ немедленно бѣжать; но дверь заперта снаружи, а подъ окномъ рѣка. Къ счастью или къ несчастью, мадамъ Беренго приходитъ выручить его и сестру, не заботясь о томъ, что ревнивый мужъ не спускаетъ съ нея глазъ; дѣйствительно, заставъ ее опять съ мнимымъ своимъ соперникомъ, Беренго вызываетъ его стрѣляться. Все готово къ свадьбѣ; невѣста уже надѣла подвѣнечное платье и вѣнокъ, но судьба поклялась, что не Жорже, а Люсьену быть мужемъ Генріетты, и если она до-сихъ-поръ ставила столько препятствій на пути своего любимца, то это вѣроятно потому, что жалуетъ гг. Баяра и Біевиля не менѣе Люсьена и не хотѣла лишить ихъ матеріала на три дѣйствія. Пора уже отправляться къ меру; но въ это самое мгновеніе приносятъ Люсьена, разбитаго лошадью, — моряку вѣдь позволительно быть плохимъ наѣздникомъ. Беренго начинаетъ ревновать и бѣситься пуще прежняго, такъ что жена должна открыть ему предметъ любви мнимаго соперника. Генріетта, съ своей стороны, начисто объявляетъ, что не пойдетъ за Жорже, сестра и зять заступаются за нея, и жениху, чтобы не остаться въ дуракахъ, остается только разыграть великодушнаго, отказав-

шись отъ своихъ правъ и вложивъ руку невѣсты въ руку Люсьена. Судьба!

«*Дама о трехъ цвѣтахъ*» (La dame aux trois couleurs), комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Шарля Денойе, данная на томъ же театрѣ, очень не замысловата, даже пошла, но довольно забавна. Въ ней представляется водевильный мужъ простякъ, котораго дражайшая супруга возводитъ въ должность своего телеграфа; она такъ его любитъ, что сама заботится каждый день о томъ, какой ему надѣть жилетъ: зеленый, желтый или красный; извѣстно-же, что зеленый цвѣтъ — эмблема надежды, желтый,— вѣрности, постоянства; красный — гнѣва. Но между тѣмъ какъ мосье де-Леспаръ переговаривается посредствомъ этого телеграфа съ мадамъ де-Марель, дома ему угрожаетъ почти одинаковая участь съ мосье де Марёлемъ, потому-что кузенъ Генріетты, мосье Леонъ, вовсе не прочь оттого, чтобы воспользоваться одиночествомъ и скукою молодой жены. Но мосье де Леспаръ не такъ простъ, какъ мосье де Марель; онъ тотчасъ смекаетъ опасность, и принимаетъ мѣры для ея отвращенія; является съ повинною къ женѣ, а Леона пристроиваетъ къ мѣсту, въ которое назначенъ мосье де Марель; авось и ему, въ утѣшеніе, придется справляться съ жилетнымъ телеграфомъ!

Третья пьеса Драматической-Гимназіи, не смотря на свое названіе «*Жена обманывающая мужа*», нисколько не похожа на предъидущую; это пьеса чувствительная и нравоучительная по мнѣнію авторовъ. Франсуа, въ первое время послѣ женитьбы, былъ примѣрный мужъ и честный, трудолюбивый ремесленникъ; но вдругъ онъ перемѣнился, началъ пренебрегать работою, дурно обращаться съ женою, и возвращаться домой не иначе, какъ зашедши дорогою въ кабакъ. Бѣдная Марія не знаетъ чему приписать эту внезапную перемѣну, если-бъ ея крестному отцу и старому хозяину Франсуа, Тувенелю не вздумалось посѣтить молодыхъ. Онъ тотчасъ догадывается, что у Франсуа должно быть сердечное горе, допрашиваетъ его, и ремесленникъ со слезами разсказываетъ ему, что жена его обманываетъ, что она работаетъ день и ночь и даже продала серьги, подаренныя ей мужемъ для воспитанія какого-то ребенка. Тувенель огорченъ не менѣе Франсуа, потому что онъ всегда любилъ крестницу, какъ родную. Онъ дѣлаетъ ей строгій допросъ; молодая женщина сначала очень смущена и поражена взводимымъ на нее подозрѣніемъ; но потомъ

оправившись, объясняетъ, что этотъ ребенокъ — сынъ бѣдной женщины, которую Франсуа покинулъ для нея, и которая умерла съ горя. Само собою, что мужъ проситъ прощенія у жены, и что миръ снова водворяется въ домѣ. Если не ошибаемся, гг. Моро́ и Делакуръ заимствовали первую мысль своей комедіи изъ одной пьесы, которой мы не припомнимъ названія, игранной лѣтъ двѣнадцать назадъ; но, надо сознаться, подражатели далеко отстали отъ своего образца въ отношеніи истины интриги, неподдѣльности чувства и глубины правоученія.

Театръ Разнообразія воспользовался перемѣною дирекціи, чтобы прекратить на нѣсколько недѣль свои представленія, и въ это время произвести нѣкоторыя перемѣны и улучшенія въ залѣ. Послѣ этого онъ, по принятому обычаю, долженъ былъ открыться прологомъ, въ которомъ, какъ водится во всѣхъ прологахъ, передъ зрителями проходили въ лицахъ всѣ знаменитости театра, Тьерсленъ, Такопѐ, Бриве́, Потьѐ, Вернѐ, Одри, Женни-Колонъ, муза разнообразія и муза пѣсни, геній прошедшаго и геній будущаго. Разбирать въ сочиненіяхъ такого рода нечего, скажемъ только, что прологъ названъ «*Тремя возрастами Разнообразія*» и принадлежитъ перу г. Гастона де-Монто́.

Прологъ сопровождался двумя новыми пьесками, которыя, вѣроятно, ознаменовались бы болѣе или менѣе блестящимъ паденіемъ, еслибъ торжество открытія театра не располагало зрителей къ снисхожденію. Въ «*Примрозской мызѣ*», гг. Кормонъ и Дютертръ выводятъ молодаго поселянина, Джемза, который любитъ Мэри, такую же поселянку, но не хочетъ на ней жениться, потому только, что не можетъ рѣшиться осудить ее на грубыя хозяйственныя работы, хотя сама Мэри вовсе не находитъ, чтобы ей не по силамъ было печь пуддинги и смотрѣть за домомъ. Между-тѣмъ какой-то повѣса ухаживаетъ за Мэри подъ видомъ мясника, а добродушный Джемзъ помогаетъ ему, не подозрѣвая обмана. Но одинъ почтенный другъ охраняетъ молодыхъ людей; онъ угадалъ намѣренія молодаго повѣсы, и предупреждаетъ Джемза, не открывая ему имени соперника. Джемзъ вызываетъ его на кулачки, но въ Англіи и лорды дерутся на кулачкахъ лучше мужиковъ и повѣса остается побѣдителемъ; въ досадѣ своей, что умыселъ его проникнутъ, и что Мэри его не любитъ, онъ положилъ бы Джемза на мѣстѣ, еслибъ старый другъ не розняль бойцовъ и не объявилъ повѣсѣ, что благодаря вліянію Джемза на поселянъ, онъ,

избранъ депутатомъ. Затѣмъ всѣ остаются довольны, и Джемзъ рѣшается ѣсть пудинги печенья своей жены Мэри.

Водевиль гг. Дюпети и Гранжé «Съ мебелью и безъ мебели», не богаче содержаніемъ. Телемакъ и Альбертина—мужъ и жена, и не то, что не любятъ другъ друга, а только живутъ врозь, потому что не могутъ ужиться вмѣстѣ. У Телемака ни стула, ни стола; все продано съ молотка; у Альбертины, живущей съ нимъ объ дверь, есть мебель, хотя и та подъ присмотромъ сторожа отъ домоваго хозяина, за неплатежъ денегъ за квартиру. А надо вамъ сказать, что Телемакъ ждетъ изъ Монтаржиса чудака дядю, обойщика, который, изъ уваженія къ своему ремеслу, требуетъ непремѣнно, чтобы у племянника была приличная мебель; не то—не видать ему наслѣдства. Альбертина придумываетъ средство помочь бѣдѣ; выпроводивъ хитростью хозяйскаго сторожа, отворяетъ дверь къ сосѣду, и въ пять минутъ его квартирка убрана на славу. Послѣдующее угадывается само собою; чудакъ-дядя въ восторгѣ отъ племянника и даетъ ему денегъ, а Телемакъ, на радости, мирится съ женою.

Довольно забавенъ, если не новъ и не оригиналенъ, водевиль гг. Леонса и Эжена Ню «*За занавѣсомъ.*» Каждое ремесло имѣетъ свои заботы и свои непріятности; ремесло водевилиста не изъято изъ общаго правила, и не только для новичковъ, но даже для ветерановъ водевиля, для тузовъ, ежемѣсячно получающихъ оброкъ со всѣхъ театровъ, и успѣвшихъ уже, на избытокъ своихъ доходовъ, завестись лошадьми и дачею. Пуще всего тоска водевилисту съ переписчиками. Сочинитель беретъ перебѣленную рукопись, читаетъ, и не узнаетъ собственнаго сочиненія среди всякаго рода безграмотностей, которыми испестрилъ его переписчикъ; онъ сердится и ругается, скоблитъ, поправляетъ, употребляетъ на то почти столько же времени, сколько потребовалось бы на сочиненіе новаго водевиля; тоска да и только! и за эту тоску онъ долженъ еще заплатить по пяти франковъ за каждое дѣйствіе своему мучителю. Хорошо еще, если по приведеніи кое-какъ рукописи въ надлежащій порядокъ, и по представленіи ея директору, въ ней найдется достаточное число счастливыхъ положеній и удачныхъ куплетовъ; тогда директоръ не будетъ слишкомъ строго смотрѣть на грамотность, а публика и того менѣе! Но бываютъ еще не такіе случаи! Положимъ, что водевилистъ,—назовемъ его хоть Дюкастелемъ,—вмѣсто безграмотнаго писца,

нападетъ на молодаго человѣка, напримѣръ на Люсьена, грамотнаго, толковаго, съ наблюдательнымъ умомъ, съ умѣньемъ схватывать мысль и пользоваться ею. Такой случай представляютъ гг. Леонсъ и Ню; и что выйдетъ? Писецъ самъ скроитъ водевильчикъ, подложитъ его директору Молеону, вмѣсто тяжеловѣснаго труда знаменитаго Дюкастеля, водевиль будетъ имѣть огромный успѣхъ, которымъ воспользуется знаменитый Дюкастель. Но положимъ еще, что Люсьенъ любитъ хорошенькую швейку, мамзель Клемансъ, что мамзель Клемансъ дѣвушка съ талантомъ, что она выучитъ главную роль, и въ данное время будетъ въ состояніи заступить мѣсто мамзель Клары, съ которою сдѣлалась истерика вслѣдствіе невѣжливаго свистка. Само собою разумѣется, что благодарный директоръ ангажируетъ мамзель Клемансъ, что Люсьенъ, изъ благодарности же, женится на ней, и что публика, наконецъ, возвратитъ Люсьену то, чѣмъ несправедливо красовался Дюкастель, а Дюкастелю урокъ, чтобы онъ впредь не давалъ переписывать своихъ водевилей смышленому писцу! Вотъ какія дѣла дѣлаются за занавѣсомъ!

Театръ Монтансье, недавно еще показывавшій своимъ посѣтителямъ Всемірную Выставку, вздумалъ опять примапить любопытныхъ, выставивъ на своей афишѣ англійское названіе «English exhibition»; но тѣ, которые дались на эту приманку, были очень обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, потому что гг. Курсель, Барьеръ и Гранжé представили имъ безсмысленную путаницу, заимствованную, будто бы, изъ англійскихъ правовъ, и въ которой о лондонской выставкѣ нѣтъ и помину. Это въ сто первый разъ возобновленная сказка о тавернахъ, въ которыхъ не добьешься ни куска хлѣба, ни стакана воды, ни кровати, и о томъ какъ Джонъ-Буль, надѣвъ веревку на шею жены, ведетъ ее на рынокъ, на продажу. Робинсонъ, содержатель такой таверны, такимъ способомъ сбываетъ жену, чтобы отдать ея комнату въ наемъ американцу, пріѣхавшему на выставку. Эвелину покупаетъ молодой французскій живописецъ, Оскаръ Коломбье, пріѣхавшій въ Лондонъ вслѣдъ за хорошенькою англичанкою, миссъ Фанни, въ которую онъ влюбился въ Парижѣ. Не находя въ Лондонѣ ни квартиры, ни стола, Оскаръ рѣшился опредѣлиться въ повара къ констеблю Пуддингу, отцу миссъ Фанни, а какъ поваренное искусство ему вовсе незнакомо, то онъ и купилъ себѣ въ помощницы, Эвелину, вовсе не подозрѣвая, что она тетка миссъ Фанни. Для большей путаницы, въ домѣ констебля поселяется нѣкто Ко-

ломбье, остиндскій набабъ, только что пріѣхавшій съ востока съ бочками золота, и имѣющій виды на руку миссъ Пудингъ. Фанни, сначала очень сурово принимаетъ любовь Оскара, повара; чтобы вывести ее изъ заблужденія на счетъ его званія, онъ пишетъ ей объясненіе на тарелкѣ; но тарелка попадаетъ въ руки набаба, который узнаетъ въ молодомъ живописцѣ своего роднаго племянника. Старикъ Коломбье, даже племяннику не хочетъ уступить Фанни, хотя Эвелина ему пришлась болѣе подъ стать; Эвелина же, по праву покупки, принадлежитъ Оскару, и Робинсонъ требуетъ ея обратно, узнавъ о выпавшемъ ей наслѣдствѣ. Ловкость Оскара развязываетъ, наконецъ, эту глупую путаницу; онъ женится на Фанни, Эвелина возвратится къ мужу, а старикъ Коломбье доживетъ свой вѣкъ холостякомъ.

Такую же путаницу написали для театра Монтансье гг. Польде-Кокъ и Бойё, подъ названіемъ «*Два Корнюше.*» Монтаржскій маклеръ Патюренъ хочетъ выдать свою питомицу, мамзель Елену, за своего конторщика Агатокля, затѣмъ, чтобы не давать отчета въ ея имуществѣ. Казалось бы, отчего не жениться на мамзель Еленѣ? и маклеръ не безъ основанія дивится колебанію Агатокля. Но дѣло въ томъ, что у Агатокля есть жена, которую онъ оставилъ въ Парижѣ, бѣжавъ отъ преслѣдованій полиціи, за непозволительные стихи, которыхъ онъ не писалъ, а написалъ одинъ молодой проказникъ поэтъ, скрывавшись подъ именемъ Корнюше, фамильею Агатокля. Изидоръ Риго, проказникъ поэтъ, также пріѣзжаетъ въ Монтаржисъ, влюбляется въ мамзель Елену, и чтобы проникнуть, въ домъ маклера, опять заимствуетъ имя Корнюше. На большую еще бѣду, пріѣзжаетъ и мадамъ Корнюше, соскучивъ въ Парижѣ безъ мужа. Представьте же себѣ положеніе Агатокля, настоящаго Корнюше; онъ не смѣетъ объявить своей фамиліи, боясь полицейской погони, не смѣетъ признать своей жены, которая между-тѣмъ, чтобы побѣсить его, разыгрываетъ жену самозванца Корнюше, Изидора Риго; съ другой стороны, Патюренъ, который и на старости лѣтъ не прочь поволочиться, ухаживаетъ за мадамъ Корнюше, и въ тоже время пристаетъ къ Агатоклю, чтобы онъ женился на мамзель Еленѣ; сама Елена изъявляетъ чрезвычайную готовность выходить за него, на зло Изидору, котораго она подозрѣваетъ въ измѣнѣ. Эта кутерьма продолжается до-тѣхъ-поръ, пока не приходитъ изъ Парижа извѣстіе, что преслѣдованія за злосчастные стихи прекращены; тутъ ужъ никому нѣтъ поводу скрываться, и каждый беретъ свое добро: Корнюше беретъ обратно

свою фамилію и жену, Пэндоръ беретъ невѣсту, а Патюренъ утѣшается обѣщаніемъ Рпго, оставить управленіе имѣніемъ жены въ его рукахъ.

Господа Клервиль и Кордье, въ своей новой пьесѣ «*Дуэль на поцѣлуи*» ударились въ сферу, въ которой мы не привыкли еще встрѣчать ихъ, въ аристократическіе нравы осьмнадцатаго вѣка, которые, впрочемъ, у нихъ мало, чѣмъ отличаются отъ тѣхъ нравовъ, изъ которыхъ они обыкновенно почерпаютъ содержаніе своихъ водевилей. Дѣйствіе происходитъ около времени достопамятной дуэли госпожъ Полиньякъ и де-Прп; только въ такое время возможны, по мнѣнію авторовъ, случаи, подобные представляемому ими. По нашему же невозможны ни въ какое время; но какъ-бы то ни было, а вотъ случай, извлеченный господами Клервилемъ и Кордье изъ неизвѣстныхъ хроникъ. У какой-то молоденькой баронессы мужъ старикъ, безобразенъ и трусъ, — вещь довольно обыкновенная въ дѣйствительности, а тѣмъ болѣе въ водевилѣ. За баронессою ухаживаетъ молодой повѣса, — вещь опять весьма вѣроятная, — и доводитъ наглость до того, что на торжественномъ собраніи всего семейства, созваннаго для подписанія брачнаго контракта племянницы барона и брата повѣсы, — баронесса, вышедши изъ терпѣнія, даетъ ему пощечину! какъ угодно, при всѣхъ диковинахъ, какія разсказываютъ о несчастномъ осьмнадцатомъ вѣкѣ, а этой уже не вѣрится? Послѣ такого происшествія, очень понятно, уже не до брачнаго договора; подписаніе его откладываютъ до болѣе удобнаго времени, баронъ дрожитъ, какъ бы ему не пришлось отвѣчать за жену, одинъ только повѣса радуется, въ надеждѣ извлечь пользу изъ горячности баронессы. Онъ требуетъ объясненія съ нею на единѣ, и предписываетъ ей свои условія: или она назначитъ ему свиданіе въ Булоньскомъ лѣсу, или въ Венсеннѣ, гдѣ ей угодно, и поцѣлуемъ смоетъ пятно съ оскорбленной щеки, или онъ раздѣлается съ ея мужемъ. Баронессѣ не хочется соглашаться на свиданіе, но и не хочется подвергать дуэли мужа, который непремѣнно острамится; наконецъ, чтобы отвязаться отъ повѣсы, она соглашается дать ему требуемое удовлетвореніе, въ присутствіи всѣхъ родныхъ. Повѣсѣ пришлось бы отказаться отъ своихъ надеждъ, еслибъ не нашелся ему союзникъ въ лицѣ самого мужа. Подслушавъ послѣднія слова объясненія, и убѣдившись, что жена принимаетъ вызовъ, онъ поднимаетъ на ноги всѣхъ родныхъ, прячетъ подъ замокъ все оружіе въ домѣ, и запираетъ противни-

ковъ въ одну комнату, объявивъ, что до-тѣхъ-поръ не выпуститъ ихъ, пока они не бросятъ въ окно бѣлаго платка въ знакъ своего примиренія, а чтобы болѣе настроить умы ихъ къ миролюбію, онъ даетъ каждому по экземпляру брошюры своего сочиненія о безнравственности и вредности дуэлей. Вдвоемъ взаперти, станешь бесѣдовать, хоть для того, чтобы убить время. Разговоръ начинается съ брошюры, мало по-малу переходитъ къ чувствамъ, къ любви, и наконецъ строптивая красавица соглашается дать поцѣлуй, другой, третій.... счету имъ не было бы, можетъ быть, еслибъ повѣса, въ радости, не поспѣшилъ бросить въ окно платокъ; по этому является вся родня, торжествовать міръ. «Вотъ видите-ли, какъ дѣйствительно мое средство, говоритъ баронъ съ самодовольствіемъ автора; если ваша жена съ кѣмъ-либо поссорилась, заприте ее въ одной комнатѣ съ ея противникомъ, и дайте обоимъ въ руки мою брошюру; черезъ часъ непремѣнно помирятся.»

Еще одна пьеса заключитъ итогъ новостей театра Монтансье. Это «*Искатель безкорыстной любви*», водевиль господъ Спродена и Премарѐ. Вотъ его, содержаніе. Нѣкто мосье Лелу, откупщикъ, старый, глупый, самонадѣянный, и вдобавокъ присоединяющій ко всѣмъ этимъ достоинствамъ еще безпримѣрное скряжничество, возъимѣлъ непонятное желаніе быть предметомъ безкорыстной любви; и для своихъ экспериментовъ выбралъ маленькую Фаншонету, которая ждетъ только приказа о дебютѣ, чтобы поступить въ Парижскую Большую Оперу. Онъ поклялся, что возстановитъ честь своего сословія и докажетъ всему міру, что можно быть милліонеру и быть любиму не за деньги. Но Фаншонета себѣ на умѣ; у нея есть женихъ, котораго она любитъ; а она не измѣнитъ ему; но почему же не поводить за носъ стараго глупца? Она не знаетъ его скряжничества, а напротивъ считаетъ его чрезвычайно щедрымъ, потому что какая-то невидимая рука безпрестанно даритъ ей то брильянты, то шали, то наряды, а чья можетъ быть эта невидимая рука, какъ не рука мосье Лелу? У Нарциса Бемоля, музыкальнаго учителя, все богатство заключается въ любви и одной единственной ученицѣ; гдѣ же ему дѣлать подарки невѣстѣ? Фаншонета благодаритъ Лелу, а онъ, старый плутъ, принимаетъ благодарность, и не говоритъ, что онъ и вѣдать не вѣдаетъ про эти подарки; онъ только думаетъ про себя, ктобы могъ быть этотъ щедрый соперникъ, который такъ старается о чужихъ успѣхахъ?

Этотъ соперникъ никто иной, какъ супруга мосьё Лелу, которая вздумала проучить проказника самымъ чувствительнымъ образомъ, въ его скупости, дѣлая на его счетъ подарки его возлюбленной, и въ его ревности, затѣявъ интрижку съ музыкальнымъ учителемъ. Подарки не ограничиваются брильянтами и нарядами; дѣвушкѣ стоитъ только пожелать, и въ тотъ же день въ стѣнѣ отворяется потаенная дверь, изъ нея выходитъ розовый домино, и за нимъ несутъ желанное. Эта комедія могла-бы продолжиться безконечное время, еслибы не примѣшалась ревность, и не побудила Фаншонету ускорить ея окончаніе. Узнавъ источникъ подарковъ и интригу мадамъ Лелу съ Нарсисомъ, она читаетъ своему обожателю анекдотъ, который долженъ завтра явиться въ модномъ листкѣ, о похожденіяхъ откупщика съ гризеткою и откупщицы съ музыкальнымъ учителемъ. Мосье Лелу бѣжитъ омыть свою честь въ кровп предателя. Бѣготня въ домѣ; Нарсисъ прячется въ шкафы, и проваливается сквозь стѣну въ квартиру невѣсты. Вслѣдъ за нимъ проваливается и откупщикъ съ шпагою въ рукѣ. Но Фаншонета укрощаетъ его гнѣвъ угрозою пустить анекдотъ въ печать съ настоящими именами дѣйствующихъ лицъ. Эта угроза наводитъ на него такой страхъ, что онъ соглашается на всѣ условія: оставитъ Фаншонетѣ подарки, сдѣланные его женою и на его счетъ, и выхлопочетъ ей дебютъ, а ея будущему мужу мѣсто капельмейстера. За то онъ, безъ сомнѣнія, въ другой разъ ужъ не погонится за безкорыстною любовью, убѣдившись, что она слишкомъ дорого стоитъ.

Театръ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ обѣщаетъ большую драму г. Дюгё «*Сальваторъ Роза*», о которой заранѣе отзываются съ большою похвалою; а между тѣмъ дирекція поставила очень невинный водевильчикъ гг. Совё и Вестпва «*Дача продается*». Вы вѣроятно помните хорошенькую повѣсть подъ этимъ названіемъ покойнаго Фредерика Сулье. Водевиль заимствованъ цѣликомъ изъ этой повѣсти. У одного дяди, бывшаго ламповаго мастера Муано есть дача, и есть племянница невѣста. Послѣднюю мосьё Муано очень желалъ бы сбыть съ рукъ, и судя по достоинствамъ товара, оно было бы нетрудно, еслибъ только женихи росли какъ грибы, или еслибъ по-крайней-мѣрѣ существовали выставки для невѣстъ, какъ есть выставки для произведеній промышленности; а то какимъ образомъ довести до свѣдѣнія почтенной публики, что де, милостивые государи, кому угодно женить-

ся, у меня есть невѣста! Мосьё Муано думалъ, думалъ, и наконецъ придумалъ, — прибить ярлыкъ на ворота дачи, гласящій — не то, что здѣсь есть невѣста, а что дача продается. Придутъ смотрѣть дачу, увидятъ и невѣсту, авось уладится! Едва объявленіе вывѣшено, является нѣкто мосьё Жюль; онъ бѣжалъ отъ полицейскихъ, посланныхъ дядею, посадить его за нѣкій вексель,— прескверное племя эти водевильные дяди, словно созданы на мученіе племянникамъ и племянницамъ! Увидѣвъ объявленіе, мосьё Жюль расчелъ, что можно прикинуться покупщикомъ, пошататься по дому, и сбить сыщиковъ со слѣду. Чтобы придать себѣ болѣе важности въ глазахъ хозяина, онъ объявляетъ ему, что онъ стряпчій Гантуа, женатъ.... Хозяину женатаго-то и не нужно, и онъ спѣшитъ выпроводить покупщика; но мосье Жюль выходитъ только для виду, во первыхъ по извѣстной уже причинѣ, а во вторыхъ потому что выглядѣлъ хозяйскую племянницу, съ которою онъ бы не прочь познакомиться. Вслѣдъ за нимъ является другой покупщикъ; это ужъ самъ его почтенный дядя, стряпчій Гантуа, котораго именемъ воспользовался племянникъ, — и на оборотъ первому, сказывается холостымъ, потому что думаетъ пріобрѣсть дачу тайкомъ отъ жены, для одной пріятельницы. Дядя натыкается на племянника, и грозится призвать стражу, чтобы вести его куда слѣдуетъ; но племянникъ не такъ простъ; онъ грозится открыть дядюшкины продѣлки его супругѣ, которая не любитъ шутить. Само собою разумѣется что мосье Гантуа спѣшитъ отдать племяннику вексель, и дѣло улаживается къ удовольствію обоихъ дядюшекъ, которые избавляются отъ племянника и племянницы посредствомъ свадьбы.

Точно такого же содержанія и изъ того же источника заимствованный водевиль явился недѣлею раньше на театрѣ Folies Dramatiques, только подъ болѣе вычурнымъ названіемъ «*Продажа дачи для сбыта невѣсты*»; онъ подписанъ также двумя авторами, гг. Нуазелемъ и Рошфоромъ и отличается отъ предъидущаго почти одними только именами дѣйствующихъ лицъ.

Folies Dramatiques и Délassemens Comiques крѣпко ударились въ чувствительныя, слезливыя драмы-водевили и въ нравоучительныя пасторали. Ихъ наберется до полудюжины, и одна другой ничтожнѣе, одна другой скучнѣе и плаксивѣе. Вотъ изъ нихъ самыя стерпимыя.

«*Клари*», драма водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, г. Сентъ Илера, на театрѣ Folies Dramatiques. Клари молоденькая сиротка, чувствительная и романическая, готовая вѣрить на слово каждому. Одинъ повѣса,

Дарси, умѣлъ лицемѣріемъ и хвастовствомъ овладѣть ея сердцемъ; банкиръ Дютильяръ очень хлопочетъ объ этой свадьбѣ, надѣясь чрезъ это возвратить деньги, данныя имъ въ займы повѣсѣ. Но добрая тетка и опекунъ не дремлютъ; они раскрываютъ глаза сироткѣ, уличаютъ мерзавцевъ, и выгоняютъ ихъ со стыдомъ изъ дому. Клари же, когда оправится отъ горести первой, обманутой любви, вѣроятно выйдетъ, изъ благодарности, за опекуна, который еще не такъ старъ, чтобы не годиться ей въ мужья. Вотъ все содержаніе пьесы, разведенное на пять прескучныхъ дѣйствій.

«*Блондетта*», сельская драма въ трехъ дѣйствіяхъ гг. Маркъ-Лепрово и Шарля Делорма, на томъ же театрѣ, не лучше и не хуже предъидущей пьесы. Блондетта ощипываетъ полевую маргаритку, спрашивая, будетъ или не будетъ? Будетъ говоритъ цвѣтокъ, и отвѣтъ его подтверждается приходомъ собаки въ ошейникѣ, сплетенномъ изъ васильковъ. Неправда-ли какъ пасторально и трогательно? такъ и вѣетъ деревенскимъ воздухомъ! Собака, какъ вы уже догадываетесь, принадлежитъ Пьеру, тому самому о которомъ Блондетта вопрошала цвѣтокъ. Блондетта любитъ Пьера, а Пьеръ любитъ Блондетту; но негодяй Ноэль, которому Блондетта отказала, старается разстроить ихъ свадьбу; сначала онъ представляетъ Пьеру, что ему, безродному сиротѣ, неприлично свататься къ богатѣйшей невѣстѣ въ деревнѣ; когда же родные Блондетты соглашаются отдать за него дочь, Ноэль старается возбудить ревность дѣвушки, показавъ ей Пьера, который ушелъ въ поле съ нищею. Блондетта сходитъ съума отъ горести; но выздоравливаетъ, какъ скоро узнаетъ, что нищая увела Пьера, чтобы открыть ему имя его отца. Изъ объясненія нищей оказывается, что Пьеръ родной братъ Ноэля, почему Ноэль кается въ своихъ злыхъ умыслахъ и оставляетъ молодую чету въ покоѣ.

«*Разнощикъ*», драма въ двухъ дѣйствіяхъ, гг. Ваннуа, Вара и Жалле, на театрѣ Délassemens Comiques. У разнощика Гаспара есть сынъ Леонъ, влюбленный въ богатую невѣсту, мамзель Розу. Но опекунъ мамзель Розы хочетъ прибрать ея приданое въ свои руки, усаживаетъ Леона за карты, выигрываетъ у него тридцать тысячъ франковъ, и требуетъ, чтобы онъ отказался отъ руки Розы. Леонъ не соглашается на уступку, и они собираются развѣдаться оружіемъ. — «Этому не быть, восклицаетъ разнощикъ Гаспаръ, Леонъ вашъ сынъ.» За тѣмъ онъ припоминаетъ опекуну нѣкоторые старые грѣшки, и вслѣдствіе того, опекунъ уступаетъ хорошенькую Розу сыну.

«*Старикъ Жозефъ*», водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Марешаля и Гомбо, очевидно заимствованъ изъ какой-нибудь неудачной дѣтской книжки. Въ бурную ночь три женщины и одинъ парень дрожатъ въ избѣ; эти три женщины — мать, дочь и пріемышь Маша; парень — работникъ. Старикъ Жозефъ проситъ позволенія обождать грозу; но какъ онъ одѣтъ очень бѣдно, то его выгоняютъ безъ жалости; одна Маша изъявляетъ къ нему нѣкоторое состраданіе. Вслѣдствіе этого на другой день мать, дочь пріемышь и работникъ призываются къ помѣщику, и узнаютъ въ немъ вчерашняго старика Жозефа, который объясняетъ, что Маша его племянница, и выдаетъ ее за своего сына офицера, а остальнымъ дѣлаетъ строгій выговоръ.

Въ Délassemens Comiques дается еще «*Пробужденіе Орфея*», фарсъ гг. Лери и Куальяка, съ разбойниками, склепами, и другими страстями. Пьеса достойная балагана на ярмаркѣ.

Театръ Амбигю возобновилъ драму гг. Мерля и Беро, *Чудовище и колдунъ*», на которую сбѣгался весь Парижъ, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы посмотрѣть на знаменитаго англійскаго мима Кука, для котораго написана эта пьеса. Нынѣче мѣсто Кука заступилъ итальянецъ Клерти Бенени, который по увѣренію видѣвшихъ его предшественника, нисколько не уступаетъ ему ни въ безобразіи, ни въ гибкости, ни въ искусствѣ. Содержаніе пьесы очень незамысловато; одинъ венеціянскій графъ, Замети, занимается колдовствомъ и отысканіемъ философскаго камня. Но вмѣсто философскаго камня изъ препаратовъ его выходитъ чудовище, которое наводитъ всевозможныя бѣдствія на страну, сожигаетъ отца Замети, душитъ всѣхъ его родныхъ и друзей, и наконецъ, когда Замети садится на корабль, чтобы бѣжать отъ него, чудовище вызываетъ бурю, и колдунъ погибаетъ въ волнахъ, въ наказаніе за свою алчность.

Для сравненія съ драмою, которою потѣшались наши отцы и дѣды, театръ Амбигю поставилъ и новую драму, которая, пожалуй, не такъ ребячески простодушна, но, говоря откровенно, ничуть не лучше ея. Г. Плувье, съ годъ назадъ, выступилъ на Французскомъ театрѣ комедіею, которой повезло довольно плохо, и вѣроятно съ досады онъ пустился теперь въ трескучую драму, и написалъ «*Мстителей*», въ которыхъ нагромоздилъ столько ужасовъ и злодѣйствъ, и вывелъ такихъ молодцовъ, которые убиваютъ навѣрнякъ своихъ противниковъ на дуэляхъ, судей, которые торгуютъ жизнью подсудимыхъ, женщинъ, отравляющихъ своихъ любовниковъ, и матерей, преслѣдующихъ своихъ

дѣтей, что даже гг. Дюма, Полю Февалю и К-о не угоняться за своимъ новымъ соперникомъ. За исключеніемъ этого преимущества, г. Плувье чисто подражатель г. Дюма, а его «Мстители» сколокъ съ двухъ послѣднихъ частей Монтекристо. Герой его также человѣкъ, который ни съ того ни съ другаго присвоилъ себѣ право карать чужіе грѣхи, и всѣ средства ему хороши для этой цѣли. Вдобавокъ г. Плувье вовсе не мастеръ распредѣлять свой матеріялъ и расчитывать эффекты: такъ что, когда вы прослушаете его пять длинныхъ дѣйствій, у васъ рябитъ въ глазахъ и трещитъ въ головѣ отъ множества всякой всячины, которой вы наглядѣлись и наслушались, и нужно огромное усиліе памяти, чтобы привести все это въ какой-нибудь порядокъ и сказать, въ чемъ именно заключается дѣйствіе. Этой сбивчивости способствуетъ еще то, что почти каждое дѣйствующе лицо имѣетъ два имени, одно для своего собственнаго употребленія, настоящее, а другое, вымышленное, для соучастниковъ дѣйствія.

АП. БОНАВЕНТУРА.

СМѢСЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОМПОЗИТОРА ГРЕТРИ *.

I.

Долго не соглашались родители на мои просьбы и убѣжденія, но наконецъ рѣшились отпустить меня въ Римъ. Это путешествіе составляло около 500 французскихъ миль и было довольно затруднительно для моей молодости и слабаго здоровья; вдобавокъ я еще долженъ былъ отправиться пѣшкомъ. Горько плакала добрая матушка, приготовляя мнѣ на дорогу бѣлье и платье. Во всемъ семействѣ я одинъ сохранялъ прежнюю веселость.... Я не покидалъ своего намѣренія и, по неволѣ, казался покойнымъ, чтобы не потерять родительскаго согласія. Нѣсколько дней провелъ я у своей старой бабушки. Прощаніе съ нею растрогало меня до глубины сердца; лѣта ея и дряхлость лишали меня на-

* Андре-Эрнестъ-Модестъ Гретри родился въ Люттихѣ 11 февраля 1741. Часть молодости онъ провелъ въ Италіи, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность своими музыкальными произведеніями. Потомъ онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ сочинилъ и поставилъ около сорока оперъ. Сверхъ того онъ издалъ: *Записки и опыты о музыкѣ* (Mémoires et essais sur la Musique), откуда мы заимствовали предлагаемые отрывки; философскій трактатъ *Объ истинѣ* (De la vérité) и не задолго предъ смертью — *Размышленія отшельника* (Reflexions d'un solitaire). Гретри умеръ въ Парижѣ въ 1813.

дежды новаго свиданія. Добрая старушка давала мнѣ искреннѣйшіе совѣты, которые никогда не изглаживались изъ моей памяти. Она объясняла мнѣ всю важность моихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ. Бабушка съ удовольствіемъ замѣтила мою смѣлость и рѣшимость. Чтобъ утѣшить меня, она принимала веселый видъ и даже шутила; но невольныя слезы показывали истинное состояніе ея души. Второй мужъ ея также не оставилъ меня безъ наставленій, но только въ другомъ родѣ.... Въ самый день моего отъѣзда, послѣ обѣда, онъ повелъ меня въ садъ, снялъ съ себя шляпу, надѣлъ на меня и съ важностію произнесъ изъ *Сида*:

— «*Родригъ!* Владѣешь-ли ты сердцемъ»?

— Разумѣется, дѣдушка,—отвѣчалъ я, удивленный вопросомъ.

— Хорошо! — продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана пару пистолетовъ.—Вотъ тебѣ мой подарокъ! Будь остороженъ: они оба заряжены.... Не шути никогда смертоноснымъ оружіемъ; но если на тебя нападутъ....

— Я съумѣю защищаться, дѣдушка!

— Посмотримъ. Вообрази, что это дерево — разбойникъ, этотъ разбойникъ требуетъ отъ тебя кошелька или жизни.... Какъ ты поступишь?

— Я скажу ему: послушайте, если вы въ нуждѣ, то я съ удовольствіемъ помогу вамъ; но отдать весь кошелекъ, какъ хотите, не могу, это въ моемъ положеніи хуже, чѣмъ проститься съ жизнію.

— Нѣтъ, — возразилъ дѣдушка голосомъ разбойника, — весь кошелекъ, а не то....

Въ отвѣтъ на эти слова, я спустилъ курокъ и выстрѣлилъ въ дерево.

— Хорошо, — сказалъ дѣдушка, — но этого мало. Вообрази, что разбойникъ легко раненъ и наноситъ тебѣ ударъ саблею.

Онъ не успѣлъ еще окончить, какъ я уже выстрѣлилъ изъ другаго пистолета. Испуганная бабушка подбѣжала между тѣмъ къ окну, съ громкимъ крикомъ:

— Что такое? что вы дѣлаете?

— Ничего, бабушка, — отвѣчалъ я,—на меня напали разбойники, а я ихъ убилъ!

Дѣдушка, довольный урокомъ, засунулъ мнѣ оба пистолета въ карманъ и мы возвратились въ комнаты.

—

II.

Въ *Фернеѣ*, я познакомился съ Вольтеромъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ торопиться въ Парижъ.—«Тамъ то, — говорилъ онъ, — вы полетите къ безсмертной славѣ!...—Хорошо вамъ разсуждать о славѣ,—отвѣчалъ я;—вы привыкли къ этому дивному слову и къ его самой сущности. — Напротивъ, другъ мой,—возразилъ Вольтеръ; — я съ радостью отдалъ бы *цѣлый вѣкъ* славы за *одинъ день* полнаго здоровья!

Любопытно: искренно-ли было признаніе Вольтера.

—

III.

Въ Туринѣ встрѣтилъ я нѣмецкаго барона, съ которымъ познакомился еще въ Римѣ. Мы оба ѣхали въ Женеву и согласились отправиться туда вмѣстѣ. По выѣздѣ изъ городскихъ воротъ, я было завелъ разговоръ съ моимъ спутникомъ. — Какъ я радъ, баронъ....—сказалъ я. Но баронъ прервалъ меня довольно сухо: — Господинъ Гретри! я никогда не говорю въ каретѣ.

— Хорошо!—отвѣчалъ я, и до первой станціи хранилъ глубокое молчаніе. Когда мы остановились въ трактирѣ, баронъ приказалъ развести огонь въ каминѣ, надѣлъ шлафрокъ и подсѣлъ ко мнѣ.

— Ахъ, любезный другъ, какъ я радъ, что...—Баронъ! — прервалъ я его въ свою очередь и также сухо; — я никогда не говорю въ трактирахъ.... Спутникъ мой началъ хохотать, какъ безумный, и въ оправданіе разсказалъ мнѣ подробную исторію жестокой боли въ груди, по поводу которой запрещено было ему говорить въ каретѣ.

—

IV.

Аббатъ Морелье, Мармонтель и я отправились однажды загородъ къ одному изъ нашихъ общихъ друзей. Чтобъ сократить и разсѣять дорожную скуку—мы принялись смѣшить другъ друга. Вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, Мармонтель, посреди самыхъ веселыхъ выходокъ, задумался и захандрилъ.

— Что съ вами? — спросилъ я его съ удивленіемъ. — Вы

скучаете въ шумной бесѣдѣ и въ блистательнѣйшую эпоху вашего литературнаго поприща?

— Что дѣлать, другъ мой! — возразилъ онъ, — вамъ легко говорить: вы женаты на прелестной женщинѣ, вы ее любите, она васъ обожаетъ и раздѣляетъ съ вами славу и ваше счастіе.... Я одинокъ, устарѣлъ и не съ кѣмъ мнѣ дѣлить ни радости, ни горя, а скука....

— Такъ женитесь! — отвѣчалъ я.

— Я хотѣлъ-бы, но....

— Чтожъ? — Искать не надо.... Вотъ у Аббата есть племянница....

— Я не прочь отъ согласія! — вскричалъ Морелье съ улыбкой сердечнаго удовольствія.

— Я желалъ-бы... — вздохнувъ прибавилъ Мармонтель.

— Вы непремѣнно женитесь! — докончилъ я съ громкимъ смѣхомъ.

Дѣйствительно и двухъ недѣль не прошло, а Мармонтель женился на племянницѣ Аббата.

—

V.

Я всегда люблю прогуливаться, но обыкновенно хожу тихо и никогда не спѣшу. Останавливаясь съ пріятелями на улицѣ, я всякій разъ боюсь, чтобъ имъ не вздумалось меня провожать. Если-же это случается, то спутникъ мой непремѣнно долженъ идти моимъ шагомъ. Для нѣкоторыхъ это трудно, но я открылъ средство нечувствительно покорять ихъ своей волѣ. Въ такомъ случаѣ я начинаю напѣвать военный маршъ, мѣра котораго сходствуетъ съ моимъ обычнымъ шагомъ; а спутникъ мой, мало-помалу, привыкаетъ и идетъ по этой музыкѣ. Надо однако-жъ признаться, что я встрѣчалъ много людей, у которыхъ и слухъ, и ноги были вовсе *не музыкальны!*

—

VI.

Однажды я жестоко разсердился на Мармонтеля и было за что. Я сочинялъ музыку для оперы «*Другъ дома*» и окончивъ довольно замѣчательное дуо, повторялъ его на фортепіано. Вдругъ я увидѣлъ, что мой пріятель-поэтъ, съ примѣтнымъ отвращеніемъ,

что-то схватилъ, бросилъ на полъ и растопталъ. — Что это? спросилъ я. — Проклятый паукъ! — отвѣчалъ онъ, — брръ!... — Несчастный! — вскричалъ я, — что ты сдѣлалъ? Ты лишилъ меня истинной и живой отрады.... Всякій разъ, когда я сочинялъ, этотъ паукъ спускался съ потолка на мое фортепіано... я ежедневно видѣлъ его.... я привыкъ къ нему, какъ къ другу.

Пусть простятъ мою слабость, говоря это, я плакалъ горько и безутѣшно....

—

VII.

Вотъ случай, который принадлежитъ къ числу печальныхъ воспоминаній моей жизни. Три дочери мои были во всемъ цвѣтѣ красоты и молодости; старшая имѣла шестнадцать, средняя пятнадцать, а меньшая четырнадцать лѣтъ отъ роду. Всѣ знакомые любили и обожали ихъ. Однажды вечеромъ зимою, онѣ поѣхали на балъ къ одной изъ нашихъ пріятельницъ. Я самъ отправился туда же, по окончаніи Итальянской Оперы. Мои дочери были украшеніемъ праздника; когда я вошелъ въ залу, онѣ танцовали, похвалы сыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ, жена моя была въ восторгѣ отъ успѣха своихъ дочерей!... Я подошелъ къ камину; подлѣ меня стоялъ мужчина, довольно важной наружности и не спускалъ глазъ съ моихъ дѣтей. Но, казалось, онъ не раздѣлялъ искренняго удовольствія, которое ихъ юность, красота и скромность возбуждали во всемъ обществѣ. Нахмурясь и молча, смотрѣлъ онъ на веселыя группы танцующихъ. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ. — Милостивый государь, не знаете-ли вы этихъ дѣвицъ? — По какому-то особенному чувству мнѣ не хотѣлось ему сказать, что я ихъ отецъ. — Кажется, это три сестры! — отвѣчалъ я довольно холодно. — И я тоже думаю.... — продолжалъ онъ. — Около двухъ часовъ танцуютъ онѣ почти безъ отдыха... я слѣдилъ за ними все это время. Вы видите — всѣ отъ нихъ въ восхищеніи! Нельзя быть прекраснѣе, скромнѣе, милѣе.... (Здѣсь мое отцовское сердце забилось сильнѣе прежняго; я едва не открылъ ему истины; но незнакомецъ продолжалъ твердымъ и какъ-бы пронцательнымъ голосомъ:) Послушайте-же, милостивый государь, чрезъ три года изъ нихъ ни одна не останется въ живыхъ!

Эти слова и его торжественный тонъ произвели во мнѣ невольное содроганіе. Незнакомецъ тотчасъ удалился; я хотѣлъ

остановить его, но не чувствовалъ въ себѣ силы, не могъ тронуться съ мѣста. Я разспрашивалъ о немъ многихъ изъ общества, никто не могъ сказать мнѣ его имени, я только узналъ, что онъ выдавалъ себя за большаго физіогномиста и слылъ ученикомъ Лафатера.

Къ несчастію, это странное предсказаніе сбылось: въ теченіе трехъ лѣтъ я лишился всѣхъ моихъ дочерей!

—

ЛЕДИ ЭСТЕРЪ СТЕНГОПЪ.

—

Статья Филарета Шаля.

—

I.

Докторъ г-жи Стенгопъ оставилъ намъ записки, въ которыхъ изложена вся жизнь этой необыкновенной женщины, которая достойна служить сюжетомъ для сценическаго произведенія. Біографія эта имѣетъ интересъ настоящаго романа и мы рѣшились сдѣлать извлеченіе изъ этого лабиринта фактовъ, странностей и анекдотовъ, столь ярко освѣщающихъ странную фигуру племянницы Питта, прозванной владычицею Тадморскою, колдуньи, предсказательницы, арабской амазонки, умершей въ 1839 году, подъ разрушенною кровлею своею Джигунскаго дома или дворца, какъ она его называла, въ горахъ Ливанскихъ.

Леди Стенгопъ—одна изъ самыхъ оригинальныхъ знаменитостей начала нашего вѣка и нѣкоторымъ образомъ характеризуетъ его. Она напоминаетъ собою все великое и странное XVIII столѣтія, и начала XIX, лорда Чатама и Питта своимъ происхожденіемъ, Наполеона своими восточными идеями, своею мизантропіею — Руссо, Вертера и въ особенности лорда Байрона, отправившагося на востокъ за 6 мѣсяцевъ до нея, и, подобно ей, не возвратившагося оттуда. Классъ женщинъ, къ которымъ она принадлежала, къ счастью, немногочисленъ: — онъ чуденъ своею силою и энергіею. Одаренная пылкимъ воображеніемъ, доходившимъ до сумазбродства, но лишенная геніальныхъ способностей художника,

обращающаго свои ощущенія въ вѣковыя творенія, леди Стенгопъ, какъ новая Пиѳія, смѣло садится на трепожникъ общественныхъ вопросовъ и, одушевленная ими, становится предсказательницею. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыя собираютъ въ себѣ всѣ понятія, разсѣянныя вокругъ нихъ, поглощаютъ всѣ страсти и идеи, тревожащія міръ, и стремятся олицетворить собою идеалъ эпохи.

Конечно, мы болѣе удивляемся леди Стенгопъ, чѣмъ восхищаемся ею; въ ней болѣе прихоти, чѣмъ разума, болѣе оригинальности, чѣмъ величія; но всякая оригинальность имѣетъ свои причины, всякое величіе свои основанія, всякая прихоть можетъ быть изъяснена. Какъ образовался этотъ неправильный характеръ? Гдѣ источникъ и пища его? Какія обстоятельства вызвали его на свѣтъ?—Докторъ и вмѣстѣ секретарь леди Стенгопъ ничего объ этомъ не говоритъ; онъ просто излагаетъ все, что слышалъ и видѣлъ. Перероемъ эти матеріалы и постараемся раскрыть истинный характеръ и судьбу леди Эстеръ. Добродушный докторъ, котораго записки служатъ намъ руководствомъ, повторяетъ, какъ эхо, все слышанное имъ, даже брань, которою владычица Тадморская (такъ величали леди Стенгопъ на Востокѣ) не переставала осыпать его. Онъ этимъ напоминаетъ намъ сцену Шекспира, въ которой одно лицо говоритъ другому, что его заставили подписать письмо, въ которомъ онъ признаетъ себя дуракомъ. «Онъ сказалъ мнѣ: Подпиши! я подписалъ.»—«Рѣшительно подписалъ?»—«Рѣшительно. Онъ сказалъ, что меня такъ зовутъ.» Докторъ отчасти походитъ на это наивное лицо.

—

II.

Въ 1788 году, къ Гастингскому берегу была привязана лодка; на берегу стояла восьми-лѣтняя дѣвочка, съ бѣлокурыми волосами, съ сѣрыми и живыми глазками, съ кожей до того тонкой, что всѣ жилки обрисовывались на ней синеватымъ узоромъ. Она осматривалась на всѣ стороны, какъ-бы опасаясь, чтобы ее не увидѣли; внимательно оглядѣвъ окрестности, она схватила весло, прыгнула въ лодку, отвязала ее маленькими ручками, оттолкнула отъ берега и очутилась въ морѣ. Эта дѣвочка видѣла графа Адемара и его великолѣпныхъ лакеевъ съ золотыми галунами въ залахъ своего отца и въ ней родилось желаніе побывать во Фран-

ции и посмотрѣть, что тамъ дѣлается; это была леди Эстеръ Стенгопъ.

Она была внучка великаго Чатама, и родилась въ 1780 году отъ брака леди Эстеръ, сестры Уильяма Питта, съ лордомъ Стенгопомъ. Весь родъ этотъ отличался странностями. Дѣдъ ея, лордъ Чатамъ, на котораго она во многомъ походила, ничего не дѣлалъ какъ другіе; подобно внучкѣ своей, онъ былъ скрытенъ и вспыльчивъ, безпеченъ и дѣятеленъ; повелителенъ и заманчивъ. «У меня сѣрые глаза и память моего дѣда,—говорила леди Стенгопъ,—если онъ примѣчалъ камень на дорогѣ, онъ уже не забывалъ его, я также; взоръ его, томный и невыразительный въ обыкновенное время, освѣщался, какъ и мой, ужасающимъ блескомъ, когда въ немъ разгорались страсти.» Леди Эстеръ наслѣдовала отъ своего дѣда многія другія странности; съ ранней юности она любила заставлять другихъ ждать; держать каждаго въ неизвѣстности и страхѣ, и окружать себя таинственностью. Такая привычка едва не лишила лорда Чатама большаго наслѣдства. «Однажды лордъ Чатамъ былъ боленъ,—такъ говоритъ леди Эстеръ,—какой то человѣкъ верхомъ, останавливается у дверей дома и требуетъ, чтобы его провели къ лорду; ему отказываютъ; онъ настаиваетъ. Запираютъ двери, онъ начинаетъ стучать, не переставая. Наконецъ, упорство его взяло верхъ и его ввели въ темную комнату, гдѣ министръ, обставивъ себя ширмами и сидя за экраномъ, скрывался отъ посторонннихъ взоровъ.—Что вамъ угодно? — спросилъ онъ.—Я хочу васъ видѣть. Приступъ снова начался и не скоро кончился. Когда наконецъ пріѣзжій очутился лицомъ къ лицу съ министромъ, онъ вынулъ изъ кармана жестяную коробку, а изъ коробки пергаменъ; это были документы на владѣніе двумя землями, приносящими 14,000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, завѣщанными министру въ знакъ почтенія сэромъ Эдуардомъ Пиисентомъ.

Эстеръ имѣла звонкій голосъ Чатама; подобно ему, она прибѣгала ко всѣмъ средствамъ для достиженія своихъ цѣлей, имѣла необыкновенный даръ поражать воображеніе окружавшихъ ее лицъ и управлять ихъ волею, какъ своею собственною; подобно ему, она умѣла привлечь ихъ и заставить трепетать, и, что всего страннѣе, люди съ смѣлыми и пылкими чувствами, всего скорѣе подпадали подъ это иго, и съ восторгомъ подчинялись ему. Къ несчастію, Эстеръ родилась женщиною, и жажда дѣятельности, энергія и привычка властвовать на каждомъ шагу встрѣчали препятствія въ природномъ безсиліи ея пола.

Отецъ ея лордъ Стенгопъ, двоюродный братъ лордъ Камельфордъ, и дядя Питтъ, знаменитѣйшій изъ трехъ, имѣли не менѣе странностей. Лордъ Стенгопъ, вовсе не занимавшійся своими дѣтьми, вступилъ во второй бракъ съ леди Гренвиль, модною женщиною, которая также мало занималась его дѣтьми, и проводила жизнь въ оперѣ и на балахъ. Это было причиною того, что Эстеръ получила странное воспитаніе и сама обработала свои природныя способности. Лордъ Стенгопъ, поклонникъ философскихъ мечтаній XVIII столѣтія, спалъ съ открытымъ окномъ, подъ двѣнадцатью одѣялами, и утромъ, вставъ съ постели и надѣвъ халатъ изъ индѣйской матеріи, приказывалъ подать себѣ завтракъ, состоявшій изъ кусочка ситнаго хлѣба. Когда произошелъ переворотъ во Франціи, его любовь къ теоріямъ разразилась странными выходками. Въ какой ужасъ пришли родственники и жена его, привыкшіе ѣздить въ каретѣ, когда онъ, для довершенія своей перемѣны, продалъ всѣ свои экипажи. «Всѣ лица,—говоритъ леди Стенгопъ,—вытянулись и сдѣлались мрачными, но я никогда и ничего не пугалась. Я велѣла купить пару ходулей и стала ходить на нихъ по грязной улицѣ, на которую выходили окна моего отца. Я знала, что онъ имѣлъ привычку сидѣть у этихъ оконъ съ лорнеткою въ рукѣ. Онъ примѣтилъ меня. «Что это значитъ, — сказалъ онъ, когда я вернулась,— на чемъ это ты изволила ходить?— «Чтожъ, папенька, отвѣчала я ему, такъ какъ у васъ нѣтъ болѣе экипажа, то я училась ходить по грязи самымъ удобнымъ образомъ. Мнѣ это ничего не значитъ, но бѣдной леди Стенгопъ трудно будетъ привыкнуть къ этому упражненію; она всегда имѣла свою карету, и вы знаете, что она слабаго здоровья.... — Что она болтаетъ; возразилъ философъ, ну, а если я куплю новый экипажъ для леди Стенгопъ, что тогда?

«Это будетъ весьма мило съ вашей стороны, папенька!

— Увидимъ , увидимъ, — но, я не хочу, чтобъ на немъ былъ гербъ. Благодаря хитрости маленькой дѣвочки, леди Стенгопъ вскорѣ снова получила экипажъ безъ герба.

Съ такою рѣшительностью и съ такимъ умомъ, дитя подрастало, пріобрѣтая отъ своихъ *governesses* *, которыхъ она бѣспла на каждомъ шагу, основательныя познанія въ итальянскомъ и французскомъ языкахъ; впрочемъ она была вполнѣ оставлена на произволъ своихъ желаній и своего разсудка, и пріобрѣтала мало-помалу надъ всѣмъ, окружавшимъ ее, неизбѣжную, при такомъ энер-

* Гувернантокъ.

гическомъ характерѣ, власть. Она въ особенности уважала своего двоюроднаго брата, лорда Камельфорда и своего дядю Питта. Постоянный восторгъ, внушаемый ей поступками перваго, заставляетъ подозрѣвать въ ней существованіе того нѣжнаго чувства, которое ни разу не проявилось въ жизни этого страннаго существа. «Кто осмѣлится противиться мнѣ, — говорила она,—встрѣтивъ во мнѣ двоюродную сестру лорда Камельфорда, который былъ истинный Питтъ.» Дѣйствительно онъ былъ гордъ, упрямъ, храбръ, великодушенъ и страненъ. Эстеръ всегда съ гордостью вспоминала о впечатлѣніи, производимомъ ими, когда они оба гигантскаго роста, рука объ руку входили въ залу *. «Женщины не могли на него наглядѣться, мужчины пугались и прятались отъ него. Онъ былъ высокаго роста, необычайно крѣпкаго сложенія, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ, всегда наклоненнымъ къ плечу. Однажды, на кораблѣ, примѣтивъ ропотъ своего экипажа, онъ предугадалъ безпорядокъ и, не дожидаясь его, пистолетнымъ выстрѣломъ размозжилъ голову зачинщику и этимъ удержалъ свой экипажъ въ повиновеніи. Величайшимъ удовольствіемъ для Камельфорда было надѣвать матросскую куртку и бѣгать по городскимъ трактирамъ. Встрѣчалъ-ли онъ бѣдняка, съ открытымъ и честнымъ лицомъ, онъ тотчасъ завязывалъ съ нимъ разговоръ и упрашивалъ его разсказать свое горе. «Разскажите мнѣ вашу жизнь говорилъ онъ,—я вамъ разскажу свою.» Онъ имѣлъ слишкомъ много природнаго разума, чтобы дозволить обмануть себя, и если разскащикъ нравился ему, то онъ давалъ ему 50 или 100 гиней, сказавъ отрывисто: «По-крайней-мѣрѣ, не разсказывайте никому объ этомъ, иначе я васъ отыщу и отплачу вамъ такъ, что вы вѣрно не будете довольны.» Впрочемъ странностью и смѣлостью своею онъ пріобрѣлъ себѣ столько враговъ и навлекъ на себя столько непріятностей, что дядя мой, весьма любившій и уважавшій его, не допускалъ его къ себѣ и ничего для него не дѣлалъ.» Леди Степгопъ имѣла намѣреніе выдти за него за-мужъ, что весьма измѣнило-бы ея судьбу. Родственники ея, изъ рода Чатамовъ, возстали противъ этого брака; Камельфордъ употребилъ 50,000 фунтовъ стерлинговъ на пріобрѣтеніе для своей сестры земли, которую лордъ Чатамъ надѣялся получить по наслѣдству.

Между тѣмъ, Эстеръ продолжала вести войну противъ своихъ

* Слова леди Эстеръ.

governesses; напрасно принуждали ее изучать Исторію, которую она считала безполезною. «Посмотрите, — говорила она въ подтвержденіе своего мнѣнія,—какъ пишутъ современную исторію!» Она никогда не соглашалась надѣть корсетъ, и явно возставала противъ тѣхъ, которые хотѣли заключить въ тѣсный атласный башмакъ ея маленькую выгнутую ножку, «подъ сводомъ которой могла пробѣжать мышь», — говорила она, и которою она очень тщеславилась.

Въ двадцать лѣтъ она была ростомъ почти шести футовъ; бюстъ и талія ея были соразмѣрны росту, но она не могла назваться не только красавицею, но даже хорошенькою. «Не смотря на свой мужественный видъ, говоритъ одинъ изъ современниковъ, она принадлежала къ числу тѣхъ созданій, которыхъ взоръ и присутствіе освѣщаютъ все окружающее.» Высокій и прямой лобъ возвышался надъ правильно выгнутыми красивыми бровями; маленькіе бѣлые зубы, сѣровато-голубые глаза, надъ которыми виднѣлась синеватая полоска, придававшая имъ болѣе блеска, выгнутый носъ, маленькій красивый ротъ и продолговатый подбородокъ, составляли лицо леди Стенгопъ. Овалъ лица ея былъ такъ правиленъ и чистъ, шея обрисовывалась такъ граціозно, что Бруммель, знаменитый фатъ, однажды на вечерѣ приблизился къ ней, и приподнявъ ея серьги, воскликнулъ: «Ради Бога, позвольте взглянуть, что скрывается подъ ними!» Она сама называла себя безобразною, но говорила, что въ безобразіи ея видна какая-то гармонія. Дѣйствительно, разсказываютъ, что прозрачность кожи ея, блескъ взора, величавая поступь, смѣлость въ возраженіяхъ и дикая живость повсюду отличали эту двадцатилѣтнюю героиню и освѣщали ее ужасающимъ блескомъ.

Первое и сильнѣйшее впечатлѣніе произвела на нее пышная, аристократическая жизнь отца, когда во время перваго брака своего съ Эстеръ Питтъ, не вписавшись еще въ число послѣдователей Рейналя и Томаса Пена, онъ чинилъ судъ и расправу въ своемъ Тевенпискомъ замкѣ, держалъ вокругъ себя до двухъ сотъ человѣкъ дворовой прислуги, назначалъ наказанія, раздавалъ награды, одежду, земли и мѣста всему графству; въ то время, какъ первая жена его, съ своей стороны, надѣляла больныхъ лекарствами, бѣдныхъ подаяніями, влюбленныхъ строгими увѣщаніями, невѣстъ приданымъ, и приказывала убивать для своего стола по одному быку въ недѣлю и по барану каждый день. Воспоминаніе этой патріархальной жизни навсегда осталось въ памяти леди Стенгопъ, и ея поѣздка на Востокъ имѣла отчасти цѣлью достиг-

женія идеала этой благотворительной и никѣмъ неоспариваемой власти.

Между тѣмъ, Питтъ стоялъ въ главѣ правленія, и не смотря на свою молодость, сильною рукою держалъ бразды министерства. Лордъ Стенгопъ шелъ совершенно другимъ путемъ; связи его съ людьми противныхъ Питту мнѣній лишили его всякой власти и подвергали опалѣ. Одинъ изъ главныхъ членовъ оппозиціи, Джойсъ, былъ схваченъ въ его домѣ, и семейство его было поражено ужасомъ. Эстеръ, которой не нравилась новая жизнь отца и которая питала глубокое уваженіе къ своему дядѣ,—съ согласія матери, оставила родительскій домъ и отправилась жить къ Питту, который не былъ женатъ, и котораго домомъ она стала управлять.

Этотъ поступокъ леди Стенгопъ, столь же смѣлый, какъ и всѣ прочіе поступки ея, удовлетворяя ея жаждѣ власти и личной независимости, былъ результатомъ тонкаго расчета. Образъ мыслей отца ея не могъ болѣе вредить государству и, въ случаѣ опасности, она могла защитить свою мать и своихъ двухъ сестеръ. Впрочемъ, Питтъ зналъ, что въ жилахъ ея течетъ кровь Чатамовъ: «Когда-же выростутъ твои крылья?» говорилъ онъ ей. «Ты не касаешься земли, странное созданіе! Ты любишь уединеніе, когда оно ничѣмъ не можетъ быть нарушено; свѣтъ, когда онъ кружится въ быстромъ вихрѣ; политику, когда она запутана. Для тебя необходима одна изъ этихъ трехъ крайностей, но я не знаю, которая изъ нихъ соотвѣтствуетъ твоему духу.» Вѣрнѣе нельзя оцѣнить гордаго характера леди Эстеръ.

Питтъ испыталъ неудачу въ любви, и это неудивительно, кому неизвѣстно его странное лицо, его острый и вѣчно поднятый носъ, быстрый и проницательный взглядъ, высокій и болѣе чѣмъ широкій лобъ, разсѣянный видъ; въ лицѣ и поступкахъ его отражалась прозорливость. Дочь г. Эдена внушила ему сильную страсть. Объ отцѣ ея говорили, что на него нельзя положиться; мать же была типомъ англійскихъ матерей, которыя ловятъ на удочку мужей для своихъ дочекъ, и преслѣдуютъ ихъ съ неотразимымъ упорствомъ. «Онѣ ставятъ противъ васъ, говорила Эстеръ, свою дочь — въ видѣ артиллерійскаго орудія, и стоя съ зажженнымъ фитилемъ, поднимаютъ и поворачиваютъ его на оси и обстрѣливаюсъ васъ безъ всякаго милосердія на самомъ близкомъ разстояніи. Англійская натянутость (primosity) вполнѣ согласна съ этимъ. Не знаю, какимъ образомъ дядя мой успѣлъ узнать всѣ завидныя качества семейства, съ которымъ готовился

породниться, всѣ интриги, которыми думали окружить его и равнодушіе къ нему мисъ Эденъ, но онъ благоразумно отказался отъ своего намѣренія и погрузился въ глубокое уныніе. Съ тѣхъ поръ, онъ не думалъ о женитьбѣ.»

Умѣя оцѣнить достоинство женщины, Питтъ радовался намѣренію племянницы своей жить у него. Въ то время борьба его съ Франціею, а послѣ съ Наполеономъ, была въ полномъ разгарѣ. Эстеръ вела его переписку, составляла его ноты, управляла его домомъ. Она помогала ему всѣми средствами, и Питтъ вскорѣ узналъ въ ней твердость души, жажду дѣятельности, и, въ особенности, то непобѣдимое присутствіе духа, ту вѣчно бодрствующую предусмотрительность, безъ которыхъ нельзя управлять ни малыми, ни великими дѣлами. Люди, привыкшіе къ интригамъ, полагаютъ, что основаніе всякой политики долженъ быть обманъ, но они жестоко ошибаются, основаніе глубокой политики есть истина. Умѣнье узнавать скрытые факты и предъугадывать готовящіеся составляетъ половину искусства тонкаго политика. Разорвавъ покровы, скрывающіе истину и узнавъ дѣйствительность, должно еще умѣть дѣйствовать по этимъ даннымъ. Дядя и племянница жили согласно; министръ не пренебрегалъ ея совѣтами и между ними не было секретовъ.

«Эстеръ,» говорилъ онъ, «болтаетъ, какъ сорока, но никогда не проговаривается; она говоритъ только о томъ, въ чемъ вполнѣ увѣрена.» И такъ Эстеръ была правою рукою Уильяма Питта, который ставилъ ее выше тѣхъ ничтожностей, которыми обыкновенно окружаютъ себя политики въ Англіи, тѣхъ орудій безъ значенія, которыя надѣятся, льстятъ, повинуются, получаютъ награды и всему завидуютъ. Питта они вывели изъ терпѣнія. Изъ числа друзей и повѣренныхъ министра, Каннингъ менѣе всѣхъ пользовался довѣріемъ дяди и племянницы, которые постоянно слѣдили за его поступками. Питтъ какъ будто предъугадывалъ въ немъ своего соперника. Ко всѣмъ остальнымъ леди Эстеръ питала глубокое презрѣніе: Каннингъ одинъ былъ удостоенъ ея ненависти.

III.

Приподнявъ эти завѣсы, угадавъ всѣ тайны дѣйствительности, леди Эстеръ, въ двадцать лѣтъ, сдѣлалась мизантропкою. Это странное направленіе духа молодой дѣвушки прикрывалось такою живостью, энергіею и веселостью характера, что всѣ стали ее

бояться. Она удостоена была вниманія короля. Однажды дворъ прогуливался на Виндзорской терассѣ, съ которой глазамъ открываются самые великолѣпные виды. Вся королевская фамилія была на терассѣ. «Питтъ,» сказалъ король, обратившись къ своему министру, «я выбралъ новаго министра.»—«Какъ вашему величеству будетъ угодно. Обязанность эта становится трудною для меня; немного отдыха мнѣ не повредитъ.»—«Новый министръ искуснѣе васъ!»—«Выборъ вашего величества долженъ быть превосходенъ.» —«Да, Питтъ, повторяю, искуснѣе васъ; сверхъ того онъ превосходный полководецъ!» — «Вашему величеству,» возразилъ Питтъ, начиная приходить въ смущеніе и, не смотря на свою опытность, не зная, какъ понимать слова короля, «вашему величеству, не угодно-ли будетъ довѣрить мнѣ имя этого замѣчательнаго человѣка, для того, чтобы я отнынѣ могъ оказывать ему почтеніе, должное выбору вашего величества и такимъ необыкновеннымъ дарованіямъ.»—«Оглянитесь, онъ возлѣ васъ,» возразилъ король, показывая на леди Эстеръ; «у меня во всей Англіи нѣтъ государственнаго человѣка, который бы могъ сравниться съ нею, нѣтъ женщины, которая бы принесла болѣе чести своему полу. Гордитесь ею, Питтъ; она обладаетъ всѣми великими качествами своего пола.» Такъ думалъ и Питтъ, который любилъ сравнивать племянницу свою съ Римскими героинями. «Придворныя дамы,» говоритъ сама леди Эстеръ, «кусали губы съ досады; властолюбцы домогались моихъ похвалъ, глупцы не подходили ко мнѣ—и всѣ меня уважали.»

Англійское общество того времени представляло разительные контрасты: возлѣ лицемѣрной скромности и натянутости самые цинническіе нравы; повсюду преувеличенныя, ложныя, но энергическія понятія. Положеніе Франціи привело всѣ эти элементы въ какую-то напряженную дѣятельность. Среди этого общества очутилась юная леди Эстеръ въ 1793 г., подъ покровительствомъ своего дяди, Питта. Вскорѣ она имѣла свой дворъ; ей льстили, ей подавали просьбы, ее страшились; это придало ея понятіямъ еще болѣе дикости, поступкамъ — болѣе таинственности и болѣе смѣлости выраженіямъ. Эстеръ Стенгопъ въ 23 года узнала все, чему можетъ научить жизнь государственнаго человѣка: неблагодарность за оказанныя благодѣянія, измѣну, подкупы, предательство, быстрыя перемѣны характера, притворство и лесть. Она часто дѣйствовала вмѣсто дяди: повышала чиновниковъ министерства, смѣняла секретарей и не разъ контрсигнировала повелѣнія

(contresignait les ordonnances), Питтъ смотрѣлъ и улыбался. Она на все имѣла правила и старалась все изучать въ подробности.

Поставивъ себя въ такое положеніе, она объявила бой на смерть принятымъ условіямъ англійскаго общества, лицемѣрной набожности и всѣмъ возможнымъ подлогамъ. «Чѣмъ образованнѣе человѣкъ, говорила она, тѣмъ болѣе пренебрегаетъ онъ различными анекдотами и слухами, распускаемыми объ немъ. Я, съ своей стороны, не обращаю вниманія на слухи, носящіеся обо мнѣ въ Лондонѣ. Какое мнѣ дѣло до этихъ уродливыхъ умовъ и мелочныхъ душонокъ. Пусть жужжатъ вокругъ меня, сколько имъ угодно; они похожи на шмелей, усѣвшихся на хвостъ артиллерійской лошади. Грянетъ выстрѣлъ и все разсѣялось. Мнѣ жаль этихъ блѣдныхъ, слабыхъ лакомокъ-дамъ, пополняющихъ свои желудки сладкими пирожками, не умѣющихъ сдѣлать шагу безъ посторонней помощи, не умѣющихъ выйти изъ кареты, не опираясь на руку мужчины. Я имѣла привычку говорить этимъ господамъ, предлагавшимъ мнѣ свои услуги: «Слава Богу, у меня есть свои ноги, дайте имъ работать». Во многихъ гостиныхъ рѣшили, что скука лучшая вещь въ мірѣ. Тотъ имѣлъ большій успѣхъ, кто болѣе другихъ отличался тупоуміемъ и холодностію: это было въ модѣ. Представителемъ такой моды считался нѣкто Польгилль, глупый и угрюмый, совершенно какъ вы, докторъ. (Она разсказывала это своему доктору.) Ему нравился балъ только тогда, когда въ залахъ было столько народа, что головы торчали одна подлѣ другой, какъ бутылочныя горлышки изъ корзины.»

Ненависть къ лицемѣрію и ко всему преувеличенному и подложному съ каждымъ днемъ возрастала въ ней. Воспитанная въ довольствѣ, среди большаго свѣта, не опасаясь никого, окруженная лестью и ласкательствомъ, она судила обо всемъ съ необыкновенною вѣрностью взгляда, но съ прихотью остроумнаго ребенка. Она не оставляла безъ наказанія ни одной глупости, ни одного смѣшнаго притязанія; и не щадила никого, даже министровъ. Во время войны съ Франціею, Питтъ задумалъ учредить новый орденъ для заслугъ; лордъ Ливерпуль, гордый и надутый человѣкъ, принялъ на себя устройство новаго учрежденія и выборъ цвѣтовъ для національной кокарды. Однажды вечеромъ онъ явился въ залу перваго министра съ самодовольнымъ видомъ. «Я думаю, сказалъ онъ, что мой выборъ польститъ британскому самолюбію: красный цвѣтъ — англійскаго флага, голубой—эмблема морей, и бѣлый—эмблема честности.» Всѣ придворные тотчасъ при-

нали его выборъ превосходнымъ, поэтическимъ. «Все это прекрасно, прервала его леди Эстеръ, и многіе будутъ довольны вашей выдумкою, но мнѣ кажется, что я гдѣ-то видѣла это.—«Гдѣ же? спросилъ Ливерпуль.—«На кокардѣ французскихъ солдатъ.... милордъ, вы изобрѣли трехъ-цвѣтную кокарду!» Ливерпуль ужаснулся. «Боже мой, леди Эстеръ, воскликнулъ онъ, что мнѣ дѣлать, я заказалъ болѣе трехъ-сотъ аршинъ такихъ лентъ; куда я ихъ дѣну?»—«Употребите ихъ на подтяжки, когда вы кладете въ карманы бумаги, которыхъ никогда не находите, и ищите то въ лѣвомъ, то въ правомъ, карманѣ, какъ угря въ пруду. Право, милордъ, я боюсь, чтобы безъ подтяжекъ когда-нибудь не случилось бѣды съ вами.

Находки ея нерѣдко имѣли болѣе значительное вліяніе и природный разсудокъ ея всегда возставалъ противъ всего смѣшнаго. Аддингтонъ, который одолженъ былъ своимъ возвышеніемъ дружбѣ Питта, задумалъ принять титулъ лорда Ралейга. Такое неприличное присвоеніе историческаго имени не нравилось леди Эстеръ; однажды, прибѣжавъ къ дядѣ, она воскликнула: «Знаете, что презлая каррикатура появилась на Аддингтона и на васъ?» Она такъ живо и забавно описала каррикатуру, придуманную ею, что Питтъ помиралъ со смѣха, и тотчасъ разослалъ людей по всему городу, чтобы купить каррикатуру за какую-бы то ни было цѣну. Самособою разумѣется, что ее ни гдѣ не нашли, но министръ понялъ всю нелѣпость идеи Аддингтона и XIX столѣтіе лишилось втораго лорда Ралейга, врача, сына врача.

Кромѣ Камельфорда и Питта, леди Эстеръ уважала только Брумеля, представителя франтовъ (dandy), столь-же дерзкаго, какъ и она. Ей нравился этотъ грозный фатъ, бичъ всѣхъ смѣшныхъ притязаній, врагъ всего того, что она ненавидѣла: врагъ поддѣльныхъ чувствъ, общихъ мѣстъ, глупаго высокомѣрія и тщеславія, уничжавшій надутыхъ глупцовъ, провозглашателей заученыхъ сентенцій и мнимыхъ ученыхъ. Она разсказывала объ немъ невѣроятные, но справедливые анекдоты.

Брумель былъ дерзокъ съ людьми низкаго происхожденія, пробившимися въ знать. Посреди самаго пышнаго и изысканнаго обѣда онъ подзывалъ лакея, требуя анчоусовъ изъ Индѣйскаго Моря или пальмирскаго соуса, и хладнокровно добавляя: «Безъ этого истинная знать не обѣдаетъ.» Торжествомъ этой дерзости было утро Брумеля, когда полдюжины записныхъ франтовъ, стоя, присутствовали при его туалетѣ. «Чего вамъ надобно?» говорилъ онъ, обращаясь къ нимъ, «развѣ вы не

видите, что я чищу зубы?» Щетка медленно передвигалась во рту денди, который разсматривалъ въ зеркалѣ свои зубы, говоря вслухъ: «Кажется пятно, нѣтъ, это кофе. Этотъ порошокъ превосходенъ. Не надѣйтесь получить рецепта, вамъ его не достать!» Эти два существа вполнѣ соотвѣтствовали другъ другу, съ тою разницею, что красавецъ Бруммель игралъ роль женщины, а леди Эстеръ роль мужчины. «Ахъ, леди Эстеръ, сказалъ онъ ей однажды полу-серьезнымъ тономъ, никто не знаетъ отца Джорджа Бруммеля, и никто не зналъ-бы самого Бруммеля, если-бы онъ не взялъ на себя этой роли, которая, какъ вы сами знаете, держится только своимъ сумасбродствомъ. Если-бы я не обращался за-просто съ маркизами и не дурачилъ маркизъ, обо мнѣ не говорили-бы и недѣли; безразсудный свѣтъ поклоняется моему сумасбродству, а намъ обоимъ извѣстна истина. Красавецъ Бруммель, гроза британскихъ гостинныхъ, окончившій жизнь во Франціи, покрытый долгами, сохранившій отъ прежняго своего довольства нѣсколько золотыхъ табакерокъ и изношенное платье, долженъ былъ нравиться женщинѣ, которую гордость и ненависть къ англійскому обществу отбросили въ послѣдствіи въ азіятскія пустыни.

Такъ подвигалась, торжественно, на всѣхъ парусахъ, эта странная жизнь, имѣвшая свою смѣшную сторону, потому-что она выходила изъ всѣхъ условій женской природы. Эстеръ разсаживала, передѣлывала по новымъ планамъ, и въ недѣлю совершенно измѣнила Уальмерскіе сады и парки своего дяди, придумывала мундиры, открывала и уничтожала интриги, распечатывала депеши и постепенно достигала крайнихъ предѣловъ самой необузданной смѣлости. Явно было, что только при кредитѣ Питта она могла пользоваться такою безнаказанностью, и сколько неумолимыхъ враговъ готовилось ей въ будущности. «Какъ, говорили ей однажды, вы не примѣчаете лорда К..., который вамъ кланяется?» — «Я вижу большаго двуличнаго хамелеона,» громко отвѣчала она, «развѣ это лордъ К...?» Подобно большей части юмористовъ, она имѣла даръ комизма и сопровождала свои замѣчанія и насмѣшки неподражаемою мимикою.

Нужно было видѣть, какъ она передразнивала томныя нѣжности сентиментальныхъ супруговъ, введенныхъ въ моду въ Англіи сочиненіями Августа Лафонтена и Коцебу. Она сперва представляла мужа въ восхищеніи отъ прекрасныхъ качествъ своей жены, жену, погруженную въ сладостное и страстное забытіе; потомъ, во второмъ актѣ, она изображала мужа, зѣвающаго на потолокъ, жену улыбающуюся среди компримен-

теровъ. Все это дѣлала она открыто, во всѣхъ гостинныхъ, и роль придворнаго шута, принятая племянницею Питта и украшенная живымъ остроуміемъ юной дѣвушки, заставляла бояться ее какъ чумы. Всѣ склонялись предъ нею; пенсіи, титулы, званія, проэкты, все проходило чрезъ ея руки. Она совершала то, къ чему дяда ее едва осмѣливался приступать. Однажды вечеромъ Питтъ обратился къ ней съ слѣдующимъ вопросомъ. «О чемъ это говорилъ съ тобою такой-то (членъ совѣта Питта), что значили его безконечныя рѣчи посреди бала и его озабоченный видъ?»

— «Онъ увѣрялъ меня честнымъ словомъ, что Сара Н.... получитъ завтра пенсію; вы знаете, какое участіе я принимаю въ положеніи этой бѣдной женщины и ея многочисленнаго семейства; но какъ я презираю этого человѣка, то я не обращала вниманія на его слова и мысленно готовилась поговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ. Я люблю черпать прямо изъ источника.»

— Онъ это говорилъ тебѣ!—воскликнулъ Питтъ,—это выходитъ изъ всякихъ границъ. Не прошло еще часа, какъ онъ приходилъ просить меня, чтобы я не давалъ никакой пенсіи г-жѣ Н.... Правительству, говорилъ онъ, придется кормить десятерыхъ дѣтей ея. Онъ хочетъ тянуть дѣло до-тѣхъ-поръ, пока о немъ забудутъ.

— Дядюшка,— возразила Эстеръ,— вамъ слѣдуетъ показать себя; тотчасъ-же назначьте пенсію.

— Помилуй, теперь всѣ спятъ; въ казначействѣ нѣтъ никого.

— Извините, я вижу свѣтъ въ окнѣ; прикажите позвать Чиннери; онъ вѣрно еще тамъ.

Призвали Чиннери, котораго обязанность состояла въ раздачѣ пенсій.

— Завтра утромъ,—сказала она ему,—первою заботою вашею будетъ отправить г-жѣ Н.... бумагу на полученіе пенсіи. Неправда-ли, господинъ Питтъ?

Дѣйствительно, пенсія была назначена. Леди Эстеръ жестоко мстила тѣмъ, которые не исполняли ея воли. Лордъ Аберкорнъ, желавшій ордена Подвязки, и напрасно просившій объ этомъ Питта, обратился къ ходатайству Аддингтона и получилъ орденъ. «Я отплачу ему за это,» сказала она однажды герцогу Кумберландскому.—Вотъ удобная минута,— воскликнулъ герцогъ,—посмотрите, онъ вошелъ въ комнату, вцѣпитесь въ него, маленькій бульдогъ (yon little bulldog). У лорда Аберкорна обѣ ноги были сломаны, а отецъ Ад-

диигтона завималъ должность хирурга. Эстеръ подошла къ Аберкорну и стала пристально разсматривать подвязку. «Что это у васъ, милордъ,—сказала она ему,—перевязка? Аддингтонъ хорошо работалъ, и я надѣюсь, что вы отнынѣ будете на лучшей ногѣ.» Съ этимъ словомъ она отошла отъ него. Однажды ей сказали. «Посмотрите, какъ лордъ Кастльриджъ красивъ.»—Это отраженіе портфелей;» отвѣчала она.

Кастльриджъ всегда носилъ съ собою свои портфели изъ краснаго сафьяна и старался казаться погруженнымъ въ государственныя дѣла.

Смѣлая борьба леди Эстеръ съ поддѣльною или преувеличенною образованностью того времени касалась, какъ мы видѣли, самыхъ важныхъ лицъ. Борьба эта не могла быть продолжительною; вмѣстѣ съ политическимъ могуществомъ Питта, должно было рушиться и фантастическое вліяніе его племянницы. Дѣйствительно, удержавъ отъ паденія исполинское зданіе англійскаго могущества, Питтъ разслабленный и покрытый долгами, сошелъ въ могилу. Онъ посвятилъ своему политическому труду всѣ силы своей души, своего ума и своего тѣла. Леди Эстеръ такъ описываетъ послѣдніе годы его жизни. »Въ послѣдніе дни своей, Питтъ не пользовался никакими удовольствіями, никакими развлеченіями, не имѣлъ даже времени наблюдать за своими собственными доходами и всѣ его обкрадывали. Онъ вставалъ въ 8 часовъ, завтракалъ, окруженный толпою просителей и членовъ парламента, не переставалъ работать, говорить, отвѣчать на безчисленные вопросы и отдавать приказанія до 4 часовъ вечера, обѣдалъ на скоро, отправлялся въ Нижнюю Палату, находилъ тамъ всѣхъ своихъ противниковъ, приготовленныхъ къ борьбѣ, отчаянно состязался съ ними до 3 часовъ; возвращался ужинать съ друзьями и усталый, измученный, засыпалъ на два или на три часа. Никакія силы не могли устоять противъ такого образа жизни. Счастливѣйшія минуты своей жизни проводилъ онъ на фермѣ, близъ Уальмера; въ большой комнатѣ поставлены были три стола и стулъ, тамъ онъ занимался перепискою и дышалъ чистымъ воздухомъ. Наконецъ, онъ изнемогъ.»

Питтъ скончался 23 января 1806 года, убитый аустерлицкимъ сраженіемъ, оставивъ 40,000 фунт. стерлинговъ долга и не дождавшись исполненія ни одного изъ своихъ обширныхъ плановъ. Леди Эстеръ, повѣренная всѣхъ тайнъ министра, поняла, что всѣ надежды ея исчезли, что власть рушилась, что ей не придется болѣе распутывать интриги, развѣдывать тайны, осыпать на-

смѣшками героевъ драмы, разыгрывавшейся передъ нею. Ей назначили только 1200 фунт. стерлинговъ ежегоднаго дохода, и общество англійское вскорѣ показало ей, что настало время отмщенія. Леди Эстеръ удалилась въ Бультъ, въ скромную Валлійскую хижину; но вскорѣ, глубоко огорченная и разочарованная, она въ 1810 году отправилась на Востокъ.

IV.

Смерть великаго политика, пожертвовавшаго жизнью своимъ геніальнымъ планамъ и не оплаканнаго никѣмъ, жестоко поразила пылкое воображеніе леди Эстеръ. Недостаточность состоянія и зависимость положенія не дозволяли ей вступить въ открытую борьбу съ своими врагами. Ненависть къ Европѣ и въ особенности къ Англіи обратилась въ ней, какъ и въ Байронѣ, въ какое-то бѣшенство, въ какую-то неизлечимую хроническую болѣзнь. Она любила дѣйствительность, а англійское общество шло путемъ лицемѣрія; она возненавидѣла его образованность, его вѣчныя празднества и выдумки моды. Вскорѣ мистическое настроеніе духа, надежда лучшей будущности, неодолимое желаніе заставить говорить о себѣ, жажда власти, въ которой отечество ей отказало, — взволновали ея душу и наполнили ее мизантропіею и стремленіемъ, которыя не переставали терзать ее до самой смерти. Науки и поэзія могли развлечь и утѣшить ее, но она презирала книги, любила только дѣятельность, а для дѣятельности ея не было пищи. Леди Стенгопъ была горда, какъ Мильтоновскій сатана; душа ея не могла вынести униженія. Каннингъ готовился наслѣдовать Питту послѣ Кастльриджа; неблагодарность англійскаго народа приводила ее въ негодованіе. Объѣздивъ Грецію и Египетъ, леди Стенгопъ окончательно поселилась въ Сиріи среди Друзовъ, Турокъ и дикихъ Арабовъ. Политическое положеніе страны представляло картину самой запутанной и кровавой анархіи; жить среди опасностей, было отрадою для леди Стенгопъ.

Мы въ немногихъ словахъ изложимъ событія, происходившія на Востокѣ въ то время, когда леди Эстеръ избрала своимъ убѣжищемъ горы Ливанскія. Слабость Турецкой Имперіи и постепенный упадокъ ея съ начала XVIII столѣтія одобряли завоеванные ею народы отыскивать независимость. Въ то время, какъ Греки ополчались на свою защиту, Мегеметъ-Али обращалъ Египетъ въ свою частную собственность, а князь Друзовъ, глава

разноплеменныхъ и враждебныхъ народовъ, населяющихъ Ливанскія горы, старался слить въ одно цѣлое разнородные элементы подвластныхъ ему племенъ и овладѣть всею Сиріею. Въ теченіе двадцати-лѣтняго пребыванія леди Стенгопъ въ этой сторонѣ, войны эмира Бешира съ Портою, съ Друзами, съ Арабами, съ Турками и съ своими собственными военачальниками, — войны различныхъ племенъ между собою, борьба Паши Акрскаго съ Ибрагимомъ-Пашою, сыномъ Мегемета, окружали уединенное жилище леди Стенгопъ, близъ Бейрута, цѣпью интригъ, убійствъ и войнъ.

Эмиръ, о которомъ столько говорили въ Европѣ, былъ человѣкъ звѣрскаго характера, но необыкновеннаго ума; записки доктора даютъ о немъ подробныя свѣдѣнія. — Неоднократно спасаясь бѣгствомъ отъ мщенія пашей Акрскихъ и отъ фирмановъ Порты, онъ угадалъ всѣ выгоды союза съ Мегеметомъ Али и соединясь съ нимъ, рѣшился освободить Сирію отъ турецкой власти. Сынъ Мегемета, Ибрагимъ-Паша, воспользовавшись удобнымъ временемъ, ворвался въ Сирію, взялъ Дамаскъ, разбилъ войско султана, овладѣлъ почти всею Сиріею и угрожалъ Константинополю, но здѣсь остановило его вмѣшательство Европейскихъ державъ.

Эмиръ Друзовъ извлекъ всего болѣе выгодъ изъ этого союза двухъ хитрѣйшихъ и отважнѣйшихъ властителей Востока. Онъ возвратился въ Ливанскія горы и страхомъ удерживая своихъ разноплеменныхъ подданныхъ отъ возстанія, ужасая Арабовъ кровавыми казнями, продолжалъ отвлекать отъ Турціи дотолѣ вѣрныя ей племена. Съ Друзами притворяясь Друзомъ, съ христіанами—христіаниномъ, онъ въ тоже время чрезъ своихъ агентовъ разглашалъ повсюду, что Махмудъ-Европеецъ пьетъ вино съ Греками, посѣщаетъ невѣрныхъ, презираетъ Коранъ и старается преобразовать Турецкую Имперію, искоренивъ исламизмъ. Сирійскіе мусульмане привыкали смотрѣть на Ибрагима Пашу, какъ на своего единственнаго защитника, какъ на представителя своей вѣры.

Этого было мало: ему оставалось подчинить своей власти Маронитовъ, древнее христіанское племя, населяющее часть Ливана и Друзовъ, неутомимыхъ горцевъ, которые, владѣя крѣпостями, построенными крестоносцами, съ высоты своихъ стѣнъ, образующихъ неправильную линію укрѣпленій и скалъ, могли удержать и разсѣять цѣлую армію. Всѣ эти люди имѣли достаточное количество оружія и владѣли имъ съ необычайнымъ

искусствомъ, съ непобѣдимою храбростью. Однажды утромъ, когда Друзы, занимавшіеся хлѣбопашествомъ, были въ полѣ, всѣ деревни Ливана были вдругъ заняты войсками Ибрагима, пришедшими ночью ускореннымъ маршемъ. Овладѣли даже дворцомъ эмира, который показалъ видъ ужаса и негодованія и выдалъ себя за жертву хитрости, придуманной имъ самимъ. Вскорѣ приступили къ совершенному обезоруженію Друзовъ. Нѣкоторымъ удалось скрыть свое оружіе, иные были казнены, большая часть принуждены были уступить силѣ. Искусно выполняя свои планы, эмиръ, искавшій опоры въ христіанахъ, объявилъ, что они могутъ сохранить свое оружіе, роздалъ имъ нѣсколько шелковыхъ поясовъ и кашемировъ и прослылъ въ Европѣ защитникомъ католицизма на Востокѣ.

Когда ненависть, возбужденная привилегіями христіанъ въ сердцахъ Друзовъ и Арабовъ, достаточно укрѣпилась, одинъ изъ племянниковъ Ибрагима, Аббасъ-Паша, получилъ отъ своего дяди порученіе привести въ дѣйствіе, съ согласія эмира, одну изъ самыхъ тонкихъ своихъ хитростей. «Кто этотъ человѣкъ? воскликнулъ онъ однажды, увидѣвъ проходившаго христіанина съ кинжаломъ за поясомъ, съ великолѣпно-украшеннымъ мечемъ и парою пистолетовъ, – христіанинъ? Въ какомъ вооруженіи покажусь я, если люди эти являются къ намъ въ такой одеждѣ? Я приведу это въ порядокъ.» Христіане были въ свою очередь обезоружены, и вся Сирія осталась безъ защиты. Эмиръ Беширъ достигъ своей цѣли. Однако независимые Друзы вскорѣ увидѣли обманъ и негодованіе ихъ разразилось страшнымъ образомъ, когда Ибрагимъ-Паша вздумалъ набирать изъ нихъ войско. Соединясь съ Бедуинами ближайшихъ степей, они напали на эмира и одержали не одну побѣду.

Среди этой неурядицы, всѣхъ возможныхъ хитростей и безпорядковъ, поселилась леди Стенгопъ. Турція едва удерживала свои владѣнія въ Сиріи; все угрожало ей: вражда Ибрагима, безмѣрное властолюбіе эмира Бешира, страсть Друзовъ къ безначалію, ненависть христіанъ, припоминавшихъ прежнее угнетеніе, и негодованіе истинныхъ Мусульманъ, считавшихъ Махмуда *Европейцемъ*. Леди Стенгопъ рѣшительно объявила себя на сторонѣ Порты и въ теченіе 20 лѣтъ, всѣми силами поддерживала эту сторону, въ глазахъ эмира Бешира, въ самомъ центрѣ его владѣній. Пріѣздъ ея въ началѣ не произвелъ никакого впечатлѣнія и эмиръ, думая найдти въ ней опору, уступилъ ей на жительство старый греческій монастырь, по имени Маръ Эли-

асъ. Зданіе монастыря, построенное на открытомъ мѣстѣ, было еще въ хорошемъ видѣ и доступъ къ нему былъ не труденъ. Эстеръ провела въ немъ нѣсколько лѣтъ, привыкая понемногу къ мѣстнымъ обычаямъ, образуя свой домъ на Восточный манеръ и приготовляя свою власть неистощимыми благодѣяніями. Впослѣдствіи, она оставила монастырь, и удерживая его въ своемъ владѣніи, окончательно избрала своимъ убѣжищемъ Джигунъ, близъ Санды.

На одномъ изъ самыхъ обрывистыхъ хребтовъ Ливана, отдѣленномъ громадами скалъ, кедровыхъ лѣсовъ, и бурными потоками отъ прочихъ горныхъ хребтовъ, увѣнчанныхъ снѣгами и испещренныхъ роскошною восточною растительностью, построила она свой странный дворецъ, фантастическую груду низенькихъ домиковъ, соединенныхъ между собою темными галереями, извилистыми корридорами и неправильными дворами. Зданіе это походило на лабиринтъ. Все въ немъ дышало таинственностью; повсюду были устроены скрытыя отверстія, потайные ходы и комнаты. Гость, приглашенный ею, не подозрѣвалъ, что позади его въ стѣнѣ находится человѣкъ, слѣдящій за всѣми его движеніями, подслушивающій всѣ его слова, и наблюдающій даже за прислугою. Изъ оконъ этого страннаго замка, открывались безконечныя зеленѣющія равнины, посреди которыхъ медленно струился извилистый потокъ; далѣе, взоръ наблюдателя скользилъ по темнымъ скатамъ горъ, окаймившихъ равнину своими снѣговыми вершинами. Тамъ, окруженная прислугою, которую она удерживала страхомъ и хитростью, среди враждебныхъ племенъ, уважавшихъ ее, какъ таинственное созданіе, поставленное на рубежѣ двухъ міровъ, терзаемая непрерывными душевными и физическими страданіями, стараясь угадывать тайны судьбы по теченію небесныхъ свѣтилъ, являясь въ тоже время Пиѳониссою и восточною королевою, и разсыпая свои гинеи по Ливану съ необыкновенною щедростью, вскорѣ разорившею ее, леди Эстеръ положила основаніе своей власти, независимой отъ эмира, даже враждебной его замысламъ.

Она избрала себѣ въ спутники какую-то миссъ Уилліамъ, незначительное лицо, давно поселившееся въ ея семействѣ, и доктора, оставившаго намъ свои записки, человѣка честнаго и образованнаго. Послѣдній отправился къ ней съ своимъ семействомъ, но онъ не зналъ, какая жизнь ожидаетъ его на Востокѣ. Понятно, что леди Эстеръ, задумывая великіе замыслы и не имѣя довольно средствъ для приведенія ихъ въ исполненіе, должна была сдѣлать-

ся мучительницею всего окружавшаго ее. Презирая врачебное искусство и самыхъ врачей, она постоянно давала доктору это чувствовать, пренебрегала его лекарствами, смѣялась надъ его предписаніями, а какъ изъ всѣхъ окружавшихъ ее людей онъ былъ самый образованный, то на него и обрушивалась вся ненависть ея къ образованію. Такая жизнь утомила доктора и онъ уѣхалъ въ Европу. Эстеръ дала ему отправиться, но вскорѣ вызвала обратно, потомъ отослала его во второй разъ, снова призвала, и это странствованіе несчастнаго доктора, который на дорогѣ былъ ограбленъ греческимъ пиратомъ, наполняетъ собою значительную часть трехъ томовъ его записокъ.

Нельзя не пожалѣть о немъ, но къ чему было и отправляться на Востокъ? Зная характеръ леди Стенгопъ, онъ не смотря на просьбы и приказанія ея, вздумалъ взять съ собою жену и семейство, не чувствовавшихъ никакого расположенія ни къ восточной жизни, ни къ безконечнымъ странствованіямъ.

Леди Эстеръ имѣла неопреодолимое отвращеніе къ женскому полу, и никогда не хотѣла принять въ свое общество жену доктора. Жизнь несчастнаго доктора между владычицею Тадморскою и законною супругою, обратилась въ невыносимое мученье; каждая изъ нихъ, желая показать свою власть, всячески старалась привлечь его на свою сторону. Леди Стенгопъ осыпала его бранью и угрозами, жена падала въ обморокъ или начинала плакать, докторъ обращался то къ одной, то къ другой, но ему никогда не удавалось согласить ихъ. Горные Друзы, привыкшіе иначе управлять своимъ гаремомъ, возъимѣли жалкое понятіе о европейскихъ мужьяхъ, къ величайшей досадѣ леди Стенгопъ.

V.

Въ комнатѣ ничѣмъ не обитой, съ растрескавшимся поломъ, докторъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ у постели Тадморской владычицы, которая отъ времени до времени скрывалась отъ его взоровъ въ густыхъ облакахъ дыма, вылетавшихъ изъ ея длиннаго чубука; но изъ этихъ облаковъ раздавались слова, которыя докторъ ловилъ на лету и послѣ вписывалъ въ свои записки. Леди Эстеръ говорила ему объ астрологіи, о хиромантіи, о кабалистикѣ, о Питтѣ, о Чатамѣ, о звѣздахъ, о змѣѣ съ человѣческою головою и о философскомъ камнѣ; называла его добрякомъ, сумасшедшимъ, дуракомъ и чурбаномъ; ласкала, дурачила, увѣще-

вала, утѣшала, допрашивала и учила, такъ что несчастный докторъ не зналъ, что дѣлать. Истощивъ весь запасъ терпѣнія въ столь поучительной бесѣдѣ, докторъ возвращался въ свое жилище по скользкимъ и извилистымъ тропинкамъ, пересѣкавшимъ равнину, потому что Эстеръ хотѣла одна обитать на вершинѣ Джигунской.

Монастырь Маръ-Эліасъ, на время уступленный ею доктору, представлялъ ей убѣжище болѣе спокойное, болѣе удобное для подвоза припасовъ. Она предпочла уединенный Джигунъ, на вершинѣ котораго она считала себя владычицею. Тамъ, въ уединеньи, вдали отъ населенныхъ городовъ, она не знала надъ собою ни чьей власти, и никто не могъ подойдти незамѣченный къ ея орлиному гнѣзду. Дорога, ведшая къ Джигуну, была непроходима въ дурную погоду, а въ хорошую едва доступна. Пантера и шакалъ прыгали по скаламъ; отважнѣйшіе горцы со страхомъ пускались въ путь по окраинамъ пропастей. Прислуга Леди Эстеръ, привлеченная ея щедростью, но измученная ея капризами, искала только случая, чтобы оставить ее, и такое мѣстоположеніе казалось ей хорошимъ средствомъ для удержанія ихъ. Не смотря на это, однажды ночью, вся прислуга женскаго пола убѣжала изъ замка, предпочитая ужасы дороги невыносимымъ капризамъ своей госпожи.

Въ Джигунѣ, леди Стенгопъ переняла всѣ восточныя привычки и рѣшительно отказалась отъ всѣхъ воспоминаній европейской жизни. Трудно было узнать племянницу Питта подъ палевою шерстяною чалмою, навитою на красный *тарбухъ* или *феску*; между чалмою и тарбухомъ проходилъ шелковый блѣдно-желтый и красный платокъ (keffaïah), завязанный у подбородка; на плеча былъ накинутъ длинный плащъ (machlag) изъ бѣлаго мериноса съ широкими складками, застегнутый на груди бѣлыми шелковыми застежками. Изъ-подъ плаща выказывалось красное платье (djoube), подъ нимъ находилась желтая тюника (quonbaz), обхваченная шарфомъ вокругъ тальи; широкіе шальвары пурпуроваго цвѣта, желтыя ботинки (mest) и сверхъ нихъ желтыя-же туфли, странный костюмъ, который не принадлежалъ ни Европѣ, ни Азіи и дѣлалъ леди Эстеръ похожею на одну изъ тѣхъ фантастическихъ фигуръ, которыя являлись подъ кистью Гверчина. Впрочемъ это составляетъ только матеріальную часть и сценическую обстановку ея образа жизни.

Ей оставалось еще заставить бояться и уважать себя. Она не имѣла права требовать чего-либо, кромѣ обычнаго гостепріим-

ства ; и дѣйствительно, по прибытіи своемъ на Востокъ, она встрѣтила въ бо́льшей части жителей только то уваженіе, на которое она могла надѣяться въ качествѣ обитательницы Европы, связанной узами родства съ знатнѣйшими семействами своей страны. Первое впечатлѣніе должно было вскорѣ исчезнуть, но она съумѣла поддержать и усилить его тщательнымъ изученіемъ восточныхъ нравовъ, безчисленными хитростями и необычайною смѣлостью.

Вскорѣ мнѣніе ея пріобрѣло нѣкоторый вѣсъ ; стали добиваться союза съ ней. Племена, населявшія окрестныя страны, опасались этой женщины, не имѣвшей ни войска, ни финансовой системы, паши обращались съ нею, какъ съ равною себѣ, какъ нѣкогда перы Англіи и члены кабинета Питта. Щедрая для бѣдныхъ, смѣлая до безразсудства въ рѣчахъ и поступкахъ, она никогда не принимала подарковъ и денегъ, которыми часто старались задобрить ее. Любопытно раскрыть какими средствами она утвердила свою власть, не имѣвшую никакого прочнаго основанія и поддерживаемую единственно твердостью ея характера. Сначала она распустила молву о своихъ оеургическихъ знаніяхъ, о своей связи съ невидимыми духами ; потомъ ей удалось поселить во всѣхъ умахъ твердое убѣжденіе, что мщеніе ея неумолимо, щедроты неисчерпаемы. При такомъ духовномъ владычествѣ, ей не доставало только денежныхъ средствъ, чтобы сдѣлаться истинною повелительницею Ливана, и осуществить всѣ свои замыслы.

Она начала съ того, что отказалась отъ всѣхъ филантропическихъ привычекъ Европы и приказала выставить предъ своими воротами два огромные заостренные кола, назначенные для усмиренія ея враговъ. Потомъ она оказала значительныя услуги человѣку самому опасному во всей странѣ, Абдаллѣ-Пашѣ, которому она чрезъ одного европейскаго банкира дала въ займы денегъ.

Наконецъ она поняла, что безъ палача ей не возможно пріобрѣсти никакого значенія на Востокѣ; вскорѣ она достала себѣ палача совершенно въ восточномъ вкусѣ или, скорѣе, она заняла его у эмира Бешира. Его звали *Гамаади*. Этотъ Тристанъ эмира-Бешира, предложившій леди Стенгопъ свои грозныя услуги, не проходилъ ни одной деревни, чтобы ему не были тотчасъ предложены лучшій домъ, фрукты и цвѣты. Никто не смѣлъ ослушаться его и докторъ леди Эстеръ, узналъ это на опытѣ. Онъ никогда не могъ добиться, чтобы ему постоянно приносили

молока и сливокъ, потому что Сулейманъ Гамаади любилъ эту пищу и употреблялъ ее ежедневно; а Сулейману Гамаади никто не смѣлъ отказать.

Впрочемъ, леди Стенгопъ не казнила никого; она держала Гамаади только для страха, «in terrorem», какъ говорятъ древніе юрисконсульты. Когда щедрость и расточительность довели ее до такой бѣдности, что она не могла болѣе кормить своихъ лошадей, то она рѣшилась уничтожить двухъ любимыхъ кобылъ и призвавъ Гамаади, сказала ему:

«Ты убьешь ихъ посреди большаго двора, однимъ ударомъ и, наклоняясь къ ихъ уху, скажешь имъ шопотомъ: «Ваша госпожа, которая васъ любитъ, не хочетъ, чтобы вы мучились въ ея дворцѣ и погибали отъ голода и бездѣйствія.»

Когда докторъ, не понимавшій этихъ восточныхъ обычаевъ, старался объяснить леди Эстеръ, что онъ не чувствуетъ никакого влеченія къ оружіямъ пытки, постоянно сопровождавшимъ Сулеймана Гамаади, то леди Эстеръ приводила въ свое оправданіе слѣдующія весьма уважительныя причины. «Посреди Ливанскихъ горъ и этого дикаго міра, который вамъ мало извѣстенъ, вы, докторъ, столь же глупы, какъ старый пень и не можете понять ничего, окружающаго васъ. На Востокѣ кротость и милосердіе не находятъ цѣнителей. Безъ этихъ незначительныхъ предосторожностей насъ обкрадывали и рѣзали бы въ постеляхъ. — Я узнала, что жители, вскорѣ послѣ моего пріѣзда, хотѣли пробить крышу моего дома и набросать въ мою комнату зажженой соломы, чтобы задушить меня во время сна. Они уважаютъ только силу, величіе, непоколебимую волю и строгость.

Вы недавно видѣли у меня нѣмецкаго графа, исполненнаго филантропіи и чувствительности. Онъ разсказывалъ мнѣ, что на берегахъ Нила ему случилось встрѣтить агу, который тащилъ за волосы какую-то женщину и жестоко билъ ее. Графъ захотѣлъ вступиться за нее, не смотря на увѣщанія окружавшихъ его людей; сцена Сганареля и жены его повторилась вполнѣ. Она кинулась на него, стала бить его, бросила ему въ лицо свою туфлю и осыпала всевозможными ругательствами. Но вы никогда не поймете этого, докторъ; вы европеецъ и большой педантъ. Съ людьми должно такъ обращаться, какъ они сами того желаютъ. Безъ моего палача Гамаади, этотъ несчастный французскій путешественникъ, Данà, умеръ-бы съ голода въ нашихъ горахъ. У него украли здѣсь въ окрестностяхъ чемоданъ, деньги, бумаги, и онъ не зналъ куда дѣваться. Когда все населеніе деревни было

собрано, Гамаади, по моему приказанію, смиренно обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Друзья мои, путешественникъ никому не желаетъ зла, но у него здѣсь украли бумаги и деньги; возвратите ихъ и вамъ ничего не сдѣлаютъ.» Всевозможныя клятвы и увѣренія посыпались въ отвѣтъ на это увѣщаніе; мужчины раскричались, женщины еще громче мужчинъ. Гамаади видя, что дальнѣйшія разсужденія ни къ чему не поведутъ, схватилъ ту, которая кричала громче прочихъ. «Пустите меня», закричала она тотчасъ, «я все скажу.» Повѣрите-ли, докторъ, она призналась, что сынъ сосѣда ея обокралъ путешественника и что она подѣлилась съ нимъ деньгами. Скажите, милый филантропъ, не лучше-ли было устрашить и даже наказать эту воровку, чѣмъ дать погибнуть несчастному путешественнику. Кто не одаренъ твердымъ характеромъ, тотъ считается у жителей востока низкимъ человѣкомъ и они смѣются надъ нимъ.

Все это внушало къ ней странное уваженіе, не смотря на то, что она часто обманывалась въ своемъ восточномъ правосудіи; впрочемъ она мало заботилась о томъ и желала только произвесть выгодное для себя впечатлѣніе и упрочить свою власть. — Зная, какое важное общественное значеніе придаютъ на Востокѣ женской добродѣтели, она безпощадно наказывала всякое нарушеніе строгихъ правилъ нравственности, которымъ она старалась подчинить свою прислугу. Гана Мессаадъ, любимый толмачъ и секретарь ея, сынъ англичанина и сирійской женщины, сказалъ ей однажды, что одинъ изъ служителей ея, по имени Михаилъ Тутунги, обманулъ сирійскую дѣвушку и что онъ видѣлъ ихъ сидящими вмѣстѣ подъ тѣнью ливанскаго кедра. Тутунги утверждалъ, что это несправедливо. Леди Эстеръ призвала Гамаади, который взялъ съ собою цирюльника изъ Саиды (древній Сидонъ), и собравъ всю деревню на площадкѣ предъ своимъ дворцомъ, сѣла сама на подушки предъ ними; по правую руку ея почтительно стоялъ Мессаадъ, по лѣвую Тутунги: жители стали полукругомъ; цирюльникъ и Гамаади помѣстились въ центрѣ. «Тутунги, сказала она, выпустивъ изо рта чубукъ своей трубки, ты обвиненъ Мессаадомъ въ преступныхъ связяхъ съ Фатумою Айсма, сирійскою дѣвушкою, стоящею здѣсь, предъ тобою. Ты упорствуешь въ противномъ. Скажите, — продолжала она обращаясь къ жителямъ, — извѣстны ли вамъ эти связи. Эти два человѣка принадлежатъ къ числу моихъ служителей; я обязана и хочу быть справедливою. Говорите!» — Всѣ отвѣчали, что ни-

чего не знаютъ. Тогда она обратилась къ Мессааду, который скрестивъ руки на груди, ожидалъ рѣшенія. «Мессаадъ, — сказала она ему, — ты обвиняешь въ большомъ преступленіи этого молодаго человѣка, вступающаго въ свѣтъ, и не имѣющаго никакого состоянія, кромѣ своего добраго имени. Приведи своихъ свидѣтелей; гдѣ они? — Я не имѣю ихъ, отвѣчалъ онъ смиренно, но я видѣлъ своими глазами. — Твои слова не имѣютъ никакого значенія предъ свидѣтельствомъ всѣхъ жителей и доброю славою Тутунги! — Потомъ, принимая строгій видъ судьи: Глаза и уста твои совершили преступленіе, глазъ и уста твои понесутъ наказаніе. Гамаади, держи его; а ты, цирюльникъ, обрѣй ему лѣвую бровь и правый усъ! — Какъ сказано, такъ и сдѣлано. — Четыре года спустя, когда Мессаадъ сдѣлался секретаремъ Бейрутскаго консульства, и былъ уже женатъ, леди Стенгопъ, восхищавшаяся своимъ правосудіемъ, получила письмо, въ которомъ Тутунги объявлялъ ей, что сирійская дѣвушка была дѣйствительно имъ любима и спрашивалъ отросли-ли усы и брови у обвинителя.

VI.

Леди Эстеръ прослыла справедливою, могущественною и неумолимою; казалось, этого было-бы достаточно; но трудъ ея не былъ оконченъ. Для окончательнаго утвержденія своей власти, ей слѣдовало прослыть чародѣйкою; и это ей такъ хорошо удалось, что всѣ, даже докторъ, вдались въ обманъ. — Изъ всего сказаннаго легко объясняется то, что могло казаться непонятнымъ въ жизни сивиллы Тадморской; ея стараніе окружить себя всѣми признаками астрологіи, строгое соблюденіе неблагополучныхъ дней (jours néfastes), ея уединеніе по средамъ, во время котораго никто не осмѣливался входить къ ней, волшебный змѣй, который возвѣщалъ ей будущее, фантастическое описаніе змѣиной пещеры, которымъ она такъ часто пугала доктора. Не трудно понять странности этой жизни, противной всѣмъ принятымъ обычаямъ: привычка вставать въ два часа, наблюденіе счастливыхъ и несчастливыхъ звѣздъ.

Докторъ совершенно терялся среди этой фантастической жизни, поддерживавшей власть леди Эстеръ на Востокѣ и вполнѣ согласовавшейся съ ея природною наклонностью къ мистицизму. Она не удовольствовалась славою предсказательницы и окружила себя

толпою лже-прорицателей, которыхъ удерживала надеждою выгодъ. Она взяла на себя грозную роль великой восточной сивиллы, и всѣ признали ее за нее; два подчиненныхъ ей лже-прорицателя въ особенности помогали ей въ этомъ предпріятіи, одинъ французъ, другой арабъ. Первый, старецъ, болѣе 20-ти лѣтъ жившій ея благодѣяніями, зналъ Типпо-Саиба и Лалли и назывался Лустоно; палящіе лучи восточнаго солнца и разныя несчастія разстроили его разсудокъ. Сынъ земледѣльца, родомъ изъ Тарбъ, онъ 24-хъ лѣтъ поступилъ въ матросы и отправился въ море; потомъ служилъ въ артиллеріи Райя Сидіи, въ которой обязанъ былъ быстрымъ повышеніемъ своему мужеству и званію европейца. Раззоренный революціею по возвращеніи во Францію, спасенный отъ нищеты благодѣяніями Орлеанской линіи, онъ построилъ литейный заводъ на Испанской границѣ, но снова раззоренный междоусобною войною, во время которой его заводъ былъ разрушенъ, онъ вскорѣ отправился на Востокъ, оставляя въ Тарбахъ трехъ сыновей и двухъ дочерей; разсудокъ его не могъ выдержать такихъ ударовъ. Онъ блуждалъ по Сиріи, изъ деревни въ деревню, собирая подаяніе и предсказывая будущность. Наконецъ слухъ о немъ дошелъ до владычицы Тадморской. Она приняла бѣднаго странника и содержала его на свой счетъ съ необыкновенною щедростью, правда, не приближая его къ себѣ; она боялась, что прихоти и выходки старика произведутъ дурное впечатлѣніе. Поселившись въ Маръ-Эліасѣ, Лустоно вездѣ твердилъ съ огромными цитатами, что настало владычество владычицы Востока, что звѣзда ея на зенитѣ, все это вполнѣ согласовалось съ политикою сивиллы Тадморской. Нерѣдко старецъ, съ распущенными по плечамъ волосами, садился на балконѣ огромнаго четыре-угольнаго зданія, построеннаго Греками. Однажды почти весь монастырь былъ опрокинутъ землетрясеніемъ, за исключеніемъ балкона и стула, занимаемыхъ старцемъ, который видѣлъ, какъ главная стѣна медленно склонялась предъ нимъ, какъ бы кланяясь ему, и съ трескомъ обрушилась. Вся страна дивилась этому и болѣе прежняго стала уважать леди Эстеръ и ея наперсника. Въ другомъ флигелѣ того-же монастыря Эстеръ помѣстила другаго своего предсказателя, Метту, араба, который по прибытіи леди Эстеръ, впалъ въ какое-то бѣшенство и возвѣстилъ ей, что тронъ Востока принадлежитъ ей. Покровительство, оказываемое ею помѣшанному старцу и лгуну арабу придавало ей видъ повелительницы чародѣевъ, и увеличивало уваженіе, которое питали къ ней легковѣрные жители Восто-

ка. Метта сталъ увѣрять, что въ одной изъ Абиссинскихъ пещеръ находится завѣтная книга, писанная на арабскомъ языкѣ, въ которой изложена вся судьба леди Эстеръ. Эстеръ дала ему лошадь; онъ отправился въ виду всей деревни и чрезъ 15 дней возвратился съ арабскимъ манускриптомъ, возвѣщавшимъ «что европейская женщина овладѣетъ Джигуномъ, построитъ на немъ дворецъ и сдѣлается могущественнѣе султана.» Метта умеръ, завѣщая сивиллѣ Тадморской попеченіе о своихъ, трехъ дѣтяхъ; предсмертная просьба его была въ точности исполнена. Такое смѣшеніе сумазбродства и шарлатанства, изумлявшее доктора, имѣло большое вліяніе на сирійскихъ обитателей Ливана. Съ тѣхъ поръ какъ леди Эстеръ прослыла волшебницею, эмиръ Беширъ уже ничего не могъ съ нею сдѣлать; нападать на нее было трудно и опасно; съ высоты своей скалы, покрытая шелковымъ рубищемъ, окруженная вмѣсто прислуги, толпою грабителей, старая сивилла смѣялась надъ эмиромъ.

Она поддерживала эту смѣлую роль неистощимою щедростью: вдовы, сироты, заключенные, матросы, раненные, изгнанники, всѣ пользовались ея благодѣяніями. Какъ владычица восточная, она дарила тѣмъ, которые находились подъ ея покровительствомъ, верблюдовъ съ полною сбруею; однимъ строила дома, другимъ раздавала поля и цѣлые участки. Она наполняла свои магазины сукнами, одѣялами, подушками, коврами, шелковою одеждою, мебелью, съѣстными припасами. Весь этотъ запасъ портился и гнилъ прежде, чѣмъ она успѣвала роздать его; моль и крысы съѣдали остатки, вино скисалось, желѣзные инструменты покрывались ржавчиною. Но для леди Эстеръ достаточно было прослыть богатою и щедрою. Она платила за бѣдныхъ двѣ тяжкія подати, лежавшія на нихъ (ferdj et miry), болѣе тысячи піастровъ раздѣлялось ежегодно между жителями Саиды, портными, содержательницами бань, матросами, оказавшими ей какія-либо услуги. Въ день Байрама и Новаго года раздавалось отъ ея имени большое количество мѣховъ; она сама посылала отыскивать больныхъ и престарѣлыхъ и призирала ихъ; она принимала къ себѣ даже изгнанниковъ. Докторъ рѣшительно считалъ ее безумною, не разсуждая о томъ, что ей должно было или вовсе не пріѣзжать на Востокъ, или прибѣгнуть къ этимъ средствамъ.

Мы видѣли съ какою вѣрностью и съ какимъ искусствомъ она употребляла свои средства. Опираясь на главнѣйшихъ двигателяхъ человѣческаго воображенія, на суевѣріи и ужасѣ, она достигла важныхъ результатовъ. Играть роль волшебницы, жить

на вершинѣ скалы, и оттуда приводить въ трепетъ поселянъ и горцевъ, — этого было мало для леди Эстеръ: она открыто приняла сторону Турціи противъ эмира Бешира, противъ Мегемета Али и европейскаго образованія. Главнымъ союзникомъ своимъ она избрала человѣка самаго опаснаго, но искренно уважавшаго ее, Абдаллу-Пашу, правителя Акрскаго, которому она нерѣдко давала совѣты и дѣлала выговоры. Однажды онъ издалъ приказъ, опредѣлявшій новыя конфискаціи и тяжкія налоги. «Ты своими притѣсненіями безъ всякой пользы заставляешь себя ненавидѣть, — писала къ нему леди Эстеръ. — Твои секретари, которые тебѣ льстятъ, будутъ причиною твоей погибели.» Когда письмо пришло къ пашѣ, предъ нимъ на софѣ разбросано было пять или шесть депешей, которыя онъ долженъ былъ прочесть, но которыхъ онъ и не распечаталъ: онъ прочелъ письмо леди Стенгопъ, разорвалъ свой эдиктъ и прогналъ своихъ секретарей. Вдали отъ своей родины, отъ своего семейства, отъ друзей, лишенная всякой посторонней помощи, не смѣя искать опоры ни въ одномъ изъ враждебныхъ и разнородныхъ племенъ, населяющихъ горы, она пріобрѣла такую власть надъ всѣмъ окружающимъ, что Мегеметъ-Али, испуганный ея присутствіемъ и ея дарованіями, письменно просилъ ее остаться по-крайней-мѣрѣ неутральною, но получилъ рѣшительный отказъ.

Леди Стенгопъ взволновала Друзовъ противъ эмира и Ибрагима, указавъ имъ на то униженіе, въ которомъ они находились. Ибрагимъ, какъ мы сказали выше, овладѣлъ Ливаномъ безъ боя, и послѣ завоеванія онъ произнесъ слова, которыя были переданы леди Стенгопъ: «Какъ! эти собаки Друзы не нашли для насъ ни одной пули!» Всякій разъ, какъ леди Эстеръ принимала или встрѣчала горца, она говорила ему: «Чтожъ! собака Друзъ, ты не нашелъ ни одной пули для Ибрагима?« Она пріучила свою прислугу повторять ту же фразу и вскорѣ все горное пространство огласилось этими словами, которыя леди Эстеръ повторяла даже посланнымъ и друзьямъ Ибрагима, какъ бы выхваляя его мужество и славя его побѣду.

Она продолжала дѣйствовать въ томъ же духѣ, и эмиръ, готовый на всѣ преступленія, которыя считалъ необходимыми для поддержанія своей власти, не переставалъ уважать ее. — Леди Эстеръ, не заботясь о своей безопасности въ Джигунѣ, старалась снискать и поддержать дружбу жесточайшаго противника эмира, шейка Бешира. Не смотря на это странное положеніе, сношенія сивиллы Тадморской съ эмиромъ не прерывались. Онъ

посылалъ къ ней своихъ агентовъ, уговаривавшихъ ее оставить страну, которая вскорѣ должна сдѣлаться театромъ войны, и посреди которой никакая власть не могла уже защитить ее; она отвѣчала на эти предостереженія бранью и угрозами. Одинъ изъ посланныхъ эмира, готовясь явиться къ ней, снялъ съ себя въ передней саблю и пистолеты. «Скажи ему», сказала леди Эстеръ своей служанкѣ, «чтобы онъ взялъ свое оружіе и явился ко мнѣ вооруженный!» — Когда онъ вошелъ, то она воскликнула: «Неужели ты думаешь, что я боюсь твоего господина? Я не знаю, что значитъ страхъ! Бояться слѣдуетъ не мнѣ, а ему и его приверженцамъ. Чтобы эмиръ Калиль, его сынъ, никогда не осмѣливался являться сюда, я его убью своею рукою. — Я не прикажу его разстрѣлять, — слышишь-ли ты, — но я убью его сама!»

Посланный, приведенный въ трепетъ рѣчами и взоромъ этой женщины, возвратился къ эмиру и передалъ ему слова Джигунской колдуньи; эмиръ выпустилъ изъ своей трубки огромное облако дыма и вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова. — Она говорила тоже всѣмъ мусульманамъ, приходившимъ къ ней, и уловка ея, столь странная и энергическая, имѣла полный успѣхъ. «Я знаю», говорила она, «что никто не можетъ спастись отъ его преслѣдованія, но пусть онъ также знаетъ, что я его презираю и смѣюсь надъ нимъ. Если онъ думаетъ бороться со мной, то я всегда готова.» — Когда утомленный этимъ высокомѣріемъ, которое впрочемъ имѣетъ большое вліяніе на жителей Востока, Ибравимъ призвалъ къ себѣ Гамаади, и спросилъ его не знаетъ-ли онъ какого-либо средства избавиться отъ неугомонной женщины, то Гамаади отвѣчалъ ему: «Государь, лучше оставить ее въ покоѣ. Она не гнушается никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Жизнь ея съ юности окружена была лестью; она бросаетъ золото, какъ соръ, и не боится ничего. Что касается до меня, государь, то я не хочу имѣть дѣла съ колдуньею и отказываюсь отъ всякихъ предпріятій противъ нее.»

Во время войны, послѣ осады Акры и Наварпинскаго сраженія, дороги, пролегавшія около Джигуна, покрылись бѣглыми, искавшими убѣжища у леди Стенгопъ; никто не осмѣлился бы преслѣдовать ихъ въ ея стѣнахъ. Когда шейкъ Беширъ, преслѣдуемый своимъ врагомъ, оставилъ все свое семейство на произволъ жестокаго побѣдителя, то жена его бѣжала въ ущелія ливанскія, и агенты эмира искали ее повсюду, въ горахъ и лѣсахъ, что бы предать смерти. — Глубокій снѣгъ покрылъ Ливанъ; не

счастная влачила съ собою трехъ дѣтей своихъ, изъ которыхъ одинъ былъ грудной ребенокъ, въ то время какъ отецъ, схваченный войсками эмира, былъ посаженъ съ двумя остальными дѣтьми въ Акрскую тюрьму, и вскорѣ умерщвленъ*. — Леди Стенгопъ разослала людей для отысканія бѣдной женщины, которая была найдена полумертвою въ Горанѣ; одинъ изъ посланныхъ, Гана Абудъ, уснулъ отъ усталости въ снѣгу и потерялъ зрѣніе. Леди Эстеръ спасла изгранницу и дала ей и ея дѣтямъ убѣжище въ Джигунѣ, не смотря на ярость эмира. Послѣ смерти шейка, она прекратила съ эмиромъ всякія сношенія. «Это извергъ,— писала она Веббу, своему банкиру въ Ливурнѣ; — онъ терзаетъ живыхъ людей, вѣшаетъ дѣтей, выжигаетъ старцамъ глаза раскаленнымъ желѣзомъ! Недавно онъ присылалъ ко мнѣ одного изъ своихъ агентовъ, одного изъ тѣхъ, которыхъ онъ отправляетъ къ Мегемету Али съ ложными извѣстіями. Я не хотѣла его видѣть и не приняла посланнаго.»

Все это дѣло справедливо, и описывая эти подробности Ливурнскому банкиру, чрезъ Логмаги, — она очень хороша знала, что дѣлала.

VII.

Леди Эстеръ сохранила до самой смерти привычки своей прежней жизни. Она старалась составить себѣ партію, подкупала шпіоновъ, препятствовала успѣхамъ врага, придумывала хитрости, — и все это безъ цѣли, единственно для того, чтобы удовлетворить

* До смерти шейка, леди Эстеръ еще видѣлась съ эмиромъ Беширомъ, посѣщала его и была хорошо принимаема имъ, не смотря на то, что она всячески препятствовала его намѣреніямъ. Мы встрѣчаемъ достовѣрныя свѣдѣнія о сношеніяхъ леди Эстеръ съ эмиромъ, въ сочиненіи одной христіанки, родившейся близъ развалинъ стараго Вавилона. Амира-Асмаръ, находившаяся нѣкоторое время въ сералѣ Бешира, и по странному стеченію обстоятельствъ, издавшая въ Лондонѣ свои записки, разсказываетъ въ слѣдующихъ словахъ посѣщенія леди Эстеръ до 1822 года, потому что съ этого времени она перестала видѣться съ эмиромъ: — «Владычица Тадморская, — такъ называли ее всѣ арабскія племена, — часто посѣщала сады эмира. Она являлась съ большою свитою. Великолѣпныя лошади ожидала ее у порога; окончивъ свое посѣщеніе, она вскакивала на лошадь на восточный манеръ, подавала знакъ къ отъѣзду, скакала галопомъ по горамъ и скаламъ, и исчезала изъ вида.» (Т. II стр, 205.)

своему тщеславію и своей жаждѣ дѣятельности, разсѣять скуку въ уединеніи Ливанскихъ горъ и остаться достойною племянницею Питта. «Я изъ рода Питтовъ!» — вотъ слова, объяснявшія все. Безумная или разсудительная, она разгадала Востокъ; ей не доставало только денегъ, чтобы основать на Ливанѣ свое независимое владычество. Съ тысячью двумя стами фунтовъ стерлинговъ дохода, вскорѣ поглощенными мимолетнымъ величіемъ ея, она могла только держаться на своей горѣ, въ то время какъ война обливала кровью окрестныя земли. Она не платила контрибуціи, не потерпѣла никакого убытка, сносилась съ пашами, какъ съ равными. — Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ она воспользовалась подобнымъ положеніемъ; въ этой борьбѣ властолюбіе ея сильнѣе выказывалось, чѣмъ когда она призывала служанокъ по сту разъ въ одну ночь; раскладывала предъ собою на полу и пересчитывала свое серебро и обломки посуды, и чтобы испугать своихъ негровъ потрясала палицею, лежавшею обыкновенно у изголовья постели.

Однако здоровье ея исчезало вмѣстѣ съ состояніемъ. Безсонница стала мучить ее, языкъ покрывался паростами; ногти стали ломаться. Изсохшая кожа едва покрывала кости; безпрерывныя страданія истощали ея силы; зловѣщее красное пятно показалось на щекахъ. Ужасные припадки стали мучить ее. Давно забытый образъ прежнихъ друзей и общества, отвергнутаго ею, снова носился передъ нею, какъ призракъ инаго міра; осыпая упреками и бранью доктора и всѣхъ окружавшихъ, переходя отъ отчаянія къ ярости и отъ ярости къ предсказаніямъ, она, какъ Прометей, прикованная къ своей скалѣ, открывала грудь ударамъ коршуна — властолюбія. Изъ комнаты старой сивиллы вылетали ужасныя стенанія и когда докторъ входилъ къ ней, то онъ находилъ ее лежащею на полу, или на колѣнахъ передъ диваномъ, или на постели, полусожженной золою трубки, безъ тюрбана, съ открытою сѣдою головою. «Докторъ, какъ я страдаю, какъ я страдаю!» говорила она ему со слезами на глазахъ. Дѣйствительно, она долго выдерживала борьбу своихъ чувствъ и сомнѣній; и теперь она изнемогала подъ гнетомъ тяжкаго уединенія и воспоминаній прежней жизни. Докторъ полагаетъ, что эти припадки, о которыхъ онъ съ ужасомъ вспоминаетъ, происходили вовсе не отъ физическихъ причинъ. Она понемногу приходила въ себя, принимала свой обыкновенный гордый видъ, говорила безъ умолка, Питтѣ и Чатамѣ, и съ прежнимъ спокойствіемъ развивала свои теоріи; эта болтовня какъ-бы возвращала ей

бодрость. Однажды вечеромъ, послѣ сильной грозы, докторъ вошелъ къ ней въ комнату. «Ахъ, докторъ, сказала она ему, какое странное вліяніе имѣлъ на меня этотъ громъ; мнѣ гораздо легче!» Когда же докторъ сталъ объяснять ей ученымъ языкомъ отдѣленіе электричества отъ вліянія грозы,—«педантъ!—воскликнула она,—я всегда считала васъ за человѣка добраго, но весьма недальняго ума.» Тогда она снова начинала воодушевляться, комната наполнялась облаками табачнаго дыма и ненависть леди Стенгопъ ко всему европейскому разражалась потоками бѣшенаго краснорѣчія. «Мысли, — говорила она, — налетаютъ на мой разсудокъ, какъ порывы вѣтра на кедровые лѣса; когда ураганъ пролетѣлъ, я начинаю дышать свободнѣе; я чувствую себя счастливою.»

Посѣщенія европейскихъ путешественниковъ, которые всѣ желали ее видѣть, не только не радовали, но даже утомляли ее; она многихъ не принимала, и англичане болѣе всѣхъ негодовали на такую непростительную суровость, какъ они говорили; она принимала только тѣхъ, которыхъ извѣстность, перо или положеніе въ обществѣ могли имѣть вліяніе на ея судьбу, и распространить въ Европѣ слухъ о ея значеніи. Во время этихъ пріемовъ она старалась скрыть недостатокъ роскоши таинственностью и ожиданіемъ. Она была вѣжлива и обходительна съ Марцеллусомъ, съ княземъ Пюклеръ-Мускау и съ Ламартиномъ, которому она никогда не простила того, что онъ, во время разговора съ нею, ласкалъ собаку и щелкалъ хлыстомъ по своимъ сапогамъ. Кто не читалъ превосходныхъ и слишкомъ снисходительныхъ строкъ, посвященныхъ ей Ламартиномъ, но кто зналъ, какое сильное негодованіе произвело въ горделивой сивиллѣ Тадморской простое и развитое обращеніе французскаго поэта. Ужасное преступленіе, — онъ обращался съ нею какъ съ равною. Однако она не показала ему своего неудовольствія; она знала, что онъ будетъ говорить о ней и что голосъ его услышатъ во всей Европѣ. Однажды утомленная вопросами, которыми осыпалъ ее Пюклеръ-Мускау, она сказала ему: «князь, мнѣ кажется, что вашъ разсудокъ блуждаетъ во мракѣ.»

Года проходили; здоровье и доходы леди Стенгопъ окончательно исчезали; паши и эмиры оставляли ее въ покоѣ. Недостаточность доходовъ, старанія враговъ, оставленныхъ ею въ Лондонѣ, равнодушіе семейства, неограниченная щедрость ея, корыстолюбіе прислуги, обкрадывавшей ее, не смотря на строгій надзоръ и наказанія, — довели ее до ужаснаго положенія. Ростовщики жи-

ды, армяне и арабы овладѣли ею и окончательно раззорили ее. Она принуждена была занять 4000 доллеровъ у дамасскаго консула Бодена, и заложить свою шубу на базарѣ въ Саидѣ. Снѣгъ и ураганы срывали крыши и опрокидывали стѣны ея уединеннаго жилища, и леди Стенгопъ, которая, послѣ осады Акры, кормила и содержала болѣе двухъ сотъ бѣглецовъ, осталась безъ всякихъ средствъ, безъ всякой помощи. Она снова стала занимать, платя по 20 ти, 25-ти и 50 ти процентовъ. Одинъ купецъ изъ Саиды, нѣкогда служившій ей, шейкъ Омаръ Еддинъ, не получивъ платы за свои услуги и поставки, взялъ отъ нея росписку на сумму, вдвое превышавшую долгъ, и отъ времени до времени, пользуясь щедростью леди Эстеръ, просилъ у нея хлѣба, полотенъ, суконъ и лошадей; въ короткое время цѣна подарковъ превышала долгъ. Ростовщикъ, умирая, призвалъ къ себѣ жену и дѣтей и сказалъ имъ: «Храбрая миледи (cid milady) должна мнѣ значительную сумму денегъ; въ бумагахъ моихъ найдете вы ея росписку. Обѣщайте мнѣ не дѣлать изъ нея никакого употребленія; сожгите ее. Она моя благодѣтельница; если мы что нибудь имѣемъ, то мы обязаны этимъ ей; она втройнѣ уплатила мнѣ этотъ долгъ.»

Эстеръ безпрестанно обращалась къ британскимъ властямъ, требуя помощи; но англійское министерство мало заботилось о ней; консулы принимали ея требованія съ холодной вѣжливостью, за которую она ихъ жестоко бранила. Наконецъ, у ней не осталось ни одного чайника, который бы не былъ сломанъ, не въ чемъ было подавать чай и кофе; не было чашекъ. Она отослала доктора, котораго не могла больше кормить, приказала убить своихъ дорогихъ лошадей, и осталась по прежнему горда. «Подъ этимъ рубищемъ,» говорила она, указывая на свое изношенное платье и протертыя шали, «кто узнаетъ внучку Чатама. Однако во мнѣ еще есть духъ Питтовъ; никто въ этихъ горахъ не осмѣлится оскорбить меня; эмиръ Беширъ и самъ Ибрагимъ не дерзнутъ ступить на мой порогъ, не снявъ своихъ туфлей.»

Она говорила правду, и въ этомъ заключалось все, чего она достигла своею странною жизнью; ея тщеславіе было удовлетворено; Европа и Востокъ знали леди Стенгопъ; она сдѣлалась сивиллою и называлась владычицею Ливанскихъ горъ.

Но въ послѣднее время своей жизни она была поражена своимъ собственнымъ оружіемъ. Всѣ нищіе и бродяги Сиріи и Египта прибѣгали къ сивиллѣ Тадморской, чтобы воспользоваться ея щедростью. Леди Эстеръ, слѣдуя своей политикѣ, всегда радуш-

но принимала бѣдныхъ людей являвшихся къ ней, и старалась извлечь выгоду изъ уваженія и страха, внушаемаго ими.

Когда денежныя средства ея истощились, то она уже не могла имъ помогать и отказъ, сдѣланный одному изъ нихъ, былъ причиною странной сцены, поразившей всѣ умы.

Однажды въ зимній вечеръ къ дверямъ ея дворца явился *бекташи* (родъ дервиша), прося подаянія.

Вѣтеръ ревѣлъ въ кипарисовыхъ и кедровыхъ лѣсахъ; дождь, обливавшій долину, скрывалъ окрестность туманною и сѣроватою пеленою. Бекташи былъ человѣкъ гигантскаго роста, съ обнаженною грудью, обросшею волосами, съ босыми ногами, съ бѣлою и длинною бородою; вѣтеръ развѣвалъ его длинные черные волосы; тигровая кожа была наброшена на плеча. У пояса его висѣли чотки изъ крупныхъ зеренъ, деревянная чаша и строусовое перо. Въ этомъ костюмѣ, съ своими черными и дикими глазами, сверкавшими блескомъ молніи, онъ былъ похожъ, какъ говоритъ докторъ, на Калибана Шекспира. Его приняли и накормили, но онъ зналъ, что прежде дервишамъ его разряда давали сто и даже двѣсти піастровъ; ему же не могли ничего дать. Тогда онъ всталъ; поднявъ къ небу правую руку, лѣвою держа выдолбленный бычачій рогъ и трижды испустивъ изъ него дикій звукъ, мѣшавшійся съ воемъ вѣтра, онъ произнесъ торжественное проклятіе надъ домомъ, надъ сивиллою, надъ ея рабами и друзьями. «Проклята! проклята! проклята!» кричалъ онъ. Унылый крикъ зловѣщей для спрійскихъ жителей птицы мѣшался съ свистомъ бури и съ протяжнымъ проклинаніемъ бекташи; леди Эстеръ лежала въ постели, больная и раззоренная.

Дѣйствительно нѣсколько дней спустя, въ іюнѣ 1839 года, оставленная всѣми европейцами, живой скелетъ, окруженная немногочисленною арабскою прислугою, она скончалась, оставляя послѣ себя, вмѣсто всякаго состоянія, дюжину серебряныхъ приборовъ. Въ комнатѣ ея потолокъ, грозившій паденіемъ, былъ подпертъ большимъ отрубкомъ дерева, со всѣхъ сторонъ врывался дождь и вѣтеръ. Тѣло леди Эстеръ предали землѣ въ склепѣ монастыря Маръ-Эліаса, близъ могилы любимаго ея сподвижника, француза Лустоно. Никто не любилъ, никто не оплакалъ этой женщины, совершившей столько добрыхъ и столько странныхъ дѣлъ. Дикое и ненасытимое тщеславіе побѣждало въ ней всѣ прочія качества; она всѣмъ ему пожертвовала. Бѣдная женщина! если-бы ты могла вынести то, что такъ тяжело для гордой души, — клевету умнаго и насмѣшку глупца; если-бы ты имѣла

довольно силы, чтобы удержать порывы своей души, успокоить тщеславіе и смотрѣть съ равнодушіемъ на общество, нѣкогда лежавшее у ногъ твоихъ, и потомъ покинувшее тебя, — ты-бы спасла себя отъ двадцатилѣтнихъ тяжкихъ страданій.

Конечно, леди Стенгопъ въ своемъ уединеніи могла-бы написать занимательныя и полезныя записки о Питтѣ, его друзьяхъ и противникахъ. Этому труду должна бы она была посвятить свое уединеніе; какіе характеры она могла-бы изобразить; сколько пропусковъ въ исторіи могла-бы дополнить. Она не умѣла обратить въ науку тяжкіе уроки свѣта. Она предпочла жизнь на горѣ Востока, роль Тимона-мизантропа и разрывъ съ Европою. Нѣтъ, наше самолюбіе не должно отвергать общества, безъ котораго частное лицо ничего не значитъ; разорвавъ однажды узы связующіе насъ съ отечествомъ, съ семействомъ, мы предаемъ себя продолжительнымъ страданіямъ; непрерывное уединеніе для человѣка равняется смерти.

Такова жизнь этой женщины-мизантропки и астролога XIX столѣтія, существа необыкновеннаго, убитаго, послѣ продолжительныхъ страданій, болѣзнью Руссо и Байрона. Вопль колдуньи, печальное ущелье, ея капризы и странности ея, могутъ показаться инымъ людямъ поразительными, — какъ конвульсіи умирающаго; — для гордаго и раздраженнаго ума они послужатъ важнымъ урокомъ.

—

ТОВАРИЩЪ КАЛИФОРНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ.

VII.

Промываніе золота.—Отдѣленіе и проба его.

Золото находится въ пескахъ рѣкъ, въ напосахъ, образовавшихся отъ ручьевъ во время дождей; оно встрѣчается также въ quebradas (рытвинахъ); въ послѣднемъ случаѣ его не нужно подвергать никакому металлургическому дѣйствію. Песокъ или золотоносная земля промывается въ Калифорніи точно такимъ же образомъ какъ и въ другихъ частяхъ Америки, въ Африкѣ и въ Венгріи; разница состоитъ только въ бо̀льшемъ или ме́ньшемъ его богатствѣ.

Промываніе производится на мѣстѣ добыванія. Пески промы-

ваются на наклонныхъ столахъ, которые можно обивать сукномъ, а потомъ въ ручной деревянной чашкѣ.

Отдѣленіе золота отъ песку, въ мѣстахъ имъ обильныхъ, чрезвычайно просто: въ теченіи нѣкотораго времени легко привыкнуть къ промыванію его. Въ Гондурасѣ, Вера-Пацѣ и другихъ мѣстахъ Центральной Америки, индѣйцы занимаются промываніемъ золотоноснаго песку на берегахъ ручьевъ, имъ однимъ извѣстныхъ. На поверхности земли, они дѣлаютъ нѣсколько ямокъ (около пятнадцати), не слишкомъ глубокихъ и сообщаютъ ихъ съ жолобомъ, назначеннымъ для отведенія воды. Въ каждую ямочку они кладутъ извѣстное количество золота, смѣшаннаго съ пескомъ, промываютъ его, стараясь сообщить водѣ быстрый исходъ, отъ чего песокъ переходитъ изъ одной ямки въ другую. Песокъ, промытый въ первой, переходитъ во вторую, изъ этой въ третью и т. д.; новый песокъ пересыпается всегда въ первую. Добытый такимъ образомъ чистый золотой порошокъ индѣйцы прячутъ въ стволы бамбука и такимъ образомъ сбываютъ его, а на вырученныя деньги покупаютъ необходимыя для нихъ вещи и aquardiente.

Во всѣхъ извѣстныхъ розсыпяхъ самородки вообще встрѣчаются чрезвычайно рѣдко; но въ Калифорніи они должны находиться въ значительномъ количествѣ; объ этой баснословной землѣ мы слышимъ столько чудныхъ вещей, что даже не смѣемъ сомнѣваться въ получаемыхъ нами извѣстіяхъ.

Здѣсь авторъ посвящаетъ въ тайны промывки и отдѣленія золота отъ частей земли и песку, при помощи средствъ химическихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Наконецъ, чтобы узнавать вѣрно достоинство металла, онъ говоритъ о важности и необходимости заведенія, въ Калифорніи и золотоносныхъ мѣстахъ Испанской Америки, пробирной палаты; при чемъ разсказываетъ настоящій порядокъ и средства пробы въ обѣтованной Калифорніи. Вотъ они:

Золотыхъ дѣлъ мастера употребляютъ такъ называемый *пробирный камень*, для опредѣленія чистоты золота или серебра, кремнистый, черный, твердый и не разлагаемый кислотами. Для узнанія достоинства золота, металлъ трутъ по камню; по оставленной желтой полоскѣ проводятъ золотой иглой, по послѣднимъ полоскамъ заключаютъ о достоинствѣ золота, сравнивая ихъ съ полосками другихъ различныхъ пробирныхъ иглъ. Если пробное золото не смѣшано съ другими частицами, то полоска его имѣетъ такой же металлическій блескъ, какъ и отъ иглы того же металла.

Пробирными иглами называются иглы, сдѣланныя изъ золота и мѣди, золота и серебра, серебра и мѣди, золота, серебра и мѣди. Эти сравнительныя пробы требуютъ большаго навыка, по причинѣ чрезмѣрно слабыхъ оттѣнковъ цвѣтовъ, которые даютъ иглы.

Пробы серебра дѣлаются посредствомъ восьми пробирныхъ иглъ.

Пробирный камень служитъ для распознаванія золотыхъ и серебряныхъ вещей. Золото не чисто, когда оставляетъ на пробирномъ камнѣ красноватую полоску и когда эта полоска уничтожается нѣсколькими каплями крѣпкой азотной кислоты. Серебро не чисто, когда оставляетъ на пробирномъ камнѣ синеватую полоску, которая совершенно исчезаетъ отъ нѣсколькихъ капель эссенціи, составленной изъ извѣстныхъ частицъ дистиллированной воды, азотной кислоты или крѣпкой водки и хлористо-водородной или соляной кислоты.

Разложеніе, раствореніе и купилированіе золота, а наконецъ и знаніе — какія орудія должно употреблять при добываніи и промывкѣ драгоцѣннаго порошка,—все это совѣты, по нашему мнѣнію, любопытные, интересные и нужные только для переселенцевъ въ золотой край; но какъ мы знакомимъ съ этимъ сочиненіемъ русскихъ, для которыхъ Калифорнія не составляетъ мечты, то не пересказывая этихъ важныхъ рецептовъ, переходимъ къ предмету болѣе интересному.

VIII.

Погонныя мѣры. — Образъ путешествія.

Путешествующій по Испанской Америкѣ не мало будетъ удивленъ чрезвычайнымъ различіемъ длины льё*. Если вы спросите индѣйца сколько лье отъ такого-то мѣста до такого, то онъ рѣдко можетъ сказать вѣрно. Разстоянія здѣсь считаютъ по journadas (днями). Обыкновенно въ journada считается около 12 лье.

Дороги вообще худо содержатся и по нимъ можно ѣздить только на мулахъ. Camino real, королевскою дорогою называется столбовая, и именно та, которая болѣе *проходима* и по которой болѣе проѣзжаютъ, но она часто узка, загромождена камнями и едва

* Королевское лье (legua real) въ 25,000 фут. — 7,066375 километр.
Простое лье legua comme) въ 19,000 фут. — 5 606569 километр.,
Морская миля (milla marina) — 6,364959 киломъ.

представляетъ возможность съ трудомъ пробраться одному верховому. Всего больше устрашаютъ здѣсь путешественника частые овраги, стремнины, водопады, мрачныя ущелія посреди обрывистыхъ горъ, тропинки проторенныя на ребрахъ крутыхъ скалъ; но какъ бы дорога не была покрыта камнями, пескомъ и грязью, путешественникъ долженъ ввѣрить себя мулу, котораго вѣрный шагъ и удивительный инстинктъ рѣдко обманываютъ довѣрчиваго всадника. Вообще въ этихъ странствованіяхъ — не должно надѣвать тяжелую сбрую на мула и меньше употреблять шпоры. Необходимо также, прибывъ въ посаду, позаботиться о своемъ четвероногомъ товарищѣ: напоить его и покормить маисомъ, а для себя не забыть sacaie (фуража).

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, напримѣръ въ Новой Гренадѣ, вовсе нѣтъ муловъ, тамъ путешествуютъ пѣшкомъ. Индѣйцы носятъ дѣтей на спинѣ въ креслахъ, защищенныхъ отъ палящихъ лучей солнца. Краснокожіе ходятъ чрезвычайно скоро и могутъ слѣдовать за верховымъ. Вообще быстрая ѣзда здѣсь не возможна.

Если путешествіе продолжится нѣсколько дней, то должно перемѣнять сбрую и не изнурять мула частыми понужденіями къ ускоренному ходу. Въ этомъ случаѣ европейцы нерѣдко дѣлаютъ большіе промахи; они не имѣютъ понятія объ образѣ путешествія въ этой странѣ, бьютъ и погоняютъ мула, не зная того, что упрямство ихъ вполнѣ окупается огромностію пройденнаго пространства, которое неизбѣжно увеличивается при худомъ съ ними обращеніи. Путешественникъ, прежде чѣмъ купитъ мула, долженъ увѣриться не служилъ-ли онъ до того при перевозкѣ тяжестей. А эти мулы, такъ называемые ломовые, пріучены къ шагу тихому и медленному и неспособны дѣлать большіе переходы. Возсѣдая на здѣшнихъ мулахъ невольно пожалѣешь о конѣ и побранишь упрямое животное, которое будучи свободно отъ мундштука, останавливается едвали не на каждомъ шагу, чтобы пожевать древесныхъ листьевъ.

Въ Испанской Америкѣ верховый мулъ, mula de silla, стоитъ дороже mula de carga. Онъ долженъ имѣть тонкія ноги, мохнатыя уши, шерсть короткую и блестящую.

IX.

Климатъ.

Времена года въ Калифорніи слѣдуютъ одно за другимъ тѣмъ-же порядкомъ, какъ и въ Европѣ; годъ же дѣлится на двѣ со-

вершенно различныя части: время дождей начинается съ октября и кончается въ мартѣ; время жаровъ обнимаетъ остальные шесть мѣсяцовъ весны и лѣта. Зимою вѣтры дуютъ съ юго-востока и возвышаютъ зной, лѣтомъ же съ сѣверо-запада совершенно умѣряя его. Въ прибрежныхъ мѣстахъ, въ августѣ мѣсяцѣ, вѣтры эти бываютъ такъ жестоки, что въ домахъ, поставленныхъ съ навѣтренной стороны, должно топить печи. Въ низменныхъ мѣстахъ температура напротивъ слишкомъ возвышенна.

Въ Новой Гельвеціи, на Гіо-дель-Сакраменто, въ концѣ августа и въ первыхъ числахъ сентября 1841 года, стоградусный термометръ, поставленный въ тѣни, на сѣверѣ, съ 12 — 2 ч. по полудни далъ среднюю температуру отъ 36 — 38°; въ фортѣ Россѣ, лежащемъ на берегу моря, подъ 38° восточной долготы, средняя температура 13+, самая возвышенная 30°+ и самая низшая 4+; въ портѣ Санъ-Франциско (сѣверная часть) и въ Монте-Реѣ, въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, средняя температура атмосферы и воды 17+, которую можно принять за среднюю температуру года. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, по утрамъ, бывала иногда гололедица и изморозь. Со времени колонизаціи на равнины снѣгъ выпалъ одинъ только и въ первый разъ. На вершинахъ Калифорнійскихъ горъ, которыя выше уровня Океана отъ 1200—1500 метровъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней не таялъ выпавшій снѣгъ.

Приближаясь отъ Лиссіи Санъ-Антоніо, страны пальмовыхъ и апельсинныхъ деревъ, на югѣ провинціи, температура возвышается. Въ Верхней Калифорніи, отъ Санъ-Діэго до Бодеги, на пространствѣ двухъ сотъ лье, климатъ точно такой-же какъ въ Валенсіи и самыхъ теплыхъ странахъ Средиземнаго Моря.

Лѣтомъ частые морскіе туманы умѣряютъ солнечный зной, ихъ прогоняютъ сѣверо-западные вѣтры; туманы эти такъ бываютъ густы, что днемъ почти ничего не видно. Суда, ошвартовившіяся вблизи береговъ, подвергаются большимъ опасностямъ отъ подобныхъ тумановъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ многозначительны пароходныя сообщенія по рѣкамъ Сѣверной-Америки и потому мы считаемъ не лишнимъ выписать здѣсь любопытную таблицу времени плаванія пароходовъ отъ Панамы до Санъ-Франциско и другихъ мѣстъ, съ показаніемъ ихъ обоюднаго разстоянія:

Мѣста отправленія.	Милл.	Часы.
Отъ Панамы до залива Николайа	435.	48.
— Залива дель Папагайо.	590.	65.

Мѣста отправленія.	Мили.	Часы.
— Реалехо.	680.	75.
— Аякутлы (портъ Сонсонато)	847.	94.
— Соконуски (Чіапасъ)	1,095.	121.
— Тегугитспека.	1,210.	134.
— Акапулко	1,495.	166.
— Манзанилло	1,780.	197.
— Санъ-Блаза	1,962.	218.
— Мазатлана	2,091.	232.
— Гаймаса.	2,448.	272.
— Санъ-Діэго	2,760.	306.
— Ріо-Колорадо	2,793.	310.
— Монте-Рея.	3,120.	346.
— Санъ-Франциско.	3,200.	355.

Отъ Гавра до Шагреса парусныя суда проходятъ разстояніе въ 4,830 морскихъ миль въ 43 дня, а пароходы въ 20 дней.

Авторъ постоянно вѣренъ своей цѣли быть полезнымъ и добрымъ совѣтчикомъ туристамъ и переселенцамъ, а потому не забываетъ даже напомнить имъ о сухаряхъ, которые составляютъ почти единственную пищу при переѣздѣ изъ Европы въ Америку; онъ съ почтенною важностію разсказываетъ рецептъ приготовленія этихъ сухарей и, наконецъ, очень искусно даетъ замѣтить, не пугая читателя, что отдѣлясь отъ родной земли должно забыть европейскую кухню, при чемъ, въ замѣнъ ее, подаетъ цѣлую карточку индѣйскихъ блюдъ и напитковъ.... Неугодно-ли!...

Лепешки или tortilla изъ кукурузы.

Въ Испанской Америкѣ, въ Калифорніи, индѣйцы и большая часть европейцевъ не ѣдятъ другаго хлѣба, кромѣ кукурузнаго. — Въ первое время, европеецъ находитъ лепешки не со всѣмъ вкусными, но потомъ привыкаетъ къ нимъ. Надо замѣтить, что эти лепешки и черные турецкіе бобы (phaseolus niger), съ незапамятныхъ временъ, составляютъ главную пищу туземцевъ.— Индѣйцы употребляютъ кукурузу почти во всѣхъ кушаньяхъ. Здѣсь часто встрѣчается довольно питательный напитокъ Atol, приготовляемый изъ незрѣлой кукурузы. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ постоянно пьютъ *atol de héloté*, добываемый изъ зрѣлой кукурузы.

Гватемальскіе и Мексиканскіе индѣйцы приготовляютъ такъ-же питательный напитокъ, называемый *tisté*, изъ рисовой муки, кукурузы, какао, сахару, корицы и орлеома. Смѣсь эта предста-

вляетъ красноватый порошокъ, который обливаютъ кипяткомъ съ *mollinillo* и *batidor*. Эта эссенція чрезвычайно питательна и возстановляетъ силы.

Macho или какавелло приготовляется съ пережженными сапотами (sapiiil) изъ кукурузной муки и небольшаго количества какао.— Смѣсь эта красно-сѣроватаго цвѣта и продается на площадяхъ, въ балаганахъ, отвѣчающихъ за наши мелочныя лавки и называемыхъ туземцами: tiendas pulperia.

Totoposte, родъ сухарей, дѣлается изъ тѣста, съ пережженымъ сахаромъ (panela) и съ солью. Totoposte сухъ и не толще игральной карты; его сушатъ на заслонкахъ, положенныхъ на горячую землю. Индѣйцы, путешественники и погонщики муловъ (arrieros) всегда имѣютъ въ собой толченый totoposte; желая утолить голодъ, они опускаютъ его въ воду. Пища эта легко переваривается желудкомъ и общеупотребительна.

Испанцы и туземцы ѣдятъ чистый пшеничный хлѣбъ и хлѣбъ съ яицами, молокомъ и свинымъ жиромъ, утромъ же съ шоколатомъ. Въ мѣстахъ, гдѣ употребляютъ tortillas, его ѣдятъ со всѣми кушаньями.

Въ Шагресѣ, куда пріѣзжаетъ много переселенцевъ и во всѣхъ мѣстахъ, обитаемыхъ неграми, пекутъ маніоковый хлѣбъ; большія, бѣлыя ноздреватыя лепешки, приготовляемыя съ юкковой мукой, составляютъ главную пищу негровъ. — Маніоковый хлѣбъ, размоченный въ водѣ, безвкусенъ.

Въ Америкѣ пшеничный хлѣбъ называется *французскимъ хлѣбомъ* (pan frances).

—

X.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о Центральной Америкѣ.

А вотъ наконецъ и тѣ свѣдѣнія для колонистовъ, желающихъ поселиться на южномъ берегу, въ окрестностяхъ Антигула, Эскунтлы и Алтоса — въ Гватемалѣ, — свѣдѣнія, которыя даютъ понятія о состояніи промышленности въ этихъ мѣстахъ. Воздѣлываніе сахарнаго песку и сахару сырцу (panela) составляютъ одну изъ главныхъ отраслей здѣшней сельской промышленности. Каждый годъ замѣчается увеличеніе числа фабрикъ и ихъ произведеній. Правительство, получавшее прежде отъ 80 — 90,000 піастровъ отъ налога на водку и сырецъ, получаетъ те-

перь 160,000, а въ скоромъ времени этотъ доходъ очевидно возрастетъ до 200,000 піастровъ.

Надо полагать, что не только увеличится выдѣлываніе сахара и винокуреніе, но что они сдѣлаются предметомъ заграничной торговли. Многія гавани Перу, Мексики и *Калифорніи начинаютъ уже заселяться европейцами* и *американцами*.

Въ 1847 году, Гватемальское правительство поручило коммисіи заняться дѣломъ, касательно уступки пахатныхъ земель иностраннымъ колонистамъ. Коммисія представила проэктъ, который былъ принятъ; она предложила раздѣлить между ими удобныя для хлѣбопашества земли, лежащія въ здоровыхъ и плодородныхъ мѣстахъ; для облегченія пути колонистамъ дать пособіе. Коммисія состояла изъ Гг. Ф. Павона, Лусла, Батреса, Карлоса Кле, банкира, прусскаго консула Жуана Матье и Андре консула Гапноверскаго. Въ Антверпенѣ (Anvers) переселенцы найдутъ корабль, отправляющійся каждые 6 мѣсяцевъ въ Санто-Томасъ въ Гватемалѣ, по предписанію Бельгійскаго правительства. Цѣна первымъ мѣстамъ со столомъ капитана отъ 400 — 500 франковъ, въ низшихъ мѣстахъ отъ 200 до 250 франковъ. Отъ того колонистамъ легко доѣхать до Изабаля; они являются къ начальнику надъ портомъ и излагаютъ желанія отправиться во внутренность страны, чтобъ заняться земледѣліемъ въ назначенныхъ имъ мѣстахъ. — Комендантъ Изабаля даетъ имъ средства достигнуть Гватемалы. Въ другихъ государствахъ Центральной Америки переселенцы найдутъ пособія.

Изъ Ливерпуля устроено постоянное сообщеніе съ Центральной Америкой.

Во многихъ республикахъ Южной Америки, гдѣ поняли и оцѣнили различные соціальные вопросы и *существенную выгоду страны*, дѣятельно уже занялись средствами къ облегченію переселенія иностранныхъ колонистовъ.

Diario de la Marina — журналъ, издаваемый въ Гаваннѣ, говоритъ о контрактѣ, заключенномъ въ 1847 году между Венезуэлою и французскою компаніей для заселенія страны семействами колонистовъ. Правительство договорилось доставить 80,000 переселенцовъ. Намъ не извѣстенъ результатъ этихъ спекуляцій, но изъ сотни примѣровъ, можно хоть поразмыслить надъ однимъ — и положительно сказать — сколько работники переселенцы могутъ расчитывать на покровительство Испанской Америки....

А. АЛЫМОВЪ.

—

ТОРЖЕСТВО ГЕНІЯ.

I.

1834 года, вечеромъ въ одиннадцать часовъ, не смотря на точныя и строгія предписанія, дѣлающія изъ Лондона, по воскресеньямъ, неизмѣримый городъ траппистовъ, еще сверкалъ слабый огонь въ верхнемъ этажѣ дома смежнаго съ Гайдъ-Паркомъ. Комната, озаренная этимъ свѣтомъ, до которой едва можно было доползти по узкой и крутой лѣстницѣ, безъ перилъ, была низенькая, худо оштукатуренная и еще хуже меблированная. Съ перваго взгляда ее можно было принять за одну изъ тѣхъ конурокъ, въ какихъ тѣснится низшій рабочій классъ нашихъ большихъ городовъ; но, всмотрѣвшись ближе, можно было различить кой-какіе предметы несогласные съ этимъ назначеніемъ. Въ одномъ изъ темныхъ угловъ этой комнаты помѣщался столъ, заваленный журналами, книгами и исписанной бумагою; на корнизѣ же можно было замѣтить гипсовый бюстъ Шекспира—съ надписью изъ Гамлета; и наконецъ у самаго камина, при слабо мерцающемъ огнѣ, возлѣ колыбели, въ которой лежало недавно родившееся дитя, сидѣла, въ широкихъ креслахъ, женщина. Простое, но живописное положеніе ея и нѣжныя, хотя болѣзненныя черты лица — невольно заставляли предполагать въ ней, ежели не аристократическое происхожденіе, то по-крайней-мѣрѣ нѣчто выше обыкновенной работницы. По виду ей было двадцать или двадцать-два года. Не смотря на то, что болѣзнь, а можетъ быть и душевныя страданія, помрачили ея лицо и изсушили все тѣло, она еще сохраняла очевидные признаки блестящей красоты; особенно ея руки отличались нѣжностію и бѣлизною. Она находилась въ большомъ волненіи, которое становилось тѣмъ несноснѣе, чѣмъ болѣе она старалась утишить его. На башнѣ Св. Георгія, среди безмолвія ночи, зазвучали часы; женщина вздрогнула и приподнялась съ кресель, внимательно прислушиваясь къ отдаленному шуму шаговъ, раздавшемуся въ туже минуту подъ окномъ. Она, казалось, распознала эти шаги, потому что мгновенная радость блеснула на лицѣ ея, и она вскрикнула: «Это онъ!» Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько минутъ, стройный и высокаго роста мужчина вошелъ въ комнату. Черты лица его были неправильны, но отличались тѣмъ мужественно-суровымъ выраженіемъ, которое составляетъ красоту мужчины; впалые глаза его блистали огнемъ и чело его, оттѣненное волосами, скруглялось къ вискамъ съ тою

полнотою, какую приписываютъ геніальнымъ людямъ. По виду ему было отъ тридцати до тридцати-пяти лѣтъ.

Вошедши, онъ бросилъ на столъ измятую тетрадь, на стулъ забрызганную грязью шинель—и потомъ поцѣловавши въ лобъ молодую женщину, вопросительно на него смотрѣвшую, сказалъ: «Отецъ твой правъ, Анна; лучше быть женою трактирщика, чѣмъ писателя.

— Но ежели этотъ писатель — геніальный?—спросила Анна, удивленная такимъ началомъ.

— Геній?—съ горькою улыбкою промолвилъ новопришедшій;—геній.... куда поведетъ онъ?

— Къ славѣ....

— Скорѣе къ бѣдности....

— Что ты говоришь.... А твои творенія?...

— Они стали собственностію публики, ихъ могутъ перепечатывать, играть на всѣхъ театрахъ Лондона, отъ нихъ могутъ обогащаться всѣ, но—только не авторъ Здѣсь, въ этой странѣ эгоистовъ, купцевъ и торгашей даютъ привиллегіи за самыя ничтожныя изобрѣтенія, а за произведенія ума и искусствъ—ничего.... Таковы правила Англіи.... Слышишь-ли, другъ мой, ничего!

— Но.... твоя новая драма?... Она принята и будетъ играна....

— Напрасныя надежды:.... Я сейчасъ изъ Друри-Лена....

— Ну, что жъ?

— Она не будетъ играна.

— Это отъ чего?

— Актеру не угодно принять первую роль.

— Макреди.... Макреди отказывается?

— Да.

— Но ты писалъ такъ много для него, что онъ обязанъ тебѣ своею славою и своимъ состояніемъ.

— И все это забыто.

— Боже мой! и болѣе нѣтъ надежды?

— Да!... но.... есть еще одна.

— Какая?

— У меня остались тамъ нѣсколько книгъ.... Шекспиръ, Мильтонъ.... безсмертные геніи, съ которыми бы хотѣлось мнѣ и жить и умереть.... Я продамъ ихъ.... и это будетъ послѣдняя жертва.

II.

На другой день человѣкъ лѣтъ сорока-пяти прохаживался по залѣ, убранной со вкусомъ и великолѣпіемъ; онъ держалъ въ ру-

кахъ манускриптъ, только что прочитанный, и какъ будто-бы размышлялъ о содержаніи его.

— Ну, что вы скажете, папенька, объ этой драмѣ?—спросила его молодая дѣвушка....

— Это совершенство!

— Кто авторъ ея?

— Не знаю; но кто бы онъ ни былъ, клянусь, что съ-тѣхъ-поръ, какъ я управляю Ковентъ-Гарденомъ, не только на этомъ театрѣ, но на всѣхъ театрахъ трехъ соединенныхъ королевствъ не было играно ничего подобнаго.

— Удивительно же, что на ней не выставлено имя автора; драматическіе поэты никогда не отличались лишнею скромностію.

Вошелъ слуга съ докладомъ о какомъ-то посѣтителѣ.

— Кто онъ?—спросилъ хозяинъ.

— Онъ не сказалъ своего имени,—отвѣчалъ слуга,—но это тотъ самый, который поутру принесъ бумаги....

— Хорошо.... проси.

Посѣтитель вошелъ въ залу.

— Милостивый государь,—сказалъ ему хозяинъ,—вы доставили мнѣ неизъяснимое удовольствіе,—передавъ это сочиненіе.

— Я бы желалъ знать ваше мнѣніе....

— Мое мнѣніе таково, что самъ Шериданъ не напишетъ подобной пьесы.

— Я вижу, что вы не льстите Шеридану....

— Прежде всего — я хочу быть справедливъ. Шериданъ можетъ думать, что Чарльзъ Кембль, писатель и директоръ театра, имѣетъ противу него два неудовольствія, во-первыхъ за то, что онъ своими твореніями обогатилъ Друри-Ленскій театръ на счетъ Ковентъ-Гарденскаго, и во вторыхъ за то, что онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ... Но Шериданъ обманется въ обоихъ случаяхъ. Я удивляюсь его генію и не хочу ему мѣшать дѣлать изъ него употребленіе, какое ему угодно. Жалѣю только, что онъ обогащаетъ театръ, который, какъ говорятъ, не даетъ ему никакого вознагражденія.

— Да.... говорятъ.

— И вы, согласитесь, что это.

— До меня это не касается,—замѣтилъ посѣтитель съ принужденнымъ видомъ.

— Правда.... правда. И такъ возвратимся къ нашимъ овечкамъ, какъ говоритъ французскій поэтъ. Вы желали знать мое мнѣніе объ этой драмѣ, и я вамъ сказалъ его откровенно.

— Можно ли надѣяться, что вы примете его на сцену?

— Нѣтъ.... нѣтъ.

— Почему-же, сэръ Кембль?

— Вы знаете, что въ ней двѣ главныя роли, а я при всемъ моемъ добромъ желаніи не могу играть ихъ обѣ вмѣстѣ; нѣтъ актера для роли горбатаго.

— А ежели я найду вамъ актера?

— Тогда я велю разучивать эту удивительную пьесу сегодня-же, сейчасъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ обѣщаю одного актера, который.... какъ я думаю.... мнѣ кажется можетъ хорошо сыграть роль горбатаго.... Лондонъ иногда аплодировалъ ему.

— Тѣмъ лучше, я предоставлю ему половину сбора.

— Это много; онъ согласится на четверть.

— Хорошо — четверть....

— А, автору?...

— Обыкновенная плата: четыреста фун. стерлинговъ за первыя двадцать представленій. Довольно-ли?

— Еще условіе.

— Какое?

— Чтобы авторъ и актеръ оставались непзвѣстными, пока имъ угодно. Чарльзъ Кембль протянулъ руку посѣтителю, который пожалъ ее съ чувствомъ. Они разстались.

— Ну, Катя, къ дѣлу!—сказалъ Кембль дочери, когда они остались одни;—пошли это къ переписчику. Ты будешь играть въ новой пьесѣ, я также, и клянусь Шекспиромъ, она пойдетъ у насъ на колесахъ; надобно, чтобы драма была представлена черезъ пятнадцать дней.

III.

Двадцатаго декабря давали на Ковентъ Гарденскомъ театрѣ въ первый разъ Hunch-Back (Горбатаго). Лондонъ не зналъ ни имени автора, ни актера первой роли. Фактъ весьма замѣчательный въ лѣтописяхъ Британской сцены.—Толпы народу кипѣли у дверей театра; зрители волнами вливались въ нихъ, не смотря на огромную цѣну, за мѣста спорили, отнимали ихъ другъ у друга — и дрались. Ложи, галлереи, раекъ, мѣста у оркестра все занято, и въ коридорахъ давка между тѣми, которые еще надѣялись попасть въ театръ.... шумъ, толкотня, давка, казалось, черезъ нѣ-

сколько минутъ всѣ должны задохнуться. Но занавѣсъ поднялся; воцарилась глубочайшая тишина. Дебютантъ вышелъ; при видѣ этой необозримой толпы, устремившей на него тысячи любопытныхъ глазъ, онъ сначала нѣсколько колеблется, потомъ мало-помалу входитъ въ роль, одушевляется и раскрываетъ всѣ свои сценическія способности. Голосъ полный и звучный, произношеніе чистое и размѣренное, удивительная мимика, ростъ высокій, но пресмѣшно согнутый, однимъ словомъ актеръ первой степени. Но, кто онъ? Бректонъ Ловелей, Макреди, идолы Англійской сцены?—Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! ни у одного изъ нихъ нѣтъ этой увлекательной игры, этого пронзительнаго взгляда, этого голоса, потрясающаго душу. Да и роль не уступаетъ искусству артиста: все въ ней движеніе, жизнь, страсть и истина—и все это дебютантъ совершенно понялъ, совершенно выразилъ. Это не актеръ, играющій по правиламъ искусства; это просто человѣкъ чувствующій, говорящій, смѣющійся, плачущій; это горбатый; это онъ самъ.

Зрители растроганы, увлечены; они то трепещутъ отъ радости, то дрожатъ отъ страха. Съ нѣжнымъ вниманіемъ, они слѣдуютъ очами, сердцемъ, душею за всѣми лучшими мѣстами драмы, куда авторъ вложилъ весь свой геній, актеръ всю свою душу, и ежели они, по временамъ, не могутъ — не обнаруживать своего восторга, то дѣлаютъ это съ видимою боязнію потерять слово изъ этого удивительнаго созданія. Просто всѣ очарованы. Отъ продолжительнаго грома рукоплесканій дрожатъ стѣны театра. Торжество неслыханное и для пьесы и для актера.

— Автора! автора!—загремѣло со всѣхъ сторонъ.

— Слышите-ли!—сказалъ Кембль дебютанту, который упалъ на стулъ отъ радости и изнеможенія.

— Хорошо,—пробормоталъ онъ,—скажите—Шериданъ.

— Шериданъ!—вскричалъ остолбенѣвшій директоръ, — авторъ Вильгема Теля?

— Онъ самъ.

При этомъ знаменитомъ, столько разъ увѣнчанномъ имени, рукоплесканія усиливаются. Но скоро раздается новый крикъ: актера, актера!

Дебютантъ встаетъ, трепеща отъ внутренняго волненія, и опираясь на руку Кембля, выходитъ на сцену.

— Имя?—спрашиваетъ публика.

— Шериданъ!—отвѣчаетъ авторъ.

Толпа не могла удерживаться въ границахъ; увлеченная энту-

зіазмомъ, она бросилась на сцену, схватила автора-актера и въ торжествѣ повела его по улицамъ къ его чердаку, въ томъ же театральномъ комическомъ костюмѣ, въ какомъ онъ игралъ. Анна увидѣвъ эту процессію, чуть не умела отъ радости.

На другой день во всѣхъ журналахъ Лондона было напечатано: «Вчера въ своей собственной драмѣ «Горбатый» Шериданъ игралъ на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ. Три раза аплодировали ему, и того же вечера директоръ театра Чарльзъ Кембль—принялъ его въ свою труппу съ годовою платою по 1600 фун. стерлинговъ. Нашъ первый драматическій писатель, сдѣлался нашимъ первымъ комическимъ актеромъ.»

—

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ САЗИКОВА.

Изъ оффиціальныхъ статей уже извѣстно, что 1-го іюля нынѣшняго года Кавалергардскій Ея Величества полкъ праздновалъ юбилей двадцати-пятилѣтія начальствованія полкомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Командиръ и офицеры полка желали ознаменовать этотъ день поднесеніемъ своему Августѣйшему Шефу «Исторіи Кавалергардскаго полка», составленной подполковникомъ Висковатовымъ. Поднесеніе это они хотѣли сдѣлать въ такой вещи, которая была-бы достойна занять мѣсто въ царскихъ чертогахъ и въ тоже время могла-бы служить памятью торжествуемаго дня и его значенія. Для этой цѣли препоручено было извѣстному нашему фабриканту-художнику Сазикову сдѣлать серебряный ковчегъ или ящикъ, съ приличными его значенію изображеніями. Объ этой-то вещи, которую намъ удалось видѣть, хотимъ мы поговорить, какъ о явленіи, истинно художественномъ. Рачительность и замѣчательный талантъ Сазикова давно уже всѣмъ извѣстенъ, но на этотъ разъ онъ превзошелъ себя и произвелъ вещь, которая одна могла бы составить славу артиста и навѣрное играла-бы одну изъ первыхъ ролей на Всемірной Выставкѣ, еслибъ на нее попала. Вѣрный однажды принятому правилу, ввести въ моду древне русскій вкусъ въ серебряныхъ утваряхъ, вкусъ оригинальный, сдѣлавшійся у насъ почти народнымъ, и облагородить его граціею и художественностію современнаго искусства, Сазиковъ и этому

ящику придалъ характеръ чисто-національной скульптуры и доказалъ имъ ясно, что и въ этомъ вкусѣ можно производить предметы столь-же изящные и эффектные, какъ и во вкусахъ *рококо* и *ренесансъ*. Ящикъ этотъ, или вѣрнѣе, баулъ съ перваго взгляда представляетъ великолѣпное украшеніе для стола, въ которомъ орнаменты, фигуры, надписи, рельефы и окраска, все гармонируетъ такъ чудесно, что производитъ самое поразительное и пріятное впечатлѣніе для глаза. Ящикъ имѣетъ въ длину четырнадцать, въ ширину и въ вышину по девяти вершковъ. Посреди лицевой его стороны, на свѣтло-синей эмали, изображенъ вензель Государыни Императрицы золотою буквою, надъ которой паритъ двуглавый орелъ. По сторонамъ вензеля, въ выпукло-вычеканенныхъ украшеніяхъ (repoussé), такъ-же на свѣтло-синей эмали, начертаны, съ одной стороны: 1826 годъ принятія Ея Величествомъ начальства надъ полкомъ; съ другой: 1851 — годъ двадцати пятилѣтія Ея начальствованія. На верхней части ящика находится слѣдующая надпись, рельефными буквами: «Августѣйшему Шефу Кавалергардскій Ея Величества полкъ, 1 го іюля.» На противоположной сторонѣ, посрединѣ, тоже на свѣтло-синей эмали, изображенъ гербъ полка — Мальтійскій Орелъ, — а по сторонамъ его видны годы: 1724 — годъ основанія полка, и 1799 — годъ его преобразованія. По угламъ ящика поставлены четыре круглыя фигуры, изображающія кавалергардовъ, въ соотвѣтствующихъ вышеприведеннымъ годамъ формахъ: у 1724 года — кавалергардъ въ мундирѣ временъ Петра Великаго, у 1799 — въ мундирѣ царствованія Павла I, у 1826 — въ формѣ временъ Александра, у 1851 — въ нынѣ существующей формѣ. — На боковыхъ сторонахъ ящика, среди чеканныхъ орнаментовъ, помѣщены Андреевскія звѣзды. Сверху ящика идетъ изящный фронтонъ, а на возвышенной къ центру крышѣ, составленной изъ выпуклыхъ арабесокъ и украшеній въ русскомъ вкусѣ, по самой серединѣ поставлено конное изображеніе Государя Императора, въ Кавалергардской формѣ: фигура величественна, высокохудожественная и поразительно вѣрная въ цѣломъ и во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Фигура эта вѣнецъ всего произведенія. Для открытія ящика, къ крышѣ придѣланы двѣ ручки самой пріятной формы.

Надо отдать полную справедливость Сазикову: въ этомъ произведеніи онъ выказалъ весь свой талантъ, все мастерство, самый утонченный вкусъ и огромное знаніе дѣла. Это произведеніе рѣшительно ставитъ его на ряду съ первыми чеканными художни-

ками Европы и свидѣтельствуетъ, что его стараніями и дѣятельностію, эта отрасль промышленности преуспѣваетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ. Не говоря уже объ изобрѣтеніи, о прекрасномъ рисункѣ, о граціи и соразмѣрности частей, о вкусѣ въ выборѣ украшеній, надо сказать, что исполненіе техническое — есть вершина, до которой только можетъ достигнуть искусство серебряныхъ изваяній. Каждая мелочь изобличаетъ въ мастерѣ художественный тактъ и показываетъ окончанность и отдѣлку, чисто артистическія. Вѣрность костюмовъ соблюдена до точности поразительной; позы фигуръ полны жизни. Сходство фигуры Государя Императора истинно рѣдкое. Впрочемъ вся эта фигура вылѣплена лучшимъ нашимъ художникомъ по этой части, барономъ Клотомъ. Много способствуетъ поразительному эффекту цѣлаго произведенія мастерское его расцвѣченіе, или окраска, которую въ металлическихъ издѣліяхъ только весьма немногіе художники умѣютъ употреблять съ такимъ вкусомъ, какъ Сазиковъ. Весь ящикъ мѣстами вызолоченъ, и эта позолота украшеній, на бѣломъ матовомъ фонѣ серебра, выдвигаетъ ихъ значительно впередъ и придаетъ рельефу еще больше круглоты и эффекту. Синяя эмаль, пущенная въ главныхъ мѣстахъ, возвышаетъ ихъ значеніе и невольно обращаетъ на нихъ вниманіе. Всѣ фигуры оксидированы, и синевато-металлическій ихъ цвѣтъ придаетъ цѣлому какое то особенное величіе. Разсматривая эту превосходную работу, во всѣхъ ея подробностяхъ, дивясь ея отчетливости, утонченной выработкѣ, почти не вѣрится, что она произведена въ полтора мѣсяца времени! И знаменитый Бенвенуто Челлини употребилъ бы на нее три года и едва-ли произвелъ бы что-нибудь болѣе совершенное. Вещь эта сдѣлана на память пріятной и лестной для Кавалергадскаго полка эпохи, и дѣйствительно заслуживаетъ быть памятникомъ событія, которое должна увѣковѣчить.

=

ВАЛАГУРЪ.

=

Лапласъ получилъ записку отъ извѣстнаго сочинителя *Монкрифа*, въ которой онъ просилъ его о присылкѣ книгъ для разсѣянія грусти. Лапласъ удивился странной просьбѣ веселаго друга и самъ отправился къ нему. Монкрифъ былъ дома и примѣрялъ въ это время новый халатъ и новый парикъ. «Запри дверь, — сказалъ онъ оторопѣвшему гостю. — «Мы теперь одни, и я открою тебѣ тайну: сегодня утромъ, я замѣтилъ на правой ногѣ синее пятно. Это признакъ моей близкой смерти. Проведемъ вмѣстѣ немногія минуты жизни.... Я еще позову кой кого.» — Монкрифъ пригласилъ всѣхъ своихъ друзей и десять дней провели они вмѣстѣ. Время пролетѣло незамѣтно. Въ послѣдній день вечеромъ Монкрифъ сказалъ Лапласу: — «Ну прощай теперь! завтра возвращу тебѣ книги.» — И на другой день дѣйствительно умеръ.

—

Виртуозъ, желая выразить болтливость своей жены, сказалъ: «Я всегда употребляю въ рѣчахъ цѣлыя ноты; жена моя, напротивъ, говоритъ тридцать вторыми, а какъ я вполнѣ владѣю тактомъ, то мы обыкновенно оканчиваемъ, какъ нельзя лучше.»

—

Вовенаргъ сказалъ: Высокія мысли истекаютъ изъ сердца. Можно прибавить: и принимаются сердцемъ.... Слова человѣка съ

умомъ — цифры : ихъ надо примѣнять, высчитывать, повѣрять : слова человѣка съ душею, дѣла. Онѣ увлекаютъ воображеніе, согрѣваютъ сердце и убѣждаютъ умъ.

—

Провинціалъ прогуливался съ маленькимъ сыномъ въ Петергофскомъ саду. — «Посмотрите, папенька, — вскричалъ мальчикъ, останавливая отца передъ статуею Самсона. — Посмотрите, какъ мѣдный человѣкъ выдергиваетъ зубъ у пуделя!»

—

О Херасковѣ можно сказать, что онъ сохранилъ до старости холодность, замѣтную въ первыхъ стихахъ его молодости.

Лучшая эпиграмма на Хераскова сказана Державинымъ, безъ умысла, въ одѣ «Ключъ».

Священный Гребеневскій ключъ!
Пѣвца безсмертной Россіяды
Поилъ водой ты стихотворства.

Вода стихотворства, говоря о поэзіи Хераскова, выраженіе удивительно вѣрное и забавное.

—

Кредиторъ, встрѣтясь съ должникомъ, убѣдительно просилъ его объ уплатѣ. Должникъ бранилъ его, и наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, сказалъ : «Да что ты ко мнѣ присталъ, несносный человѣкъ, неужели ты думаешь, что я долженъ только тебѣ одному?» —

—

Одинъ изъ актеровъ бывшей Ярославской труппы, дебютируя въ Москвѣ ролею Беверлея, игралъ очень плохо и не понравился публикѣ. Въ то самое время, когда жена Беверлея, упрекая его въ страсти къ картамъ, говоритъ ему : «не играй больше!» партеръ захлопалъ, закричалъ браво, и повторилъ «не играй больше!» — Актеръ послушался совѣта.

—

Встарину существовалъ у артистовъ обычай никому не открывать тайны своего усовершенствованія въ искусствахъ. Этому эгоистическому предразсудку строго слѣдовалъ Порпора, извѣстный своими кантатами и ссорами съ Генделемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ музыкантовъ идеальную сторону своей методы, хоть иногда и давалъ уроки контрапункта. Порпора

простиралъ свою подозрительность даже на единственнаго слугу, котораго, по скупости своей, держалъ очень дурно. Если въ слугѣ онъ замѣчалъ малѣйшую склонность къ музыкѣ — бѣда! Сейчасъ-же отказъ и расчетъ. Однажды къ Порпорѣ явился слуга съ такимъ глупымъ лицомъ и такимъ не музыкальнымъ слухомъ, что онъ принялъ его, не подвергая предварительному испытанію. Новый слуга надѣлалъ самыхъ варварскихъ проказъ: опрокинулъ прекрасную віолончель Страдиварія и сломалъ у ней ручку; смѣтая пыль, оборвалъ пять струнъ на клавикордахъ и наконецъ, къ довершенію неловкости, изжарилъ для маэстро двѣ котлетки въ папильоткахъ, вырвавъ листы изъ новой партитуры Порпоры. Композиторъ не сердился, но радовался оборотливости своего Созія. Съ этихъ поръ онъ пересталъ съ нимъ церемониться и безопасно создавалъ и разыгрывалъ при немъ свои лучшія фантазіи. Глубокія замѣчанія его на музыку преспокойно валялись на письменномъ столѣ — и только въ одномъ отказывалъ себѣ величайшій профессоръ музыки того времени: онъ не ѣлъ больше котлетъ въ папильоткахъ. Такъ прошло два года. Іосифъ служилъ ему вѣрно и усердно, то-есть, со всевозможною неловкостью, но вотъ, въ одно прекрасное утро отправясь на рынокъ, онъ исчезъ и не являлся болѣе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, князь Эстергази давалъ великолѣпный обѣдъ и концертъ. Порпора былъ въ числѣ гостей. Загремѣла музыка, и представьте удивленіе Порпоры, когда, въ капельмейстерѣ, онъ узналъ своего бѣглеца Іосифа. Не вѣря глазамъ, онъ обратился къ князю. — «Ваша свѣтлость, кто у васъ капельмейстеромъ?» — спросилъ онъ. — Іосифъ Гайднъ! отвѣчалъ вельможный амфитріонъ. Порпора остолбенѣлъ.... Съ тѣхъ-поръ, говорятъ, онъ самъ чистилъ себѣ сапоги и жарилъ котлетки....

—

Одинъ актеръ излишнимъ крикомъ часто портилъ свои роли. Однажды сыгралъ онъ весьма удачно и вовсе не кричалъ, а говорилъ, какъ слѣдуетъ. Авторъ пьесы благодарилъ его за хорошую игру, но актеръ извинялся и говорилъ, что онъ недоволенъ собою, потому что былъ боленъ во время представленія.— И такъ я долженъ благодарить лихорадку, — сказалъ авторъ, — и сожалѣть, что не я вашъ докторъ.

—

Небойкій водевилистъ, при представленіи своей пьесы, хвалился, что очень скоро написалъ ее. «Это и видно!» отвѣчали ему.

—

Томъ Шериданъ, будучи еще ребенкомъ, попросилъ денегъ у своего отца, знаменитаго Ричарда Бринслея. «Томъ, — отвѣчалъ ему отецъ, — когда я былъ въ твоихъ лѣтахъ, то ужъ самъ заработывалъ деньги, отецъ не давалъ мнѣ ни одного пенни.» — Можетъ быть, — отвѣчалъ Томъ: — но вѣдь твоего отца нельзя сравнить съ моимъ.

—

Всѣмъ извѣстна исторія рыцаря де Лоржа и его жестокой дамы. Вотъ подобный примѣръ, извлеченный изъ провансальской хроники. Гильомъ Балазенъ (Balazun),—одинъ изъ пріятнѣйшихъ поэтовъ своего времени,—любилъ и прославлялъ прекрасную владѣтельницу замка Жовіака. Страсть его увѣнчалась взаимностію; но наши влюбленные, слѣдуя постоянному обычаю всѣхъ влюбленныхъ, поссорились однажды за бездѣлку. Красавица объявила своему обожателю, что не хочетъ видѣть его въ продолженіи цѣлаго года. Всѣ просьбы его, всѣ слезы остались тщетны. Наконецъ жестокая обѣщала прощеніе своему другу, съ условіемъ, чтобы онъ велѣлъ *сорвать себѣ ноготь съ мизинца* и принесъ къ ней, вмѣстѣ съ нѣжнымъ, стихотворнымъ признаніемъ своей вины! «Какое варварство!» скажутъ читатели, но не такъ думалъ Балазенъ. Онъ повиновался, безъ жалобы вытерпѣлъ жестокую боль, написалъ печальную элегію и полетѣлъ къ своей красавицѣ! Тогда, видите, это было въ порядкѣ вещей.

Можетъ быть и въ наше просвѣщенное время найдутся еще дамы, готовыя предписать своимъ обожателямъ такія-же *легкія* условія, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи. Но спрашивается—найдутъ-ли онѣ такихъ покорныхъ и великодушныхъ рыцарей?

—

Въ сраженіи при Витебскѣ, гдѣ, какъ говорятъ свидѣтели, за пулями не видать стало Божьяго свѣта, графъ Орловъ Денисовъ, проѣзжая ряды своего полка, подтверждалъ стоять мужественно и твердо на своихъ мѣстахъ. «Ваше сіятельство,—сказалъ графу

казакъ Касаргинъ, — позвольте мнѣ выѣхать изъ фронта. — За чѣмъ? — Да стремя потерялъ: ядро оторвало мнѣ правую ногу!

—

Померанцовъ, одаренный необыкновеннымъ талантомъ, часто увлекался желаніемъ нравиться большинству публики, и вызывалъ рукоплесканія райка неумѣреннымъ крикомъ и топаньемъ; жена его, пріятели и болѣе всѣхъ (въ бытность его въ Москвѣ) товарищъ его Плавильщиковъ напрасно старались внушить ему болѣе умѣренности, согласной съ требованіями истиннаго искусства. Однажды онъ рѣшился послѣдовать ихъ совѣтамъ. Давали Титово милосердіе. Померанцовъ выполнялъ роль Тита съ величайшимъ стараніемъ, правильно, умѣренно, благородно. Друзья его и товарищи, стоявшіе за кулисами, восхищались его игрою, и по окончаніи перваго дѣйствія, встрѣтили его непритворными похвалами. Въ половинѣ втораго дѣйствія, Померанцовъ подходитъ на сценѣ къ актеру Ж., игравшему роль Секста. — «Каково! — Прекрасно! — отвѣчаетъ Ж.—Прекрасно! а публика молчитъ, ни разу не хлопнули. Вы хотите меня погубить вашими совѣтами.... Но хочешь-ли, я тотчасъ помирюсь съ нею? Смотри и слушай! онъ выступилъ впередъ, взмахнулъ руками, ударилъ себя въ грудь и проревѣлъ монологъ. Публика вздрогнула, проснулась; раздались неистовыя рукоплесканія и еще болѣе утвердили Померанцова въ ошибочныхъ средствахъ приноровляться ко вкусу зрителей.

—

Одинъ человѣкъ чрезвычайно веселый, комикъ бѣдной труппы, получилъ лучшее мѣсто и хотѣлъ оставить своихъ товарищей. Но всѣ актеры отправились къ директору и просили его употребить всѣ средства, чтобъ не допустить комика къ переходу; они соглашались даже уступить ему часть изъ своего жалованья. «Пока онъ съ нами,—сказалъ ораторъ,—отъ хохота намъ некогда и подумать о нашей горькой участи.»

Такіе артисты—истинное золото.

—

Кошка актрисы Д. съѣла канарейку княгини М.—Княгиня, въ гнѣвѣ, послала актрисѣ очень грубое письмо съ подписью: Марія, княгиня М. — Актриса, огорченная грубостью княгини за

такую незначительную непріятность, въ которой, между прочимъ она была невиновата, отвѣчала ей подобнымъ-же посланіемъ, съ подписью: Марія *Д.*, *но сегодня — Семирамида.*

—

Моцартъ писалъ своего *Донъ-Жуана* въ Парижѣ. Однажды, просидѣвъ за работой долѣе обыкновеннаго, онъ взглянулъ на часы. «Ужъ пять часовъ!» Это было его обѣденное время. Моцартъ на скоро одѣлся и отправился въ ресторацію, находившуюся въ Пале-Роялѣ. Дорогою пришла ему новая идея, развивалась и росла въ его умѣ, и такъ заняла его, что онъ, машинально просмотрѣвъ поданный списокъ кушаньямъ, сказалъ: «Супу съ вермишелью!» Прошло десять минутъ, четверть часа, и въ то время, какъ умъ его работалъ, а фантазія летала въ сферахъ поэзіи, онъ не замѣтилъ, что супъ остылъ. Послѣ получасоваго размышленія, онъ рѣшился прервать его еще разъ. «Жареную щуку!» сказалъ онъ прислужнику. Супъ убрали и замѣнили жареною рыбою, которая также не могла обратить на себя ни вниманія, ни аппетита размышлявшаго композитора. Такимъ-образомъ, онъ потребовалъ пять блюдъ и принялъ ихъ съ одинакимъ равнодушіемъ. Прислужникъ удивлялся странному обращенію посѣтителя, но видя, что трудно съ нимъ заговорить, рѣшилъ, что Моцартъ сошелъ съ ума. Такъ прошло два часа съ прихода композитора. Склонивъ голову, онъ сидѣлъ задумчиво, недвижно, но вдругъ глаза его сверкнули спокойствіемъ и счастіемъ. Отдавъ деньги за обѣдъ, Моцартъ вскочилъ со стула и, удаляясь изъ залы, вскричалъ: «нашелъ! нашелъ! наконецъ-то нашелъ!» Моцартъ въ самомъ дѣлѣ придумалъ тогда финалъ къ послѣднему дѣйствію *Донъ-Жуана.*

—

Шушеринъ, играя въ трагедіи, гдѣ ему слѣдовало вырвать кинжалъ изъ рукъ героини и заколоться, примѣтилъ, что актриса, упавъ въ обморокъ, нарочно спрятала кинжалъ, чтобъ привести его въ замѣшательство. Напрасно Шушеринъ, подъ предлогомъ помощи, хочетъ достать смертоносное орудіе. Актриса не отдаетъ и шопотомъ говоритъ ему: «оставь меня, или я закричу.» Шушеринъ не теряетъ присутствія духа, оканчиваетъ монологъ и

вынувъ изъ подъ плаща свою роль, свернутую трубкою, закалывается ею и оканчиваетъ пьесу.

—

Мужъ безъ сомнѣнія всегда повелитель въ домѣ — особенно, когда жена уѣзжаетъ со двора.

—

Весьма посредственная актриса дебютировала въ провинціальномъ городкѣ.

Хотя первый дебютъ ея былъ принятъ публикою не ласково, однако это нисколько не тронуло ея самолюбія и она вторично просила позволенія явиться на сценѣ, приписывая зависти дурной пріемъ. Послѣ многихъ докучныхъ просьбъ, директоръ согласился на второй дебютъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ разъ, актрисѣ посчастливилось. — «Не моя-ли правда? каково мнѣ апплодировали? — сказала она, подходя къ директору послѣ спектакля.

— Это еще болѣе подтверждаетъ мое мнѣніе о васъ.—Какъ?— Да развѣ вы не замѣтили, въ какомъ именно мѣстѣ вамъ апплодировали?... Въ томъ, когда вы произнесли: «правда, я не гожусь никуда!»

—

Женщинамъ нельзя довѣрять тайнъ: у нихъ уши проколоты.

—

Люди, которые превозносятся подвигами своихъ предковъ, сами ничего не дѣлая, походятъ на картофель, котораго лучшая часть зарыта въ землѣ.

—

Нашъ пріятель получилъ отъ доктора позволеніе пить вино только за столомъ: онъ въ точности исполняетъ предписаніе – цѣлый день сидитъ *за столомъ*, и пьетъ.

—

Знаменитый англійскій клаунъ Гримальди жилъ въ плохомъ согласіи съ своею женою. Они постоянно ссорились и вражда ихъ мало-по-малу приняла такой грозный характеръ, что они посовѣтовавшись въ спокойную минуту, рѣшились окончить домашнія распри

самоубійствомъ. Гримальди отправился въ сосѣднюю аптеку, гдѣ его знали, и спросилъ унцію мышьяка для крысъ. Аптекарь далъ ему требуемое, сказавъ, что такая порція яда избавитъ его отъ всѣхъ страданій. Супруги развели ядъ въ водѣ, выпили, обнялись.... и легли по разнымъ комнатамъ.... Двери растворили настежъ. За тѣмъ послѣдовало продолжительное безмолвіе, — не слышно было ни стоновъ, ни вздоховъ. Наконецъ, наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, Гримальди приподнялся. — Душенька, умерлали ты?

— Нѣтъ! — отвѣчала жена. — Экая досада! — проворчалъ мужъ. Прошло опять полчаса. — Умеръ-ли ты, Гримальди? — спросила жена, мучимая любопытствомъ. — Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ сердито. Эти переговоры продолжались съ промежутками два часа, пока, наконецъ, г-жа Гримальди не спросила: — Неужели ты еще не умеръ? — Нѣтъ,—отвѣчалъ Гримальди, — я еще не умеръ, да, кажется, и не умру сегодня, развѣ голодъ уморитъ меня; мнѣ ужасно хочется ѣсть; встань-ка — подай мнѣ закусить. Тѣмъ и кончилась трагическая сцена. Аптекарь, зная, какъ дружно живутъ супруги, подозрѣвалъ ихъ затѣи и, вмѣсто мышьяка, продалъ магнезіи.

—

Лучше всего повѣрять тайны лгунамъ: они хоть и разболтаютъ, — имъ никто не повѣритъ.

—

Мальябекки (MagliaBecchi), библіотекарь Тосканскаго Герцога, — единственный типъ библіомана.

«Онъ провелъ всю свою жизнь (80 лѣтъ) въ пыли и душной атмосферѣ библіотеки, окруженный грудами книгъ и кипами рукописей. Онъ былъ воздержанъ до чрезвычайности: три яица, ломоть хлѣба и кружка воды составляли его обыкновенную пищу. Онъ обѣдалъ, спалъ, отдыхалъ на книгахъ, съ непритворной грустью разставался съ ними и во всю жизнь только два раза выѣзжалъ изъ Флоренціи: однажды за двѣ мили, а потомъ за три съ половиной, по приказанію Великаго Герцога. Въ постоянной бесѣдѣ съ книгами, онъ не заботился ни о чемъ; одни живыя существа, которыя еще иногда занимали его, были пауки. И когда кто-нибудь изъ любопытныхъ, навѣщая его, рылся въ книжныхъ пирамидахъ, Мальябекки безпрестанно кричалъ: «Пожалуйста, не раздавите моихъ пауковъ!»

«Его одежда вполнѣ согласовалась съ его образомъ жизни. Длинный камзолъ темнаго цвѣта, спускавшійся ниже колѣнъ, вѣтхіе брюки, черный плащъ, усѣянный заплатами, старая изношенная шляпа съ широкими полями, глубокій галстухъ, испещренный табакомъ, наконецъ пара нарукавниковъ, отдѣлявшихся отъ рубашки, — все это вмѣстѣ представляло блестящій нарядъ Мальябекки. Сверхъ того, зимою онъ всегда носилъ на рукѣ нагрѣвальницу, такъ, что уголь коптилъ его нарукавники и жегъ ему пальцы.»

Мы должны прибавить, что Мальябекки имѣлъ состояніе и чрезвычайно любилъ литераторовъ.

—

Плохой поэтъ принесъ Пирону толстую тетрадь стиховъ и просилъ разсмотрѣть ихъ. Спустя нѣсколько дней, авторъ Метроманіи возвратилъ ему рукопись. — Какъ, да тутъ нѣтъ ни одного креста? — вскричалъ обрадованный піитъ. — Да, ни одного, — возразилъ Пиронъ, — неужели вы хотите, чтобъ изъ вашихъ трудовъ я сдѣлалъ *кладбище*!

—

Хорошенькая львица вышла замужъ за почтеннаго человѣка, который, по дѣламъ, принужденъ былъ поселиться въ провинціи. Сначала все шло своимъ порядкомъ, но наконецъ скука овладѣла молоденькою женой. Привыкнувъ къ разнообразію свѣтской жизни, въ глуши она скучала, скучала и скучала!... Мужъ, добрый мужъ, принялся утѣшать свою жену, но всѣ старанія были напрасны.

— Послушай, другъ мой, — сказалъ онъ ей однажды, — старайся искать развлеченій.... У насъ живописныя окрестности, тѣнистые лѣса.... хочешь — мы будемъ охотиться вмѣстѣ?...

— Нѣтъ, я не люблю охоту.

— Ну, займись дѣломъ: вышивай, рисуй, читай....

— Я не люблю чтенія.

— Гуляй, играй въ преферансъ съ сосѣдями.... Хочешь, заведемъ домашній театръ....

— И этого не люблю.

— Ну, чтожъ ты любишь наконецъ? — Скажи?...

— Ахъ, перестань, мой другъ, однимъ словомъ — я не люблю *невинныхъ удовольствій!*

—

Чтобъ твердо выучиться узнавать людей: не надо подслушивать, а довольно слѣдить за игрою ихъ физіономіи. Проговариваются только новички, но и у самыхъ закоренѣлыхъ мастеровъ сердце нерѣдко просвѣчиваетъ на лицѣ или въ движеніяхъ. Зайдя въ гости, одинъ нашъ знакомый забылъ золотую табакерку въ пальто. Спохватясь, онъ выходитъ въ переднюю и вынимаетъ ее изъ кармана. Замѣтивъ это, одинъ изъ слугъ поморщился и сдѣлалъ губами таинственное движеніе, выражавшее невольно: «Эхъ! жаль, что я не зналъ!»

—

Разсѣянный, уходя со двора, прилѣпилъ къ дверямъ записку: «Я вернусь не раньше полуночи. Если кто въ потьмахъ не въ состояніи это прочесть, тотъ можетъ попросить огня у сосѣдей.»

—

Въ Парижѣ проказникъ-куаффёръ придѣлалъ къ двери звонокъ и написалъ подъ нимъ: «Желающихъ видѣть меня, прошу звонить съ 5 часовъ утра до 10 вечера.»

—

Французъ, обѣдая у богатаго нѣмца, нечаянно опрокинулъ стаканъ съ виномъ. — Развѣ во Франціи такъ водится? — насмѣшливо спросилъ его амфитріонъ. — Нѣтъ, не водится, — отвѣчалъ гость, — а если и случается, то по-крайней мѣрѣ никто объ этомъ не спрашиваетъ.

—

Франтъ, осматривая только-что отстроенный великолѣпный домъ, замѣтилъ, что кухня слишкомъ тѣсна. — «А я долженъ вамъ признаться, — сказалъ хозяинъ: — что именно тѣсная кухня и помогла мнѣ выстроить обширный домъ.»

—

Плохой переводчикъ похожъ на слугу, который дурно объясняетъ порученіе своего господина.

—

Недавно, у рѣшетки небольшой Парижской виллы, вышелъ изъ коляски какой-то господинъ и позвонилъ. Владѣлецъ виллы, одинъ изъ первыхъ французскихъ драматурговъ, поправлялъ въ это время пьесу, назначенную для театра. Узнавъ, что явился покупатель его сельскаго домика, онъ сбросилъ халатъ и принялъ посѣтителя въ лучшей комнатѣ.

— Вы желаете купить мою дачу?

— Да съ, я нарочно для этого пріѣхалъ, однако не хотѣлъ бы безпокоить васъ ...

— Помилуйте, я готовъ самъ показать вамъ дачу.

— Очень благодаренъ! Я буду имѣть удовольствіе бесѣдовать съ умнымъ человѣкомъ.... Я знаю, что вы авторъ.... и притомъ авторъ Французскаго-Театра.

Авторъ-помѣщикъ поклонился.

— Что вамъ угодно взять за вашу дачу? — спросилъ покупатель, осмотрѣвъ садъ, и домъ,—отъ погреба до чердака.

— Сорокъ тысячъ франковъ!

— Дорогонько, но я подумаю.... до свиданія!

На другой день драматургъ получилъ слѣдующее письмо.

«Подпись моя, быть можетъ, вамъ отчасти знакома. Назадъ тому тринадцать лѣтъ, я былъ актеромъ въ Одеонѣ, гдѣ тогда ставили одну изъ вашихъ пьесъ. Я отказался отъ роли въ четыре стиха, которую вы мнѣ предложили, и въ слѣдствіе этого отказа, бросилъ театръ и отправился въ Порторико. Здѣсь я нажилъ себѣ состояніе, не играя въ трагедіяхъ, но занимаясь торговыми оборотами. Теперь, вмѣсто четырехъ стиховъ, вы, навѣрно, предложили бы мнѣ сорокъ, что означало бы успѣхъ; но я не далъ бы вамъ сорока тысячъ франковъ за имѣніе, которое не стоитъ тридцати. Вы въ нуждѣ — я богатъ. Помѣняемся: дайте мнѣ роль помѣщика, а при себѣ удержите роль поэта. До свиданія, не сердитесь! Шарль Г.»

Авторъ, разумѣется, согласился и передалъ свой домъ новому владѣльцу. Новый владѣлецъ называлъ автора причиною своего богатства.

— Вотъ слѣдствія роли, — говорилъ онъ, — отъ которой я отказался: она привела меня въ Порторико, и указала мнѣ на истинное мое призваніе.

При подписи купчей, новый помѣщикъ удержалъ за собою кресла въ Французской Комедіи на тотъ спектакль, когда давалось

сочиненіе его знакомца. Въ поступкѣ его, конечно, проглядываетъ месть; но еслибы съ авторами, отказывающими въ роляхъ, встрѣчались подобные случаи, то каждый, навѣрно, принялся бы писать роли въ четыре стиха.

=

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

ДАЙТЕ МНѢ СТАРУХУ!!

ФАРСЪ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ ДИВЕРТИСМАНОМЪ.

В. И. Савинова.

—

Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ С.-Петербургскомъ театрѣ придворными актерами, 27-го іюля 1851, въ пользу г-жи Сандуновой.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
Логинъ Осиповичъ Пустарнакъ, антрпренеръ странствующей труппы актеровъ.	*Г. Мартыновъ 1-й.*
Карпъ Силычъ Полуда.	*Г. Марковецкій.*
Прасковья Петровна Клѣткина.	*Г-жа Сандунова.*
Кузьминишна, ея няня.	*Г-жа * * *.*
Мамзель Пульферъ, экономка.	*Г-жа * * *.*
Уѣздная барыня.	*Г-жа * * *.*

—

(Дѣйствіе происходитъ въ мѣстечкѣ Ковылькахъ.)

—

Обширная комната, заваленная костюмами, декораціями, горшками и банками съ краскою. Нѣсколько скамеекъ и два стула составляютъ всю мебель; прямо отъ зрителей дверь, направо другая.

—

I.

ПОЛУДА, одинъ.

Полуда (*подмалевывая кулису*). Еще раза два мазну кистью — и баста! только въ прокъ ли пойдетъ моя работа?... Жаль, если Логинъ Осиповичъ не сыщетъ актрисы.... Тогда дѣло пропащее! была у насъ одна сорока-лѣтняя красавица.... да и ту угораздило увлечь сердце какого то шестидесяти-лѣтняго франта, вотъ вмѣстѣ съ нимъ и укатила за городъ... Тамъ, вѣдь цыганскій праздникъ сегодня....

Вмѣстѣ ихъ свела дорога,
Въ рощѣ утренней порой,
А знакомиться недолго
Съ фигуранткой пожилой!

(*Ломоносовъ.*)

А бѣдный Логинъ Осиповичъ хоть волкомъ вой.... На афишѣ выставилъ пьесу.... билетовъ распродалъ съ два десятка.... а старухи нѣтъ.... (*Бросивъ кисть.*) Впрочемъ важная штука — нѣтъ! Ну, и не надо.... подавай другую пьесу.... Лихо поставимъ.... съ огня.... живо!...

Актеровъ славныхъ мы потомки!
У насъ во всемъ ихъ видѣнъ слѣдъ....

(*Водевиль Карета.*)

Да, такъ-таки отваляли-бы.... на славу! Да и чего трусить?... Дѣло бывалое.... Ну.... неудача?... записалъ въ трубѣ и маршъ въ другой городъ.... Эхъ, вы, господа антрпренеры!

Паденье васъ всегда, друзья, пугало,
За тѣмъ, что вы въ чести и на виду;
На этотъ счетъ мнѣ горя очень мало,
Коль нужно пасть — на славу упаду!

(*Id.*)

(*Слышенъ сильный и нетерпѣливый стукъ въ дверь.*)

Кто тамъ?... Покорно просимъ!... Не заперто.... Да не заперто.... говорю!

II.

ПОЛУДА и ПУСТАРНАКЪ.

ПУСТАРНАКЪ (*вбѣгаетъ разстроенный и, запыхавшись, бросаетъ на скамью фуражку*). Фу! просто ослѣпъ я, мамочка.... двери не найду.... Ручка въ руку не дается.... вертѣлъ, дергалъ, ковырялъ.... на-силу дощупался.... Фу-ты.... заѣздила бѣда!

ПОЛУДА. Что, вѣрно никакой надежды?

ПУСТАРНАКЪ. Ни Надежды.... ни Любови, ни Лукерьи, ни Пульхерьи....

ПОЛУДА. Словомъ.... нѣтъ намъ старухи?

ПУСТАРНАКЪ. Нѣтъ, мамочка.... Весь городъ обѣгалъ, все и вездѣ перенюхалъ, какъ гончая.... Встрѣчу какую-нибудь пожилую.... говорю: мамочка, можете быть актрисой? (*Передразнивая.*) — Могу-съ! говоритъ. — Ну-съ, говорю, мамочка, на амплуа старухъ....

ПОЛУДА. Ну?

ПУСТАРНАКЪ. Что — ну? Ну, чуть въ глаза и не вцѣпится....

ПОЛУДА. Въ глаза!

ПУСТАРНАКЪ. Такъ-таки и наровитъ или выцарапать.... или плюнуть...

ПОЛУДА. Неужели!... Что это за народъ такой?

ПУСТАРНАКЪ. Извѣстный.... хе.... народъ! Всякая мамочка наровитъ на амплуа молодыхъ любовницъ, гризетокъ, корифей, фей! (*Плюнувъ.*) Тьфу ты, самолюбьешко гадкое! На два часа посѣдѣть боятся.... Просто злосчастный я, мамочка! что мы будемъ теперь дѣлать?

ПОЛУДА. Снять пьесу съ афишки.

ПУСТАРНАКЪ. Шутка! Это все равно, что голову съ плечъ снять.... (*въ отчаяніи*) О, злополучіе! Дайте мнѣ, мамочки, старуху! Одну только, полъ-сбора за старуху, мамочки! (*Останавливаясь въ трагической позѣ, дѣлаетъ небольшой поворотъ и замѣчаетъ письмо на столѣ.*) Это что, Карпъ Силычъ?

ПОЛУДА. Письмо — вамъ: принесъ какой-то мужикъ.

ПУСТАРНАКЪ (*взявъ письмо*). Мнѣ?... Фу! Такъ въ потъ и ударило.... Ужъ не отъ Полиціймейстера-ли?... Вѣдь я, какъ угорѣлый, бѣгалъ по городу.... Кого только ни встрѣчу — всякаго за полу: Нѣтъ-ли, говорю, старухи?... Моя убѣжала.... похитили, говорю.... Спектакль сталъ. Одинъ шутникъ и выдумалъ.... Есть, говоритъ, вонъ тамъ, въ желтомъ домикѣ! Ступайте, гово-

ритъ, она отличная.... «Ну, я пошелъ.... Сидитъ, знаешь, этакая, вся въ морщинахъ, разрумяненная, волосы по-китайски въ нижицу стянуты.... Кого, говоритъ, вамъ? И такъ, знаешь, мнѣ.... (*жеманится и дѣлаетъ глазки.*) Ладно, думаю.... Васъ, говорю, мамочка, васъ сокровище мое, безъ васъ просто вотъ мнѣ до зарѣза.... Право? говоритъ она съ умильной рожицей. — Да съ, говорю — мнѣ надо старуху....—Что? Да какъ вскочитъ, что я тебѣ далась на поруганье.... мошенникъ ты этакой.... Да я тебя въ полицію— я губернская секретарша, а ты смѣлъ забыться... Эй, люди — вязать его! Я давай Богъ ноги, съ лѣстницы кувыркомъ и безъ оглядки. Ну, что если она взаправскую пожаловалась полиціймейстеру?

Полуда. Пустяки, Логинъ Осиповичъ, успокойся.

Пустярнакъ. Чего пустяки... пойдетъ слѣдствіе.... выгонитъ изъ города.... тунеядъ, скажетъ, обманщикъ.... де-скать о пьесѣ объявилъ, а актрисъ израсходовалъ.

Полуда. Все вздоръ, Логинъ Осипычъ!

Пустярнакъ. Вздоръ! Такъ отъ кого-же письмо? У меня здѣсь никого нѣтъ знакомыхъ... (*Судорожно срывая печать*). Трушу, мамочка.... вонъ видишь пальцы-то, такъ крюкомъ и завернуло.... руки трясутся.... Ну, чтобы это? (*пробѣжавъ нѣсколько строкъ и заглянувъ на подпись, ободряется.*) Тфу-ты пропасть.... любовишка! Старый грѣхъ!

Полуда. Какая любовишка?

Пустярнакъ. Прошу покорно.... изволь-ка.... читай!

Полуда (*принимая письмо, читаетъ*). «Милостивый Государь, Логинъ Осиповичъ!... Десять лѣтъ прошло со дня нашей разлуки»....

Пустярнакъ. Видишь.... десятилѣтняя давность и пристаетъ еще...

Полуда (*читаетъ*). «Но я не забывала вашихъ клятвъ и обѣтовъ.... Я помню: вы такъ любили меня страстно, нѣжно, пламенно»....

Пустярнакъ. Все вретъ, мамочка, я шалилъ.... молодость, знаешь?

Полуда (*читаетъ*). «Десять лѣтъ мы не видали другъ друга.... я умирала отъ грусти въ это время»....

Пустярнакъ. И старѣлась.

Полуда (*читаетъ*). «О, другъ души моей! милый Логочка».

Пустярнакъ. Нѣжности! воззванія! Пропусти, мамочка, все, что съ восклицательными.... Читай, чего ей тамъ надобно?

Полуда (*читаетъ*). Я никогда не могла забыть тебя!... Но въ первую минуту, когда я опять увидѣла тебя, мой ненагляднный.... мой....

Пустярнакъ. Пропусти, мамочка!...

Полуда (*читая*). Когда я узнала о твоемъ пріѣздѣ и увидѣла тебя изъ окна, на улицѣ, преслѣдующаго какую-то даму.... упала въ обморокъ.... я назвала тебя: извергомъ, измѣнникомъ, варваромъ, бездушнымъ....

Пустярнакъ. Пропусти.... пропусти, мамочка, видишь ругается.... читай съ конца, ну ее!...

Полуда. А вотъ сейчасъ! (*Читая.*) «Но, я все прощаю тебѣ: и долгую разлуку, и вѣтренность.... я все люблю тебя, жестокій, спѣши въ мои объятія.... страданія наши кончились — и пусть Гименей....»

Пустярнакъ (*вырывая письмо*). Что? Гилиней!... Знаемъ мы, мамочка, эту миѳологію.... вишь ты, старая!... Пиши, Карпъ Силычъ, ей мой отвѣтъ.... пиши... (*Полуда беретъ бумагу и перо, Пустярнакъ диктуетъ.*) Милостивая Государыня моя... извините, имени вашего не припомню.

Полуда. Не прилично, Логинъ Осиповичъ!

Пустярнакъ. Прилично! Скорѣе отвяжется.... пиши: извините, имени вашего не припомню, но на почтеннѣйшее письмо ваше объ гименеяхъ, амурахъ, десятилѣтней давности, клятвахъ и обѣтахъ — честь имѣю отвѣчать.... что я.... Ну, что-жъ бы я такое, Карпъ Силычъ?... что я?

Полуда. Что ты.... выходитъ.... ну, словомъ ты....

Пустярнакъ. Да! что я.... я.... Тфу, какой тупикъ! Да! что я пріѣхалъ сюда искать не жену старуху, — а актрису, на роли старухъ. Пиши, мамочка, мою фамилью съ завитушкой.... вотъ такъ! Ладно.

Полуда (*свернувъ письмо*). Что-жъ отдать мужику?

Пустярнакъ. Отдай.... скажи, молъ, низко кланяются.

Полуда (*отдавъ въ полурастворенную дверь письмо*). Что-жъ это-за любовишка такая, Логинъ Осипычъ?

Пустярнакъ. Старый грѣхъ, мамочка... Еще въ ратникахъ былъ.... тому ровно 15 лѣтъ.... ну, она какъ женщина.... я, то есть, какъ кавалеръ, ну, извѣстное дѣло — дурь.

Полуда. Но, клятвы, Логинъ Осипычъ, обѣты вѣрности?

Пустярнакъ. Ну, да страстишка.... приглянулась.... въ деревнѣ скучно, развлеченій нѣтъ.... Понимаешь: сердце запросило, мамочка.... кровь, знаешь.... я дней десять смотрѣлъ на

нее, вытараща глаза, думая сказать этимъ : люблю васъ , мамочка!... А, потомъ встрѣтилъ разъ въ саду, послѣ пунштика, да и бухъ къ ногамъ.... ну, и пошла писать! говорю : жить не могу! Умру.... пулей говорю.... или ребро кинжаломъ!

Полуда. Славно! славно, какъ въ трагедіи!

И помню я, что про любовь
Большое было объясненье....

Пустарнакъ. Ужасъ , мамочка! Она ко мнѣ на грудь, а я говорю : задохнусь отъ счастія.... А она говоритъ : умру!... я и чмокъ было.... право, мамочка!... молодость знаешь...

Полуда. Ну, а потомъ?

Пустарнакъ. Потомъ?... потомъ все благополучно ; разстались, такъ, ничего.... рота наша выступила, любовь осталась въ деревнѣ.... Правда, я вздыхалъ иногда....

Полуда. То-то и есть.... па этотъ счетъ я помню куплетецъ.

О, съ сердцемъ пропасть намъ хлопотъ,
Когда его любовь задушитъ,
И что ужъ женщина зажжетъ —
Того самъ демонъ не затушитъ!

(Тереза.)

Пустарнакъ. Все потухло, мамочка.... И я вздыхалъ только по вкуснымъ обѣдамъ да по пунштику.... ну и о прочихъ деревенскихъ наслажденіяхъ....

—

IH.

ТѢЖЕ И КЛѢТКИНА, одѣтая деревенской бабой.

Полуда. Кого тебѣ, старуха?

Клѣткина. Чего старуха, кормилецъ.... какая старуха въ пятьдесятъ-то лѣтъ! Вотъ ты скажи, родимый, не здѣсь-ли живутъ комедіанты?

Полуда. Какіе комедіанты, дура , актеры.... что тебѣ надо?

Клѣткина. Ну, ахтеры, што-ли! Кто ихъ знаетъ! такъ стало и Логинъ Осиповичъ Петрушка тутотка?

Полуда. Какой Петрушка?

Клѣткина. Не то, что Петрушка, а какъ его, сельдерей, не то порей.... а какой-то этакой корешокъ, что въ супѣ варятъ.

Полуда. Развѣ Пустарнакъ?

Клѣткина. Именно Пустарнакъ, батюшка.

Пустарнакъ. Здѣсь Пустарнакъ.... На что я тебѣ?

Клѣткина (*нѣсколько мгновеній смотритъ на него, потомъ поворачивая его изъ стороны въ сторону*). Такъ это ты, родимый!... Экъ тебя время то объѣло сердечнаго. Былъ такой ражій, полный, кровь съ молокомъ.... а теперетко узнать нельзя: спичка спичкой! Ноги словно прутики.... голова въ стручекъ высохла....

Пустарнакъ (*осматриваясь*). Что ты, старая, какіе тутъ стручки нашла?

Полуда (*про себя*). Ужъ не эта-ли Карабосса страстишка Логина Осипыча?

Клѣткина. Ахъ, ты родимый мой, сморчъ-сморчкомъ сдѣлался.... поджарый, щедушный....

Пустарнакъ (*разсердясь*). Ну да, поджарый, щедушный! а тебѣ какое дѣло?

Клѣткина. Да какъ-же, батюшка.... вѣдь я тебѣ не чужая не бось, не съ улицы пришла. Десять-то годковъ тому назадъ не зналъ, какъ и приласкать да уподчивать Кузьминишну....

Пустарнакъ. Все вретъ, Карпъ Силычъ! (*Ей.*) Какую Кузьминишну?

Клѣткина. Забылъ! А мамку-то Прасковьи Петровны Клѣткиной! (*Съ низкимъ поклономъ.*) Вѣдь это я сама и есть, кормилецъ.

Пустарнакъ (*перемѣняя тонъ*). Кузьминишна! Та самая Кузьминишна, которая.... которая, ахъ ты, голубушка моя.... все еще жива?

Клѣткина. Живехонька, родимый. Я къ тебѣ отъ барышни съ поклономъ.

Пустарнакъ. Спасибо, не нуждаюсь. Скажи своей старой барышнѣ, чтобы она просто отъ меня отказалась. Скажи: ничего не помню. Совершенно ничего!

Клѣткина. Грѣшно, батюшка Логинъ Осипычъ, забыть-то забылъ, да еще этакія обидныя слова говоришь: дескать старая, оченно обидно!

Пустарнакъ. Ну, пусть — обидно.... Тутъ не до нее, тутъ вотъ хоть живой лягъ, да и закопайся.... Старуха у меня пропала, очень нужная старуха.... Понимаешь-ли? Все дѣло испорчено.... Все, какъ фу!... съ ладони сдунули....

Клѣткина. Слышали, батюшка.... слышали и помочь могимъ.

Пустарнакъ (*въ восторгѣ*). Помочь! Мамочка! Кузьминишна!

Какъ, то-есть, помочь.... Да я тебя разцѣлую.... золотомъ осыплю... Полтинникъ дамъ!

Клѣткина. Просто, кормилецъ.... Я тебѣ поклономъ бью.... Я теперь вольноотпущенная.... человѣкъ слабодный. Куда хочу — туда иду.... возьми меня.

Пустарнакъ. Тебя! Да на что мнѣ тебя?

Клѣткина. На всякой случай, батюшка! Не изволь сумлеваться.... За поясъ заткну всякую твою комедьянку, на всякіе манеры мастеръ.... бывалый человѣкъ. Съ покойнымъ бариномъ да съ барыней, какъ еще горничной была, на всѣ ярмарки ѣзжала.... всякихъ кудесниковъ видала.... Что хошь представлю.... Плясать могу. — Да, тебѣ что.... барыню что-ли представить? Представлю, наглядѣлась на нихъ вдоволь. Павой пройду, дай чепецъ только.... видала, какъ и кофіи распиваютъ онѣ, а ужъ еслибъ довелось, примѣрно сказать, — мужа пугнуть: такой дебошъ подыму, такого азарту надѣлаю, что твоя торговка.... Хошь паву какую угодно тамъ, представлю, а ужъ холопку-то ни почемъ, на скотномъ выросла....

Пустарнакъ. Да ты съ ума свихнула, Кузьминишна?

Клѣткина. Отчего съ ума свихнуть-то?... Вѣдь не въ жены къ тебѣ напрашиваюсь.... Право, не гнушайся, Логинъ Осипычъ, возьми!

Пустарнакъ (*начиная сердиться*). Да, что ты ко мнѣ на воротъ виснешь.... возьми, да возьми! для чего?

Клѣткина. Вѣстимотко для чего, въ ахтерки возьми....

Полуда (*подмалевывавшій до того кулису*). Но понимаешь-ли ты, пустая голова, назначеніе актрисы!

Пустарнакъ. Да! назначеніе — мамочка.... нутко!

Клѣткина. Все пойму, что назначишь, кормилецъ. Цѣть, такъ цѣть; плясать, такъ плясать.... Не постоимъ и то и другое за одинъ разъ.... На-тъ-ко.... видалъ ты! (*Пляшетъ русскую, припѣвая: вы гудки не гудите.*)

Пустарнакъ. Одурѣла старуха.... Ладно, ладно, будетъ!

Клѣткина. Что на ногу тяжела, скажешь, аль не голосисто пою?

Пустарнакъ. Ужъ очень голосисто.... убирайся домой. Кланяйся барышнѣ....

Клѣткина. Такъ, ты и въ самомъ дѣлѣ меня не возьмешь?

Пустарнакъ. Ступай, ступай, мамочка, не надо!

Клѣткина. Ну, инъ не надо, такъ не надо, а что барышнѣ-то сказать?

Пустарнакъ. Скажи, что ничего не помню.

Клѣткина. Такъ и сказать?

Пустарнакъ. Ничего не помню! Ступай.

Клѣткина (*подходя къ двери*). Право не погнушайся, Логинъ Осипычъ!

Пустарнакъ. Отстань!

Клѣткина. Ну, коли — отстань, такъ отстану.... Добро, прощенья просимъ, кормилецъ, забылъ нашу ласку.... Богъ съ тобой! (*Выйдя за двери и просунувъ въ нихъ голову.*) Логинъ Осипычъ, право подумалъ-бы, родимый....

Пустарнакъ. Уйдешь-ли ты!

Клѣткина (*затворивъ и снова отворяя дверь*). Иду! иду.... Логинъ Осипычъ — такъ на отрѣзъ сказано?

Пустарнакъ. Варваръ ты этакой! шальная баба.... отстань!

Клѣткина (*уходя, за сценой*). Отстала!... отстала, Логинъ Осипычъ! А Логинъ Осипычъ.... такъ на отрѣзъ!

—

IV.

ПОЛУДА и ПУСТАРНАКЪ.

Пустарнакъ. Ахъ ты, живодёрка!... вотъ словно, какъ смола прилипла.... Несчастный день, Карпъ Силычъ.... Просто въ глазахъ зеленѣетъ, какъ вспомню о нашемъ положеніи! (*Подходя къ Полудѣ, умоляющимъ тономъ.*) Карпъ Силычъ!

Полуда. Что, Логинъ Осипычъ?

Пустарнакъ. Выручи, мамочка! Великодушнѣйшій Карпъ Силычъ.... ты на все мастеръ.... ты просто геній, ты декораторъ, ты первый теноръ и баса поешь.... ты машинистъ.... механикъ — мамочка, на всякія превращенія мастеръ. Сдѣлай дружбу.... придумай....

Полуда. Что придумать-то?

Пустарнакъ. Какъ бы этакъ старуху.... Мамочка! выручи несчастнаго Логина.

Полуда. Гдѣ-жъ я ее возьму?

Пустарнакъ. Ну, подумай.... изобрѣти. Еще 12-й часъ: времени остается довольно. Побѣгай, узнай, распроси. Ну, посуди самъ, ну, какъ снять пьесу съ афиши? Первый разъ дебютируемъ въ городѣ и вдругъ. Пфъ! Скверная штука. Вѣдь по всей губерніи себя разславимъ.... Еще пожалуй въ газетахъ напишутъ, что вотъ дескать: пріѣхали къ намъ антрепренеръ Пустарнакъ и режиссеръ

его Полуда, а реченные Полуда съ Пустарнакомъ — шарлатаны.... Ну, посуди самъ.... вѣдь это поношеніе рода человѣческаго.

Полуда. Куда-жъ я пойду, Логинъ Осипычъ?

Пустарнакъ. На улицу, мамочка.... въ лѣсъ.... за городъ... Хватай всѣхъ встрѣчныхъ.... становись на колѣна.... валяйся въ ногахъ. Плачь, мамочка, проси, обѣщай два бенефиса: одинъ на ярмаркѣ.... пусть въ буфетѣ, что хочетъ беретъ на мой счетъ.... жалованья 20 руб. сер. въ мѣсяцъ.... Сори тысячами, Карпъ Силычъ, сори!... Кидай серебромъ...

Полуда. Пойду, пожалуй!

Иду и если Мельпомена
Мнѣ не откажется помочь,
Тогда бѣда и горе прочь,
Тогда ликуетъ наша сцена!

(*Надѣваетъ тляпу и медленно выходитъ.*)

—

V.

Пустарнакъ, одинъ и потомъ **Клѣткина**, въ костюмѣ мамзель Пульферъ.

Пустарнакъ (*смотря вслѣдъ Полудѣ*). Великій человѣкъ! Знаетъ на изустъ до пяти милльоновъ водевильныхъ куплетовъ.... однимъ взмахомъ кисти рисуетъ цѣлые города, облака съ солнцемъ, что угодно, луну выдумалъ новаго устройства, и никто лучше его не играетъ изверговъ.... буду ждать прихода моего великаго Полуды, авось спроворитъ старуху. (*Садится къ столу, зажмуриваетъ глаза и начинаетъ гадать, сводя и разводя пальцы. — Въ это время входитъ Клѣткина, и останавливается у двери.*) Будетъ старуха?.... Не будетъ.... будетъ!... Не будетъ!

Клѣткина. Каспатинъ!

Пустарнакъ (*продолжая гадать*). Попалъ кажется?... Нѣтъ.... Будетъ старуха!

Клѣткина. Каспатинъ!

Пустарнакъ (*продолжая гадать и не оборачиваясь*). Еще — кто-то? отвяжусь сейчасъ.... (*громко.*) Билетовъ нѣтъ!... (*про себя*) будетъ старуха!

Клѣткина. Но, люпезни каспатинъ.

Пустарнакъ (*также*). Билетовъ нѣтъ!

Клѣткина. Я нѣтъ билетъ надо.... Битте рехтъ зеръ, одна пара словъ....

Пустарнакъ (*вскакивая*). Что вамъ угодно? (*Ведя сцену съ Клѣткиной, закидываетъ назадъ руки и продолжая гадать.*) Будетъ старуха.... Нѣтъ....

Клѣткина. Мой ошень нужно херъ Пустирнакъ?

Пустарнакъ. Я Пустарнакъ!... Что вамъ угодно?... (*Про себя.*) Кажется будетъ!

Клѣткина. Мнѣ отшень большой нужно для васъ, херъ Пустирнакъ....

Пустарнакъ. Прошу садиться.... Объясните! (*особо*) Ай, мамочка, кажется, попалъ!

Клѣткина (*присѣдая*). Шёнъ данкъ! Цу гютихъ.

Пустарнакъ. Что-то по французски сказала.... (*Ей.*) Извольте, я слушаю.

Клѣткина. Мой ошень молодой дѣвицъ.... и ошень.... ошень съ большой несчастье находился, херъ Пустирнакъ.... Я на всо пашолъ, потому.... За шомъ ви нужно хорошенькій актрисъ.... Мой ошень хорошій актрисъ.... мой зовутъ мамзель Пульферъ.

Пустарнакъ (*особо*). Эхъ, соскочилъ канальскій палецъ! (*Ей.*) Ну-съ.

Клѣткина. Мой самой несчастливи шеловѣкъ.... Я буль на одна помѣщникъ — экномъ.... онъ карошъ деньга давайтъ, аберъ онъ нѣтъ женъ, нѣтъ хозяйки.... Женъ его умирало... такъ — завсомъ.... капутъ!... Ундъ дагеръ сеенъ зи. Какъ это по русску?... такой вдругъ буль непріятность....

Пустарнакъ. Что-съ? (*особо.*) Ахъ, прахъ побери, все соскакиваетъ!

Клѣткина. Да! мейнъ либеръ геръ, вышелъ не корошій случай.... Эта каспатинъ, у которой я буль экномъ.... Глаза мнѣ.... понимайтъ?

Пустарнакъ. Ничего не понимаю....

Клѣткина. Глазы.... Такъ глазы.... (*Подмигивая глазами.*) сдѣлывайтъ и такъ это гримасъ любезна.... Мой кафаритъ: я корошій дѣвица.... это завсомъ нѣтъ надо, херъ Пупиришкинъ.. А онъ скажитъ: ништего, мамзель Пульферъ.... калюбишки.... и мой рука.... этакъ саловалъ.... Да! я карошъ дѣвицъ.... И какъ это по-русску?

Пустарнакъ. Не знаю!... (*Особо.*) Не попадаетъ, да и только!...

Клѣткина. Это ви знай — губи распухла....

Пустарнакъ. А! губы распухли!

Клѣткина. Губи такъ сдѣлался.... (*Показывая видъ, что сердится.*) Сердитъ мнѣ стало.... А каспатинъ Пупиришкинъ — еще хо-

тѣлъ салаваль.... а я карошій дѣвицъ.... Ну, я и топталъ съ ногамъ.. . (*Топаетъ ногой съ крикомъ.*) Ви не смѣйтъ! кафарилъ я.... Прочь пашоль!

Пустарнакъ (*вздрогнувъ*). Фу-ты.... какъ она меня испугала.... а вѣдь палецъ-то на пальцѣ былъ....

Клѣткина. Онъ тоже губи распухла — и сказалъ: я нѣтъ хочу буль съ экномъ.... и я кафарилъ.... тоже не кочу.... и пашоль, какъ самый несчастный дѣвицъ.... я ошень благородна дѣвицъ.... херъ Пустирнакъ.

Пустарнакъ. Что жъ вамъ угодно?

Клѣткина. Нѣтъ.... я нѣтъ, ви самъ, что угодно разсказывалъ?... какъ это по-русску?...

Пустарнакъ. Я ничего не буду разсказывать....

Клѣткина. Ну, пашалюста, скашитъ.... какъ ви это накодилъ?

Пустарнакъ. Я, мамочка, ничего не находилъ....

Клѣткина. Я кафари: какъ мой на ви выглядитъ? Мой хочь поступилъ на вамъ....

Пустарнакъ. Ничего?... мамочка.... ничего!

Клѣткина. Да — да, мой актрисъ кочи буль.

Пустарнакъ. А! вы то-есть, мамочка. Желали бы поступить въ актрисы.... Такъ это значитъ ко мнѣ!...

Клѣткина. Такъ! ви отшень карошъ понимай, что я кочи.... О, я вамъ страшный удивительность буду дѣлать.... Танзовать Тирольскій.... замый лючшій голосъ пѣть: «Вотъ на буди....» Какъ это по русску? зело большой.... дуда немчикъ змотрѣлъ....

Пустарнакъ. Знаю.... Знаю! Но, сударыня.... видите, мамочка.... какъ же вы: роли то какія?

Клѣткина. Сякій роль! любезну дамъ съ карошій тонъ.... и ужасный женшинъ волосъ растрепанъ.... на трагеди.

Ихъ канъ вы спѣвай миножко,
Ихъ канъ зеръ гутъ танцовалъ....
Вы глядитъ, какой мой ножка....
Аберъ вы.... мнѣ должна деньга далъ.
Мой игралъ ди Коломбина
Въ пантомимъ мосье Легатъ:
Отшень билъ кароша мина —
Гаспадинъ всѣ была радъ.
Вы хотитъ нѣмецка арій?
Можне и сиганка спѣль—
Вы пажальстъ мнѣ дай гитари....
Я шуствительна мамзель.

(*Схватываетъ на столѣ гитару и поетъ.*)

Du, du, du ligst mir im Herzen,
Du, du, du ligst mir im Sinn....

Пустарнакъ. Да, мамочка-мадамъ, это вѣдь не по нашему....
Клѣткина. Ахъ, я! — мой ви переводитъ: (*Поетъ.*)

Ти, ти, ти лежалъ мнѣ у сердца,
Ти, ти, ти лежалъ мой на умъ....
Ахъ, мили другъ, твой нѣтъ можно
Повѣрилъ, какъ много прекрасна ти мой!

Карошъ! а вотъ я ви сиганка: (*Поетъ.*)

Пашоль мой, пашоль мой на улиса,
Аберъ нѣтъ кодилъ мой можно....
Глядилъ мой, глядилъ мой на карошъ мамзель
Аберъ нѣтъ глядѣли довольне....
Ой ви, уланы, молодой дѣти ..

(*Оканчивая, танцуетъ мазурку.*)

А? — Что вы сказалъ, мусью Пустирнакъ?

Пустарнакъ. Да ничего не сказалъ, мамзель Пульхеръ.

Клѣткина. Ахъ, пожалиста, херъ Пустирнакъ.... какъ это по-русску?... Я очень бѣдный дѣвушка.... я благородній сердце имѣю....

Пустарнакъ. Все это, мамочка, такъ-съ, да вотъ языкъ-то у васъ.... не по-русски, знаете, устроенъ, а на сценѣ—сами знаете.... душевно бы, мамочка.... да ужъ право—не знаю.... не могу, мамзель Пульхерья....

Клѣткина. Не могу! ви не мо́гу! но я карошій атрисъ, ви прападаютшій человѣкъ безъ меня....

Пустарнакъ. И съ вами.... и безъ васъ пропащій человѣкъ.... нѣтъ съ.... извините! рѣшительно, мамочка, я не того....

Клѣткина. Рѣшитель? Какъ рѣшитель?... завсомъ не могу?

Пустарнакъ. Такъ-таки со всѣмъ и не могу.

Клѣткина. Ахъ, мейнъ годъ, мейнъ годъ! какъ я таперь буль? (*Со слезами.*) Пожалиста, херъ Пустирнакъ! мой будетъ танзовалъ на ви только.... мой нѣтъ будетъ каварить.... Смотрится, какой я легкій зильфидъ. (*Дѣлаетъ нѣсколько па, во время которыхъ плачетъ, говоря:*) Пажалиста! ну.... пожалиста, херъ Пустирнакъ!

Пустарнакъ. Право, не могу.... я такъ разстроенъ, мамочка.... положеніе такое.... вы побывайте послѣ....

Клѣткина. Завтра?

Пустарнакъ. Ну, нѣтъ.... дня чрезъ два, или черезъ три....

Клѣткина. О, карашо! дней три, шиширн.... ихъ данке! я вашъ слуга.... (*Дѣлаетъ книксы.*)

Пустарнакъ (*любезно*). Мое вамъ глубочайшее, мамочка-съ!

Клѣткина. Адьесъ, херъ Пустирнакъ! Я очень карошъ дѣвушка. (*Уходитъ.*)

—

VI.

ПУСТАРНАКЪ одинъ и потомъ ПОЛУДА.

Пустарнакъ. А.... вѣдь что думаешь, мамочка-то.... ничего.... Балетецъ, можно бы.... разнохарактерный дивертисментъ этакой.... и въ самомъ дѣлѣ: у нея глазенки такіе.... вотъ языкъ-то только суконный.... А сама ничего.... и ножку видѣлъ.... У! такая мамочка.... пару въ ротъ спрятать можно.... сливки, просто сливки! можно бы написать: Карлотта Гризи изъ Санктпетербурга.... однако, чтожъ это Полуда нейдетъ. (*Становится противъ дверей, зажмуриваетъ глаза и снова гадаетъ.*) А.... ну-ка.... будетъ?... нѣтъ!... будетъ старуха?...

Полуда (*входя*). Нѣтъ!

Пустарнакъ. Все кончено, мамочка!

Полуда. Что станешь дѣлать? Вѣдь старухи, Логинъ Осиповичъ, не грибы въ самомъ дѣлѣ.... ужъ чего я не дѣлалъ.... гдѣ не былъ.... кого не просилъ.... кто меня не обругалъ.... ужасъ, просто ужасъ!...

Пустарнакъ. Гибель, мамочка!

Полуда. Всѣ старанія были употреблены, Логинъ Осипычъ.... всѣ старанія....

Къ одной я подошелъ съ вопросомъ,
Та мнѣ сказала: вы дуракъ....
Къ другой, остался тоже съ носомъ —
Та показала мнѣ кулакъ....

Пустарнакъ. Такъ это ты на двухъ-то и остановился, мамочка.... кулачишки-то струсилъ? А еще механикъ.... Ну, что мы теперь?

Полуда. Снимемъ пьесу съ афиши, да и концы въ воду....

Пустарнакъ. Лучше самъ съ камнемъ въ воду! Не сниму!

Ужъ если на то пошло, мамочка: снимаю всю афишу! Вотъ что!

Полуда. Помилуй, Логинъ Осипычъ!

Пустарнакъ. Нѣтъ милости! (*Приходя почти въ бѣшенство.*) Не могу! Не хочу! По моему пропадать такъ разомъ, а не по кусочку....

Полуда. Логинъ Осипычъ.... Самъ на себя руки подымаешь!

Пустарнакъ. Да ужъ коли нельзя подняться ни на какія штуки.... подымаю на себя руки.... (*Съ отчаяніемъ.*) Ура! Ура! Логинъ Пустарнакъ — погибъ.... Ура! Погибъ! Безъ сбора! безъ хлѣба! безъ старухи!

Полуда. Боже мой! Онъ помѣшался! (*Ему.*) Успокойся, Логинъ Осипычъ!

Пустарнакъ. Не хочу! Кричи, мамочка, ура!... все крякнуло.... Сожгу декораціи.... брошу ваксу въ бѣлила и румяны.... раздамъ пейзанскія куртки мальчишкамъ, странствующимъ савоярамъ.... Нѣтъ! Безъ старухи мнѣ жизнь не въ жизнь!

Полуда. Успокойся, Логинъ Осипычъ!

Пустарнакъ. Дай старуху! Пол-сбора за старуху! Видишь какое благородство.... Ричардъ давалъ и болѣе за коня.... а старуха не конь, братецъ.... все равно, что конь не старуха!... Видишь, мамочка!...

Полуда. Ряхнулся онъ.... торжественно ряхнулся!

Пустарнакъ (*сквозь слезы*). Пойду, мамочка, пойду — и скажу кассиру: баста, Лупченко.... запирай фортку, спрячь билеты.... все кончено! Пустарнакъ пзвелся! (*Уходитъ и за сценой.*) Старуху мнѣ! старуху, мамочка!...

—

VII.

Полуда, потомъ **Пустарнакъ** и **Клѣткина**, въ видѣ пожилой дамы.

Полуда. Вотъ она штука то.... имѣть такое раздражительное сердце.... какъ разъ на черепѣ трещина сдѣлается.... И изъ за чего бѣсноваться-то? Есть дураки, что за молоденькихъ рѣжутся и стрѣляются, а этотъ изъ за старухи лезетъ въ петлю. (*За сценой слышенъ шумъ и крикъ.*) Батюшки!... Что это?

Пустарнакъ (*входитъ, отступая отъ Клѣткиной*). Я вамъ говорю, что я васъ не знаю!

Клѣткина. Долженъ знать.... долженъ.... фандрыгалъ, безсовѣстный! обидчикъ!

Полуда. Ну.... сама прикатила.... бѣда!

Клѣткина. Не знаешь!... погубилъ меня во цвѣтѣ лѣтъ.... сироту беззащитную....

Пустарнакъ. Ничего не помню!

Клѣткина. Безсовѣстный! Клялся.... валялся у моихъ ногъ....

Пустарнакъ. Ничего не помню!

Клѣткина. Обѣщалъ вѣчный союзъ.... бракъ законный.... блаженства коробъ....

Пустарнакъ. Ничего не помню!... (*Особо.*) Фу, ужъ горло хрипитъ!

Клѣткина. Да, что ты наладилъ, какъ предводительскій попугай: ничего, да ничего не помню....

Пустарнакъ. Буду говорить.... (*Возвыся голосъ.*) Ничего не помню!

Клѣткина. Натко: за всю любовь мою, да еще старухою провеличалъ — спасибо, батюшка.... Ай-да, Логинъ Осипычъ.... отличился.... покорно благодарю....

Пустарнакъ. Не на чемъ, мамочка!

Клѣткина. Да еще изъ приличій выступилъ.... съ лѣстницы меня толкать.... А вотъ, я же тебѣ покажу, дебоширникъ ты этакой.... отправлюсь къ городничему.... все разскажу и какъ ты мою Кузьминишну сманивалъ въ ахтерки, и какъ ты любилъ меня прежде....

Пустарнакъ. Все ложь, мамочка.... Кузьминишну я никогда не любилъ.... васъ не сманивалъ....

Клѣткина. У меня письма твои есть.... Законное доказательство.... Ужъ настою на томъ, что буду твоею женою.

Пустарнакъ. Ну, ужъ нѣтъ!

Клѣткина. Ну, ужъ да!

Пустарнакъ. Не будетъ, мамочка!

Клѣткина. Будетъ! голубчикъ, будетъ! будетъ!

Пустарнакъ. Нѣтъ! нѣтъ! Карпъ Силычъ, кричи: нѣтъ!

Клѣткина. Будетъ!

Пустарнакъ. Вотъ навязалась! Карпъ Силычъ, помоги мнѣ какъ-нибудь ее спровадить.... (*Оба подходятъ къ ней.*)

Полуда. Сударыня!

Пустарнакъ. Мамочка!

Клѣткина. Ну, вотъ давно-бы такъ, Логочка.... съ почтеніемъ-бы.... Я вѣдь женщина, не звѣрь какой.... благородство имѣю.... души чувствительной, нарадуешься на меня послѣ....

Полуда. Пожалуйте....

Пустарнакъ. Сдѣлайте милость....

Клѣткина (*подавая Пустарнаку руку*). Что, руку-то? Изволь, Логочка.... она давно твоя....

Полуда. }
Пустарнакъ. } Пожалуйте!

Пустарнакъ (*показывая на двери*). Не угодно-ли?

ПОЛУДА.

Мы васъ безъ дальнихъ отговорокъ,
Отсюда проснмъ вонъ!

(*Изъ вод.* «*Страсть сочинять*».)

Клѣткина. Что? вонъ! меня! — такъ не хочу.... Нейду! Сяду и буду сидѣть.... шумѣть.... кричать: вампиръ! злодѣй!... обманщикъ! (*Съ плачемъ.*) Чѣмъ я заслужила твою ненависть.... Чѣмъ, скажи....

Пустарнакъ. Ничего не помню!

Клѣткина. Опомнись, Логинъ Осипычъ.... опомнись для нашего общаго благополучія.... вспомни мои нѣжныя ласки.... Какъ голубка буду ворковать подлѣ тебя....

Пустарнакъ. Я, мамочка, до голубей не охотникъ!

Клѣткина. Логинъ Осипычъ, но ты вѣдь клялся.... ты былъ у ногъ моихъ!

Пустарнакъ. Ничего не помню!

Клѣткина. Такъ тебѣ все напомнятъ.... формально буду дѣйствовать.... Прошеніемъ войду.... въ ноги бухну судьямъ.... Слезами залью.... въ голосъ завою.... (*Плачетъ.*) Обманулъ беззащитную, скажу.... насмѣялся.... скорбь причинилъ.... войдите въ мое сиротское положеніе.... заступитесь за угнетенную дѣвицу! (*Перемѣняя тонъ.*) Не отстану отъ тебя! я тебя доѣду. Вѣкъ заѣмъ твой.... съ утра до ночи буду визжать, какъ пила.... Ножомъ въ горлѣ стану.... Кончено.... Часъ твой пасталъ.... Ахъ! дурно.... Помогите! дурно!... (*Падая на руки Полуды.*)

Полуда. Ну, свалилась.... да какая грузная!

Клѣткина. Охъ.... дурно!

Пустарнакъ. Очень хорошо, мамочка! Слава Богу, укричалась таки наконецъ.... Я дамъ теперь тягу....

Полуда. Логинъ Осипычъ.... что ты? А я-то съ ней, что тутъ буду дѣлать?

Пустарнакъ. Хоть цѣлуйся.... нѣтъ, мамочка, ужъ извини!

Полуда. Логинъ Осипычъ.... останься!

Пустарнакъ. Нѣтъ, Карпъ Силычъ.... Ты механикъ.... тебѣ, мамочка, ни по чемъ тяжести.... а ужъ я того.... не взыщи! (*Убѣгаетъ.*)

—

VIII.

ПОЛУДА и КЛѢТКИНА.

Полуда. Вотъ положеніе!... Чѣмъ-бы ее спрыснуть: краской развѣ?

Клѣткина (*вскакивая*). Ушелъ! ушелъ! Ахъ, дурно.... опять дурно!

Полуда. Ну, ужъ пусть лучше валится на полъ... Поддерживать не буду.... тяжела!

Клѣткина. Дурно! помогите!

Полуда. Сударыня.... на чистый-бы воздухъ....

Клѣткина. Охъ.... дурно.... (*Топнувъ ногой.*) Грубіянъ! приличій не знаешь.... дѣвица въ обморокѣ, а ты стоишь, какъ колода....

Полуда. Благодарствуйте.... и то руки оттянули!

Клѣткина. Невѣжи!... Увидимъ.... какъ-то вы кончите эту комедію.... Сейчасъ ѣду къ городничему.... Буду просить — связать, задержать, запрятать васъ.... въ доброе мѣсто, а ужъ его.... о мщеніе! (*Идетъ къ дверямъ налѣво.*)

Полуда (*особо*). Вотъ фурія! (*Ей.*) Сударыня, не туда! Тамъ наша гардеробная....

Клѣткина (*отворивъ дверь*). Знать ничего не хочу....

Полуда. Говорятъ вамъ.... Тамъ наша спальня и гардеробная, сударыня!

Клѣткина. Знать ничего не хочу! (*Уходитъ.*)

Полуда (*подбѣгая къ двери и смотря въ замокъ*). Тс! что это! Она на ключъ заперлась.... Сударыня! госпожа Клѣткина!... Не откликается.... Да, что-же это будетъ такое? Что ей тамъ понадобилось? Послушайте, сударыня!...

—

IX.

ПУСТАРНАКЪ и ПОЛУДА.

Пустарнакъ (*полуотворивъ дверь и высунувъ голову*). Все

тихо, кажется?.... Ушла вѣрно.... Кажется ушла.... Мамочка! Карпъ Силычъ!

Полуда. А! что?

Пустарнакъ. Ушла?

Полуда. Да.... но....

Пустарнакъ (*вбѣгая*). Какъ же ты ее спровадилъ?... ахъ, ты механикъ, мамочка.... умудрился?

Полуда. Да.... умудрился.... вонъ она гдѣ....

Пустарнакъ (*оторопѣвъ*). Гдѣ?... гдѣ.... ну.... ну.... гдѣ!

Полуда. Въ уборной — заперлась — на ключъ....

Пустарнакъ. Въ убор... ключъ.... Да, какъ же ты это, мамочка.... вѣдь ты знаешь, Карпъ Силычъ, тамъ наши: мечи, подушки, шпаги, одѣялы.... кинжалы.... Да она всѣ роды самоубійства за одинъ присѣстъ можетъ тамъ совершить.... уголовная исторія выйдетъ.... видишь, какъ она втюрилась.... Несчастный день... Совершенная гибель, мамочка!

Полуда. Окликни ее.... позови, Логинъ Осиповичъ! попѣжнѣе...

Пустарнакъ. Нѣтъ, не могу: оспанъ, разбитъ, уничтоженъ! Сбирайся, мамочка....

Полуда. Куда?

Пустарнакъ. Куда глаза глядятъ.... сбирайся.... бѣжимъ.... я возы привелъ.... Бери горшки, декораціи.... кисти.... забирай все!

Полуда. А наши подушки.... одѣяла.... мечи, кинжалы?

Пустарнакъ. Пусть ее тамъ воюетъ.... Давай складывать! (*Складываетъ декорацію, Полудѣ помогаетъ.*) Спасибо, что еще догадалась запереться.... хоть не помѣшаетъ выбраться.... Ну, клади на голову! (*Полуда подымаетъ декорацію на голову.*) Я теперь буду сбирать горшки....

Полуда. Куда же мы идемъ, Логинъ Осипычъ?

Пустарнакъ (*сбирая горшки*). Самъ не знаю.... Идемъ! Несчастный день! (*Надѣваетъ фуражку, нагрузивъ полныя руки горшками.*)

Полуда. Не сбылись наши мечты, Логинъ Осипычъ! Мы думали въ Ковылькахъ поправить свои дѣлишки....

Пустарнакъ (*печально*). Потомъ выстроить свой балаганъ въ Пензѣ....

Полуда. Давать страшныя трагедіи....

Пустарнакъ. Гамлета.... мамочка.... Уголино....

Полуда. Разбойниковъ.... Цампу, Фра-Діаволо, Башлыка.

Пустарнакъ. Все въ трубу вылѣтело, мамочка.... всѣ разбойники исчезли, какъ дымъ.

Полуда. Виновата твоя любовишка.... твой старый грѣхъ...

Пустарнакъ. Не то, братецъ, все старуха.... Идемъ!

Полуда. Идемъ!

—

X.

ТѢЖЕ И КЛѢТКИНА, въ своемъ видѣ, выходитъ и останавливается у двери. Мужчины съ изумленіемъ отступаютъ назадъ.

Пустарнакъ. Это кто еще? (*Вполголоса Полудѣ.*) Кого это мамочка, ты тамъ пряталъ? Ты механикъ, обманулъ разбойникъ.... Говоришь: она тамъ.... А она.... вотъ она!... мамзелька какая-то!

Полуда. Ничего не понимаю.... Гдѣ-жъ старуха то?

Клѣткина (*свободно*). Вы, господа, вѣрно не узнали меня?

Пустарнакъ (*расшаркиваясь*). Не имѣю чести.... Карпъ Силычъ — говори: не имѣю чести ...

Полуда. Не имѣю чести, сударыня....

Клѣткина. Тѣмъ лучше.... это меня радуетъ.... стало быть, я вполнѣ достигла цѣли.... Во мнѣ вы видите: старую Кузьминишну, мамзель Пульферъ.... и дѣвицу Клѣткину....

Пустарнакъ (*роняя горшки*). Какъ! все вы одно....

Полуда. И эта старая вѣдьма.... вы же?

Клѣткина. Если позволите. (*Присѣдая.*)

Пустарнакъ. Вы? О благополучіе.... такъ, стало быть, вы то есть того, мамочка.... актриса.... старуха.... Ура! наша взяла....

Клѣткина. Я узнала о пропажѣ вашей актрисы.... и о вашей старой интригѣ.... и рѣшилась испытать талантъ свой....

Пустарнакъ. Великая мамочка.... вы даете намъ новую жизнь оставляете сборъ.... отводите душу.... Мамочка.... я.... Карпъ Силычъ.... на колѣна.... Благодари!

(*Оба становятся на колѣна.*)

Пустарнакъ (*взявъ и цѣлуя ея руку*). Словъ нѣтъ, мамочка!...

Полуда. Благородная.... великая женщина! — какъ васъ? Вотъ ужъ на этотъ случай, даже и куплета не знаю....

Клѣткина. Ну, теперь вы счастливы?

Пустарнакъ. Умираю отъ счастья.... нашелъ старуху!...

Клѣткина (*отступая на нѣсколько шаговъ назадъ*). Значитъ, роль моя теперь кончена! Имѣю честь кланяться.

(*Хочетъ идти.*)

Пустарнакъ. } Какъ?
Полуда. } Куда?

Клѣткина (*Пустарнаку*). Да, ты забылъ твои обѣщанія и клятвы.... Ты забылъ дѣвушку, которой обѣщалъ жениться... Ты насмѣялся надо мной.... и я тебя наказала.... Ты былъ самъ у ногъ моихъ....

Полуда (*подымаясь*). Вотъ тебѣ и разъ! и на этотъ счетъ не припомню куплета....

Пустарнакъ. Возможно-ли! Прасковья Петровна?... Батюшки.... голову теряю.... (*хватая ее за руку*). Нѣтъ ужъ.... что хотите.... я васъ не пущу! Нѣтъ великая старуха.... Вы мнѣ теперь вотъ какъ! (*Показывая на горло.*) Женюсь, формально посватаюсь.... простите только.... Карпъ Силычъ ... кланяйся.... Становись на колѣна!...

Клѣткина. Прощайте, Логинъ Осиповичъ....

Пустарнакъ. Прасковья Петровна! жестокая, злодѣйка! Вѣдь я люблю васъ, всегда любилъ.... да вѣдь какъ любилъ.... Его спросите.... Карпъ Силычъ, куплетецъ....

Полуда.

Онъ любилъ, какъ можно только
Съ пламенной душой любить,
Такъ повѣрьте-же какъ больно....

Клѣткина. Не вѣрю.... вы забыли вашу любовь....

Пустарнакъ. Все помню!...

Клѣткина. Вы писали, что забыли даже мое имя....

Пустарнакъ. Все помню! Вотъ Карпъ Силычъ даже свидѣтель! мамочка!

Клѣткина. Встаньте, Логинъ Осиповичъ....

Пустарнакъ. Мамочка.... (*Вставая.*) ручку! Форменнымъ образомъ... (*Клѣткина подаетъ ему руку.*) Нашелъ.... теперь есть вѣковѣчная старуха....

Полуда. Бѣгу къ кассиру....

Клѣткина. Э, нѣтъ позвольте. Я не хочу быть актрисой.... другъ мой, прошу тебя, оставь свое ремесло.... Къ чему намъ скитаться по городамъ? лучше будемъ жить счастливо и спокойно въ своей усадьбѣ.... Мнѣ досталось небольшое имѣньице....

Пустарнакъ. И имѣнье, мамочка.... О, благополучіе.... вотъ бенефисъ-то схватилъ....

Полуда. На этотъ счетъ есть куплетъ:

Если вдовушка ужъ въ лѣтахъ
И набитъ ея ларецъ....

Пустярнакъ (*зажимая ему ротъ*). Тсъ.... дурень! повинуюсь, мамочка.... Прощай, великій Карпъ Полуда! Оставляю тебѣ всѣ театральныя принадлежности и труппу въ придачу.... себѣ беру одну старуху.... (*Спохватясь.*) Виноватъ молодую, хотѣлъ я сказать...

Полуда (*подавая ему руку*). Счастливецъ Логинъ Осиповичъ....

Пустярнакъ. А что, мамочка?... сливки? (*Подаетъ руку Кльткиной.*) Конченъ терновый путь мой.... опочію теперь на лаврахъ.... Пойдемте, мамочка.... Да!... А куплетецъ-то, Карпъ Силычъ....

Полуда. Какой тутъ куплетъ.... Вѣдь мнѣ надо еще хлопотать... Ужъ я не отмѣню спектакля.... попрошу только у публики извиненія.... (*Публикѣ.*) Извините! скажу....

Пустярнакъ. Ахъ, ты механикъ! Развѣ такъ надо? Ты вотъ какъ, подойди, раскланяйся да и скажи, какъ я публикѣ: Мамочка! не взыщите.... чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.... Если вамъ, мамочка, очень понравилась наша старуха.... такъ въ слѣдующій спектакль мы ее вамъ представимъ.... а теперь ужъ будьте того.... (*Въ это время входятъ артисты, участвующіе въ дивертисманѣ, въ костюмахъ.*)

А! вотъ и наша труппа... И ужъ одѣта очень кстати! (*Кльткиной.*) Мамочка! рекомендую.... Ну, мамочки! Я вотъ выхожу за мужъ, то есть что я вру — жениться хочу, такъ вы ужъ, на прощаньи, потѣшьте мою мамочку, покажите всю свою удаль и въ пѣніи и въ пляскахъ, а мы вамъ похлопаемъ.

—

(*Садятся съ Кльткиной къ сторонѣ. Полуда каждаго артиста имъ представляетъ, называя по имени. Дивертисманъ.*)

10764

[illegible] ИМЕНИ А. Н. ПУШКАРЕВСКОГО

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуарѣ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 *№№* „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которыя подписались-бы на „Пантеонъ“ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ *перваго нумера* и *со всѣми приложеніями*.

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 1848 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ въ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой журнала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*